

МАРИК
ЛЕРНЕР

ДОРОГИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА

ДОРОГА К НОВОЙ ЖИЗНИ

ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ

Марик Лернер

Дороги в неизвестность

(сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18800167

Дороги в неизвестность: Дорога без возврата. Дорога к новой жизни.

Дорога на землю: сборник / Марик Лернер: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-100194-0

Аннотация

Появившиеся пришельцы вовсе не собирались захватывать Землю. Не учили правильно жить и не дарили замечательные технологии. Они излечивали безнадежных больных, и человек или его заместитель обязан был отработать неизвестно где оговоренный заранее срок. Мало кто возвращался, да и не помнили ничего. Потому решались не все. Иногда у тебя отсутствует выбор. Спасти мать? Разве можно иначе! И пусть впереди неизвестность, но люди не изменились ничуть со времен мамонтов и дубинок. Кто попытается загородить путь – пожалеет. А если за твоей спиной встает Клан оборотней, вас не остановить ни магии, ни пулеметам.

Содержание

Дорога без возврата	4
Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	48
Глава 4	77
Глава 5	96
Глава 6	115
Глава 7	144
Глава 8	157
Глава 9	182
Глава 10	208
Глава 11	224
Глава 12	285
Глава 13	314
Глава 14	352
Часть вторая	382
Глава 1	382
Глава 2	406
Глава 3	429
Глава 4	451
Глава 5	475
Конец ознакомительного фрагмента.	503

Марик Лернер

Дороги в неизвестность

Дорога без возврата

Часть первая

Алексей

Глава 1

Вербовка в неизвестность

– Следующий, – прозвучало из динамика под потолком. Я перестал разглядывать свои плохочищенные ботинки, встал с пластмассового стула и, чувствуя спиной взгляды троих очередников, зашагал к двери кабинета. Сборище было еще то: сублильный интеллигент в очках и в костюме-тройке, второй – явный представитель рода прибалтийских, с вытатуированными на руке перстнями, и замученная тяжкой долей, изрядно побитая жизнью мамаша лет сорока. Говорят, раньше очереди были огромные, но постепенно ажиотаж спал. Теперь приходят только те, кому позарез нужно. Я

толкнул дверь без таблички и вошел.

– Садись, – сказал развалившийся в самом обычном офисном кресле с колесиками карлик. Вообще-то это был не урод, а мужик нормального телосложения, в изрядном возрасте (если судить по морщинам на лице), просто ростом, что называется, метр с кепкой. – Ну, что у нас тут, – пробормотал он, забирая заполненный бланк и папку с историей болезни. Он начал читать, быстро перелистывая страницы, время от времени останавливаясь и тихонько матерясь по поводу по черка врача.

Я украдкой разглядывал кабинет, пытаюсь увидеть хоть что-то странное. Но ничего оригинального здесь не было. Обычный стол, полки у стены, на которых стояли канцелярские папки, и совершенно стандартный экран компьютера с надписью на задней стенке про тайваньское производство. За окном сквозь стекло прекрасно виден такой же привычный кондиционер.

– Ну что, – сказал карлик, – саркома легких. Последняя стадия. Метастазы, химиотерапия эффекта не дала. Больная неоперабельная. Почему вы всегда приходите в последний момент? Вам же дороже обойдется. Впрочем, вопрос риторический. Брошюру читали?

– Да, – ответил я неожиданно осипшим голосом. Прокашлялся и повторил: – Да.

– Вот и хорошо, – пробурчал карлик. – Значит, о вариантах оплаты в курсе. И что выбираете?

– У нас нет таких денег. Так что и выбора нет.

– Выбор есть всегда, – наставительно ответил тот. – Можно повернуться и уйти. Это дело добровольное. Нет?

Я промолчал. Сам, козел, прекрасно знает – кто не хочет, тот и не придет.

– Ну что ж. Сейчас пройдешь в конец коридора на осмотр. Там на дверях кабинета написано «Медицинская проверка». Посмотрим, на что ты годишься. Там у тебя будет последняя возможность отказаться. С того момента, как мы займемся твоей матерью, дороги назад уже не будет... Это понятно?

– Да, – снова односложно ответил я.

– Вот и ладненько. Это твое направление, – быстро черкая что-то на листке бумаги, сказал карлик. Можешь идти.

Я вышел и зашагал по коридору, не оборачиваясь на заинтересованно посмотревших очередников. У каждого свои проблемы, и здесь не экзамен, чтобы подсказывать. На ходу попытался прочитать, что написано в направлении, но там, кроме моих фамилии и имени, напечатанных по-русски, все было заполнено непонятными иероглифами. Дойдя до последней двери в коридоре, постучался и, приняв неразборчивое бурчание, раздавшееся оттуда, за разрешение, вошел.

В кабинете несколько длинноногих девиц в белых халатиках и шапочках гоняли чай с бубликами и моему появлению не сильно обрадовались.

– Поесть спокойно не дадут, – совершенно не стесняясь, заявила одна из них в пространство. Другая скривила симпа-

тичную мордочку и встала. Вблизи она смотрелась как мечта прыщавого пятнадцатилетнего школьника, соскочившая с обложки «Плейбоя»... Роскошная грива золотистых волос, высокая грудь, тонкая талия и длиннющие ноги. Вот только лицо нестандартное – совершенно европейского типа, но при этом разрез глаз восточный, что не всем нравится... По мне же, смотрелось очень ничего. Экзотика. Евро-азиатский смешанный вид.

– Давай, – сказала она, протягивая руку.

Я послушно протянул направление.

– Так, – сказала она, – стандартная проверка без особых запросов. – Обе ее подружки захихикали. – Ложись на кушетку и расслабься.

– Раздеваться?

– Не надо, и так сойдет.

Я лег и вытянулся.

– Молодец, теперь придется слегка потерпеть. – Тут она неожиданно ткнула пальцем мне в лоб. Впечатление было такое, что слабо долбануло током, и я невольно дернулся.

– Все, все, – успокаивающим тоном сказала она. – Теперь ничего такого не будет, можешь расслабиться и закрыть глаза. – При этом она водила руками вдоль тела, не касаясь его, и я чувствовал тепло в том месте, где находились ее ладони. – Минут десять придется полежать...

Собственно, ничего нового для меня во всем происходящем не было. И в первом кабинете, и здесь все шло по нака-

танной процедуре, многократно описанной и обсосанной в Интернете на соответствующих форумах. Прежде чем прийти сюда, я долго изучал все материалы, доступные нормальному человеку, и пообсуждал на тематических форумах возможности и последствия. Белое пятно – никто ничего толком не знал и сказать не мог...

Все началось лет десять назад. Когда в газетах поднялся очередной шум про пришельцев на суповых тарелках и прочих кастрюлях, никто не думал, что из этого получится. Сейчас противно вспомнить, как с приятелями смеялся над глупыми слухами и страшилками. Как мы ржали по поводу паники в США. Потом выяснилось, что пришельцы существуют вовсе не в воспаленном воображении желтой прессы, и хотя и не летают на тарелках, а применяют при посещении то, что в фантастике называется телепортацией. Вот только вели они себя совсем не как в фантастических книжках.

Они не пытались ни захватывать Землю, ни, дружески поглаживая человечество по голове, делиться с ним высокими технологиями и глубокой мудростью. Они даже не прислали посла в ООН с верительными грамотами и большими полномочиями. Собственно, им не было никакого дела до земной политики. Они пришли торговать. Практически во всех столицах земных государств, кроме совсем уж маленьких Лихтенштейнов, были открыты торговые миссии. При этом опять же демонстративно работали на частном уровне и с го-

сударственными структурами старались дела не иметь. Так, во всяком случае, считалось. Что там творилось под ковром – в куче различных газетных заметок и конспирологических теорий разобраться обычному человеку было сложно. Со всем уж не общаться с правительствами – это вряд ли.

Вот тут и стали выясняться очень любопытные вещи. Пришельцы пользовались тем, что за неимением нормально-го термина очень быстро назвали магией. При этом никаких видимых эффектов вроде молний и заклинаний не наблюдалось, но результат определенно был.

Самое интересное, что они четко разделялись на три вида, моментально получившие у людей названия, – эльфов, гномов и орков. Только гномы были не гномы – без бород, топоров и желания работать в шахте. Сидели они в основном в конторах и решали административные вопросы. Вот рост у них и вправду был метр двадцать – метр пятьдесят. Выше пока еще никто не видел.

Эльфы тоже на классических мало походили. Монгольский разрез глаз и совершенно нормальные уши. Вот только по Интернету ходил якобы секретный доклад о наличии у них, по сравнению с нормальным человеком, двухсот тридцати пяти улучшений на биологическом уровне, причем генетический код у них был даже ближе к человеку, чем у шимпанзе. Более того, многие ученые считали, что все эти улучшения организма – начиная от переваривания пищи и кончая большей силой, в результате чего даже девушка мог-

ла при желании сделать отбивную из боксера тяжелого веса, – следствие искусственного вмешательства. И им не более нескольких сотен лет, а происхождение вполне человеческое, вплоть до возможности иметь общих детей, что еще больше напускало тумана в вопросе, откуда они взялись. Наличие на других планетах абсолютно таких же особей было достаточно сомнительным делом.

В принципе ничего странного в том, что кого-то из них отловили и тщательно изучили, не было. В первый год было несколько громких похищений и убийств. Потом такие случаи резко сошли на нет. Неведомыми путями они очень быстро узнавали, кто это сделал и где содержат пленного или тело. После чего всех причастных находили мертвыми. Были случаи, когда целые институты вырезали подчистую, несмотря на охрану. А доказать так ни разу ничего и не смогли. Электроника не работала, немногие свидетели ничего не помнили.

Восемь лет назад торговая миссия в Исламабаде подверглась массированному нападению тамошних экстремистов. Нападение снимали с нескольких точек, благо сегодня каждый таскает при себе мобильник с камерой, и кадры уже через несколько минут попали в Интернет. Хорошо было видно, как внезапно упали вооруженные до зубов люди, пытающиеся ворваться в дверь. Потом из здания вышел эльф, и в радиусе пятисот метров от него умерли все. И люди, и животные, и птицы. Даже аквариумные рыбки в домах, как вы-

яснили позже. Несколько тысяч погибших, включая множество совершенно посторонних людей, которым сильно не повезло. Причем тела были похожи на пролежавшие несколько столетий мумии. На претензии пакистанских властей эльфы очень вежливо предложили сначала обеспечить безопасность миссии от тамошних идиотов, а потом доказать, что именно она имеет отношение к этим смертям. Ну, вышел их товарищ подышать свежим воздухом... покажите, как он убивал всех вокруг. На закуску пообещали еще и закрыть свое представительство. После этого если и были попытки нападения, то СМИ о них ничего не писали.

Третьим видом пришельцев были орки, которые даже внешне не были похожи на нормальных людей. С жуткой мордой и клыками в пасти, с кожей красивого зеленого цвета, общего для всех, включая женщин. Вид у них был как у накаченных бандюганов, но без положенных по роли ятаганов. Вместо них при необходимости вполне профессионально использовали полицейские дубинки и пистолеты. В основном они исполняли роль охраны и вышибал, неоднократно фиксировалось, как в одиночку орки прошибали стены и переворачивали грузовики. Очень похоже, что демонстрации эти проводились специально, чтобы лишних глупостей у посетителей в головах не бродило.

Так что вроде бы все выглядело очень просто: гномы – торговцы и администрация, эльфы – волшебники и врачи, орки – охрана. Но это только с виду все просто, внутренние

отношения за закрытыми дверями постороннему наблюдателю не понятны. На этот счет существовала масса теорий и контртеорий. Кто кем командует и кто на что способен – никому не было точно известно. Поговаривали, что есть еще и четвертый вид, который не показывается из-за негуманного облика, но всем заправляет.

Зато всем очень скоро стало известно, что именно можно было получить у пришельцев. Здоровье. Они вылечивали практически любого больного, от которого отказывались врачи. СПИД, рак, последняя стадия диабета или замена органа, вплоть до сердца, – все было им по силам. У людей вырастали новые руки и ноги, ампутированные даже давно. Процедуры омолаживания и восстановления утраченных способностей, разные болезни вроде Альцгеймера и прогрессирующего склероза шли на ура. Ходили упорные слухи, что можно было поменять не только пол, но и все тело, вплоть до отпечатков пальцев... Проблема только в оплате! Стоимость подобного лечения такова, что ее могли себе позволить лишь очень богатые люди.

Цены, впрочем, варьировались в зависимости от страны и уровня жизни. Поначалу особо ушлые пытались съездить в какой-нибудь Берег Слоновой Кости, чтобы меньше заплатить, но очень быстро стало ясно, что эльфы проверяют данные, и гражданину другой страны назначают совсем иные расценки, чем местным.

А вот для бедных действовал другой прейскурант. Суще-

существовал контракт, который мог подписать больной либо его родственник. Подписывая обязательство – на срок от трех до десяти лет, очень редко больше, в зависимости от тяжести болезни, – человек обязывался отработать в неизвестном месте, где должен был неизвестно чем заниматься весь срок. Разрыв контракта раньше времени не предусматривался. Это очень походило на рабство. Зато оговаривались страховые суммы на случай инвалидности и смерти. Через некоторое время, после шума в газетах, инвалидность в контракте сменили на бесплатное лечение, но зато снизили компенсацию за смерть.

Торговые представительства очень четко платили все положенные налоги и разные прочие коммунальные услуги. В случае повышения расценок они просто перекладывали разницу на плечи желающих лечиться. Дважды, из-за желания подоить их сверх стандартной таксы, в Зимбабве и Венесуэле, они просто закрывались, что не очень хорошо отражалось на популярности правительства.

В нищих странах достаточно много людей, готовых добровольно продаться в кабалу. По возвращении они могли получить очень неплохие деньги по местным меркам. Особенно большой наплыв желающих возник, когда стали возвращаться первые из ушедших. Появилась уверенность, что это не билет в один конец. Вот только возвращенцев было – один на десяток, и они не помнили абсолютно ничего. Память об этих годах у бывших контрактников стерта абсолютно. Они

помнили, что было до ухода, а потом с момента возвращения. Что же произошло с ними в промежутке, не могли восстановить даже лучшие врачи с гипнотизерами – а они старались и на частном и на государственном уровне. Тем не менее, шанс вернуться с приличными деньгами был, и достаточно большой. Уж точно выше, чем в лотерею выиграть миллион.

В Интернете рассказывали байки, что всех осужденных пожизненно отправили в неизвестные края, чтобы полечить членов правительства. Это сильно напоминало старые рассказы про отправленных на урановые рудники, но совершенно точно было известно, что в Африке многие уходили целыми племенами. По этому поводу никто, кроме правозащитных организаций, особо не волновался. Да и разные «амнистии интернейшенел» последнее время поутихли. После того, как больше десятка борцов за права человека пропали бесследно, а нескольких беженцы забили насмерть на глазах у всего лагеря в Судане, желающих выяснить, куда они деваются и чем оплачивают, изрядно поубавилось. Уходят и уходят – их личное право идти, куда они пожелают. Права человека – дело святое, и нарушать их нельзя. Тем более что сразу в нескольких государствах начались очередные трайбалистские разборки, и проигравшие бежали в миссии пришельцев сотнями и тысячами.

Собственно, похожая ситуация с уходом в неизвестность имела место во многих странах, но все-таки на такой шаг

шли те, кому терять было нечего, или помирающие от голода и болезней.

Со временем пришельцы укрепились как в имущественном смысле, так и в различных сферах деятельности. Если сначала они снимали обычную контору, то теперь уже в каждой стране у них был собственный автономный квартал с жилыми и офисными домами, с больничным корпусом, с техническими службами и магазинами, где работали на обслуживании обычные люди за приличную зарплату.

Спустя пару лет после прихода пришельцами на паях с известными фирмами в США были построены несколько пробных предприятий по переработке бытовых отходов. Технология достаточно сложная и базировалась на нескольких видах активных микробов, которые жрали все эти пластиковые бутылки, выброшенные вещи и упаковочные материалы, за милую душу расщепляя их на отдельные элементы периодической таблицы. Потом освоили и промышленные отходы.

Все, от чего человечество мечтало избавиться, включая химические отходы производства, горы автомобильных покрышек и разный строительный мусор, шло в переработку. На выходе получали различные металлы, химреактивы – и именно это и забирали в качестве своего дохода. Чистые кислород, углерод, водород, азот и так далее поступали в атмосферу бесплатно. Даже при всей своей сложности, переработка обходилась дешевле, чем раньше, и исчезла необходи-

мость в огромных свалках. Началось триумфальное шествие новой компании по земному шару. Заводы, как грибы, росли во множестве стран. Зеленые были в восторге.

Концерн ЭГО (Эльфы-Гномы-Орки) очень скоро набрал огромный вес. В свою инопланетию они вывозили только людей и чистые металлы с драгоценными (ни в коем случае не искусственными!) камнями. Еще малыми порциями породистых животных и растения. Деньги, и немалые, постоянно вкладывали в перспективные отрасли. На Земле закончился затянувшийся период стагнации. Начался бурный подъем биотехнологий, и государства усиленно вкладывали деньги в научные разработки, стремясь обогнать соседей.

Поскольку пришельцы не собирались делиться с землянами своими методиками лечения, из крови и других органов вылеченных людей стремились создать новые лекарства и сыворотки. Иногда это даже удавалось, хотя и не с таким замечательным результатом. Так что и медицина получила ощутимый толчок, тем более что теперь с ее плеч сняли множество безнадежных больных. В страховой сфере тоже настал изрядный бум. Теперь взносы значительно выросли, но зато страховая компания обязывалась оплатить лечение ранее безнадежных больных у эльфов.

В очередной раз прибавилось работы спецслужбам и армиям самых разных государств. Появилась масса разных сект и психов – как молящихся на пришельцев, так и проклинающих их. Этих регулярно сдавали земным спецслужбам

бам представители ЭГО, получающие информацию из неизвестных источников. Очень может быть, что они брали не только деньгами, но и определенными сведениями. Теоретически ведь за здоровье или продление жизни можно купить любого. Если не у него, так у жены или ребенка всегда что-то найдется.

Кроме того, надо было ведь следить за пришельцами и, если удастся, спереть у них какие-то особо нужные для оборонспособности секреты. Электроника тоже продолжила развиваться рекордными темпами, потому что очень быстро выяснилось, что она моментально отказывает при попытках слежения за пришельцами. Заработали целые научные институты, стремящиеся найти причины отказов и обойти их.

Так что даже притом, что ЭГО категорически не желал делиться с человечеством своими достижениями, экономика и наука Земли получили изрядный толчок и начали набирать ускорение.

– Все, вставай, – сказала эльфка.

Я вздрогнул и сел. «Задремал, что ли?» – подумал с недоумением. Даже не заметил, когда остальные вышли.

– Ну что, – забираясь в кресло с ногами и демонстрируя мне голые колени, сказала она, – физические показатели в норме, мозги вроде тоже на месте. У некоторых обследуемых они явно отсутствуют. У тебя тоже вероятность имела. Боксом занимался?

– Кандидат в мастера спорта, только это еще до армии было.

– Оно и видно, – что-то быстро черкая в бумагах, сообщила эльфка. – По голове тебя били неоднократно, но ничего серьезно не повредили. Нога сломана в детстве, но срослась нормально. Продолжаешь посещать спортзал?

– Иногда.

– Это хорошо, – продолжая что-то писать, сообщила она. – Никаких посторонних предметов в теле, износ организма приблизительно соответствует возрасту. Диск принес?

Я торопливо достал компьютерный диск в пластиковой коробке из кармана куртки. Эльфка вставила его в компьютер и с бешеной скоростью замолотила по клавишам.

– Ага, – довольным тоном сказала она. – Можешь глянуть, – она повернула экран.

Попасть в ЭГО на прием с улицы нельзя. Для начала надо зарегистрироваться на сайте компании и сообщить о причинах посещения. После этого прибывала анкета (в моем случае аж на трехстах страницах!), которую надо было заполнить и отправить обратно на «мыло». Дубликат сохранялся на диске, который требовалось принести уже во время приема. Вот этот диск она сейчас и проверяла. На экране была надпись о сверке и полном совпадении присланной анкеты с данными диска.

– Зачем это нужно? – с недоумением спросил я. – Я что, буду отвечать на вопросы по-разному?

– Может, захотел что-то исправить, – это допускается, ведь анкету надо заполнять максимально честно, о чем и предупреждают сразу. А может, кто-то поигрался с твоими данными. Время от времени разные недоумки пытаются залезть к нам в базу данных. Проверка должна быть.

– И что за интерес знать, умею ли я пришивать пуговицы и не ездил ли за границу?

– А ответ на вопрос «Приходилось ли тебе убивать, и что ты при этом чувствовал» тебя не удивляет? – насмешливо спросила эльфка. – Раз спросили, значит, это кому-нибудь нужно. В данном случае, нам, чтобы знать, как тебя использовать. Написал правду, облегчил себе в будущем жизнь.

В Сети уже давно говорили, что посылают их всех воевать (потому и попадают такие странные вопросы) и возвращаются не многие. Зато хорошо было известно, что анкеты проверяли, и, если ловили на вранье, отвечали отказом на просьбу, причем так и писали: «А нечего врать, если обращаешься к нам! В дальнейшем можешь не трудиться, отказ последует автоматически». Так что все старались придерживаться правды в ответах, тем более что конкретных данных – сколько, в каком месте, скольких человек ты убил, и как звали покойников, никто не спрашивал.

– Значит, так, – сказала эльфка, выкладывая на стол стандартный бланк контракта. – Согласно правилам компании, я обязана предупредить тебя, что ты имеешь полное право сейчас встать и выйти. Никто тебя удерживать не собирает-

ся, больно нам надо...

Я отрицательно покачал головой и стал ждать продолжения.

– Если ты согласен на стандартные условия, то срок тебе десять лет, согласно сопроводительной справке, уж слишком запущенная ситуация.

– Где расписаться?

– Вот здесь и здесь. Теперь еще одно маленькое дельце... – Эльфка вторично резко ткнула пальцем мне в лоб. – Знаешь, зачем?

– Да. Если не вернусь, остановится сердце.

– Это ваши человеческие сказки. На черта ты нам сдался, можешь не возвращаться. Ты ведь платишь за мать. Так ее как вылечили, так и обратное устроим. А это просто вроде сигнализации, чтобы найти можно было. Некоторые на радостях так напьются или наширяются, что потом их приходится искать.

Она сняла телефонную трубку и что-то сказала на неизвестном мне языке.

– Ну, все. Внизу тебя ждет «Скорая помощь». Назовешь им свое имя и покажешь, как проехать. Документы будут в больничном покое в регистратуре. Обычно лечение занимает три дня, день на прощание. На пятый должен стоять на проходной в девять утра. Если вдруг выздоровление затянется – не проблема, позвонишь по телефону, – она вытащила из ящика стола визитку с одним номером, без имени и долж-

ности. – Братъ с собой можешь все, что хочешь, хоть атомную бомбу, но не более сорока килограммов. Все понятно?

– Да.

– Вопросы есть?

– Два года назад через вашу контору прошел Рафик Каримов. Если возможно, мне бы хотелось...

– Это понятно, что тебе бы хотелось, – перебила она. – Сейчас проверим, – эльфка снова застучала по клавиатуре.

Мы познакомились с Рафиком в учебке. Москвичей в армии всегда не любили, и не сказать, чтоб совсем уж без причин – слишком многие норовили закосить... И слишком многим московская жизнь представлялась каким-то подобием рая в сравнении с ихними Нижними Усть-Урюпинсками. Так что устроить черную жизнь нам желающие всегда находились и среди «дедушек» российской армии, и даже среди офицеров. Очень быстро мы с Рафиком прибились друг к другу и стали единым фронтом отбрыкиваться. Он тоже был мальчик не подарок и дать в лоб мог запросто.

Теоретически Рафик был татаринoм, но уже пятое поколение семейства, начиная от далекого предка, приехавшего в Москву еще до революции и работавшего дворником, проживало в городе, и из татарских слов он знал только парочку нецензурных эмоциональных выражений, употребляя их исключительно, когда надо было отправить очередного «деда» в правильном направлении. Русский для этого подходил

больше, но почему-то он посылал именно на татарском. Где находится мечеть, знал точно так же, как я знал, где находится церковь. То есть мог указать дорогу, но внутри ни разу не был. Короче, нормальный парень, при родителях инженерах, с остатками советского воспитания.

Потом мы вместе попали в одну часть и так и корешились почти полтора года, вставая грудью на защиту демократических ценностей на границе Грузии и Чечни, пока наш бэт-эр не подорвали местные джигиты. Дело было вполне житейское, несмотря на полный мир, провозглашаемый по телевизору. Я отделался легким испугом, улетев в ближайшие кусты, двоих размазало насмерть, а Рафику размозжило обе ступни, да так, что одна висела только на коже. Проблема была в том, что связи со своими не было, а как поведут себя аборигены при виде нас, неизвестно еще. Район был не сильно спокойный. Почти сутки я тащил Рафика на себе, и вытащил, вот только отрезали ему обе ноги почти до колен.

Через несколько месяцев я дембельнулся и зашел его проведать. Изрядно поддатый, он сообщил, что собирается к эльфам в гости. Отговаривать было глупо, тем более что, похоже, пил он без просыпу, и хорошо еще, не допер перейти на наркотики. Остаться в двадцать лет без ног, на мизерной пенсии, и не понятно, что делать и как жить дальше, это, скажу вам... А еще через полгода он ушел с восьмилетним сроком. Тогда я впервые и стал выяснять, чем это пахнет, не подозревая, что еще через пару лет самому понадобится.

– Есть такой, ампутация нижних конечностей, – сообщила эльфка через несколько минут. – Мина. Срок – восемь лет. Живой и вполне устроенный. Очень похоже, что возвращаться он не собирается даже после конца срока. Ага, ага... а вот здесь... Ты где служил в армии?

Я назвал.

– Вот видишь, а ты еще спрашиваешь, почему так много вопросов. Назвал он тебя в анкете в числе ближайших друзей. Так что хоть уверенность существует, что вы с ходу друг друга резать не начнете. Мало ли по каким причинам разыскиваешь, может, девчонку не поделили. Шучу. Не бери в голову. Ладно, – дернула она бровью, – обещать тебе ничего не могу, но ты все равно по тому же адресу отправляешься. Так что ему передадут про старого приятеля. Сам должен понимать, люди меняются со временем, может, он и не горит желанием с тобой общаться.

– Спасибо.

– Да не за что, – отмахнулась она. – Можешь даже позвонить его родителям и сказать, что с Рафиком все в порядке. Мол, хитростью выманил данные у глупой секретарши. Официально мы никогда ничего не сообщаем, но если погибает, всегда выплачиваем компенсацию наследникам, указанным в контракте. Так что пока извещение не пришло из банка – жив. Но родителям будет приятно узнать, что он в порядке, тем более что его компенсация не касается. Он за ноги отрабатывает. Все, – развела она руками. – Можешь ид-

ти, раньше сядешь – раньше выйдешь...

Глава 2

Прибытие

Три десятка мужчин и женщин разного возраста – от пятидесяти до двадцати – торопливо шагали один за другим в черную мембрану. Каждый тащил на себе вещи. Кто чемодан, а кто баулы «мечта челночника». Вещи сдали на склад сразу по прибытии и получили только перед переходом. Люди в большинстве были не выспавшиеся, кое-кто вообще не слишком соображал, что происходит. Первые прибыли еще две недели назад и ждали, пока соберется вся группа. Делать было нечего, поэтому гуляли по принципу: последний день живем и терять нечего. Пили, пока не кончились деньги, потом перешли на одеколоны и все что может гореть. Обслуживающий персонал из людей охотно менял вещи на выпивку, причем цены, естественно, были грабительские. Заодно в каждом темном углу раздавались женские визги и охи.

Когда всех подняли с кроватей и стали стонять в зал отправления, сборище больше всего напоминало съезд вампиров с бомжами. Красные воспаленные глаза, опухшие рожи, и одеты в какое-то грязное тряпье. Впервые за все время появились орки и, не особо церемонясь, гнали пинками: «Быстрее, быстрее!» Кто-то заорал про отсутствующий чемодан, судя по звуку, получил по шее и заткнулся. Не хвата-

ло только громко лающих собак и фразы про «шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте считается побегом». Все остальное присутствовало. Звучала фамилия, человек делал шаг вперед и исчезал.

Когда подошла моя очередь, я шагнул и, преодолев слабое сопротивление мембраны с чувством, будто вывернули наизнанку, очутился в большом зале с огромными стеклами вместо стен и невольно зажмурился от ударившего по глазам яркого света. Прошедшие ранее стояли в очереди к небольшому столику, за которым сидел толстенький человечек. Рядом стоял с совершенно невозмутимым лицом эльф. Люди, миновавшие их, садились на стулья, стоящие у стен, и, тихо переговариваясь, ждали неизвестно чего.

Очередь медленно двигалась. Прямо передо мной двое вяло переругивались, выясняя, кто виноват, что последнюю недопитую бутылку не взяли с собой. Теперь даже поправить здоровье не удастся. Я так толком и не познакомился с братьями по переходу раньше. Все три дня отсыпался, вставая только поесть и в туалет.

Последние месяцы вымотали душу, но финальные дни были хуже всего.

Слишком тяжело приходилось – все висело на мне. Отец совсем сдал, когда стало ясно, какой ценой мать можно вылечить, и потому дежурить у ее койки приходилось одному. Была еще Танька, но она поздний ребенок, у нас с ней разница в десять лет, и я никак не мог это нахальное малолет-

нее дитя воспринимать всерьез и по возможности старался не подпускать не к чему.

Посадил ее к компу и дал задание качать из Интернета все, что в голову придет, целыми библиотеками, имеющее отношение к ЭГО, и любую литературу, хотя бы отдаленно упоминающую о других мирах, включая фэнтези. Единственно – стараться не дублировать одно и то же. Понадобится или нет, все равно узнать нельзя, но хуже не будет. Читал же, что спецслужбы в таких книжках умудрялись находить полезные вещи для себя.

Никто не предупредил, ни как выглядит лечение, ни насколько морально тяжело все это.

Взмаха волшебной палочкой, после которой все, улыбаясь, уходят, не было. Каждый день три сеанса этого непонятного воздействия голыми руками по два часа. При этом дикие боли, которые невозможно полностью снять, и жуткая слабость. Простыни с кровати можно было выжимать, хватило бы на мытье полов в палате. Ко всему еще в первые два дня добавилось совершенно произвольное отправление под себя. Хотя там и были медсестры, но я старался помочь сам, когда требовалось мать поднять, поддержать, чтобы она видела рядом родного человека, а не стандартно-вежливых, которым нет до тебя абсолютно никакого дела.

Мать плакала от бессилия и стыда. На третий день она начала нормально есть, и ей явно полегчало. Даже сама попы-

талась встать, чтобы дойти до туалета. Проверка показала, что все в порядке. Я не успокоился и прорвался к профессору в городскую больницу, где она наблюдалась. Все медицинские бумаги эльфы мне выдали без проблем. Наверняка не первый такой случай, когда родственники хотят убедиться в результате лечения. Профессор посмотрел, пожал плечами и сказал, что еще не было случая, когда после ЭГО человек бы не выздоровел. Другое дело, что иногда они отказываются лечить без объяснения причин. Теперь нужно только хорошее питание и реабилитация после болезни. Деньги за консультацию, тем не менее, он не забыл положить в карман.

Потом я отвез мать домой и побежал к одному из старых знакомых, с которым вместе бегал по границе. Человек дерматовый, но другого варианта все равно не было. В магазине такое не продают, а договорился я сразу, как только стало понятно, что мать берут на лечение.

– Руки класть сюда, – усталым тоном, в котором ясно звучало «Как вы мне все надоели», сообщил человек за столом.

При ближайшем рассмотрении это был не только стол. На верхней крышке стояла большая квадратная пластина черного цвета, где виднелись углубления для обеих ладоней. – Пальцы прокатай, как когда отпечатки пальцев делаешь, – продолжал он тем же тоном, глядя в экран. – Еще раз большой палец левой руки и указательный правой... Уже лучше. Руки вытащил и повторно то же самое. Хорошо. Есть. Подо-

жди минутку.

Где-то под столом зажужжало, и он, нагнувшись, вытащил оттуда плоский кругляш, размером с советский юбилейный рубль, сделанный из того же материала, что и пластина. В центре проделана дырка, а по кругу шли непонятные иероглифы и имя с фамилией на русском.

– Это твое удостоверение личности, – сообщил он все так же монотонным голосом бесконечно уставшего от повторения чиновника. Подойдешь к эльфу, он зафиксирует, и сядь, будет вам общая лекция о поведении и законах. А в дырку вставишь цепочку – и на шею. Терять не рекомендуется. Тут все данные, включая медицинские и банковские.

Эльф деловито намазал тыльную сторону ладони густой и противно пахнувшей мазью, потом прижал кругляш и тихо сказал:

– Терпи.

Боль была как при ожоге, и я невольно дернулся.

– Все, – сообщил эльф и быстро протер место ваткой со спиртом. На руке четко отпечатались иероглифы.

– Как в концлагере, – пробормотал я себе под нос.

– Это не татуировка, но что-то вроде. Не сходит, но и не мешает. Потом сама исчезнет и будет видна только под ультрафиолетовой лампой. Теперь ты не потеряешься. А если у тебя сопрут жизняк или сам потеряешь, – он протянул мне кругляш, – воспользоваться им другой не сможет. Надо предъявить еще и руку. Потом сам поймешь – для на-

ших мест это удобство, а подделать такое могут считанные... хм... эльфы, но они не станут. Иди садись.

Я сидел, с интересом разглядывая в окно деревянную церковь с православным крестом на куполе, когда хлопнула дверь и в зал вошел здоровый мужик под два метра ростом, с бритой головой и телосложением шкафа, в синем, запачканном маслом комбинезоне. Он деловой походкой направился прямо к столику и начал что-то выяснять. Толстяк отмахивался, и очень скоро оба повысили голос. Народ с интересом прислушивался.

– А я говорю, не твое дело!

– А мне чхать, что там написано в твоих идиотских инструкциях, все равно завтра никому не будет дела до них. Некогда мне ждать, пока ты согласовывать будешь, можешь сэкономленные продукты в карман положить.

– А не пошел бы ты!

– Я пойду, – нависая над столом, орал мужик, – только ты еще быстрее пойдешь. Начальник хренов...

К столу подошел эльф и что-то тихо спросил. Потом кивнул и достаточно громко, так что услышали все, сказал:

– Нам же работы меньше, что ты выкобениваешься, Серега?

– Совсем другое дело, – обрадованно сказал «шкаф». – Эй, – обращаясь к залу, заорал он, – кто тут Михайлов?

Я встал.

– Жизняк где? – подойдя, поинтересовался он. – Ага, ви-

жу. В руке не держи, положи в карман и на пуговицу застегни, цепочку потом найдешь. Меня зовут Борис, и Рафик попросил тебя забрать. Бери вещи и пошли. Это у тебя что, винтовка? Может, и патроны с собой есть?

– Есть, – настороженно ответил я. – Девятьсот штук.

– Ну, хоть один предусмотрительный попался, – прокомментировал он. – Патроны здесь не хуже валюты идут. Еще что полезного имеется?

– Ноутбук на три гига оперативной памяти, восемьдесят гигабайт разной полезной информации на жестком диске... на предмет выживания и оружия.

– Может, и художественная литература имеется?

– Много чего есть. Что попадалось, то и качал. Откуда я знал, что понадобится? Все, что про эльфов с разными гномами и вампирами было, скачал, даже если бред сивой кобылы. А больше почти ничего и нет. Немного лекарств на случай первой помощи. Смена одежды и всякая мелочь вроде зубной пасты. Все равно у кого лишнее, свыше сорока килограммов, выбрасывают, как при посадке в самолет.

– А про Рафика как узнал?

– Спросил у эльфки на медкомиссии.

– Вот так просто взял и спросил?

– Вот так взял и спросил, – сердито ответил я.

– Ты не обижайся, – ухмыльнулся он, – но ты первый, который «просто взял и спросил». Может, потому и ответила. А то все больно хитрые и норовят подъехать через левое пле-

что, чтобы почесать за правым ухом. Хотя, может, ты ей понравился, – он повернулся на ходу и подмигнул. При этом я впервые заметил, что у него нет левого уха, а на его месте только шрам. Да не такой уж и молодой он был, за сорок точно. Но при росте под два метра и весе за сто двадцать килограммов жира не было совсем, сплошные мускулы. Это вам не байкер из кино, со здоровым брюхом, этот приложит – голова оторвется.

Разговаривая, мы шли по улице между домами, построенными явно без всякого плана. Дорога извивалась и петляла, иногда возвращаясь назад. В таких случаях Борис шел напрямик, не стесняясь протопать по огородам. Один раз сзади по этому случаю раздался женский крик, и посыпались проклятия по-польски. Поминали курву и чью-то мать. Борис даже не обернулся.

Вся обстановка страшно напоминала захудалый райцентр. Вроде бы новые дома, дерево еще не потемнело, но улица не асфальтированная и после дождя явно превратится в одну большую непролазную лужу. Покосившиеся заборы с выломанными планками и пьяные голоса, доносящиеся из открытого окна. Колодец на улице, у которого стояли две девушки с ведрами, с интересом уставившиеся на нас, и неизменная деталь за заборами – будка для отдыха, мечта дачника. Тут мы неожиданно вышли к реке. Вдоль деревянной пристани стояли несколько неказистых барж, на которых что-то грузили и разгружали. Причем транспорт был самый разно-

калиберный – от телег, запряженных лошадьми, до нескольких грузовиков, среди которых попадались явно ездящие на дровах, как во время войны.

– Вот моя калоша, – с гордостью сообщил Борис, указывая на третью слева, с моей точки зрения, ничем особо не выделяющуюся баржу с интересной надписью на борту – «Рязань». Возле нее сидели двое, моментально вскочившие при виде нас. Плюгавый мужичонка, одетый с претензией на ковбойский стиль, в клетчатую рубаху и кожаные штаны, и конопатая, коротко стриженная рыжая девчонка лет пятнадцати в похожем на Борисов комбинезоне со множеством карманов. На поясе у нее висели нож и наган в потертой кобуре.

Мужичонка плаксиво закричал:

– Ну, сколько можно тебя ждать? Мы ж договаривались!

– Ну, задержался, – пожимая плечами, ответил Борис. – Всего-то минут десять...

– Да? А два часа не хочешь? Чтоб я еще с тобой хоть раз связался!

– Можно подумать, ты в другом месте найдешь дешевле, – ответил Борис и вытащил из бездонных карманов комбинезона что-то завернутое в тряпку. Мужичонка, не разворачивая, ощупал вещь и, пряча в сумку, заявил:

– В другой раз так легко не отделаешься. Я вот как, сказал – сделал. А ты пропадаешь неизвестно где. – Он, прищурившись, уставился на меня. – Что, много прислали?

– Мне только одного, иди прошерсти остальных.

– А хорошая мысль, – ухмыльнулся тот. – Проверю, что они собой представляют. Он повернулся и пошел к грузовику, откуда снова раздался крик. Похоже, на этот раз он искал шофера.

– Можно отправляться, все согласно списку загружено, – доложила рыжая, с интересом глядя на меня.

– Познакомьтесь, – сказал Борис. – Это моя дочка Даша, большая озорница и меткий стрелок. Если сама не застрелит, я оторву голову тому, кто ее обидит.

– Ну, папа, – недовольным тоном сказала та. – Так ты мне всех ухажеров распугаешь. И так все знакомые боятся наедине остаться.

– А это, – ткнул он в меня, – Алексей Михайлов. Старый приятель Безногого. Прибыл сегодня, пока ничего не знает, и попрошу над ним шуток не шутить. Хотя бы временно. На борту еще имеется Спиро, – обращаясь ко мне, – механик. Предупреждаю сразу, в долг ему не давать и не наливать. Давайте, поднимаемся. И так задержались, пора отваливать.

Я сидел на носу баржи и бездумно смотрел, как мимо неторопливо проплывает берег. Совершенно не похожая на корабль, а нечто вроде большого деревянного ящика длиной метров сорок и шириной в семь, баржа могла тянуть, по моим прикидкам, триста-четырееста тонн груза. Ну не моряк я, даже речной. Может, и больше, а может, и меньше.

Мотор не работал, шли мы просто по течению, и скорость

была не больше пяти километров в час. Сначала на левом берегу часто попадались кучки домов и огороды, к обеду их стало совсем мало, а потом и вовсе пропали. Заросли кустов вдоль реки становились все гуще, а деревья попадались все чаще. Похоже, ближе к городу их изрядно повырубили на строительство. Приятно грело солнце, с виду вполне похожее на земное, и летали какие-то птички. Издалека не разглядеть, но вроде вполне нормальные.

Один раз к берегу подошли олени и начали пить, время от времени поглядывая на баржу. Тоже вполне обычные с виду. Этих оленей даже на Земле несколько десятков видов, а я не зоолог, чтобы разбираться. Рыба в реке явно была – тени в воде, разбегающиеся в стороны от носа баржи, постоянно мелькали, но никто не выпрыгивал на палубу с жутким ревом, и никакие жукоглазые чуды-юды не выскакивали из кустов с бластерами наперевес, и никто даже не пытался взять на бордаж медленно телепающую баржу. Оно, конечно, хорошо, но как-то странно. Какой был смысл переправлять меня сюда? Чтобы прокатился по реке?

Шлепая босыми ногами, подошла и села рядом Даша.

– Держи, – сказала она, протягивая пару бутербродов. – Уже полдень, а ты наверняка с утра не ел.

Я благодарно кивнул и вгрызся в большой ломоть черного хлеба с куском вяленого мяса сверху.

– Итак, – прислонившись к стенке, сказала она, ехидно улыбаясь, – переселенцам обычно читают лекцию на тему,

что вокруг происходит и куда вы попали. Всем одно и то же. Я так поняла, что папка тебя раньше времени забрал и ты в большом недоумении. Вы все каких-то ужасов ждете. Не то космические войны, не то работа в шахте кайлом. Для начала скажу: мы находимся на планете, которую общим голосованием первопроходцев именуют Земля-2. На самом деле никто так не говорит, только в официальных бумагах пишут. Планетные проблемы это не про нашу честь, нам бы устроиться нормально, и то хорошо.

Она взяла меня за руку и глянула на часы.

– Они у тебя электронные? Можешь сразу выкинуть. Здесь продолжительность суток двадцать четыре часа двенадцать минут и сколько-то там секунд. Механические еще как-то переделывают, а это барахло никому не нужно. Никогда не знаешь, отчего сдохнут и когда. С электроникой тут вообще что-то странное. Есть места, где нормально работает, а есть, гдедохнет моментально.

Даша наморщила лоб, задумавшись на миг, а потом продолжила персональную лекцию:

– Ну, еще по мелочи, – в году триста шестьдесят дней, сила тяжести на ерундовые пару процентов меньше, состав воздуха тоже на какие-то не особо значимые доли процентов отличается. В общем, все в пределах нормы, на здоровье не влияет. Природа и животные вполне соответствуют земным. В нашей Зоне – так средней полосе России вперемешку с южной Канадой. Есть, правда, такие животные и растения,

которых там нет, и наши высоколобые долго спорили: то ли они просто давно вымерли, то ли это какие-то местные эндемичные виды. Так и не договорились. Такое впечатление, что обе планеты под копирку делали, она просто местами слегка сдвинулась, пока контуры обводили, но не принципиально. Человеку вполне комфортно.

Проживаем мы в славянской Зоне, которая тянется вдоль реки. Кстати, Дунай называется. Здесь полмиллиона русских, поляков, болгар, украинцев, белорусов и прочих славян и, как приправа, бывшие жители СССР, говорящие по-русски, включая разных татар и калмыков. То есть точной цифры никто не знает – одни приходят, другие уходят или погибают. Вот из Средней Азии и Кавказа переселенцев нет абсолютно. Город называется Славянск, но никто его так не называет. Говорят просто: Город или Столица. Других в нашей Зоне, кроме Новой Варшавы, все равно нет, не спутаешь. Есть поселки побольше и поменьше и отдельные хутора.

Зон несколько по разным рекам. Есть испаноязычная, англоговорящая, немецкая, французская и китайская Зоны. Это те, с кем мы дело имеем. Куда добраться по рекам или притокам можно. Как и у нас, там всякий разный народ собран. В испаноязычной – вся Латинская Америка, включая Испанию, и бразильцы с португальцами. И с остальными также обстоит. В английской Зоне кого только нет! И австралийцы с канадцами, и всякие разные проживающие в США,

для которых родной язык английский.

На стандартный вопрос, часто задаваемый вновь прибывшими: «А куда африканцы делись или индийцы? Или вот румыны с итальянцами?», отвечаю: «Особо любопытным говорят, что они находятся на другом континенте». Здесь их три, не считая островов, и пока океанского флота не построили, убедиться нельзя. Но, по косвенным данным, не врут эльфы. Ловим иногда обрывки радиопередач. А вот общения не получается, не то наши хозяева «Глушилки» поставили, не то от Ушедших осталась очередная гадость. В радиусе двухсот километров все нормально, а если дальше – один треск и свист.

– Ушедших?

– А вот это большой сюрприз! – радостно сказала Даша. – Все эти Зоны находятся вдоль рек, текущих с севера на юг, и параллельны друг другу. Не в геометрическом смысле, понятное дело. Вполне естественно изгибаются и подходят друг к другу, где ближе, а где расходятся далеко. Нормальная территория километров на пятьдесят в обе стороны от реки. Пока ты проживаешь и работаешь там, ты не имеешь проблем. Они начинаются, когда из Зоны выходят. На планете раньше существовала цивилизация, которая неожиданно, по совершенно неизвестным причинам, исчезла. Вот только оставила она после себя что-то странное. Ты Стругацких читал, про пикник на обочине?

– Читал.

– Вот вся планета – один большой «пикник на обочине». Здесь такой плотности аномалий, как в книжке, нет. Можно идти неделями, и все будет как на прогулке, а можно нарваться практически сразу. Особенно в районах, где раньше жили. Радиация, химия, биология – все в норме, а человек – покойник. Или он уже не человек вовсе. Это сложно объяснить, такое видеть надо. Некоторые остаются людьми по духу, хоть с виду зверь настоящий. А другие вроде нормальные люди, но моментально вцепятся в горло. Причем изменения прямо на глазах могут происходить. А иногда месяцы проходят, и неизвестно, когда подцепил.

Летать тоже нельзя, все, что поднимается выше ста метров, включая воздушные шары, моментально падает назад с оплавленной дыркой. Спорили-спорили, решили, что со спутников чем-то по таким агрегатам лупят. Причем от рельефа местности совершенно не зависит. Можно спокойно подниматься в горы – все равно сто метров. Вертолетов здесь нет, а самодельные самолеты слишком часто гребились.

– Так птицы же летают, – удивился я, провожая взглядом висящую в небе тушку.

– А тут все сложнее. Птички на своих крыльях вполне могут летать. Если где-то драконы водятся, скорее всего, тоже без проблем. И если что-нибудь искусственное запустить – удар моментально не следует. Какое-то время проходит. Чем больше и тяжелее объект, тем скорее. И от траектории движения тоже зависит. Прямо идет или постоянно вверх – на-

казание последует очень быстро, а если выстрелить из гаубицы или какого миномета, траектория вверх-вниз, никак не реагирует. Лет пять назад ставили опыты. Палили-палили – ноль реакции. Потом запустили ракету на большое расстояние, и она очень быстро свалилась. Говорят, на ПВО похоже, отслеживает искусственные объекты, способные летать на дальние расстояния и представляющие угрозу. С парашюта один раз спрыгнули со скалы, тоже стрелять не стало. Что вниз падает, вроде не интересно. Так что артиллерия возможна, а авиация нет...

Даша сделала паузу и продолжила:

– Зато вне Зоны можно найти разные Вещи. – Она это произнесла именно с большой буквы. – Собственно, наши эльфы за эти Вещи платят очень большие деньги. Больше они ни во что не вмешиваются. Полная свобода, каждый живет, как хочет. Может землю пахать и картошку выращивать, на заводе работать, есть тут и промышленность, а может искать новое и ходить в рейды. Собственно, большинство и предпочитает спокойно жить-поживать. В поиск идут немногие. Слишком большой риск. Ну, что еще? – глубоко вздохнула она. – Сидение на месте полного счастья не дает. Иногда с границы приходит такое, что мало никому не покажется. Могут зажрать прямо на улице Города, так что оружие здесь у каждого имеется, и ведется постоянное патрулирование. Кроме официальных властей еще и по графику ходят. Кто не может, должен платить за замену.

– А зачем это эльфам, нас сюда переселять, если они ни во что не вмешиваются?

– А они с нами не делятся, точно так же как с вами, – фыркнула Даша. – Живут в отдельном квартале и чем занимаются – не понятно. Могут вылечить, могут прислать заказанную вещь за отдельную плату. А зачем людей завозят, не объясняют. Даже почему на определенный срок посылают, а при возврате память стирают, не рассказывают. Да многие и не хотят возвращаться. Зачем, если за эти годы устроились, обжились и семью завели. Ведь и не вспомнишь, что там у тебя дети были.

Девушка задумчиво помолчала.

– Хотя нет, не все так просто, – протянула она. – Вся наша денежная система завязана на эльфов. Наши жизняки – это такой местный вариант кредитной карточки. Вот смотри, – она достала из кармана плоский прямоугольник размером двенадцать на восемь сантиметров из уже знакомого черного материала вроде пластмассы. На лицевой панели кнопки с цифрами и буквами, сбоку вырез. – Это называется счетчик. Вставляешь сюда жизняк, набираешь нужную сумму, и деньги перечисляются со счета на счет. Практически каждый таскает с собой, а уж в магазине обязательно есть. Выдают бесплатно в любом отделении банка, и пользоваться им может только хозяин или работники магазина, но тогда уж нужно зарегистрировать право в банке. Они как-то распознают хозяина и, как и жизняки, на чужого не срабатыва-

ют.

– Ага, вот приставлю я тебе к голове пистолет, – скептически сказал я, – и ты моментально мне все перечислишь...

– И такое может быть. Но, во-первых, сумма больше сотни сразу не пройдет, могут проверить. В магазин обязательно перезвонят, телефонов у нас пока нет вне Города, но в больших поселках, где магазины, кабель протянут для местного Интернета. А с рук на руки такие деньги редко ходят, ты пока наших расценок не знаешь. А во-вторых, такие, с пистолетом, у нас долго не заживаются. Народа мало, все друг друга знают. Оружие тоже у всех. Эти ваши бандюганы очень быстро в переработку идут.

– В смысле?

– В каждом поселке, и что интересно, совершенно бесплатно гномы ставят такой стандартный здоровый кубик – метров двадцать в высоту и тридцать в ширину и длину. При чем именно гномы, никогда эльфы при этом не появлялись. Называется эта штука «черный ящик» или просто «ящик», так как неизвестно, что там внутри происходит. Все знают, что переработка, но никто не знает – как это.

На крыше стоит труба, куда уходят разные посторонние запахи. С одной стороны дверь, куда отправляются все бытовые отходы. С другой – два крана. Из одного течет бензин, а ко второму положено газовый баллон подсоединять. Как только набирается определенное количество, начинается цветомузыка, так что всем понятно: пора брать канистры

и к ящику.

Из ста килограммов отходов получается два литра бензина или один газовый баллон, на котором можно месяц на семью еду готовить. Чтобы открыть дверь, куда спихивают мусор, надо вставить жезл и набить дату. Тебе фиксируется вес, и потом получаешь общую долю, когда сливается бензин и идет газ. Можешь лишнее продать, можешь выпить. Никого не волнует, но больше своего вклада не получишь. Раз в три месяца появляется гном-техник и что-то делает через крышу. Кроме всего прочего он проверяет, чтобы кому-то не взбрело в голову не отходы, а нормальные вещи вроде стволов деревьев туда запихать. За это могут всему поселку отключить ящик. Были такие случаи, так что стараются не баловаться. А вот убийц и всякую дохлятину из-за границы не хоронят, в переработку суют. Так что имей в виду, если кто скажет что-то вроде «тебе место в ящике» или «пора на переработку» – это страшное оскорбление.

– А металл из вашего ящика не получают?

– Ну, кто ж будет совать такие вещи в переработку? У нас каждый гвоздь в цене. Нет, конечно, все больше навоз из-под скотины и разные кости со шкурками от овощей.

У нее за спиной из люка, ведущего в трюм, вылез голый до пояса гном, облокотившись на поручни, он закурил трубку. Даша обернулась и, засмеявшись, сказала:

– Я-то думаю, что ты так вылупился? Это наш механик. Он натурально из гномов будет, и у него какое-то страшно

длинное имя, которое запомнить невозможно. Поэтому он не обижается, когда его зовут просто Спиро. Золотые руки. Из консервных банок соберет рацию. У нас стоят два старых двигателя – восьмицилиндровые дизели ЗИЛ-6451, каждый на сто семьдесят лошадиных сил, – так они как новенькие. Кстати, купить в Зоне можно что угодно, но только то, что производится в соответствующих странах. У нас российско-го или польского с украинским – сколько угодно, а американского нет. В их Зоне наоборот. То есть можно заказать через эльфов, но стоит будет раза в три дороже, чем для местных. Очень патриотично, вот только большая проблема, когда в России не производят какую-нибудь необходимую вещь. Мы приспособились гонять караваны в соседние Зоны – это дешевле, чем заказывать. Заранее заказываем, что нужно, и они не глупее – у нас берут. Есть еще местная промышленность. Эльфы поставили несколько заводов, скупленных по дешевке в перестроечные времена, и перестали обращать внимание на наши дела. Есть большая промзона и все, что с этим связано: угольные карьеры, выплавка металла. Все в малом количестве и довольно дорого, но на нас вполне хватает, и есть возможность расширяться.

Заводские одним кланом живут и большую силу в Городе имеют. Многое из ширпотреба там производится. Если есть какие-нибудь специфические пожелания по сделанным здесь промтоварам – это они с большим удовольствием за отдельную плату. А еще патроны под советское оружие, мест-

ный карабин – копия «Сайги» в разных модификациях и даже с собственным двадцатизарядным магазином, который там не производили, и починка техники.

Даша взглянула на курящего трубку гнома.

– Что касается Спиро, то он пьет, как лошадь. Если не следить, обязательно до белой горячки наклюкается. За это-то его свои выгнали, и он к папке прибился. Они, собственно, все такие, как ваши эскимосы. У гномов какого-то фермента в организме нет, им алкоголь нельзя, моментально спиваются. Они это прекрасно знают и не употребляют. Но бывают отдельные экземпляры, вроде нашего Спиро, как наркоманы, раз попробуют и остановиться не могут. В общине их категорически не терпят и выгоняют пинком под зад.

И не смотри таким задумчивым взглядом, не ты первый об этом подумал. Изгнаннику на мозги блок ставят. Как начинаются вопросы на определенную тему, так он просто отрубается. Может, на Земле и можно что-то сделать, а у нас все на кустарном уровне, домашнего производства. Заказывать что-то у эльфов очень дорогое удовольствие, так что стараемся сами наладить различное производство. Специалисты здесь в цене. Я так поняла, что ты машины чинил.

– Не только машины. Все понемножку чиню.

– Вот и хорошо, устроишься...

Спиро вдруг резко что-то крикнул и показал рукой в сторону берега. Даша вскочила, напряженно всматриваясь.

– Ну-ка, возьми свою винтовку, у гномов глаза не хуже

бинокля, – сказала она. – Где? – обращаясь к Спиру, спросила она.

– Дерево с раздвоенной вершиной видишь?

– Да, – ответил я, – глядя через оптический прицел.

– Левее метров двадцать...

– Ничего там нет.

– Смотри внимательней, он с травой сливается.

И тут я увидел. Фигура была почти человеческая, совершенно голая и жухлого желтого цвета, вся в пятнах как у леопарда, с непропорционально большой головой. В четырехкратный прицел было ясно видно, что глаз у существа не было. На их месте присутствовали большие темные пятна. Он внимательно смотрел на реку, если можно сказать «смотрел» про существо без глаз. Голова явно поворачивалась вслед двигающейся барже.

– Постарайся попасть в голову, – тихим голосом сказала Даша.

Я не стал раздумывать на тему гуманизма. Наверное, ей лучше знать, что это за тварь, и присел на колени, уперев ствол для устойчивости о борт баржи. Приклад ощутимо толкнул в плечо. В последний момент существо резко присело, и пуля угодила ему в то, что у нормального человека называлось бы лбом. Верхнюю часть черепной коробки снесло, и тело рухнуло, дергая ногами в агонии.

Спиро заорал что-то радостное и совсем по-человечески показал большой палец.

– Даже проверять не надо, – сообщил он. – Покойник.

Даша тоже кинула на меня восхищенный взгляд. Я внутренне покраснел, радуясь, что этого не видно. На самом деле промахнулся бы, если бы этот не дернулся. На какие-то сантиметры, но промахнулся бы. В памяти всплыли строки инструкции на тему о том, что при стрельбе через широкий водоем необходимо брать поправку по высоте. На Кавказе, где я служил и стрелял, с большими водоемами проблемы, так что наука изрядно подзабылась. Слишком давно не тренировался. Но не рассказывать же об этом. Правильная репутация меткого стрелка – дело стоящее. А на будущее, необходимо узнать, где у них стрельбище имеется.

– И кто это был?

– Мозгляк. Что-то вроде телепата. Мысли не читает, но всегда точно знает, что человек делать хочет. Ты его заметил, а он уже знает. Ты в него только целишься, а он уже сбежал. Идет сзади и дожидается момента, когда отдыхать устраиваешься. А потом убивает и съедает. Очень опасная скотина. Одно хорошо, всегда одиночка. Обычно их можно свалить только очередью или с далекого расстояния. Видимо, издавка не так хорошо чувствуют. В первый раз вижу, чтобы на реке встречались. Они очень далеко отсюда водятся.

«А он ведь почувствовал, – сообразил я. – Поэтому и пристесть хотел, только поздно. Ничего себе чувствилка работает, метров триста будет до дерева».

– Да, о чем это мы беседовали, прежде чем Спиро за-

орал? – спросила Даша сама себя, снова садясь на палубу. – А! Про деньги. В теории все расчеты через жизнь и банк идут. На самом деле с самого начала прекрасно люди приспособились. Ты мне помогаешь ставить дом, я тебе притаскиваю деревья из леса. Или там патроны дам. Они здесь дорогие. Приблизительные расценки на обмен давно уже установились, хотя и поторговаться можно. Ты – мне, я – тебе. Письменных контрактов нет, на слово верят. Но это ведь обычно мелочевка, нет смысла пачкаться за мешок картошки, чтобы весь поселок знал. Хотя, говорят, что оборот вот такого черного рынка больше половины от официального. Ну вот, вроде все основное рассказала, – с облегчением сообщила она. – Давно столько не говорила. Мы по сменам на руле торчим, а Спиро еще из трюма не вылезает. Стоишь, молчишь. Одно радио вместо собеседника. Может, что еще спросить хочешь?

– А что происходит с переселенцами, если за ними Борис не приходит?

– Да ничего особенного. Сначала им читают лекцию об окружающем мире. Сразу после этого отправляют в Дом приезжих. Это вроде временного общежития. За проживание там какую-то мелочь берут. Каждый сразу по прибытии получает сотню единиц на жизнь. Ты, кстати, тоже. Только это не подарок, через год вернуть обязан. Для нормальной жизни, без особых запросов, требуется в месяц где-то сотни три. Будешь тратить только на еду – на полученное

месяц протянуть можно, пока осмотришься. Всю информацию о приезжих скидывают на общедоступный терминал. Ну, там, профессия, возраст. Первым делом появляются покупатели на разных дефицитных специалистов. Просто молодым и здоровым тоже можно на первое время нормально устроиться. А вот если у тебя диплом по филологии якутов или диссертация о Пушкине – будет изрядно кисло. Сейчас еще ничего, пару десятков в месяц прибывают. Было время, когда тысячами валили, и большие проблемы у людей были. Пособий здесь никто не платит, не смог заработать – имеешь большие шансы помереть с голоду. То, что у нас вместо правительства, только общественным благоустройством и охраной порядка занимается, за счет взимаемых налогов. А все остальное частное. Естественно, появляются разные жулики с обещанием золотых гор и знанием местонахождения очень ценной Вещи Ушедших. Ну, и пьянки, драки, долги – короче, бурлит нормальная жизнь. Кому как повезет и насколько у кого хватает умения, желания и амбиций. Все начинают с нуля, но некоторые тем и заканчивают...

Глава 3

Знакомство с жителями

Я шел по широкой, совершенно безлюдной пыльной улице, иногда оживляемой деловито гуляющими гусями. Собственно, вся деревня представляла собой одну вытянувшуюся

ся вдоль реки улицу. Из-за заборов время от времени доно-силась довольное хрюканье, и возились, зарываясь в пыль, куры. За домами блестел на солнце пруд, в котором стоя-ло стадо коров, непринужденно справляя надобности. Я все еще никак не мог отделаться от ощущения, что нахожусь в Подмосковье. Даже дома были хорошо знакомые – с крыль-цом и наличниками на окнах, с односкатной, иногда с двух-скатной крышей.

На одном из заборов сидела ворона и пристально следила за тем, как я подхожу ближе. Видимо, сделав какие-то свои вороньи выводы о моем поведении, она вопросительно карк-нула, когда поравнялся с ее насестом. Я посмотрел на нее и, пожав плечами и сообщив, что понятия не имею, что ей на-до, зашагал дальше. Ворона слетела с забора и, сев на землю прямо передо мной, требовательно заорала.

– И чего тебе надо? – спросил я. – Жратвы у меня нет.

Ворона наклонила голову набок и, явно выругавшись по-своему, сорвалась с места, уходя на бреющем полете в сто-рону первоначального места.

– Вороны здесь тоже разумные? – спросил я сам себя, по-правил рюкзак и зашагал дальше, шаря взглядом по воротам.

Еще через десять минут я обнаружил приметку, о которой говорил Борис, когда рассказывал, куда мне идти. Очень ре-алистично нарисованного цветными красками пирата. Один глаз у него был завязан черной лентой, но именно к нему он приставил подзорную трубу. В позе было такое напряжение,

что, казалось, из широко раскрытого рта сейчас раздастся крик «Земля!».

Я толкнул калитку и вошел. Дом стоял в глубине двора, радуя взор резными наличниками и картинами на стенах. Очень неплохо было нарисовано, вот только напоминало некоторые картины Дали. Видно, что художник умеет, но в нормальной природе таких зверюг просто не бывает. Хотя, кто его знает, что здесь бывает, а что нет. Может, вот такая помесь обезьяны с крокодилом и с крыльями за плечами совершенно нормальная вещь. А может, галлюцинации местного наркомана.

Вплотную к дому примыкало несколько строений, образуя квадрат, но заглядывать в сараи не тянуло.

– Эй, есть кто дома? – крикнул я в пространство, чувствуя себя идиотом. Еще не хватает, чтобы приняли за вора. Судя по рассказу Даши, могут и пристрелить, а фамилию только потом спросят.

Из двери сарая вышла женщина, причем даже не так – впереди нее вышел огромный живот. Она была явно не то на восьмом, не то на девятом месяце беременности. Прикрывая глаза рукой, чтобы солнце не слепило, внимательно осмотрела меня.

– Я Рафика ищу.

– А ты Леха? «Рязань» пришла?

– Да, – ответил я сразу на оба вопроса.

– А я Лена Штурман. Давай, вещи занеси в дом, помойся с

дороги, я сейчас приду, – распорядилась она и ушла в сарай.

Я поднялся на высокое крыльцо и автоматически вытер ноги о половичок у двери. Внутри изба выглядела гораздо просторней, чем снаружи, и было заметно, что за порядком в ней тщательно следят. Чисто вымытые полы и окна. Мягко, без малейшего скрипа открывающиеся двери. Мебель вся сделана вручную – и стол, и стулья, и шкафы. На полу в спальне, куда заглянул, проходя мимо, лежала шкура медведя. Из деревенского стиля выбивались только две стойки с разнокалиберным оружием. Тут были два автомата Калашникова – один с нормальным деревянным прикладом, а второй с раскладывающимся. Карабин Симонова, «Сайга» с оптическим прицелом и явно сделанный из мосинки обрез. Все ухоженное на вид и готово к действию. Еще несколько мест пустовало.

Душевая и туалет явно пристраивались позже, и выглядели они вполне по-городскому. Не какая-нибудь пошлая дырка, на которую нужно садиться орлом, а честный стульчак с крышкой. А в душе из шланга шла горячая вода, так что вышел я слегка распаренный и вполне довольный.

– Рафик должен вернуться через пару дней, – рассказывала хозяйка, расставляя тарелки. На плите жарилась картошка и котлеты. А на столе уже красовался большой набор овощей и бутылка с содержимым явно собственного производства. Сдвигая в сторону кухонное полотенце, чтобы освободить место для стаканов, я неожиданно обнаружил под ним

пистолет ТТ в потертой кобуре. – Не обращай внимания, – сказала Лена, – я даже в сарай с оружием хожу, потому до сих пор и живая.

Она переложила пистолет на край стола.

– Его и дома-то не было, когда про тебя отстучали из города. Рафик о тебе часто говорил, все-таки это ты его вытащил и потом на себе пер – не бросил. Такие вещи не забываются. У нас имеется радио, но с Городом мы все больше морзянкой общаемся. Так что я сразу к Борису обратилась, ехать в Город не в моем положении, сам понимаешь...

На вид ей было не больше двадцати пяти, и смотрелась очень симпатично. Чистое лицо с курносым носиком, короткая стрижка каштановых волос. Вот про фигуру ничего сказать было нельзя, фигуры там не было. Был только большой живот. Но руки сильные, с длинными артистическими пальцами.

– Там места много раз хоженные, надо просто проводить переселенцев, хотят новый хутор ставить, – продолжала она рассказывать. – Нормальные люди, получив назад ампутированные ноги, очень бережно относятся к своему здоровью, а у него словно шило в заднице. Недельку дома посидит – и снова в дорогу. Рейдер из него получился очень приличный, но муж отвратительный. Впрочем, я знала, на что шла...

Она наконец выключила плиту и стала раскладывать еду на тарелки.

– Ну, долго тебя еще ждать? – спросила Лена, осторожно

усаживаясь на стул и глядя на дверь.

Из темного проема бесшумно выскользнуло маленькое существо. Роста в нем было меньше метра, все покрыто серой шерстью, и только лицо, очень похожее на человеческое, оставалось гладким. Уши круглые и большие, как у Чебурашки, постоянно двигались. А на талии был застегнут кожаный ремень, на котором висели нож и какие-то футлярчики. Собственно, это и была вся одежда странного существа.

– Познакомьтесь, – сказала Лена. – Это Алексей, друг Рафика. А это Зоя, наша домовая – она девочка.

Я обалдело произнес: «Очень приятно» – и пожал протянутую мне маленькую лапку. В этот момент я совершенно точно понял, что ей тоже очень приятно и она хочет, чтобы я помог ей влезть на стул, хотя вслух ничего не прозвучало. Наклонившись, я подсадил ее.

Зоя деловито взяла стакан и выжидательно уставилась на меня.

– Наливай, чего уж там, – сказала Лена. – Ей можно, только в пропорции с весом. Она ведь не маленькая, по нашим меркам – взрослая женщина, давно пора рожать.

Домовая фыркнула, и опять стало ясно, что шутки она понимает, но не наше человечесье дело лезть в ее дела.

– А мне нельзя, я себе водички, – наливая из кувшина, сказала Лена.

Мы чокнулись и выпили. Зоя ела очень аккуратно, пользуясь маленькой вилкой, сделанной под ее руку, и совсем не

маленьким ножом.

– Они не говорят, но прекрасно общаются, а если что-то сказать надо таким тупым, как мы, то руками, как глухонемые, объясняются. Только они этого не любят, – пояснила Лена, умильно поглядывая на Зою. – Вот она и есть настоящая хозяйка. За всем присмотрит, все сделает, починит или скажет, где проблема, если сама не может. Чужим показываться не любит, но лучше любой собаки охраняет. Она как-то видит намерения, и если уж ей человек не понравился, значит, точно что-то с ним не в порядке. И совсем они не так безобидны, как кажется с виду. Могут и убить опасного чужака. Есть у них свои способы.

Подвинув ко мне хлебницу, Лена продолжила:

– Дом и люди в нем проживающие – это их, домовых, собственность. Да, да, именно так. Поэтому защищать свою территорию и своих почесывателей они будут до последней капли крови. Им очень нравится, когда их причесывают. Когда собираются на собственные посиделки – долго и старательно работают гребешком. Наша Зоя, хоть и вредная, но член семьи, ничего не поделаешь, приходится считаться с ее мнением. А вот нового жильца может и отказаться принять.

Зоя довольно улыбнулась и погладила ее по руке.

– И что, в каждом доме домовые живут?

– Нет, они сами выбирают, где и с кем им жить. Рожают не часто, так что в Городе их почти нет, а в многоквартирных домах вообще не селятся. Пару лет маленькие живут с

матерью, а потом перебираются в другой дом. Причем очень придирчиво выбирают новое место жительства. Сами ходят посмотреть на хозяев, других домовых спрашивают. Зато если уж поселятся, никаких проблем с хозяйством – с утра до вечера пашут как заведенные, и ничего им не надо, кроме кормежки и ласки.

Домовая между тем хлопнула третью стограммовку, закусила огурцом и, похлопав меня по плечу, мягко спрыгнула на пол и без прощания удалилась.

– Есть у нас тут один профессор, зоолог с Земли, большой энтузиаст изучения пограничной фауны, – понизив голос, сказала Лена. – Он на домовых слегка сдвинулся и все мечтает о них побольше узнать. А они с ним принципиально общаться не желают. Как появляется, так они моментально исчезают, фиг найдешь. Был бы опасный, давно бы заработал нож под ребра, но они его не трогают, просто прячутся. – И уже нормальным голосом продолжила: – Так он говорит, что домовые положительными эмоциями питаются, а потому всяких скандалистов и алкашей не переносят. Только таких теоретиков у нас полным полно, и никто толком не знает про домовых. А кушают они совсем не воздух, мисочкой с молоком не отделаешься, иногда и выпить не против...

– Спасибо, – отвалившись от стола и чувствуя приятную тяжесть в желудке, поблагодарил я.

– Но-но, – погрозила она пальцем. – Ты, Леха, у нас не гость, а хороший друг. Поэтому простым «спасибо» не отде-

лаешься, собирай посуду, вымоешь ее, а я посижу.

– Так без проблем, – кивнул я и встал. – Это я привычный, могу еще чего по хозяйству.

– По хозяйству – это мы завтра. Сегодня пойдешь, выспишься, у нас еще и сдвиг по времени с Землей, так что отдохнешь. Завтра начну тебя эксплуатировать. Как коня запрягают в телегу, знаешь?

– Нет. Я городской, – ставя тарелки в раковину, ответил я. – Вот машину чинить и ездить, другое дело.

– Будет тебе и машина в починку – это я обеспечу. А как с лошадью обращаться тебе Зоя покажет. Лошадь здесь главный транспорт. Никаких дорог, а по старым вообще лучше не ходить, неизвестно куда заведут. Поедем завтра в Форт к Борису, мы ему много чего заказывали. И заедем по дороге к Художнице. Надо ей помочь, а то она сама попрется ящики таскать. Совершенно не приспособленная к деревенской жизни, но упрямая ужасно.

– Художница – эта та, кто стены изрисовала? Выходит, что Штурман не твоя фамилия?

– Не-а. Здесь фамилии редко в ходу. Обычно клеят прозвище. Иной раз так назовут – человек не знает, как отмыться. А Штурман я потому, что прокладываю правильный курс. Вот, – погладив живот, сообщила она, – из-за этого в последнее время никуда из поселка не отлучаюсь. И ментально Лях навернулся. Нарвались на гопников, которые поджидали рейдеров с границы, чтобы поживиться. Выстре-

лят из засады, Вещи по мешкам, и уйдут в Город, потом попробуй докажи: сами они что нашли или у убитых взяли. Самые гадкие людишки. В рейды ходить ссут, а людей не жалеют. Таких, если поймают, сразу без разговоров кончают, но всегда находятся сильно умные, готовые рискнуть за большие деньги.

– А что такое эти ваши Вещи?

– Это легко. Вот в нижний ящик загляни.

Я открыл дверцу под мойкой. Кроме ведра с косо прилепленной бумажкой, на которой синей краской было написано «Мусор», там ничего не было.

– Вот оно самое. Доставай, только осторожно, оно тяжелое.

Я взялся за дужку и, вытянув ведро наружу, поставил на пол. Оно действительно оказалось неожиданно тяжелым, как будто набитым до краев, хотя ничего в нем не было.

– А теперь смотри внимательно.

Она взяла со стола огрызок огурца, демонстративно подмигнула и картинно медленно кинула в ведро. Кусок упал в ведро и исчез. Я уставился на него и, сообразив, быстро полез рукой внутрь. Ведро пустое, но рука неожиданно провалилась ниже пола сквозь дно.

– Глубоко не лазь, – насмешливо сказала Лена, – там все-таки не брильянты, а разные объедки.

Я поспешно вытащил руку.

– Молодец, догадался. Эта и есть Вещь. Называется «Фля-

га». Можно внутри положить что угодно, и будет храниться вечно, не портясь и не разлагаясь. Нальешь молочка из-под коровы – и через десять лет оно свежее. Форма у них бывает самая разная, но всего три вида. Дело в том, что вложить внутрь можно до определенного предела. Двадцать килограммов, сто и двести. То есть на самом деле не совсем так, но приблизительно. Чем больше вложил, тем скорее цвет изменится. Видишь, сейчас светло-серый. Когда «Фляга» пустая – белый, когда полная – черный.

– Так это, наверное, больших денег стоит?

– Не так чтобы очень, их достаточно много, но стоит. Восемь тысяч, восемнадцать или двадцать пять – в зависимости от размера. В качестве мусорного ведра только в таком доме, как наш, где рейдеры живут, стоять может. Но это средняя цена. Если вид у «Фляги» удачный, можно и больше получить. А то попадаетесь такой, как трубка – диаметром пять сантиметров и длиной в три метра, – на что приспособить никто не знает. Изменить форму «Фляги» нельзя, если слишком стараться, просто расколется. На горлышке у нее всегда резьба, и крышкой закрывается.

Лена поискала глазами вокруг.

– Ну, что у меня еще под рукой имеется? А! Вон рядом со стаканами стоит железная коробочка. Взял... теперь поднимаешь крышку...

Я открыл и увидел внутри матовый кругляш, размером с шарик, для игры в настольный теннис. Потрогал его и авто-

матически отдернул палец. Шарик был холодный, как бутылка водки после морозилки.

– Это называется «Льдинка». Используется вместо холодильника. В закрытом деревянном ящике или погребе поддерживает постоянную температуру в районе нуля по Цельсию. Время работы зависит от размера помещения, где он хранится, и количества продуктов, находящихся там. Чем больше, тем, естественно, срок работы меньше. В объеме холодильника хватает месяца на три. Чтобы вернуть в рабочее состояние, требуется положить в холодное место, и он вытягивает из окружающей среды необходимое количество холода. Опять же по цвету определяется. Так что использованные «Льдинки» хранят до зимы и тогда подзаряжают. Если положить в закрытую металлическую коробку, как он до сих пор лежал, – кстати, положи назад, – расхода не происходит. Лежит себе и хранится, пока не понадобится. Стоит около тысячи трехсот единиц – не так дорого, поскольку их достаточно много.

Я положил «Льдинку» обратно в коробку, а Лена продолжила меня просвещать:

– Есть около двухсот разных Вещей разной ценности и направленности, входящих в общедоступный список. Потом считаешь. В Зоне имеется что-то вроде платного Интернета, оригинально называемого «Тутнет». Стационарные пункты при отделениях эльфийского банка, где можно обмениваться информацией. Вот зря трепаться в нем не будешь –

слишком дорогое удовольствие. В списке имеется все что угодно, начиная от «Ткани», которая принимает вид и цвет окружающей среды и маскирует как хамелеон, и кончая разными Вещами, влияющими на человека, например, способствующими увеличению силы, выносливости, быстрому выздоровлению, ну и тому подобное. В общедоступном списке те Вещи, что свободно продаются. А бывают Вещи, которые мы обязаны продавать только эльфам, и такие, с которыми связываться не стоит. Есть, к примеру, «Черная пыль». Это хуже любой наркоты. При употреблении становишься помещью Конана-варвара с берсерком. Не чувствуешь боли, реакция как у компьютера и сила бульдозера. Проблема в том, что после третьего, максимум четвертого раза мозги превращаются в кашу. Официально запрещено и, как водится, находятся такие, что не прочь попробовать. – Лена устроилась поудобнее на стуле, огладив живот. – А бывает, притащат что-нибудь, явно Вещь, вот только неизвестно, на что годная. Можно толкнуть эльфам по дешевке, а можно положить в сарай в надежде, что когда-нибудь выяснится, что это и с чем едят. Тут – как повезет: можно озолотиться, а можно годами ходить и ничего не иметь. Нюх нужен. Я вот девять с лишним лет в рейды ходила, и погибших в нашей группе очень мало было. Всегда прокладываю правильный путь. Я Рафику говорила: «Уймись, подожди меня», – а его все тянет на подвиги.

– Десятый год? – с расстановкой переспрашиваю.

– А что? А, ты об этом... Так я бессрочница. Мне двадцать пять в прошлом месяце стукнуло, на пару лет старше тебя буду. А вот за что и почему, – наставительно сказала она, – спрашивать не принято. – Зона она Зона и есть. Хоть уголовная, хоть инопланетная. Все, что было там, на Земле, – там и осталось. Здесь судят за поступки, а не за прошлые грехи и достижения.

Лена помолчала, будто что-то прикидывая в уме, и сказала:

– Хотя я тебя понимаю – сроки не совпадают. А ты ведь с Дашкой должен был общаться, неужели в голову не стукнуло? Ей-то уже шестнадцатый пошел, а дети сюда не попадают. Эти десять лет присутствия пришельцев на Земле – версия для публики. Сколько они там ошивались, пока не решили засветиться, может, разные ЦРУ с ФСБ знают. А может, и нет. Заводы, которые в Зоне работают, ставили на оборудовании, вывезенном еще из СССР в самый разгар перестройки. Тогда можно было по дешевке скупить все что угодно. А есть старожилы, которые еще раньше поселились. Вот Кулак из таких будет.

– Э-э..?

– Борис. У него прозвище с двойным значением. И за то, что в свои почти пятьдесят любого буйного пришибет, и за то, что натуральный кулак, почти по Ленину. Он у нас очень специфический случай. Тот, которого не бывает. Анекдот про еврея-колхозника знаешь?

– Почему анекдот? Водятся такие в Биробиджане, если все в Израиль не уехали. Раньше точно были.

– Обычно других вспоминают, которые начальники. А вот Борис был токарем очень высокого уровня, к нему инженеры бегали советоваться. Годик проработал на только что открытом заводе, когда каждый специалист был на вес золота, и вдруг пошел выяснять, что у нас вокруг происходит. Три года в рейды ходил, про него в наших специфических кругах до сих пор легенды рассказывают. Мало ведь Вещь нарыть, надо еще и догадаться, что за польза от нее будет, а то какие-то лучше вообще не трогать – может плохо кончиться. А про некоторые и в жизнь не догадаешься, что это Вещь.

Я домывал посуду, но старался не пропустить ни слова.

– Ну и вот, потом Борис нашел Форт – одно из немногих мест Ушедших, – который прямо на реке стоит и неплохо сохранился. Сотни людей мимо ходили, но ни одному в голову не стукнуло заглянуть, полюбопытствовать... Тут и нужен нюх рейдера. Там много любопытного внутри, только посторонних на пушечный выстрел не подпускают. И тогда Борис снова резко поломал свою жизнь и осел. Привез полячку, настругал пятерых детей и превратился в местного кулака (отсюда и прозвище), считай, в олигарха по здешним понятиям. Как же, собственные мастерские имеются, мельница, маслобойня, колбасный цех, молокозавод, сыродельня, пасеки, поля, теплицы, завод по разведению коней, молочное стадо, семьдесят рабочих лошадей, сорок пар волов,

фруктовый сад и магазин... Справедливости ради скажу, половина работы на Зосе была. Она еще та девка – своего не упустит. Чисто домовая: что за порогом ее владений лежит, волнует, только если касается ее семьи и собственности. – При этом Лена одобрительно хмыкнула. – А работнички у них – самый натуральный интернационал. Спиро ты должен был видеть, есть еще семейка орков, два десятка бибизян и под сотню разного меченого народа.

– А подробнее? – спросил я, ставя последнюю помытую тарелку ребром на подставку.

– Бибизяны – это местные аборигены, вроде питекантропов. Приклеилось к ним, по-другому не называют. Завтра полюбуйся. Только близко подходить не стоит, мыться они не любят и изрядно пованивают. Собиратели-охотники. Дальше дубины и обожженного на костре дрына не продвинулись. Тупые до безобразия, но очень сильные, и если поручать простую работу, замечательные работники. Правда, надо постоянно контролировать, чтобы отдыхать не уселись. Как люди появились, часть просекла, что при нас кормежка гораздо лучше, и перебрались поближе к фермерам. Они работают, мы кормим. Только всегда большими семьями ходят – не каждый на работу возьмет, накладно. Так что нередко селятся по соседству и прекрасно заменяют батраков на простых работах. Проводниками еще подрабатывают, если договориться сумеешь и объяснить, куда тебе надо. Это оседлые. А есть и дикие. Как ходили по степи и лесам, так и ходят. Мы

их не трогаем, они нас. Хотя при случае так и нороят своровать что-то на поле, но обычно не связываются с людьми. Знают, что могут серьезно по ушам получить. А вот с мечеными сложнее. Дикое поле на всех по-разному действует. Бывает, люди физически изменяются, превращаясь в зверей или уродов. Бывает, просыпаются разные странные способности, вроде умения поджигать взглядом или лечить не хуже эльфов. А бывает, что с психикой что-то происходит: был человек, а стал зверь, мечтающий вцепиться в горло любому без всякой причины. Своих же друзей убьет и глазом не моргнет. Не любят меченых нормальные люди, и очень часто за дело. Вот только большинство-то меченых ни в чем не виноваты и ничего плохого не сделали, а всегда найдутся придурки с претензиями. Так что если кто чувствует за собой что-то такое, обычно не афиширует. Но это когда снаружи не видно, а если у тебя вместо носа свиной пяточок и клыки торчат изо рта – тут не спрячешься. Выживут обязательно, хорошо еще никто до инквизиции не додумался с кострами, мы все-таки просвещенные люди и в Сатану, в отличие от инопланетян, не верим. Эльфов все видели, а вот черта пока нет. А Кулак таких спокойно к себе берет. У него там давно не семья, а клан. Его не волнует – поляк ты, русский или болгарин, урод или красавец, православный или католик. За своего моментально стеной встанут. Нормальных православных священников у нас на всю Зону трое. Есть разные сектанты, но редко буйные. Таких отстреливают. Так что служ-

ба по канону только в Городе и у поляков в Новой Варшаве, а остальные и так прекрасно обходятся.

Она помолчала.

– В нашей Нахаловке около двух тысяч жителей, если без Форта считать. И не меньше четверти в рейды ходили. Тут с самого начала селились либо те, кого Борис знал и приглашал, либо по знакомству. А приятели у него такие же рейдеры были. Есть неофициальная статистика: чем больше по Дикому полю ходишь, тем больше шанс меченым стать. Можно только догадываться, но у нас их должно быть много. И не вздумай это вслух говорить, тем более при чужих. Но чтобы понятно было – Кулак сам меченый и особо не скрывает. Он не хуже домового иногда видеть может. Борис редко советы дает, но если сказал: вот с этим дела не иметь – значит, так и есть. Проверено неоднократно. Обязательно будут неприятности.

– Так если он такой крутой, да с кучей работников, почему сам на барже ходил?

– А за оборудованием. Хочет наладить химическую лабораторию. Там ему всякого разного добра под заказ привезли. Надо проверить, чтоб не подсунули чего неподходящего. Расширяется наш Кулак.

Лена вздохнула устало.

– В общем, хорошего понемногу, – сказала она. – Все это надо переварить, иди-ка ты спать. Утро, как известно, вечера мудренее.

Рыжая кобыла по кличке Зорька была запряжена в телегу Зоей. Это было проделано дважды, чтобы я понял, куда и в какой последовательности нужно пристегивать ремни упряжи. Домовая явно веселилась, производя необходимые действия, и я теперь твердо знал, что Зорька у них высокая красавица со светлой волнистой гривой, мягкой как шелк. Выносливая и с приятным характером. Что два ее жеребенка ушли приличным людям за серьезные деньги. Что храп у кобылки тонкий, на солнце красный. Ноги сухие и в белых носочках, а на лбу звездочка. И она полностью здорова и не прочь пробежаться, и еще она соскучилась по жеребцу, который должен скоро вернуться.

Какого цвета кобыла и ее ноги, я и так прекрасно видел, а вот объяснить, откуда знаю про жеребят или что ноги именно сухие, да прочие разные подробности – при всем желании бы не смог. Зоя четко транслировала не слова, но какие-то образы, и что она хочет сказать, было понятно сразу и без проблем. Действительно, тут и язык не нужен.

Художница, оказывается, не только картины рисовала. Она работала в здешней школе учительницей и жила в пристройке. Собственно, она особо не перетруждалась, потому что на троих учителей приходилось детей школьного возраста не больше двух десятков, но подрастало новое поколение, и скоро их число должно было изрядно увеличиться. Так что

ехала Художница за разными учебными пособиями и учебниками. Как оказалось, была середина июля, и скоро должен был начаться новый учебный год. Тоже отличие с Землей – там уже осень на исходе.

Ее звали Ольга. Это была маленькая полная женщина, возраста изрядно за сорок, с длинными, желтыми от курения пальцами. Мы как раз застали впечатляющую сцену кормления свиньи с несколькими поросятами, визжавшими так громко, что Художница даже не услышала нашего приезда. Свиньи вели себя исключительно по-свински, отталкивая друг друга от корыта и кусаясь. Даже пинки ногами их не успокаивали, и подсвинки, отлетев в сторону, с новыми силами кидались в свалку. Мне при виде этого зрелища совершенно расхотелось выращивать домашнюю живность. На столе, в жареном виде, она выглядит гораздо симпатичнее.

Увидав гостей, Ольга тут же побросала своих свинок и радостно залезла на телегу. Действительно, меньше всего ей хотелось заниматься подобной работой. Теперь женщины сидели сзади и обсуждали какие-то местные дела и последний мордобой в здешней забегаловке. Совершенно не стесняясь нового человека, Ольга рассказывала подробности с глубоким знанием дела – явно присутствовала, – употребляя слова и выражения из армейского языка. Дело насквозь привычное, но все-таки женщина. Хотя, если подумать, здесь должен наблюдаться явный перекося в мужскую сторону. Женщин немного, и они в цене. Тут как не разговаривай, за спи-

ной все равно целый шлейф кобелей появится.

Телега миновала неспешно бредущее стадо коров, за которым шел явно не выспавшийся пожилой пастух в запачканной телогрейке, время от времени щелкавший кнутом и старательно изображавший непосильный труд. Коровы, похоже, прекрасно знали, куда им идти и без него, и не обращали внимания на понукания. Я в очередной раз подумал, что зрелище более чем странное. Стоило отправляться на другую планету, чтобы заниматься такими делами.

Сразу за деревней дорога поднималась на высокий холм, крутясь, как спираль, между деревьям, растущих у обочины. На втором витке мне стало изрядно неудобно, сработали старые рефлексy. Идеальное место для засады и расстрела колонны. Плоские низкие камни, наваленные чуть выше дороги, лежали так, что казалось, из амбразуры сейчас ударит пулеметная очередь. Я невольно взялся за винтовку, с которой не расставался. Да и обе подружки имели под рукой калашы, хотя ехать всего ничего.

– Что, – спросила Лена, – почувствовал?

– Там что, действительно стоит пулемет? – обернувшись, спрашиваю.

– А весь холм и есть Форт, он глубоко в землю уходит, и отсюда можно легко перекрыть дорогу. Там наверняка если не ствол, так наблюдатель сидит. А может, что и посерьезнее ручного пулемета имеется. Береженого Бог бережет.

Через четверть часа показался въезд. Вся верхняя часть

холма была срезана и представляла собой огромную ровную площадку. Два длинных плоских строения стояли прямо у дороги, заваленные землей и давно заросшие кустами. Между ними протянулась трехметровая стена со спиральями колючей проволоки по гребню. Гостеприимно распахнутые ворота никто не охранял.

Внутри достаточно большое пространство с площадью в центре, окруженной построенными явно по одному архитектурскому плану стандартными деревянными избами на кирпичном фундаменте. Несколько длинных каменных строений, стоявших чуть в стороне, использовались, похоже, в производственных и складских целях. Прямо перед воротами, так что проехать можно было только вокруг него, стояло двухэтажное здание конторы, с плоской бетонной крышей, откуда торчало дуло крупнокалиберного пулемета.

Мы завернули налево и остановились у одного из складов. В темном помещении с забитыми разнокалиберными ящиками полками нас обиженно приветствовал хозяин. Он долго что-то бухтел на тему необязательности и позднего приезда. По его словам, надо было самим разгружать заказанное с баржи еще вчера, как делали другие, и не заставлять его делать двойную работу, сначала затаскивая, а потом вытаскивая со склада. Все это происносилось с большим темпераментом, и казалось, что сейчас у него из ушей пойдет дым. Впрочем, убедившись, что можно свалить на меня труды по кантовке и переноске, он моментально успокоился и

только давал указания, что и где брать. Тележка для перевозки ящиков на складе присутствовала, и особых проблем не возникло.

Лена ходила со списком и время от времени демонстративно проверяла, что там в ящиках лежит, приговаривая про учет и контроль. Кладовщик каждый раз страшно обижался, но не препятствовал. Ассортимент самый разнообразный, от патронов нескольких видов до гвоздей. Телега изрядно просела под тяжестью. Пока они разбирались с грузами, подъехали еще несколько подвод и встали в очередь. Возчики собрались кучкой и что-то лениво обсуждали, дожидаясь нашего отъезда.

Ольга стояла у двери, прикуривая, когда в дверь вихрем ворвался здоровый мужик и, буквально снеся ее с ног, помчался дальше. Совершенно автоматически я ухватил его за рубашку с воспитательными намерениями и только тут сообразил, в чем странность. На плечах у мужика была волчья голова. «Ничего себе, различные физические изменения», – оторопело подумалось, вспоминая лекцию про меченых.

– Ну, – недружелюбно спросил странный тип, – и чего тебе надо? – Голос был вполне нормальный, но с неистребимым гортанным кавказским акцентом.

– Ты бы извинился перед женщиной.

– А не надо стоять на дороге, – сообщил тот. – Рубашку-то отпусти, я тороплюсь.

– Придется задержаться, – раздраженно сказал я. Подоб-

ный акцент после армии у меня всегда вызывал неприятное чувство и желание съездить по морде, а сейчас очень хотелось разрядиться за все прошлые и будущие проблемы сразу.

– А! – радостно воскликнул меченый, – ты меня желаешь заставить извиняться. Ну, пойдем, выйдем.

– Эй, Леха, – встревоженно сказала Ольга, – ничего страшного не случилось. Все в порядке.

– Нет уж, – заявил псоголовый, – раз сказал, надо отвечать за свои слова. Ты отвечаешь?

Я молча повернулся и пошел к выходу из склада.

– Давно я не разминался, – сообщил последовавший за мной меченый, снимая рубашку. Тело у него оказалось жилистое, без всяких следов соцнакоплений, и вполне человеческое, хотя и заросшее шерстью. Он потянулся, демонстративно поигрывая мускулами, и сказал:

– Ничего особо страшного не произошло, так что деремся по нормальным правилам. Просто выясним, что тут у нас новенький собой представляет. По яйцам не бить, глаза не выдавливать и не кусаться. – При этом он громко щелкнул зубастой пастью и рассмеялся. – Кастеты, ножи, палки и камни в ход не пускаем.

Разом подтянулись замолчавшие возчики и встали кругом. За их спинами мелькнула Лена.

– Начали? – с утвердительной интонацией сказал меченый и пошел на меня. Два быстрых удара он принял локтями, от удара в печень явственно охнул, но моя «коронка» из двой-

ного в солнечное сплетение и челюсть не прошла. Уж больно непривычная была морда у противника, и правильного удара не получилось. Резко разорвав дистанцию, меченый сплюнул красной слюной. На периферии сознания я слышал вопли собравшихся вокруг.

Я прыгнул вперед, стремясь закрепить успех, и неожиданно получил страшный удар по левой голени. Нога сразу онемела, я едва устоял. Меченый ухмыльнулся, даже на волчьей морде можно было прочесть удовлетворение, и ударил по ноге снова. Удар был вскользь, потому что я уже понял, чего ждать, но пользы от этого было мало. Боксерские навыки здесь не помогали – слишком низко он бил. Я понял, что еще парочка таких ударов, и двигаться уже не смогу. Прихрамывая, попытался сократить дистанцию, но меченый немедленно сдвинулся в сторону. Я еще успел увидеть несущийся ко мне кулак, а потом свет погас.

– Тебе что сказано? – раздавался у меня над головой недовольный голос. – Позвать человека на разговор. А ты что сделал?

Я с трудом разлепил глаза и попытался сесть. Голова дико болела и плавно кружилась. Тут меня подхватила сильная рука и помогла подняться. С трудом сфокусировав взгляд, я обнаружил Бориса, с ним рядом торчали Ольга с Леной, с сочувствием разглядывая меня, и меченый, с видом умирающего лебедя глядящий себе под ноги. Немаленькая толпа, успевшая собраться на представление, куда-то рассосалась.

Борис прислонил меня к телеге и деловито ощупал, потом внимательно разглядел лицо, поворачивая в разные стороны, и с облегчением в голосе сообщил:

– Вроде ничего не сломано.

И обращаясь к меченому:

– Совсем ты оборзел. Хочешь подраться, мотай в трактир, а здесь делом надо заниматься. Вот хотел я с ним поговорить, ты думаешь, он способен сейчас нормально соображать?

– Так никто не хочет, все боятся, – сообщил в пространство тот. – А тут новый человек, и он сам прицепился.

– Знаю я, как он сам. Просто ему еще не успели объяснить, как ты знакомишься. Надо все-таки один раз тебя выпороть всерьез.

– Но-но, – быстро отодвигаясь, сказал тот, – я буду паинькой. – Он сделал паузу. – Первым не начну, но не терпеть же мне хамство? А поскольку в данном случае он был прав, я приношу искренние извинения уважаемой Художнице. – Снова помолчал и добавил: – Но только за то, что не помог подняться. Кто ж мог подумать, что она встанет прямо на входе?

Борис демонстративно махнул рукой и отвернулся.

– Найду я, пожалуй, тебе занятие, чтобы людей не встречал. Ну, Леха, пришел в себя?

– Вроде да, – проверяя на месте ли челюсть, ответил я.

– Я с Ленкой говорил, она тебе объяснит, что к чему. Вы уже загрузились, так что езжайте потихоньку. Лучше тебе

спокойно полежать, легкое сотрясение мозга он тебе обеспечил.

– Так это прекрасно, – фальшиво обрадовался меченый. – Теперь все точно знают, что у него есть мозг. А то большинство приезжих явно страдают его отсутствием.

Борис резко повернулся к нему.

– Я тоже, – поспешно сказал тот. – Иначе бы меня, да еще в таком виде, здесь не было бы.

– Ты меня достал, – серьезно сказал Борис. – Пойдем, работы у нас много, а ты явно дурью маешься, я тебе подыщу что-нибудь похуже. До свидания, – вежливо сказал он остальным и зашагал от склада. Меченый послушно двинулся за ним.

– Залезай на телегу, – сказала Лена. – Поедем домой.

– И кто это мне говорил, что кавказцев здесь нет? – спросил я в пространство, взбираясь на ящики и пытаюсь сесть поудобнее.

– Это нет тех, кто на Кавказе проживает. А если в России, то очень даже есть. Немного, правда, – сообщила Ольга, разворачивая лошадь. – Это Волк. Его хлебом не корми, дай прицепиться к кому-нибудь. Так он вполне нормальный и даже не слишком религиозный, хоть и считается мусульманином, но никто не видел, чтобы он намаз делал. Он как-то сказал, что, за отсутствием Мекки на планете, молиться в пустоту – смысла нет. Но вот есть у него такой бзик – каждому новому человеку дать по лбу. Один раз доиграется, что

башку оторвут. За начальника только Бориса и признает. Говорят, тот его отмутузил по полной программе в свое время, вплоть до больницы, вот и зауважал. Борис, при желании, может. Он однажды бибизяна кулаком приложил, так тот помер. Жаль, что ты на них не посмотрел. Это все равно, что гориллу пришибить. Все остальные у Волка проходят по разряду – кто сколько против него продержался. Ты еще в число лучших попал. Может, на него волчья сущность влияет, хочет доминантность продемонстрировать. А может, он всю жизнь такой был. И терпят его только потому, что он вроде Ибрагима из «Угрюм-реки» за хозяина и его семью всем горло перегрызет. И не фигурально, а очень натурально.

– А о чем там Борис говорил, что ты мне объяснишь?

– А, это про твои диски. Он просит дать на время поглядеть, что там такого интересного есть, – сказала Лена. – Я вечером посидела, просмотрела кое-что. Там кроме всякой ерунды приличные вещи имеются. Разные справочники лекарственных растений и анатомии человека, простейшие технологии производства на коленке полезных вещей и каталоги оборудования. Может пригодиться. Даже если просто издать в его типографии, многие купят. Он обещал, что если сможет пользу извлечь, двадцать пять процентов от прибыли тебе отдаст.

– А не слишком ему жирно будет?

– Нормально. И процент божеский, и тебе ничего делать не надо. Там сначала нужно хорошие деньги вложить, чтобы

что-то поиметь, а у тебя все равно ничего нет. Так что дело твое, но мой совет – соглашайся. В таких вещах он не обманывает. Кулак – это, – она замялась, подыскивая слова, – бренд. Все его знают, и чтоб не портить себе репутацию, он иногда в твою пользу сыграет, не только себе в карман.

– Кулак – это мафия, – вмешалась Художница. – Мы все от него зависим так или иначе. Производство почти все его или доля в нем, лошади его, магазин тоже его. И полсотни головорезов, готовых сделать все что угодно по его слову, включая этого самого Волка. И старосту с шерифом в Нахаловке выбирают только с его одобрения, и суд наш, самый «справедливый» в Зоне, сделает, что он скажет. Скажешь, не так?

– Так. Только в Городе гораздо хуже. Там все давно поделили, и заводской клан с речным постоянно отношения выясняют, в основном за счет посторонних. А крестьян в округе всех долгами опутали, так что они и пикнуть боятся. Не видела ты, что там творится. А в Новой Варшаве самую настоящую инквизицию для меченых и не правильно верующих организовали. А в Болоте человечину почти в открытую едят. А на Дунае пираты балуют. И еще много всякого разного по темным углам творится. Мы, в сравнении с ними всеми, ангелы небесные. Борис в тарелки не лазит с целью проверки содержимого по катехизису и долю от прибыли не требует.

– Вот дождемся, что Волк кого-нибудь убьет без причины, и будем любоваться, как Кулак его отмазывать начнет.

– Поживем, посмотрим...

Глава 4

Первый поход

Я ехал сразу за последним фургоном, крытым парусиной, на специально подобранном для меня Рафиком спокойном мерине. За месяц почти втянулся и вечером уже не ходил в раскорячку, хотя допускать меня до серьезной скачки пока не стоило. Делали фургоны по образцу американских – времен освоения Запада. Этот был запряжен двумя парами волов, хотя у нескольких других были лошади. Фургон скрипел, раскачивался на больших деревянных колесах и страшно медленно катился за остальными. В караване их насчитывалось семьдесят два, и проходили они в день не больше двадцати километров.

С обеих сторон, растянувшись длинной цепочкой, ехало по двадцать мужчин и подростков. Большинство имело винтовки, но молодые держали луки и арбалеты. Дорого было не столько огнестрельное оружие, сколько патроны к нему. Да и купить их можно в основном в больших поселках, оставшихся далеко сзади. В этих условиях обладание собственной винтовкой было признаком взрослости и достатка.

Параллельно каравану гнали стадо коров и лошадей. Их тоже охраняли и прикрывали всадники с оружием. Так что к обеду обязательно останавливались, чтобы дать животным

и людям отдых.

Коровы очень странной породы. Маленькие, лохматые и злые, они вовсе не походили на классических буренок или скот, специально выведенный для доения. Зато прекрасно находили пропитание прямо под ногами, были совершенно неразборчивы в этом смысле и, по утверждениям хозяев, могли весь год прожить на подножном корму. Тем более что трава, росшая в местах, куда они направлялись, легко переносила морозы и даже засуху.

В караване больше пятисот человек. Это не просто переселение, они прекрасно знали, куда направляются и чем там будут заниматься. Несколько лет назад в Зоне появился баптист Иван Прохоров. Судя по дальнейшему, не просто харизматический лидер, но человек с хорошими мозгами. Он много и агрессивно проповедовал о новой жизни и создал общину, которая очень быстро превратилась в немалую силу, отстаивающую интересы каждого ее члена, а учитывая, что многие баптисты жили на фермах и работали на земле, очень скоро возникли серьезные разногласия с Городом по поводу цен и попыток диктовать условия. Ни властям, ни уже сформировавшимся заводским и торговым кланам подобная деятельность никак не могла прийти по душе.

Науськивание людей друг на друга под лозунгом борьбы за истинное православие очень скоро переросло в драки, начались серьезные столкновения, а потом и прямые нападения на деревни, где проживали баптисты. К баптистам при-

дирались и сажали их в тюрьму по малейшему поводу и вообще без повода. После одновременного убийства троих членов общины, приехавших на базар в Славянск, Прохоров поставил вопрос об общем переселении.

Официально пресвитер (глава общины) не обладал абсолютной властью, наиболее важные вопросы решались на церковных советах и общих собраниях верующих, но авторитет его так высок, что возражений не последовало. Начался общий исход на север. Запретить это переселение власти не могли. Считается, что в Зоне каждый волен идти куда ему вздумается и, хотя палки в колеса ставили с большим удовольствием, отказываясь продавать необходимые вещи, баптисты уходили целыми поселками. Это был последний. За спиной у них остались проблемы. Впереди ждали другие. Обживать на новом, пустом месте удовольствие не великое. Переселенцы, тем не менее, считали, что лучше хищные звери и тяжелая работа, чем враждебное окружение.

Идти прямо по реке на баржах было невозможно. Где-то на полдороге караваны сворачивали в приток Дуная и выходили к огромному водопаду. Проще обойти его стороной, время от времени выходя в здешнюю степь. Впрочем, это была скорее лесостепь с множеством рощ из дуба, липы и каштана. Вот для данного перехода и нанимали проводников, вроде Рафика с его отрядиком.

Вообще-то переселенцы в основной массе и сами были с усами, не первый год в Зоне. Многие ходили в Дикое поле,

а такие большие караваны, если не натыкались на серьезные аномалии, шли без особых проблем. Хищники старались обходить караваны стороной, бибизяны боялись связываться с таким скопищем народа, но Прохоров сказал, что на то и существуют профессионалы, чтобы подставлять головы под проблемы – вот пусть и делают, что умеют и чему учились. Возражений не прозвучало.

Вот мы и шли, время от времени меняясь. Трое на конях спереди, в качестве разведки, трое сзади, прикрывая караван от неведомых опасностей и следя, чтобы никто не отстал. Дорога пройдена уже не в первый раз, и особых проблем не было, если не считать пары съеденных неизвестно кем телят. Впрочем, особых денег тоже не ожидалось. Миллионов на таких переходах не зарабатываешь.

На переднем фургоне появился мужик, размахивающий белой тряпкой. Это сигнал к остановке. Местность как раз подходящая: рядом небольшой лесок и ровное пространство перед ним, прекрасно способное приютить на время караван. Возчики начали привычно разворачивать фургоны в круг. Множество женщин и целая орда детей с усталыми лицами полезли наружу, как только они остановились.

Пока одни таскали из рожи хворост и волокни его к кострам, другие снимали ярмо с волов и пускали животных к воде. Затем мужчины стали передвигать повозки. Дышло каждого фургона пришлось внутрь круга, и каждая повозка спереди и сзади ставилась в тесном соприкосновении с со-

седней. Большие тормоза надежно замкнуты и колеса всех повозок соединили цепями. Дело для всех привычное, так поступали на каждой стоянке. Только один фургон ставился вне круга, оставляя вход открытым. Позже, когда все разойдутся на ночь спать, животных загонят внутрь, и повозка встанет в общий круг, сцепленная, как и другие, цепями, и закроет ворота.

Сейчас люди поужинают и соберутся на общую молитву. Поставят посередине стол, накрытый белой скатертью, и начнут благодарить Бога за все хорошее. За неимением телевизора и танцев тоже развлечение, хор подобрался неплохой, исполнял не хуже профессионального. Вот только каждый день – это перебор, без привычки никакого удовольствия.

– Пошли, Боксер, – сказал, обращаясь ко мне, Ежи.

Кличку Боксер мне приклеили сразу после стычки с Волком. Свидетели моментально разнесли по всей Нахаловке подробности, со знанием дела обсуждая каждый удар. На следующий день там появился Рафик со своим отрядом, и после радостной встречи старых друзей последовало знакомство с остальными, плавно переходящее в возлияние в местном кабаке, которое закончилось изрядной головной болью.

Рафик сильно изменился, стал замкнутым и малоразговорчивым, совершенно не напоминая того, из старых времен, когда мы вместе служили. В те времена он любил по каждому поводу рассказывать анекдоты, которых знал великое множество. Теперь он все больше молчал, хотя мне был

явно рад. Оттаивал он только дома, в тесном кругу.

Первым делом он попытался отговорить меня от походов в Дикое поле. На мое удивленное пожимание плечами и тыканье пальцем в него самого пробурчал, что сам был такой же дурак и рвался неизвестно куда и зачем. Они все адреналиновые наркоманы, без риска не могут, утверждал, изрядно выпив. Рейдеры к нормальной жизни не приспособлены и все рано или поздно останутся где-то там. Но лучше погибнуть в драке, чем ходить на нудную работу каждый день.

Звали его в нынешнем качестве командира небольшого, но удачливого отряда рейдеров не иначе как Безногим. Собственно, по имени его не только не называли, но многие даже не знали. Зато все прекрасно знали, как он сюда попал. Меня одобрительно хлопали по плечу: все рейдеры были повоевавшие еще в той жизни и прекрасно представляли, каково тащить на себе раненого, да еще не имея связи и с погоней на хвосте.

Впрочем, клички имелись у всех в отряде. Тут подобрался настоящий интернационал. Ежи – поляк по фамилии Штурский и с кличкой Торопыга. Он в разговоре вечно перескакивал с одной темы на другую и никогда не был доволен результатом похода, а также окружающим миром вообще и своей жизнью в частности. При всем этом крупно ошибались люди, считающие, что он человек недалекий и глуповатый.

Серба Филипповича Степана звали Дядя. Собственно поначалу он именовался Дядя Степа, за соответствующее имя,

службу в полиции и двухметровый рост. Потом имя отпало, и осталось только Дядя. Очень тяжелый тип в общении. На морщинистом лице постоянное выражение брезгливости, взгляд тяжелый. Полное нежелание поддерживать разговор и отсутствие любых эмоций, что бы не происходило вокруг.

Дмитрий Ковалевский, украинец. Этот звался Кузнец, хотя ничего делать руками не умел и не желал, кроме нажимания курка автомата. Лысеющий блондин среднего роста с приятным открытым лицом, очень подходящим мошеннику. Очень упрямый и нетерпимый к чужому мнению.

Макаров Петр, русский. Именовался Доцентом за энциклопедические знания о любой Вещи и явлении, имеющем отношение к Ушедшим. Проблема была в том, что иногда существовало несколько объяснений или различных теорий. В ответ на заданный вопрос Петр с совершенно серьезным видом тоном лектора начинал излагать их все подряд, не обращая внимания на то, что разные версии друг другу противоречат.

Все члены отряда в возрасте от двадцати пяти до сорока лет. Прошли разные горячие точки на Земле, и не очень удивительно было бы, если бы встречались там, глядя друг на друга через прицелы. Уже не первый год ходили они и по здешним просторам. Я невольно попал в категорию молодых и зеленых, на которых грузили тяжелую работу и лишний раз проверяли на посту. Я не обижался, если хочешь доказать, что способен ходить с ними наравне, надо терпеть.

А еще с нами седьмым шел Волк. Рафик перед походом имел долгий разговор с Борисом. Тот предложил после того, как мы проводим караван, посетить одно очень перспективное место. Вот только карты его не существовало, как вообще не существовало приличных карт территорий вне Зоны. А те, что были, для владельцев являлись даже более ценными, чем карты кормчих времен Великих открытий, и так же тщательно прятались от посторонних. Любой отряд рейдеров имел свои маршруты и приметы пути и вовсе не горел желанием делиться с другими. Поэтому, откуда Кулак знал о развалинах городка Ушедших, он не объяснил. Зато, в качестве проводника и свидетеля, на случай если рейдеры что-то зажать пожелают, он давал в нагрузку своего доверенного человека – Волка.

Никаких проблем с ним в дороге не было. Как и все, он подчинялся Рафику и выполнял все его указания. Да и опыт у Волка явно большой. И хотя он все время подчеркнуто держался в стороне и вечером у костра в разговоре не прочь был ехидно подколоть кого-нибудь из рейдеров, отношения вполне дружеские. Вот баптистов он не переносил и старался держаться от них подальше.

– Ты не понимаешь, – сказал он как-то мне на прямой вопрос после ужина у догорающего костра. – Я их действительно не уважаю. По отдельности они замечательные люди. Трудолюбивые, не пьют, не курят, заботятся о своих женщинах и детях. Вот только когда они собираются вместе, то превра-

щаются в стадо баранов, которое идет за вожаком туда, куда он скажет. Люди делятся на два вида – баранов и волков. Бараны думают, что если они будут правильно себя вести и соблюдать законы, их никто не тронет. Ерунда это. Вокруг стада всегда ходят волки и норовят состричь с баранов шерсть, а часто и на мясо забить. И те, кто вроде бы охраняет баранов, как милиция и власти, занимаются тем же самым. Только они делают вид, что они псы, охраняющие стадо. Для стада нет и никогда не будет справедливости. Что это такое – решают волки. В одном случае так, в другом наоборот. Поэтому лучше быть волком и думать не об общем благе, а о своем. Знаю, знаю, – сказал он, – ты хочешь спросить, почему я тогда не бегаю один, да еще и Кулаку подчиняюсь. Во-первых, для меня это моя семья. А семья в расширенном понимании – это и есть я. И во-вторых, он сам тот еще волк, а они охотятся вместе, и вожак должен доказать, что он лучше других. И не надо вот так ухмыляться, глядя на меня. Не красавец я, но это только справедливо. Ты еще ничего не видел и всего второй месяц здесь. Идем по проложенной дороге, ничего странного или опасного. А то, что имеется, мы старательно обошли. Тишь и благодать как в туристском походе. Рейд начинается по-настоящему тогда, когда тыходишь на неизвестную территорию. Там тебя может поджидать все что угодно и все кто угодно. Знаешь, откуда вообще берутся меченые? Они просто получают от Ушедших то, что они хотят. Вот только это не золото с бриллиантами. Это их

невысказанное желание. Может, они и сами не подозревают, чего хотят.

– Что, очередной Золотой шар Стругацких?

– Он прав, – спокойно сказал Макаров, сидевший рядом. – Есть и такая теория, очень часто подтверждаемая примерами. Хотел он стать волком – и стал им. Вот только Ушедшим не объяснишь, что такое психология, поняли его буквально, хотя и с маленькими поправками. Как такое может произойти, ни один земной научный институт не объяснит. Это ведь абсолютно невозможно, должен перестроиться весь организм, но вот он ходит и говорит, хотя если бы это была просто волчья голова на человеческом теле, то ничего членораздельного он бы не произнес. А еще может унюхать запахи метров за сто и ночное зрение у него тоже имеется. Зато с цветным зрением облом. Но ведь не волк полностью, мозги у него остались прежние, с моей точки зрения, изрядно вывихнутые.

– Сам такой, – оскалился Волк. – Только сдвинутый может пытаться собирать все эти гипотезы и теории, рождаемые на пустом месте высоколобыми умниками, от которых только и пользы, что можно их дерьмо в переработку пустить. Ты ж, Доцент, практик, сам мог видеть и руками трогать. Сколько хочешь примеров могу привести. Каждый рейдер рано или поздно становится меченым и получает то, о чем в глубине души мечтает. И вы все такие. Ваша Ленка всегда точно знает, где можно пройти безопасно, а Дядя...

– Помолчал бы ты, – с угрозой в голосе сказал Кузнец.

– А кого опасаться, – пожал Волк плечами, – его, что ли? – он кивнул на меня. – Так он вроде свой, а будет ходить с вами дальше, сам таким же станет. Всё, молчу, – поднял он руки в ответ на общие неодобрительные взгляды. – О присутствующих ничего, кроме хорошего. Перейдем к абстрактным примерам про других очень конкретных людей. Мясника ведь все знают? Есть такой бывший рейдер, – пояснил он мне, – может вылечить что угодно, а может так взглянуть, что ты имеешь это что угодно. Вчера еще здоров как бык, а сегодня на кладбище пора.

– А также Муха, – в тон ему сказал Доцент, – с его фасеточными глазами, которые видят в ультрафиолете, и при виде которого рыгать хочется даже привычному человеку. Или Хвостатый. Очень удобно от насекомых отмахиваться, но штаны с разрезом на заднице делать приходится на заказ. Надо думать, мечтали они об этом с детства. Я тебе таких примеров тоже сколько угодно назову.

– Ха, – отмахнулся Волк, – да кто ж его знает, что у них в подсознании бродило. Может, думаешь, мне так хотелось выгладеть? Вот про Хамелеона вопросов нет. Сразу видно, что он мечтал стать незаметным. Вот как сольется с фоном, так сразу понятно – получил, что хотел. Только по запаху и можно вычислить. Идеальный шпион. А уж внешность ящерицы в придачу, так, простите, никто и не говорил, будто Ушедшие понимают, чего от них хотят.

– Да ерунда это все, – лениво сказал Торопыга. – Это все от Вещей идет. Кто чаще их трогает да на себе таскает? Рейдеры. А как часто мы вообще не догадываемся о разных свойствах найденного? Да через раз. Это уже не говоря о том, что, может, мы думаем, что догадались, и начинаем использовать какие-нибудь браслеты для усиления мышечной силы. А на самом деле это – все равно, что гвозди микроскопом заколачивать. Да ничего мы не знаем и можем только гадать. Ему нравится такая теория, тебе другая. Не уверен, что эльфы хоть что-то понимают. А может, они и есть Ушедшие, – со смешком добавил он. – Самые тупые и не способные нормально уйти. Какая нам, собственно, разница – меченым становятся один раз, и никто не слышал, чтобы кто-то второй раз изменился или приобрел новые способности.

– Так, – сказал появившийся из темноты Рафик. – Разговоры разговариваем. А кто в патруль идти должен? Ты, Доцент, и ты, Леха. Собрались и потопали. Они там уже заканчивают свои коллективные молитвы после ужина и сейчас будут расползаться по фургонам. Вот и проследите, чтобы все на месте были и ворота закрыли. Остальным спать.

Мы с Доцентом встали и, проверив оружие, побрели к входу в кольцо фургонов. Остальные начали молча расходиться.

Я на ходу подумал, что Торопыга в конце явно проговорился. Фактически он признал, что все они меченые. Да и реакция на слова Волка была вполне однозначная. Все друж-

но захотели заткнуть ему рот. Вид у рейдеров был вполне человеческий, никаких уродств или хвостов. Вот интересно, что они поймали в Диком поле, что говорить не хотят...

Фургон привычно воткнули на свободное место и привязали цепями к остальным переселенцы без нашего участия. Дело привычное, давно отработанное до автоматизма. Костры гасли один за другим.

– Еще неделя, и будем на месте, – негромко сказал Доцент. – Потом пойдем проверять, что там Борис накопал. Надо спешить, скоро начнет холодать. Послушай, – он замаялся, – я тебя пугать не собираюсь, но в чем-то Волк прав. Такие, как мы, рано или поздно что-нибудь получают. И не всегда это приятный подарок, даже если внешне и не видно. В это многие верят, вот только контролировать свое подсознание еще никому не удавалось. Что там у нас внутри черепной коробки – мы и сами не знаем. Насмотрелись всяких американских ужасиков... – оборвал он фразу, но тут же продолжил: – Лет пять назад, когда я только начинал, мы втроем шли. Все новички были, и, как водится, зеленым везет. Полезли, куда нормальный человек никогда не пойдет, просто по дурости. Нашли кое-что на очень приличную сумму. А на обратном пути один с обрыва сорвался – и насмерть. Мы прибыли сюда одновременно и подружились еще в общем лагере, когда никто не знал, куда мы вообще попали. Да и держаться вместе всегда легче. Что зарабатывали – на всех делили. Пинки под зад тоже... а что делать, если ничего

не понимаешь, обязательно обманут. Мы ближе, чем братья были. Вот Кирилл и подскочил к телу, может, у него нервы сдали или, может, еще чего. Шли уже неделю без нормальной еды, одними грибами закусывали. Это сейчас я понимаю, что вполне прокормиться могли, а тогда... – Доцент махнул рукой, – ну, горожане, в лесу три раза за жизнь были. Даже на войне проще, зайдешь в дом и просто-напросто заберешь, а здесь... Да, так вот, – продолжил он, – Кирилл встал возле тела товарища на колени, руки положил ему на грудь и дико как закричит: «Вставай!» А у того шея набок свернута и не дышит. Что я, покойников не видел, что ли? А он снова кричит: «Вставай!» И тут труп зашевелился. Понятное дело, я себя со стороны не видел, но, думаю, челюсть у меня до пояса упала. Он сел и медленно так всем телом повернулся, шея у него явно не работала. А потом – раз! – и вцепился зубами Кириллу в горло! Тот упал, а этот... зомби... на него сверху и мясо рвет руками и зубами. А я впал в ступор и смотрю... Никогда со мной такого не было. Я много разного видел и на Земле, и здесь, но тут словно паралич обуял. Стою и смотрю...

Вдруг он остановился и на меня уставился. Рот весь в крови, руки тоже. А глаза-то неживые, как матовое стекло. И я начал палить из дробовика. Все, что было, в упор, так что в куски его разнес. Минут десять после этого трясло. Это не кино, где сидишь в мягком кресле и смеешься над тупостью сценариста. Это были мои друзья. В общем, натаскал дров и

стал собирать куски, чтобы сжечь все. А ему руку выстрелом оторвало. Пока я в себя приходил и костер готовил, больше часа прошло. А рука продолжает шевелиться. Я ее трогать побоялся, так палкой и пихал до костра. Ничего страшнее в жизни не было.

Он долго молчал, а потом сказал:

– Вот поэтому не любят меченые рассказывать о себе. Мало ли кто и что подумает. Не обязательно нужно из Зоны в Дикое поле уходить, некоторые и в городе подцепляют. А жить без Вещей мы не можем. Все здешнее электричество идет от «Молний». Не видел еще? С виду обычная круглая батарейка, какие в старые приемники вставляли, только раза в три больше, и разъемы на концах для подсоединения. Такой город, как Славянск, вместе со всей промышленностью уже десять лет на одной работает, и не похоже, чтобы энергия кончалась. Цвет самую малость изменился.

Найти «Молнию» мечтает каждый, вот только всех счастливцев по пальцам двух рук можно сосчитать, и еще останутся. Одна такая находка – и можно всю жизнь загорать на пляже. И «Льдинки» от холодильников, и «Клей» по любому случаю. Да много чего в быту применяют.

– А как же тогда бабы рожать не боятся?

– А вот с этим как раз полный порядок. Даже у Волка могут быть нормальные дети, если найдет себе кого. По наследству такие вещи не передаются. А способности, когда как. Иногда да, иногда нет. И практически проверено, и эльфы

то же самое говорят. – Он усмехнулся: – Вот только женщины здесь изрядная редкость. На каждого мужика хорошо если четверть приходится. Они себе цену знают. Разбо-о-орчивые, – с тоской протянул он. Чувствовалось что-то личное. – У нас тут даже проституток почти нет. Все больше дамы полусвета... за очень большие деньги. Эти, – он кивнул на фургоны, – еще и потому с городскими сцепились, что, мол, неправильное воспитание и поведение.

К нам подошел и сел рядом маленький, уже пожилой мужчина, одетый в типично ковбойском стиле – сапоги, кожаные штаны, клетчатая рубашка и старая куртка из оленьей кожи с бахромой на руках. Длинные седые волосы были прихвачены повязкой. Для полного подобия не хватало кольта в кобуре. Вместо него он небрежно держал в руке карабин Симоннова, так что сразу было видно, что оружие для него так же привычно, как рабочий инструмент для любого профессионала. Он был начальником охотников и разведки, и одним из немногих, кто свободно общался с рейдерами. Большинство же переселенцев не то что шарахались от них, но отвечали только в случае, если их прямо о чем-то спрашивали, а сами никогда первыми не начинали разговор.

– Слишком спокойно идем, – пробурчал он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Я бы предпочел, чтобы Штурман нас вела, тогда хоть понятно было бы.

– Да брось ты! – ответил Доцент. – Сам знаешь, это не второй и даже не десятый караван. Дорога насквозь знако-

мая и нам и тебе. Что было опасного, мы вначале распугали или постреляли. В котловину не пойдем. Да и дороги там осталось всего ничего.

– Не люблю, когда все хорошо, обязательно в конце что-нибудь случится.

Доцент пожал плечами.

– Что будет, то будет. Свернуть мы все равно не можем, а я не знаю никого, кто решился бы напасть на такую ораву.

– Ну, да. И про мозгляка и вампира ты никогда не слышал...

– Мозгляк не полезет, а вампир – это сказки. Никто их не видел. Каждый слышал про случай, случившийся с соседом соседа, в другом поселке, но сам не видел.

– Не сказки. Я видел. И Штык видел, только он не расскажет. Он спился и в какой-то канаве сдох.

– Да ну, – насмешливо сказал Доцент, – никто не видел, один Ковбой!

– Зря смеешься, – тот повернулся и посмотрел спокойно. – Сам знаешь, кто я такой. Ни в бога, ни в черта не верил, а сам к Прохорову пришел. Нарвался я на них. Если по прямой идти – километров двести от третьего столба будет.

Доцент кивнул, он явно знал, о чем речь.

– Вечером они пришли. Часовой даже не пикнул, а утром нашли его высосанным. Не горло, как в фильмах ваших дурацких, а на руках вены прокушены. Нас было семеро, и все не первый раз в рейде. Битые, опытные. И чтоб такой стоял и

даже голоса не подал, пока его кровосос харчует? Мы устроили засаду. Двойками всю ночь сидели, а утром... двое в том же виде. Тут уж мы всё бросили и уходить стали. Только далеко не ушли – ночью еще двое погибло. И опять мы ничего не видели и не слышали. А утром они нас ждали на дороге. Вот так просто стояли и ждали. Выглядят как люди, нормально сложенные, только голые. Двое их было, и обе бабы. Никакой особой красоты. Высокие, худые, сплошная мускулатура и клыки изо рта, как у саблезубого тигра на картинке. Я стрелять стал сразу и ни разу не попал. Это я-то! Они так быстро двигались, что я даже не видел движения. Вот она стоит, а вот ее нет. И не нападали, как будто играли. А Штык упал на колени и стал креститься. Они уставились на него с интересом, и одна что-то другой говорит. Я не полиглот, но уж в Зоне у меня проблем нет – разные славянские наречия слышу не в первый раз, а английский, французский, немецкий, если и не пойму, так что за язык – узнаю. Но того, на котором они говорили, никогда не слышал. А бабы вдруг повернулись и убежали. Никаким бегунам такая скорость не снилась. Я долго потом думал. Вот не испугались они креста и «Отче наш», но трогать нас не стали. Значит, есть что-то в этом. Жить надо как положено, нечего шляться за всякой дребеденью.

– Так тем более нечего бояться. Вас они трогать не станут.

– Дурак, – сказал Старик с сожалением, вставая. – Я для чего рассказал? Чтобы похвастаться? Мне это не нужно. Ме-

ня и так знают. Просто ничего мы не знаем про планету, на которой живем, там могут бродить монстры еще похуже уже знакомых. Не расслабляйтесь. Если ночь прошла – это еще не значит, что все кончилось. Сами знаете – мы встаем еще до рассвета. Пока скотину на водопой отгоним, пока позавтракаем и фургоны растащим. Пока волов в них запрягут, солнце уже высоко стоит. Вот этот промежуток самый опасный. Ты не ленись, поработай.

Он не прощаясь, быстро ушел.

– О чем это он, «поработай»? – с недоумением спросил я.

– А, мы друг с другом давно знакомы, Ковбой меня когда-то учил. Его действительно хорошо знают, очень удачливый рейдер. Вдруг все бросил и пошел за этими. Ты не бери в голову, он это мне сказал. Есть у меня такая способность, чувствовать неправильность. Не могу объяснить как, но, если специально напрячься, могу унюхать любого врага за несколько километров. Вернее, не так. Какой мне враг тигр, просто кушать хочет. Но вот если он имеет намерения меня сожрать, то я буду знать заранее. Включилось у меня такое после той истории с зомби. Я надеюсь, тебя не надо предупреждать, что даже среди своих о таких вещах лишний раз упоминать не стоит? Кому надо, тот знает. Вот и хорошо...

Глава 5

Подземелье

– Ага, – довольным тоном сказал Волк, остановившись и глядя на речку. – Значит, все правильно.

Остальные подъезжали один за другим и радостно переглядывались. Мы только что выехали на берег довольно широкой и полноводной реки. Вид, открывшийся нам, был красивый. По берегам росли главным образом ивы, березки и осины, хотя кое-где попадались и хвойные деревья. Нормальный российский пейзаж.

– Где-то здесь надо поискать место для переправы. Если мы не сильно отклонились от направления, еще день, и будем на месте, – и Волк толкнул лошадь коленями. Остальные двинулись за ним.

– И откуда видно, что это то самое место? – тихо спрашиваю у Доктора.

– А ты еще раз на реку посмотри. Внимательно.

Я завертел головой, пытаюсь понять, что такое они все видят. Река как река, не слишком широкая на фоне Дуная, по дороге мы видели уже парочку похожих, не считая бесчисленных ручьев.

– Не понял? – спросил Доктор, усмехаясь.

– Нет.

– Все речки, которые мы видели, идут с севера на юг и

впадают в Дунай, – тоном лектора сообщил он. – А куда эта течет?

– О! – умно сказал я, глядя на мусор, проплывающий вниз.

– Вот именно. Она вытекает из Дуная и идет, что интересно, вверх. Совершенно ненормальное поведение для воды. Значит, можешь сразу убедиться, что мы въехали в аномалию. Самое место для поиска.

Через четверть часа мы заметили, как река стала поворачивать мимо огромной скалы. Здесь она широко растекалась, и уровень воды позволял легко перейти на другую сторону. Цепочкой обогнули скалу и, выезжая на противоположный берег один за другим, останавливались, глядя вниз. За излучиной река разом становилась много шире и мельче – то тут, то там из-под воды виднелись камни. Она плавно отклонялась на восток, делая огромную петлю, и берег постепенно сглаживался и сливался с равниной, лежавшей к северу и востоку. В широкой долине, поросшей высокими травами, паслись стада животных. Там были зубры, олени, дикие лошади и мелькало множество птиц.

– Ну, – пробурчал Дядя, – с пищей проблем не будет.

– Есть, – напряженно сказал Рафик, разглядывавший в бинокль склон холма. – Там все заросло, но цвет у земли другой.

Кузнец уверенно ткнул рукой в соседний холм:

– Там тоже.

– А я что говорил? – воскликнул Волк. – Тут не старый дом, тут целый поселок. Надо было забить на баптистов болт и идти сюда сразу. Мы просто не успеем все осмотреть, холода скоро.

– Договор есть договор, – с обычным для него брезгливым выражением лица сообщил Дядя. – Плевать на сектантов, слово надо держать.

– Поехали, посмотрим, – хором сказали Доцент с Торпыгой.

– Я смотрю, вы явно перевозбудились, – холодно сообщил Рафик. – Нет уж, сначала разобьем лагерь, потом пойдем смотреть на месте. Или, может, мы прямо кинемся разбираться между собой? Сначала надо найти хоть что-то.

Никто не ответил.

– Вот и правильно, – разглядывая всех по очереди, сказал он. – Лучше помолчите. Вернемся домой, недовольные могут валить на все четыре стороны. А сейчас я здесь командую.

– Подожди, – сказал Волк и протиснулся мимо меня к стене.

Я воткнул лопату в землю и, с облегчением вздохнув, сел прямо на землю, глядя, как напарник старательно расчищает камень. За последние дни мы при помощи этого замечательного инструмента перекидали столько земли, раскапывая стену, что вполне могли в дальнейшем поделиться опы-

том с экскаватором. Мозоли уж точно были совсем не игрушечные. Впрочем, и остальные работали не меньше, отвлекаясь только чтобы подстрелить очередного оленя на еду. Вчера добрались до входа в одно из зданий, после чего мы вдвоем были отправлены на новые раскопки больше чем за километр от прежнего места. Это было достаточно обидно, хотелось и самому посмотреть, что там интересного.

– Ага, – довольным тоном сообщил Волк. – Правильно копали, можешь посмотреть.

– Я и так прекрасно вижу, – не вставая, сказал я. – Невразумительные черточки и кружочки. То ли от времени, то ли еще по каким причинам толком разобрать нельзя. Вполне возможно, это была надпись, и можно даже ее скопировать. Ты еще скажи, что на ней написано «Главное хранилище артефактов».

– Зря смеешься, читать эти надписи многие могут.

– Вот только с пониманием проблемы. Каждая буква понятна, а что написано, хрен его знает.

– Древнеегипетского языка тоже никто не знает, но надписи вполне читаются. Но тут ты прав, Розеттского камня с надписью на двух языках – и чтоб непременно один был русский, пока не нашли. Только в данном случае и читать не нужно. Эти поселки строили по одному плану – кругами, вместо прямых улиц. Сдвиг у них, что ли, был, прямых углов не любили. В больших окружностях жили, в маленьких были мастерские и склады. Ты еще спрашивал, почему мы

так странно копаем – то здесь, то там, а не подряд. Подряд раскопки делать – это работа на несколько лет и не одному десятку человек. Так что мы пытаемся сливки снять, и за это нормальный археолог, учившийся по учебнику Авдусина, просто обязан нас на месте расстрелять. В жилых помещениях почти ничего найти нельзя – или сгнило, или унесли. А вот в общественных зданиях все что угодно бывает. Такая невразумительная надпись – это четкое указание, что здесь не частный дом, и почти наверняка что-то будет. А еще это значит, что вход должен быть прямо под ней. Он всегда выходит на восток, но вечно гуляет. То справа, то слева, иногда посередине. Скорее всего, дома позже достраивали, но попробуй правильно найди, если тут все заросло и землей засыпано. А теперь вот точно известно, что мы на правильном пути. Хотя странно это, очень высоко должен быть вход. Разве что здесь что-то нетипичное.

Он взял свою лопату и с героическим видом воткнул ее в землю под надписью.

– Знаешь, – вставая и нехотя берясь за свою, сказал я, – у меня такое впечатление, что иногда ты забываешься и выпадаешь из образа дикого чеченца, только что слезшего с гор. Начинаешь нормально разговаривать и употребляешь массу слов, которые тебе должны быть не известны. При этом даже акцент почти исчезает.

– Для начала – я вовсе не чеченец, – ухмыляясь так, что даже на волчьей морде, совершенно не приспособленной к

передаче человеческих эмоций, была написана усмешка, сообщил он.

Я успел привыкнуть к его достаточно жуткому виду и уже давно не воспринимал как какого-то уродя. Ничего нечеловеческого в его поведении при всем желании найти было нельзя.

– Я – гордый ингуш, – продолжал Волк, – что гораздо лучше, но поскольку все равно вайнах, то не особо волнуюсь по этому поводу. Это там было различие, да и то не для ментов, которым без разницы, с кого бабки собирать. Хотят считать чеченом, на здоровье... И потом, я успел окончить три курса экономического факультета МГУ, пока... мда, это не важно. Во всяком случае, я учился не за деньги, их у нашей семьи не было. А археологические раскопки – первое дело для таких искателей Фортуны, как мы. Вот только не любят господа рейдеры делиться информацией друг с другом. Незачем конкуренту знать разные интересные подробности. Можно ведь наведаться после ухода другой группы и на совершенно законных основаниях найти что-нибудь на самом видном месте, куда те заглянуть не догадались.

Все это время он, говоря, продолжал безостановочно копать, выбрасывая землю наверх. Внезапно лопата провалилась в пустоту.

– Есть, – сдавленно произнес Волк. Мы молча переглянулись, и я переместился к нему поближе. Потом, все также ни слова не говоря, мы заработали как одержимые. Пот ручьями

стекал по лицам, но, даже задыхаясь от усталости, продолжали копать, пока не освободили вход. Это была не дверь. Ее как раз намертво переклинило, и сколько мы не пытались, сдвинуть было невозможно. Зато в верхней части при перекосе осталась довольно большая щель, куда можно было протиснуться.

Мы посмотрели друг на друга. Оба грязные, в земле и потеках пота, с горящими от возбуждения лицами.

– Кажется, это был приступ золотой лихорадки, а Боксер? Будем звать остальных?

– Я голосую – слазить посмотреть самим.

Волк поднял голову и посмотрел на Солнце.

– Часа два у нас есть до обеда, потом пойдем позовем остальных. Слегка прогуляемся, только не рассчитывай на что-то особенное. Хотя новичкам везет.

Он подтянулся, зацепившись за верхний край отверстия, и, обдирая бока об узкую дырку, скользнул вниз.

– Нормально, – тут же раздался его голос. – Можешь лезть.

Я быстро собрал вещички и пропихнул их туда же. Потом, ухватившись руками за верх, ногами вперед отправился следом. Пол оказался неожиданно близким и мягким.

– Ты что, охренел, – прошипел Волк, – зачем тебе здесь винтовка с рюкзаком? Тут даже покойников нет, чтобы в них стрелять.

– Я без своей любимой, – вешая СВД на плечо, сказал я, – чувствую себя голым. И потом, знаю я эти шуточки: вылезем,

а там ничего нет. И будете мне дружно поливать мозги, что нельзя оружие оставлять без присмотра. Я это еще в армии кушал. А в рюкзаке фонари и еда, прямо здесь и перекусим.

Я осмотрелся. Из дыры падал тусклый свет, позволяя хорошо рассмотреть круглое, абсолютно пустое помещение, на полу которого за многие годы скопился толстый слой земли и сгнивших листьев, поднимающийся почти до самой щели в дверях. Не удивительно, что я так мягко спрыгнул. В противоположной от нас стороне было темное отверстие в виде арки, ведущее в коридор.

– Ну что, пошли? – утвердительно спросил Волк и двинулся в ту сторону, подсвечивая фонариком, извлеченным из рюкзака, пока я пялился по сторонам. – Это прихожая, если внимательно посмотреть вон туда, – он показал на свод арки, – можно увидеть очередную надпись. На этот раз вполне читабельную, но также совершенно не понятную. Они есть всегда и давно уже не вызывают особого интереса. Порогов тут нет, но под ноги смотри внимательно. Иногда пол проваливается. Это не ловушки, просто от времени.

Через несколько минут коридор резко оборвался. Очередная арка вела в еще одну круглую комнату, где посредине возвышалось монументальное сооружение, явно исполнявшее роль стола, а дорога, идущая дальше, была перекрыта проржавелой решеткой. Я тронул ее, и рука провалилась вместе с остатками витого прута. Тогда, недолго думая, ударил ногой и пробил изрядное отверстие. Еще пару ударов, и

можно было нормально пройти.

Волк подошел, отряхивая руки. Все это время он деловито шарил по останкам стола.

– Пусто, – сообщил он. – А ты, я вижу, постигаешь науку археологию. Ногами их – эти никому не нужные древности, нечего разными глупостями маяться. Идем.

Коридор был по-прежнему пуст, но теперь по бокам стали часто попадаться закрытые решеткой помещения. В одно мы ради интереса зашли, выломав преграду, но кроме пыли ничего интересного не обнаружили.

– Тебе не кажется, – спросил я, – что коридор идет по большому кругу? Вроде прямо идем, но ощущения какие-то странные.

– Не кажется, – рассеянно ответил Волк, заглядывая в очередную комнату. – Он всегда идет спиралью. Я ж говорю, они прямые углы явно недолюбливали. Так что Америку тебе открыть не удалось. Но место очень интересное. Никогда о таком не слышал. Мне почему-то кажется, что это все очень напоминает тюрьму. Контрольный пост на входе, камеры, решетки. Ты обратил внимание, что стены внутри исписаны явно вручную? Надо думать, ихним матом по поводу содержания.

– А где тогда трупы?

– Какие еще трупы?

– Ты посмотри внимательно – решетка вмурована в стены. Выйти нельзя. Ну, жрать заключенным, допустим, сквозь

пругья давали, а как они вышли?

Волк подошел к очередному отверстию и, светя фонариком, внимательно осмотрел решетку.

– Действительно, – задумчиво сказал он. – Если внутри кто-то был, куда делся? А если не был, на хрена решетки?

– Может, они были, но от старости рассыпались?

– Шестьсот лет – ерунда, все кости в пыль рассыпаться не могут, – задумчиво пробормотал Волк, шаря лучом фонарика по стенам камеры. Потом узкий луч света остановился. – Ну вот, и эта гадость тут.

– Что? – с недоумением спросил я, глядя на странный орнамент на потолке.

– Это называется «Выворотень». Из тех Вещей, которых человеку лучше не касаться. Обычно они мертвые, но иногда они бывают в рабочем состоянии и тогда тянут жизнь из человека. Он стареет, и все болезни моментально обостряются. А меченые, бывает, прямо на глазах дохнут. – Он шагнул к соседней решетке и осветил на потолок. – И здесь есть. Не, я в эти камеры заходить больше не буду и тебе не советую. И решетка тоже с каким-то орнаментом. Точно тебе говорю – тюрьма это, да еще и для смертников. Идем лучше дальше...

– И много таких «Выворотней» встречали? – через некоторое время спросил я, глядя на бесконечные темные отверстия.

– Да нет, не очень. В основном слухи ходят, пугают. Но вот это стало известно очень широко после одного случая. Ков-

боя помнишь? Однажды он приволок с десяток таких рисунков, только вырезанных на металле, размером как у счетчика и загнал их перекупщику за большие деньги. Все бы ничего, но тот вдруг помер, а потом в доме начали один за другим умирать люди. Полиция разобратся пыталась и ничего не нашла. А люди все умирают. Как число умерших за три десятка перевалило, эльфов позвали. Вот они и продемонстрировали на практике. Если положить под клетку с мышью или еще какой живностью эту самую руну, все очень быстро откидывают копыта, у кого они есть. А у кого нет, зависит от размера. Чем меньше, тем быстрее. А потом для общего образования напечатали рисунок, чтобы все знали. Вот только Ковбой говорит, что рун этих там было восемь, и что делают остальные – теперь уже никто не узнает. Может, наоборот, долголетие дарят. Унесли хорошие эльфы в свои кладовые и возвращать с объяснениями – что это такое и зачем нужно, – не собираются. Только им тоже не удалось все найти. Пять нашли, а еще три то ли продать успели, то ли сперли. Где-то они гуляют и не известно, что делают. Трупы, во всяком случае, на улицах не валяются.

Он остановился, глядя на остатки очередной решетки, когда-то перегораживающей коридор. Потом осторожно перешагнул ржавые обломки и обвел фонариком помещение. – Поздравляю, похоже, мы пришли в центр, – сказал он. – Экскурсия почти закончена. Если и здесь ничего нет, будем потом планомерно идти по всем камерам и смотреть, не зава-

лялось ли там что. Только без меня. Это не храбрость – это дурь. Я под «Выворотень» не полезу. Но мучает меня мысль, что где тюрьма, там и вещи заключенных храниться должны. Всякое такое личное имущество, которое отбирают на входе. Вон, смотри, стол, а за ним натуральный шкаф с ящичками. Стол, как и на входе, сгнил, а вот ящики выглядят как новенькие. Проверим?

Мы подошли к занимавшему всю стену стеллажу, сделанному из металла и выглядевшему как картотека. Он был поделен на множество отделений, и на каждом когда-то была надпись. Сейчас она еле разбиралась, полустертая от времени, да и освещение не из лучших.

Волк положил на пол рюкзак, пристроил на него фонарик, чтобы он освещал ящик, и попытался засунуть в узкую щель лезвие ножа. Тот не входил, и меченый, не особо стесняясь, пару раз ударил со всей силы. Пользы от этого вышло немного: несмотря на то, что ящичек не выглядел толстым, поддаться он не собирался.

Я двинулся в другой конец комнаты, подсвечивая своим фонарем и надеясь найти более обещающее место для приложения сил. За спиной Волк продолжал пыхтеть и ругаться, пытаясь открыть столь любимившийся ему ящик. И тут я увидел прямо на стене на уровне плеча нарисованную ладонь. Она очень напоминала человеческую, вот только безымянный палец чуть-чуть короче. Стоило чуть сдвинуться, и она исчезала. Вряд ли дело в паршивом освещении, сколько

я ни пытался разглядеть рисунок с разных ракурсов, видно было только оттуда, где я стоял – с точно очерченного места. Я шагнул вперед и положил свою ладонь поверх нарисованной. И сразу торопливо отдернул руку. Очень слабо, но ощутимо долбануло током.

– Что ты там топчешься? – недовольно спросил Волк.

– Да я тут на стене кое-что увидел – похоже, Ушедшие оставляли своей полиции еще и отпечатки пальцев.

– Не трогай! – заорал Волк.

И тут пол подо мной провалился. Это не был обвал. Вот тот самый четко очерченный круг, откуда можно видеть рисунок ладони, быстро поехал вниз сквозь сплошной камень. При этом сверху раздался лязг, и выскочившая крышка закупорила меня и сверху тоже. Больше всего это напоминало спуск лифта, только, судя по ощущениям подскочившего к горлу сердца, очень быстрое.

Я снял с плеча винтовку и, дослав патрон, приготовился к чему угодно. Лифт продолжал спускаться. Постепенно ожидание опасности притупилось. По времени и скорости лифт должен был уже уехать на пару километров в глубину. Я сел на пол, прислонившись к стене, и стал ждать. Время шло, а движение все не прекращалось. Пора уже было выезжать в здешнюю Австралию, и тут, как будто подслушав мысли, спуск явно замедлился. С резким толчком, от которого я чуть не упал, спуск прекратился, и лифт гостеприимно распахнул дверь по закону подлости прямо у меня за спи-

ной. Прислонившийся к тому, что считал стеной, я невольно упал и, быстро перекатившись, приготовился стрелять.

Я находился в длинном, очень похожем на тот, что мы сегодня обследовали, абсолютно пустом коридоре. Никто не собирался на меня бросаться и, хихикая, тыкать пальцем, радуясь удачной шутке. Если и присутствовал кто здесь, то очень много времени назад. Все стены заросли каким-то странным мхом, который слабо светился и давал возможность разглядеть уходящий вдаль путь. Пол ровный, но местами с какими-то странными наростами. Я даже поковырял один пальцем, но так и не понял, что это такое – обычная, закаменевшая от времени грязь или что-то брошенное.

Сзади раздался тихий шелест, и я резко обернулся, чтобы увидеть, как дверь закрылась. Тут уж я не выдержал и взвыл от злости, со всей дури пнув стену и громко матерясь. Хуже стало только ушибленной ноге, стенка никак не отреагировала. Я сел напротив и уставился на нее ненавидящим взглядом.

Можешь себя поздравить, Леха, подумал я грустно. Влип. Никакой гарантии, что кто-то полезет за тобой. Даже не потому, что им начхать на тебя. Надо еще найти это место, где ладонь нарисована. Допереть, что сделать нужно, и дожидаться спуска. Кому в голову придет, что я не отправился в дырку головой вниз навечно, а довольно мягко спустился? Со всем не факт, что сработает по второму разу и сюда же. А у них там со временем напряг. Уже похолодало, осень на носу.

Собирались поработать еще пару недель, пока дожди не начались, и уходить до следующего года. А еды у меня с собой нет, воды тоже. Рюкзак у Волка остался. Долго ждать нельзя, загнусь.

Значит, что? Рассчитывать стоит только на себя. Идти и надеяться, что хоть куда-то выйти можно. На всякий случай, стрелки на стенах рисовать. Я вытащил нож и чиркнул по стене. Мох срезался прекрасно, оставляя изъеденную поверхность, и при этом в районе моей работы засветился даже ярче. В результате минутной возни оставил свои инициалы и стрелку направо, показывающую куда собрался. Хреновня, конечно, но пусть будет. Потом привычно повесил винтовку на плечо и зашагал в неизвестность.

Выбора особого не было, никаких развилок не попадалось, так что я неторопливо шел, заглядывая в комнаты по бокам, время от времени попадавшие по пути. Решеток здесь не имелось, но и мусора тоже. Кроме толстого слоя пыли на полу и мха на стенах ничего не наблюдалось. Все было совершенно пусто и голо. Так я себе спокойно и шел, пока в одной из комнат краем глаза что-то не заметил. Прежде чем войти, тщательно осмотрел пол и потолок, но никаких орнаментов не заметил.

Я осторожно потыкал стволом винтовки тело, хотя и так было ясно, что тварь давно сдохла и мумифицировалась. Но лапать руками как-то не тянуло. Больше всего это было похоже на крысу, только размером с небольшого такого медве-

дя. Все остальное в наличии. Длинный голый хвост, торчащие из оставшейся навсегда открытой пасти острые зубы и серая шерсть. Чем такое чудовище могло питаться и что ему было делать в этих бесконечных коридорах, совершенно непонятно. Оно могло лежать здесь неделю, а могло и столетия. По виду ничего не поймешь.

Я тяжело встал и, выйдя в коридор, пометил комнату своими инициалами, срезая мох на стене длинными полосами. Если удастся выбраться, вполне возможно найдутся желающие поизучать очередную аномалию. Явно мутант.

Пить хотелось все больше, желание поесть отступило куда-то на задний план. Снова долго топал по коридору, один раз ненадолго задремал, но жажда все сильнее гнала вперед. Я уже даже отдаленно не представлял, сколько прошло времени, и шел исключительно на силе воли.

Потом путь преградил огромный пролом в полу. Сверху упало что-то очень тяжелое, пробивая пол, и теперь стало видно, что наверху шел еще один параллельный коридор. Внизу, похоже, тоже. Не особо задумываясь над своими действиями, я по свисающим обломкам какой-то арматуры осторожно перебрался этажом выше и через четверть часа бессмысленной ходьбы по такому же точно коридору наткнулся на арку в стене с хорошо знакомым отпечатком ладони. Недолго думая, я положил свою сверху.

Ощувив знакомый укол тока, напрягшись, стал ждать очередного лифта. Вместо этого в глубине стены что-то шелк-

нуло, и в ней неожиданно открылась дверь. Не дожидаясь приглашения, я шагнул внутрь, и дверь за спиной закрылась. Это опять было маленькое помещение, закрытое со всех сторон, но ни спуска, ни подъема не произошло. Вместо этого из отверстий под потолком раздался противный свист, и вдруг заложило уши как при перепаде давления. Прямо напротив меня открылась еще одна дверь. Я вошел в новое помещение и... с нечленораздельным воплем метнулся вперед. Посредине очередной круглой комнаты находился маленький бассейнчик вроде ванны, заполненный до краев водой.

Я упал животом на бортик и стал торопливо пить, пока вода не полезла назад. Только тогда немного пришел в себя и первым делом машинально проверил винтовку – обнаружил, что даже в полностью невменяемом состоянии автоматически прислонил ее к бортику, а не бросил где попало. Устало сел на пол и моментально провалился в сон.

Вздвогнув, я выскочил из кошмара, где за мной бегали какие-то монстры с капающей с клыков кровью и упрашивали меня поделиться небольшим куском моего собственного тела. Особенно они давили на отсутствие у меня желания оказать помощь их маленьким голодным деткам. Короче, натуральный идиотизм. Тяжело поднялся и осмотрелся, пытаюсь найти хоть что-нибудь, куда можно налить воды, но комната была стандартно пуста, если не считать бассейна. Что интересно, воды в нем не убавилось. Огорченно вздохнув, я подобрал винтовку и, направившись к арке, в очередной раз

положил ладонь на рисунок. Только на этот раз ничего не произошло. Я подождал и проделал все снова. Реакции и на этот раз не последовало. Идти обратно страшно не хотелось, и я решил подождать и попробовать позже. Опять долго пил и незаметно заснул.

Проснулся весь в поту и явно с температурой. С трудом дошел до двери и, не получив от нее удара током, почти довольный вернулся на место. Во рту был страшный сушняк – там будто насрало целое стадо козлов. Снова долго пил, уже понимая, что заболел. Через некоторое время услышал цоканье по полу, как будто приближалось какое-то животное, стуча когтями. В маленькой комнатке ему неоткуда было взяться незамеченным, и я долго озирался, пытаюсь сообразить, что происходит.

В очередной раз очнулся и резко сел. Чем бы ни была эта болезнь, она явно отступила. Сколько прошло времени, я совершенно не представлял, в голове мелькали воспоминания о каких-то жутких глюках и как я стрелял в каких-то врагов.

Из СВД действительно стреляли, магазин был пуст, но в памяти не сохранилось ничего, только ощущение страшного жара и неизвестно что говорящие потусторонние голоса. Вообще присутствовало впечатление, что все чувства подкрутили до самой верхней планки, смазали и улучшили. Сейчас я не испытывал никаких болей, ничего не слышал странного, но жутко хотелось есть. Загнал в винтовку новый магазин, хотя не очень и понимал, кого здесь стоит опасаться.

Вновь проверил дверь. На этот раз никаких проблем. Сразу отворилась. Очередной тамбур, еще одна дверь и... я резко остановился. Прямо за дверью лежали груды белых костей, покрывая весь пол. Пройти иначе, чем наступая на них, невозможно, и не надо быть большим спецом, чтобы понять, что большинство из них человеческие, хотя явно попадались и звериные. Я торопливо сдернул винтовку с плеча, дослал патрон и, напряженно осматриваясь по сторонам, двинулся вперед.

Нога неожиданно подвернулась на одной кости, и, не удержавшись, я упал прямо на очередную кучу. Кости с грохотом разлетелись во все стороны, и прямо перед носом я увидел плоский пенал, как для игры в домино. Быстро сев и не отрывая взгляда от коридора, где могла таиться опасность, поспешно засунул его в карман куртки, быстро поднялся и торопливо зашагал к двери, по-прежнему не понимая, что такое случилось со всеми этими погибшими, но страстно желая оказаться как можно дальше отсюда.

Привычно хлопнув ладонью по рисунку, я настороженно продолжал следить за пустым коридором. По ногам резко ударил пол, и я с ликованием понял, что на этот раз лифт тащит меня вверх. Уже привычно уселся на пол и стал ждать, держась подальше от стены, чтобы не вылететь как в прошлый раз. Как ни странно, ожидание вышло не долгим, подъем прекратился. Дверь отворилась, и по глазам ударил свет, так резко и неожиданно, что невольно потекли слезы. Я по-

спешно выскочил из лифта и изумленно уставился на окружающий пейзаж. На горизонте четко торчали горы с хорошо видимым на вершинах снегом. Ничего даже близко похожего с Дуная увидеть было нельзя.

Глава 6

Начинаются неприятности

Первое, что я рассмотрел, проморгавшись от слез, был здоровенный грызун, сидящий на склоне оврага и с интересом посматривающий на меня. Руки все сделали автоматически, без малейшего участия разума, и пуля снесла странную вытянутую морду, сидящую на плечах практически без шеи.

С громким рычанием, в котором я задним числом с небольшим удивлением опознал собственное, я метался по окрестностям, собирая сушняк, и трясущимися руками запалил костер. Прямо здесь же полосовал тело убиенного зверька, торопливо пластая его на куски, совал в огонь и пожирал местами не прожаренное, местами пережаренное мясо. В этот момент я совершенно не соображал и рвался только набить желудок. Только слегка насытившись, подумал, что так можно заработать и заворот кишок, но мысль эта промелькнула где-то на краю сознания. Спустившись к ручейку, текущему по дну оврага, с наслаждением напился и, вернувшись, продолжал уже более спокойно доедать остатки.

К вечеру от несчастной скотинки, которую я после некоторых колебаний решил считать барсуком, остались только кости и внутренности. Тут, наконец, организм сообщил, что пора и успокоиться. За короткий срок я умудрился съесть килограммов десять мяса и чувствовал себя прекрасно, что в другое время изрядно удивило бы, но сейчас совершенно не хотелось думать. Впереди была полная неизвестность, но кроме ощущения приятной сытости ничего не волновало.

Я долго сидел у костра возле упавшего дерева, время от времени подбрасывая в него очередную ветку в совершенно блаженном состоянии. Очень хотелось издать дикий вопль и начать лупить себя по груди как горилла, но от тяжести в желудке максимум на что хватало – это лениво шевелиться. Я не только умудрился выжить, но еще и выбрался.

Утром проснулся бодрым и в хорошем настроении. Голова работала четко, не занятая единственной мыслью пожрать. Впрочем, где-то на периферии мелькало желание добавить, но это не шло ни в какое сравнение со вчерашним нерассуждающим голодом. Это можно было отложить на потом.

Единственное, что было понятно – занесло меня очень далеко. Конечно, можно было определить широту и долготу, и в голове услужливо всплыла подсказка, что широту места можно определить с помощью такой вещи, как секстант. Знать бы еще, как он выглядит. А долгота определяется как угол между плоскостью меридиана, проходящего через дан-

ную точку, и плоскостью начального нулевого меридиана, от которого ведется счёт долготы. Короче, может, доблестный штурман с морского корабля и был на это способен после обучения в мореходке, но только не бывший десантник и механик.

Так что все, что можно было придумать – это топать вдоль ручьев и рек в направлении востока, стараясь не сильно отклоняться от маршрута. Что мне надо именно на восток – особых сомнений почему-то не было. Солнце и на другой планете по умолчанию восходит на востоке, а садится на западе, так что приблизительное направление известно. И что поторапливаться необходимо тоже. Пока я шатался по коридорам, потеряв счет дням, на поверхности явно наступила осень. Уже изрядно похолодало, и легкая куртка не очень спасала от ветра.

Первым делом я провел инвентаризацию своего имущества. Винтовка была на месте, вот только я умудрился расстрелять обойму еще под землей. По хомячьей привычке пустую я тоже сунул в карман. Если вычесть выпущенную в так удачно подвернувшегося барсука пулю – то осталось только девять. Поход ожидался длительный, и этого явно недостаточно. На всякий случай проверил оба магазина и тщательно обшарил все карманы, попутно выгребая оттуда содержимое. Чуда не произошло: патронов было по-прежнему девять.

Еще имелись нож, фонарик и плоская коробка, вытасчен-

ная из подземелья. Я осмотрел ее со всех сторон и, надавив на выступ сбоку, открыл. Внутри лежали двадцать четыре шестигранных пластинки вроде костяшек домино, только размером побольше. К верхней грани крепилось кольцо, явно напрашивающееся, чтобы вдеть веревочку или цепочку и повесить кубик на шею. На остальных сторонах были цифры и буквы – догадаться было несложно, даже если бы мне уже не показывали такое раньше. Точка, черточка, две, три черты, квадратик, перечеркнутый квадратик и так далее – каждый значок соответствовал единице, двойке, четверке и так до пяти. Потом над черточкой ставилась точка, и это явно была шестерка и далее до десяти. Просто точка, скорее всего, ноль. На внутренней стороне коробки опять цифры и буквы. Явно Вещь из тех, что все ищут. Вот только что с ней делать – неизвестно.

Вздыхнув, закрыл коробку и, выругавшись, отдернул палец. Поцарапался обо что-то острое. Машинально сунул ее назад в карман, дополнительно застегнув молнию. Коробка мне очень напоминала рассказы Джека Лондона про мешок с золотом и отсутствие еды. Может, она миллион стоит, но как использовать ее, все равно неизвестно, и пользы в ближайшее время не предвидится.

Тут я замер, пытаюсь сообразить. Чего-то не хватало! «Зажигалка!» – понял с испугом, ощупывая карманы снова. Вчера я разжег костер. Значит, она где-то рядом. Я торопливо стал ползать вокруг костра, тщательно осматривая землю, и

неожиданно заметил свою драгоценность. Она валялась под камнем. Присев, попытался достать, но пальцы не доставали. «Нарочно так не засунешь», – с досадой подумал, пытаюсь дотянуться. Кончики пальцев зацепили гладкую поверхность и вытянули зажигалку наружу.

Я оторопело уставился на собственную кисть, с зажатой в ней китайской одноразовой драгоценностью. На пальцах был лишний сустав, который прямо на глазах исчезал, втягиваясь. Через пару минут рука выглядела совершенно нормально. «Влип» – мелькнуло у меня в голове. Торопливо вскочил и метнулся к ручью. Упав на колени, попытался рассмотреть в воде свое лицо. Лицо как лицо, изрядно заросшее щетиной, с глазами, носом и ушами. Хобот и прочие излишества полностью отсутствовали. Ничего особенного не обнаружив, я скинул с себя одежду и попытался осмотреть и ощупать тело везде, где доставал. Все было в полном порядке. Вот только это были вовсе не глюки.

Я попытался успокоиться и вспомнить, как все произошло. Неожиданно понял, что могу поминутно представить себе все действия. Раньше за мной такого не водилось. Как это было? Ага. Я потянулся... не доставал... Сейчас, проверим...

Не вставая, протянул руку за камешком, прикинув расстояние. Не достал и, уставившись на ладонь, попытался найти изменения. Рука как рука, всё на месте и ничего лишнего. Повторный эксперимент тоже ничего не дал. Ладно, мыслен-

но плюнув, решил. Всему свое время. Позже попробую еще. Если я уж стал меченым, то это навсегда. В истерику впадать нет времени, сейчас надо делом заняться. Будем вспоминать детство, не заикливаясь на том, как давно это было и как редко удавалось попадать. Даже если один раз из десяти, все лучше, чем патроны тратить.

Берется ремень кожаный одна штука, вытягивая его из поясных петель, сообщил сам себе. Осторожно режем ремень, слава богу, что он такой широкий, так чтобы было расширение, а остаток вдеваем назад, чтобы брюки на ходу не свалились. Один конец сворачиваем в петлю и продеваем в нее кисть руки. В расширенную часть вкладываем камень, обточенный водой, благо их здесь куча валяется. Теперь, наконец, обращаем свое благосклонное внимание на то, что еще один барсук с самого утра меня внимательно разглядывает, а еще парочка мелькнула довольно далеко. Здесь у них, похоже, целый поселок, но этот не больше чем метрах в пятидесяти сидит. Знает, что успеет удрать от меня в нору, и не боится. Вот и потренируемся.

Я встал и начал вращать пращу с камнем над головой. В голове заработал целый математический институт, определяя, с какой скоростью, в каком направлении и в какой момент надо выпустить свободный конец пращи. От неожиданности чуть не уронил камень – никогда раньше за мной такого не числилось, но решил для интереса сделать, как показано. Барсук продолжал с любопытством смотреть до по-

следнего момента, и камень, с неожиданной силой угодивший в него, был для животного большим сюрпризом. С диким визгом он отлетел в сторону и, нелепо переваливаясь, так как задние ноги не работали, попытался заползти в нору. Я несколькими прыжками подскочил к нему и ударом ноги добил.

«И с башкой у меня тоже что-то не то», – таща трофей к костру, уныло подумал. Никогда такого не было, чтобы так быстро соображал и еще расчеты на ходу делал. Правда, способность совсем не лишняя. Вот бы еще вспомнить, как шкурку снимают, чтоб ничего не испортить. Как бы в ответ на пожелание в голове моментально всплыло: «Шкурку снимают или сразу после убоя животного, или после того, как пройдет трупное окоченение. Для съемки шкурки чулочком никаких разрезов делать не нужно. Сначала подрезают концом ножа губы, отделяя их от десен. После этого шкурку снимают, начиная с головы к огузку. С лап шкурку также снимают без вспорки».

Через час мытарств я громко выматерился. Хороший теоретический совет получил. Жаль, что мне это все проделать практически пришлось. Шкура изрядно пованивала, хотя я долго и старательно чистил ее от остатков мяса и разных волокон, но делать было нечего. Завернув в нее мясо, собрал свои немногочисленные пожитки, с очередным многоступенчатым матом вспоминая буквально дословно исполненный мудрости совет из книги «Ориентирование по солн-

цу и часам»: «Вращая часы в горизонтальной плоскости, направляют часовую стрелку на солнце. До 13 часов угол, образованный часовой стрелкой и прямой, проведенной от оси вращения стрелок на цифру 1, делится пополам (мысленно или положенной на стекло спичкой). Эта линия и будет направлением с севера на юг. Во второй половине дня следует делить пополам дугу, которую часовая стрелка прошла после 13 часов. Направление с севера на юг этим способом определяют приблизительно. В южных широтах применять этот метод ориентировки не рекомендуется».

Не хватало вещей мелочи – свои электронные часы я выкинул еще на второй день переселения по Дашиному совету, а новые купить так и не собрался. Да и последняя фраза в моем положении была просто изумительна. Звезды здесь все равно другие, и я понятия не имел, в каких широтах – южных или северных – я сейчас нахожусь.

Тем не менее, польза от новообретенной способности была, и немалая. Как я выяснил попутно с разделкой мяса, путем экспериментирования, теперь я был способен вспомнить всякую когда-либо прочитанную книгу с любого места. Кроме того, не хуже любого поисковика типа гугла, мог запустить необходимое сочетание слов и получить ответ, например, сведения о повадках диких животных. Как очень быстро стало понятно, мог и телепередачи восстановить дословно и вообще все, что рядом со мной когда-либо произнесли. Однако в знаниях, иногда в самых нужных местах, зияли из-

рядные дыры, когда я пропускал скучные страницы или отвлекался на посторонние дела. Во всяком случае, изучая залежи своей памяти, можно было не скучать.

Я шел уже вторую неделю, стараясь не удаляться от воды. Попадались дубы, сосны и клены. Были и другие деревья, которые я не узнавал, даже несмотря на свою абсолютную память. Ночи становились все холоднее, и я привык спать вполглаза, тем более что рядом постоянно ошивались ночные хищники. Животных вообще было много. По степи ходили стада оленей разных видов, с маленькими и просто огромными рогами, поражающими своими размерами. Носились табуны диких лошадей и ослов. Несколько раз попадались и большие скопища бизонов. Можно легко завалить такого, но я все равно не унес бы много, а на запах крови моментально собрались бы гиены, вопли которых я часто слышал и которых несколько раз видел. Сомнений, что это именно гиены, а не очередное местное страшилище, не было. Именно так они и выглядели в телевизионной передаче про животных. Поэтому нормальной добычей стали суслики, зайцы и охотящиеся на грызунов хомяки. Иногда попадались перепела и куропатки.

Вот и сейчас я увидел неподалеку зайца, притаившегося в высокой траве, и привычно достал свою пращу из-за пояса, вложив в нее камень. Зверек стрелой помчалось прочь, но было уже поздно. С точностью, подсказанной засевающим

в голове гениальным математиком, рассчитавшим траекторию бега зайца и полета камня, и с отработанным на практике опытом, метнул камень и услышал удар. К тому времени, когда дрова прогорели и костер обратился в груды пылающих жаром углей, готовый к жарке заяц был уже насажен на вертел. Я привычно завернул внутренности зайца в шкурку, чтобы выбросить и то, и другое, когда почувствовал новый запах и поднял голову.

Метрах в десяти от меня прямо на склоне мелкого оврага неподвижно стояли двое. Они были одеты в высокие сапоги до колена, кожаные штаны и мягкие на вид, похоже, тоже выделанные из кожи, рубахи и куртки. Все это выкрашено в различные оттенки зеленого цвета и с успехом могло заменять маскхалаты. Если бы они захотели спрятаться, я бы никогда их не заметил, несмотря на свой достаточно большой опыт. В руках у обоих короткие копья, за спиной лук и колчан со стрелами. То, что они показались, скорее всего, говорило об их мирных намерениях. При желании, меня давно могли утыкать стрелами не хуже ежика.

Терять было нечего, и я сделал приглашающий жест, указывая на костер, зайца и себя, даже не пытаясь схватиться за винтовку. Они подошли и присели рядом, аккуратно положив оружие на землю. Это были действительно люди, а не какие-то гуманоиды. Никаких длинных ушей, зеленой кожи и третьего глаза во лбу не наблюдалось. Эльфийской узкоглазости тоже не было. Оба ростом под два метра, рыжие, с

европейской мордой. Правда, оттенки рыжины были разные. Один скорее темный блондин с уклоном в ржавчину. Зато второй весь в конопушках и явно «убил дедушку лопатой».

Показав на себя, я произнес «Леха» и вопросительно уставился на них. В ответ раздалась длинная фраза, в которой имени не было точно. Я демонстративно пожал плечами и пояснил, что ни фига не понял, но в принципе против них ничего не имею. Долг гостеприимства – это дело святое, а потом я слышал, что у разных дикарей не положено убивать того, с кем вместе кушали. Рыжие внимательно слушали, но по-русски явно не понимали. Еще раз показав на жареного зайца, предложил присоединяться и, сняв тушку с вертела, принялся делить ее на три части.

Здесьние зайцы весом под пять килограммов, и его на всех прекрасно хватало. Конопатый повернулся в сторону оврага, откуда они пришли, и свистнул. Оттуда раздалось ржание, и одна за другой появились пять лошадок. Они оказались на удивление рослыми, лохматыми и отличались от земных короткими жесткими гривами. Две из них имели серые шкуры, остальные три были коричневато-желтыми, различаясь в оттенках – от нейтрального бежевого, похожего на цвет здесьних земель, до цвета сена, но обязательно с полосой на хребте.

Я понял, что изрядно преувеличенного мнения о своих способностях к наблюдению. И это притом, что слух, зрение и обоняние у меня после подземелья изрядно улучшились.

А вот добиться повторного увеличения рук или еще чего не удавалось, сколько ни пытался.

Рыжий подошел к последней прибежавшей кобылке, нагруженной какими-то сумками. Он ласково погладил ее по морде, вытащил из сумки несколько картошин и огурцов и принес их к костру. Судя по жестам, это был их вклад в общую трапезу.

Некоторое время мы молча ели, причем гости демонстрировали отменные манеры. Аккуратно пользовались ножом, не отрывали и не вытирали жирных рук об волосы и одежду. Потом они передали по кругу флягу с напитком вроде кваса, и все это не произнося ни слова. Некоторое время они еще посидели, а затем конопатый встал и, указав на одну из лошадей, что-то сообщил, делая приглашающие жесты и показывая мне, что пора подниматься и отправляться. Темно-рыжий уселся на соседнего коня и выжидательно уставился на меня.

– Вы что, хотите, чтобы я поехал? Так они ж без седел, я так не умею, – отвечаю.

В ответ прозвучала длинная фраза. Общий ее смысл, судя по интонации, явно сводился к «Надо, Леха, надо». Я тяжело вздохнул и стал собирать свои немногочисленные пожитки. Рыжие терпеливо ждали.

Опыт моей верховой езды исчерпывался последней парой месяцев, и вряд ли из меня получился хороший наездник. Без седла, с одной попонкой на спине, я настолько уставал

от тряски, что следующие три дня был малоспособен что-то рассматривать и запоминать. Сидеть на широком крупе страшно неудобно, я все время сползал назад, но всякий раз, когда пытался покрепче обхватить лошадь ногами, проклятая зверюга резко вздрагивала, стремясь высвободить свой зад из-под меня. Мои спутники даже ели на ходу и останавливались только на ночь, чтобы дать отдохнуть коням. Уже гораздо позже, когда я начал понимать, что происходит вокруг, то сообразил, что нам на дороге должны были неоднократно попадаться другие люди, но я никого ни разу не видел.

Любые попытки общения тихо игнорировались, но и между собой они обменивались только редкими репликами, которые я быстро выучил, хотя пользы от слов «зажги костер», «напой лошадь», «поехали» или «быстро» для нормального общения было явно не достаточно. На третий день блондин показал на очередную рощу вдалеке и сказал: «Дом». Это слово я уже знал. На любой вопрос звучал очень содержательный ответ: «Дом».

Когда мы приблизились к роще, я даже забыл об отбитой заднице. Это были очень странные деревья. Неизвестно, можно ли было вообще их назвать деревьями, но громадные корни у них явно присутствовали, местами выходя на поверхность. Они росли не только вверх, но и в ширину, и больше всего напоминали деревянные домики, стоящие один на другом в три-четыре этажа и выраставшие из того места, где

положено быть крыше в нижнем.

Самый первый был размером с четырех-пятикомнатную избу, с потемневшими от времени стенами. А чем выше находился домик, тем меньше и светлее он был. Самое верхнее строение по размерам было не больше скворечника, но не было никаких сомнений, что с дальнейшим ростом он увеличится, и в нем поселятся. А из крыши вверх тянулся тонкий ствол.

Вход представлял собой обычное дупло, из которого выглядывали люди, и куда можно было подняться по прислоненной к нему лесенке. Никаких сомнений, что дома выросли, а не построены таким странным образом, даже возникнуть не могло. Прекрасно видны уходящие в землю могучие корни, на коих стоял первый дом, и на разных уровнях прямо из стен домов росли могучие ветки, по которым местами развешено стираное белье. А внизу, вокруг каждого, четко разгороженные квадраты огородов с какой-то зеленью и хозяйственные пристройки.

Между этими удивительными домами росли и нормальные деревья с кустами, посаженные вдоль того, что можно было бы назвать улицей, если бы вместо тротуаров здесь не была обычная утоптанная земля. Но главное, на улицах оказалась масса народу, с интересом разглядывающая наш маленький караван. Волосы всех были самого разного рыжего оттенка – от практически блондинов до кирпичного цвета. А еще все они ростом под два метра, и более низкие – жен-

щины, ничуть не ниже моих метр девяносто. Некоторые здоровались, некоторые нет, но все с любопытством смотрели, побросав свои дела.

Мы остановились в центре роши у очередного дерева-дома, и рыжий показал мне рукой на вход, больше напоминавший дупло. Я спрыгнул с осточертевшего за дорогу коня и с удовольствием потянулся, хрустя всеми костями. Рыжий снова ткнул в сторону лесенки и раздраженно что-то сказал. Кроме «быстрее» я все равно ничего не понял, но не стал спорить и пошел вперед. Собственно, лесенка, по которой требовалось подняться, была не тем, что понимают под этим словом нормальные люди, это просто срезанный ствол молодого деревца, с обеих сторон которого на разных расстояниях оставлены небольшие обрубки веток. При минимальной ловкости нет проблем подняться.

На входе в дупло я потрогал кору дерева. Она, казалось, пульсировала под пальцами, как кошка, которую погладили. Что бы это ни было, но назвать его деревом язык не поворачивался. Оно было если не живое, то, во всяком случае, не мертвое точно. Я шагнул вперед и в падающем из входного отверстия свете увидел практически пустую комнату, с отверстием в потолке, куда шли нормальные ступеньки, вырастающие прямо из пола. У дальней стены стоял маленький столик, и было еще ложе, застеленное шкурами. Там неподвижно сидел человек, со скрещенными по-турецки ногами. За спиной у него несколько полок, явно с книгами, ничем

другим они быть не могли, хотя в голове у меня всплыло слово «фолианты» – с такими большими, окованными металлом, обложками с рисунками.

Я подошел и сел напротив, попытавшись скопировать позу хозяина. С непривычки это довольно неудобно. Мы долго молчали, разглядывая друг друга. Это был уже дряхлый Старик с морщинистым лицом старой обезьяны, высохшим телом и совершенно лысый. Со спины подошла неизвестно откуда взявшаяся девушка и, опустившись на колени, поставила на стол две изящные чашки. Потом в одну налила из «Фляги» какой-то напиток и неподвижно замерла. Старик дрожащей рукой взял чашку, с хлюпаньем отпил оттуда и поставил снова на стол. Внезапно он нагнулся вперед и что-то успокаивающим тоном пробормотал, взяв меня обеими руками за голову и держа пальцы у висков.

В голове у меня стрельнуло, и я невольно дернулся. По ощущениям это напомнило мне то, что делали эльфы на Земле.

– Терпи, – пробурчал старец.

Я от неожиданности замер. Сказано было не по-русски, но я прекрасно понял. Еще несколько минут мы сидели в этом странном положении. Голова болела все больше, потом Старик убрал руки и опять неподвижно замер. Девушка тут же налила в пустую чашку новую порцию питья, и он снова отхлебнул с явным наслаждением.

«Какого черта, – подумал я, – мне бы тоже налили, хоть

попробую». И взял пустую чашку со стола.

– Ты меня понимаешь? – вдруг спросил Старик.

– Да, – вздрогнув от неожиданности, отвечаю автоматически.

– Головная боль скоро пройдет, – сообщил тот. Голос неожиданно приятный. – Я не собираюсь ждать, пока ты выучишь наш Язык, и сразу дал тебе словарный запас. Слишком много сразу, поэтому и болит. Завтра все будет в порядке. Это не полное знание Языка, только слова, хотя и достаточно для простого разговора. Правильно строить фразы и разную мелочь вроде женский род, мужской – будешь узнавать в процессе общения. Не часто к нам попадают чужаки, да еще такие интересные, как ты, – помолчав, сообщил он. – Расскажи мне о себе как можно подробнее...

А что, собственно, я теряю, подумал я. Этот тип явно здесь большой начальник, и меня сразу отвезли на консультацию к нему. Он по результату моего рассказа будет принимать решение. Проблема в том, что я все равно не представляю, что ему может понравиться, а что нет. Значит, нужно говорить одну правду, а там уж надеяться на удачу и авось. И я заговорил.

Легко сказать, расскажи... Как объяснить кочевнику, зачем землю пашут, если он психологически не может этого понять? А как объяснить слепому разницу в цвете? Несколько часов, с трудом подбирая слова, отвечая на уточняющие вопросы и объясняя непонятные термины, я говорил и го-

ворил. Прервались только однажды на еду, которую принесла все та же молчаливая девушка. Заодно она притащила и невысокую табуретку, когда Старик предложил мне сесть нормально. Еда была вполне нормальной. Жареная картошка и тушеное мясо с каким-то непривычным, но приятным вкусом.

Дослушав до конца, он долго молчал.

– Ушедшие... – усмехаясь, сказал Старик. – Шестьсот с лишним лет назад, тут вы не сильно ошибаетесь, было на планете несколько государств, с достаточно высоким уровнем развития, населенных обычными людьми... Что-то они между собой не поделили и, как положено людям, устроили нехилую войнушку. Деталей в здешних легендах, как и причин, найти нельзя. Высокая поэзия и глубокие аллегории. Не уверен, что в тех историях, которые рассказывают посвященным, содержится сплошная незамутненная истина. Мне в этом смысле проще, мой отец был ребенком в те времена. Да, – хихикнул он, видя мое изумление, – мне уже за пятьсот лет будет и недолго осталось. Отец говорил, что явного виновника не было. Все случилось достаточно неожиданно для всех. Впрочем, сейчас это уже не важно.

В общем, начали они друг друга травить химическим, бактериологическим и биологическим оружием, словом, всем, что имелось. Вроде даже атомным, потому что есть места, которые и через шестьсот лет изрядно радиоактивные. И так они старательно это проделали, что все люди дружно отпра-

вились в Места Счастливой Охоты. Вот только в последние лет сто до этой войны научились они вмешиваться в природу. То ли пытались вывести суперсолдат, то ли искали возможность сделать человека, приспособленного к разным условиям, то ли, как положено ученым, на чужие деньги проводили проверку своих завиральных теорий. Брали животных и старались развить в них разум. Скрещивали животных с человеком. Скрещивали животных друг с другом и опять пытались развить в них разум. Пытались привить человеку новые свойства и возможности. В результате, когда человечество вымерло, на развалинах планеты остались жить вот эти, очень разнообразные по виду и поведению, существа. На них основной бич – биологическое оружие и эпидемии – не подействовал. Все-таки они отличались от людей. Часть со временем вымерла, или их поубивали другие виды. Но часть сохранилась и изрядно размножилась. Одним из таких видов были мы. И мы не люди. Мы оборотни. То, что ты рассказывал про ваши дурацкие суеверия, к нам отношения не имеет. На Луну не воем, на прохожих не бросаемся, бесконтрольно не изменяемся и серебра не боимся. – Он заметил некоторое недоумение на моем лице и добавил: – Ты слушаешь, понимаешь слова, но до тебя не доходит смысл. Ну, как тебе объяснить, чтобы понятно было. Смотри...

Он закрыл глаза и уперся руками в стол. Кожа на лице и руках пошла рябью. Поползли, изменяясь, мышцы и сухожилия. Зрелище вышло достаточно противное. С неприятным

звучком прямо на глазах заскользили кости. Через несколько минут напротив меня сидел гибрид гориллы и человека. Он встал, давая себя рассмотреть.

Маленький приплюснутый нос, прижатые к черепу уши и узкий рот, при том что нижняя челюсть стала массивнее. Хотя лицо по-прежнему оставалось узнаваемым. Руки, ноги и живот покрылись редкими волосами, лицо голое. Тело стало короче, и непропорционально длинные руки с острыми когтями делали его странным. Ноги тоже удлиннились – это было видно по изменению позы. Он взял со стола нож и без усилий согнул лезвие.

– Вот это наш второй облик, – сообщил он тем же голосом. – Не у всех одинаковый, есть и другие, но при определенном умении сразу видно, кто есть кто. В таком облике мы становимся сильнее, быстрее, лучше видим, слышим и ощущаем запахи. Вот только работать с этим, – он продемонстрировал острые когти на пальцах, – сложнее. А некоторые в боевом облике вообще не имеют нормальных рук и пальцев. Такие как кошки или волки. Поэтому существует определенная этика поведения. В мирное время мы ходим в основном облике, а это, – он ткнул себя пальцем в грудь, – боевая трансформация.

Оборотни – хозяева равнин, которые занимают треть континента. На востоке у нас горы, на юге – пустыни, на севере – тундра, на западе – леса. Там живут другие существа, иногда сотрудничающие с нами, иногда воюющие, но те террито-

рии для нас интереса не представляют. Существует подробный справочник, написанный для ознакомления. Основные виды, привычки, обычаи, языки и все такое... Можешь посмотреть на меня уважительно: три четверти текста – мое творчество. Как увидишь, проникнешься. Там несколько томов, которые по весу и размеру вполне можно использовать как оружие. На самом деле – это планета, а не твой огород. Вполне могут существовать еще множество видов, о которых не только мы, но и наши соседи ничего не знают.

На мгновение он замолчал, а затем продолжил просвещать меня:

– Большинство из новых видов изначально имели человеческое воспитание и нередко человеческие мозги. Поэтому пошли той же дорогой, что и вымершие люди. Стали создавать государства, города, искусство, религию, науку, производство и все остальное, что положено уважающему себя разумному. На другом континенте существуют достаточно развитые государства. Но сейчас это тебе ни к чему. – Он задумался, помолчал. – Тебе сильно не повезло. А может, наоборот, чрезвычайно повезло. Это как посмотреть, – он ухмыльнулся. – То место, куда вы залезли, это была не тюрьма. Это, – он замялся, подыскивая самое близкое понятие, – лаборатория. Там в основном работали с *до-жизнью*, с еще не рожденными.

– Это как?

– Я не знаю, как объяснить простыми словами, чтобы

до тебя дошло. Воздействие на плод беременной самки... мда... направленным энергетическим потоком на объект за счет внутренних резервов организма, – так, понятно?

– Экстрасенсы, что ли?

– Таких слов я тоже не знаю, – насмешливо сообщил Старик.

– Это когда у человека проявляются нестандартные таланты – телепатия, ясновидение, биолокация. Некоторые этим владеют, но объяснить не могут.

– Ну, это. И еще многое другое. И очень даже объяснимо. У нас существует целая система отбора и воспитания, в результате которой получают пауки.

– Эээ..?

– Ну не настоящие, с жвалами и паутиной. Так называется местный начальник-шаман. Чем выше способности, тем выше пост. От простого стойбища к руководителю племени. Можно, конечно, это назвать магией, но никакого «раз и готово» не имеется. Если свои силы переоценил, можно и загнуться. Правда, попадаются такие экземпляры, – с восхищением сказал он, – что ничем не прошибешь. Так, мы отвлеклись, старый я уже стал... Словом, ты случайно угодил в один экспериментальный, – он опять замялся, – отдел. Ты не первый такой, но нам интересен результат. – Старик опять захихикал. – Каждый, попавший туда, моментально цепляется... Сначала мы думали, микроб. Потом решили, что вирус, но доказать это не смогли. И выделить из организма это мы

пока не можем. Словом, человек ловит какую-то хрень через дыхательные пути. Если он в маске, ничего не происходит. Вроде бы эта хрень может проникать и через открытые раны, но если кто и ставил такие опыты, мне не рассказывали. Ну, в общем, этот вирус проникает в организм и начинает размножаться, встраиваясь в клетки. Он разворачивает там собственную программу, и это вызывает переделку всей генетической структуры. При этом позволяет клетке и дальше заниматься своим делом, то есть с виду все абсолютно нормально. Зато в первый день у человека начинается сильный жар, появляются галлюцинации. На второй день умирают девяносто пять из ста. На третий – еще двое. На четвертый – еще. Вот те кости, которые ты там видел, остались от неудачников. На пятый день человек приходит в себя. Проблема в том, что он уже не человек.

– И кто я тогда?

– Перевертыш. Оборотень. Только нормальный оборотень имеет два вида, ты можешь принять любой. Ты ничего такого не рассказывал, но все дело в том, что измениться не так просто и надо этому учиться. К этому мы вернемся чуть позже. Вот это, – ткнул пальцем в меня, – отныне и навсегда твой базовый облик.

– Чего? – изумился я. – Двадцать четвертый год – это мой облик.

– Тут есть один интересный нюанс. Пока ты лежал без сознания, перестройка организма шла полным ходом. К сожа-

лению, организм – дурак, своего ума у него нет. Он подстраивается под твои мечты об идеальном теле. Судя по всему, у тебя все сейчас в лучшем виде. Никаких проблем с глазами, выбитыми зубами, язвой желудка и болями в коленях.

– Какая еще «язва желудка»?

– Остальное-то угадал? Если бы отсутствовали ноги или на носу была бы большая противная бородавка, то ноги бы отросли, а бородавка исчезла. Ну, все в таком роде. Чтобы ты теперь ни делал, единственный вариант, который твое тело считает правильным, – это сегодняшний. Регенерация у него чудовищная, отрубленные руки или всякие прочие части тела, а также ранения и шрамы излечиваются быстро, даже без сознательного усилия. Так даже лучше, потому что ничего не бывает просто так. Организм использует собственные резервы. Больше определенного количества он не зачерпывает, иначе можно помереть не от раны, а от истощения. Рука не вылезет сразу, а отрастет постепенно. Надо только усиленно питаться. Организм постоянно на страже, отслеживает то, что тебе мешает или угрожает. Все это происходит совершенно бессознательно. Захотелось тебе рассмотреть что-то далекое или в темноте, глаз пытается подстроиться. Появляются необходимые для этого колбочки или палочки в сетчатке. Захотелось почесать спину – рука удлинилась. Поэтому требуется постоянный контроль, которому придется учиться. Разумные очень нервно реагируют на подобные вещи. Здесь про перевертышей рассказывают леген-

ды, как на вашей Земле про оборотней. Догнал – убил – съел. При всех своих способностях ты смертен. Повреждение мозга или уничтожение большей части тела приводит к смерти. Поэтому перевертыша постараются порубить на части и сжечь.

– Приятная перспектива.

– А ты как думал? Получил способности на дармовщину и стал сверхчеловеком? Получи в нагрузку необходимость тщательно скрывать свои способности от окружающих или заставь их уважать себя. – Старик молча поразмышлял. – Ну, что еще? На несколько порядков по сравнению с человеком повысилась сопротивляемость твоего организма к болезням, а также к ядам. Ты можешь даже тухлятину жрать без последствий, а всякие тифы или холеры – проходят как легкое недомогание. Даже радиация действует на перевертыша намного меньше, и при этом последствия вылечиваются достаточно быстро. Правда, ощущения при этом достаточно пакостные. Это, впрочем, имеет и обратную сторону. Алкоголь, наркотики, всякие вещества, употребляемые разумными в качестве допинга, чтобы получить удовольствие, будут действовать на тебя во много раз слабее и быстро выводиться из организма. Это что касается бессознательных изменений. Есть и сознательные, но этому надо учиться. Поясняю. Ты не можешь сделать себе второе сердце. Оно должно быть подключено к системе кровообращения, иметь достаточно места для работы. Одно изменение тянет за собой другое, и

появляется необходимость в знании анатомии, физиологии и еще куче необходимых вещей. Ты знаешь? Нет? Я так и думал. Поэтому начинают всегда с мелочи. Ну, пальцы, зубы, глаза. Если вздумаешь вырастить глаз на пальце, – хихикнув снова, сказал он, – будешь иметь проблему со зрением. Три глаза у человека не предусмотрены природой. Или все будет не в фокусе, или придется закрыть нормальные. Превратиться в неживое – металл, камень – тоже нельзя. И нельзя обернуться в слона или мышь. Вернее, не так. Это будет мышь весом... Сколько ты, например, вешишь?

– Не знаю, что-то за девяносто килограммов, но мысль понятна. Масса не изменяется?

– Изменяется, но в пределах двух-трех процентов. Для тебя два – два с половиной килограмма. Это потери при переходе. Ничего не бывает бесплатно. Уходит энергия, и поэтому после серьезного изменения всегда хочется есть. Несколько мелких дают тот же эффект. К этому надо быть готовым, а то можно и в обморок свалиться. И не обязательно свежее сырое мясо. Можно и овощи жрать с тем же успехом. Просто, чем калорийнее пища, тем быстрее восстанавливаются силы. Да, кстати, еще одно ограничение. Размеры мозга изменить нельзя. Не знаю, – с досадой сказал он, отвечая на мой вопросительный взгляд. – И никто не знает. Невозможно. Так что в питона превратиться не удастся. Очень странная будет змеюка, с человеческой черепушкой. – Он отпил из чашки и продолжил: – Мозг тоже изменился, и

очень сильно. Ты должен был уже заметить...

Я машинально кивнул.

– Он теперь может работать в двух режимах. Один обычный, другой включается в экстренных ситуациях. Тогда соображаешь намного быстрее и четче. Если захочешь, можешь вспомнить все, что с тобой было, начиная чуть ли не с рождения. Любую прочитанную книгу или поминутно любое действие. В случае опасности мозг заработает сам, но можно и включить ускоренный режим по желанию. Очень полезная вещь в драке. В голове работает целый институт и производит расчеты, что может сделать противник. В зачет идет все – дыхание, движение мускулатуры, изменение запаха и еще масса вещей, которые делаются машинально и бессознательно. Перевертыши чувствуют то, что обыкновенному человеку недоступно. Вот, например, тебе кажется, что ты чувствуешь мой запах. Это не совсем так. Это запах жизни существа. Разумного или нет. Живозапах. Ощущение зависит от существа и его характера. У некоторых людей он противный, у других, наоборот, приятный. Это зависит от того, что они думают о тебе. Ты чувствуешь отношение. Это тоже приходит с опытом. Очень долго можно путаться, потому что собеседнику только что наступили на ногу и он ненавидит вообще всех, а не конкретно тебя. Тонкости развиваются и совершенствуются со временем. – Он помолчал и внезапно спросил: – Собственно, как ты определил меня?

– Как очень опасного субъекта, – помедлив, ответил я. –

Но не для меня, и не врет.

– Запомни на будущее – можно не врать, но правда, которую тебе говорят, – не всегда та правда, которой ты ожидаешь. Ты сейчас думаешь, – помолчав, сказал Старик, – зачем я тебе все это рассказываю и что, собственно, от тебя потребую. Ты прав. Я хочу, чтобы ты добровольно дал клятву стать моим учеником на год и один день. В любое время дня и ночи ты можешь меня спросить, о чем угодно. Я, конечно, могу и послать на три буквы, но если дело серьезное, твои проблемы – это и мои проблемы. Я отвечаю за тебя. Но это имеет и обратную сторону. Ты подчиняешься моему прямому приказу, не рассуждая. Только потому, что я могу знать неизвестное тебе. Скажу падать в грязь и квакать – квакай! Скажу убить ее, – он ткнул пальцем в девушку, – убьешь, не интересуясь причиной.

Та впервые за все время пошевелилась и внятно сказала:
– Пусть попробует.

Старик погрозил ей пальцем и продолжил:

– А если откажешься выполнять прямой приказ, то вариантов только два. Или ты обращаешься к Совету и пытаешься объяснить причины своего поступка. Может, они поймут и простят. Или я тебя убиваю на месте, – совершенно спокойно закончил он.

– Любой приказ?

– А что тебе не нравится конкретно? – демонстративно удивился Старик.

– Хм, может, у вас тут принято заставлять спать с... – я запнулся, глядя на девушку, – с собаками или мужиками. Я, прости, не по этой части, и заранее заявляю, что таких приказов выполнять не буду.

– А вот это, – серьезно сказал Старик, – один из основных законов. Сексуальное насилие абсолютно запрещено. Любой насильник будет умирать долгой и мучительной смертью. Это не только мораль – это еще и необходимость, которую я тебе поясню после клятвы.

– Зачем тебе ученик? – настороженно спросил я. – Наверняка у такого, как ты, они есть и без меня.

– Есть, – спокойно подтвердил тот. – Вот одна сидит прямо здесь. Просто ты не понимаешь, насколько скучной становится жизнь, когда тебе перевалило за пятьсот лет. Она становится однообразной. Прекрасно знаешь, что скажут и что сделают твои люди. Даже интриги между пауками уже не интересны. – Он прикрыл глаза, задумавшись. – За очень долгое время ты первый, пришедший извне, который может рассказать мне много нового, и, кроме того, мне никогда не приходилось иметь дела с перевертышами. А это любопытно. Может быть, пару лет назад я бы не стал заниматься с тобой лично, но оборотень доживает до старости, почти не меняясь внешне. Как только появляются признаки старения – за тобой пришла смерть. Три месяца, максимум четыре – и всё. Я начал внешне стареть четыре месяца назад, но я паук, и достаточно сильный. Меня положат в корни дома не рань-

ше, чем через пару лет. Это время я хочу прожить так, чтобы скуки не было, и оставить после себя не просто ученика, но чтоб он был не такой, как все. Чтобы стать признанным Мастером среди пауков, требуется оригинальная работа. Попробуй выдумать что-нибудь и сам поймешь. Если хочешь, ты – моя последняя работа. Я вижу, тебе надо отдохнуть и переварить все это. Поднимешься наверх и отдохнешь. Завтра скажешь, что решил.

Глава 7

Мелкие интриги

Я лежал на низкой кровати на третьем этаже дома-дерева и бездумно смотрел в потолок. Над головой пульсировал мягкий свет – достаточно неприятного вида белые личинки облепили вход через дупло и потолок. Насекомые регулярно прилетали на их свет и поедались. В целом освещение не хуже чем от дневной люминесцентной лампы.

По лестнице поднялась уже знакомая девушка, мне даже не надо было ее видеть. То, что Старик назвал «живозапахом», доложило о приближении знакомой, когда она еще находилась этажом ниже. Я поспешно сел на кровати. Она вошла и встала так, что я смог ее разглядеть.

Посмотреть было на что. Высокая, почти с меня ростом. С короткой стрижкой рыжих волос, маленьким вздернутым носиком и смеющимися зелеными глазами. Одетая в том же

стиле, что и мои знакомцы, притащившие меня сюда, – мягкие кожаные сапожки и рубашка с брюками зеленого цвета. Одежда только подчеркивала красивую фигуру с высокой грудью.

– Меня зовут Маленький Койот, хотя обычно называют просто Койот, – сообщила она, проходя вперед и усаживаясь рядом со мной на кровать.

– Леха.

– Я знаю. Я у паука пятый год в ученицах, и не из самых худших буду, – сообщила она. – Выслушай меня внимательно и постарайся понять, потому что тебе вряд ли кто такое скажет. Я тебе кое-что хочу объяснить... такие вещи не обсуждают, их знают с рождения. Он правду сказал, к нам редко попадают чужаки. Только он не сказал *всей* правды. Обычно их убивают. Не дергайся, этому есть причины. Мы хозяйка равнин и живем на них и за их счет. Численность населения искусственно ограничивается, потому что наши роци стоят вдоль путей миграции диких животных. Мы охотимся на них, но никогда не бьем больше того, что нужно для еды. Все, что можно получить с животного – его шкура, сухожилия, кости и тому подобное, используется. Это не закон оборотней – это закон жизни. Когда шестьсот лет назад Война закончилась, животных было очень мало, и если бы мы уничтожали больше необходимого, то скоро нам самим стало бы нечего есть. Вот тогда и появились пауки с идеей восстановления и поддержания общего баланса. Равновесие

– больше диких стад, больше оборотней. И эта политика была правильной. Количество животных росло, увеличивалась и наша численность.

– А почему не домашний скот?

– У нас есть немного, как есть и огороды. Только мы оборотни – охота у нас в крови. Время от времени нам надо менять свой облик, нельзя постоянно находиться в одном. В боевой трансформации полностью сохраняются ум и память, но некоторые реакции очень изменяются. Охота в таком виде – огромное удовольствие и разрядка.

Поскольку я не до конца понял то, что услышал от Старика, я внимал ее рассказу с интересом. А она продолжала:

– Сначала каждое племя было само по себе, потом пауки создали свою организацию. Это не значит, что все живут мирно. Постоянно случаются стычки, кражи коней и скота. Молодые таким образом показывают свою храбрость и зарабатывают авторитет... Для всех равнин и всех оборотней одни законы, даже если они разных видов. Но это имеет и обратную сторону. Мы ограничиваем рождаемость жесткими рамками. Даже постоянные драки и кражи скота у соседей, которые мужчины считают проявлением доблести, служат избавлению от лишних. И нового ребенка женщина может родить, только если кто-то погибнет. И не каждой женщине это позволено. Пауки, кроме всего прочего, решают, кто с кем может жить, и дают разрешение рожать. Спроси такого про его рошу, и он расскажет родословную любого, вплоть

до самых первых предков. И еще одно, – сказала она, – то самое неприятное, из-за чего насильников казнят долго и мучительно все без исключения оборотни. Добрые ученые люди, изменяя и скрещивая животных с человеком, устроили нам на память о себе изрядную гадость. Сколько пауки не бились, ничего сделать не смогли. Если разумные одного вида живут вместе, ну, в половом смысле, то у них обычно рождается такой же детеныш. Очень редко, приблизительно раз на пятьдесят тысяч, появляется животное той же породы. То есть начальный вариант. Не человекообразное, а именно животное. Мать обычно умирает при родах, не приспособлено человеческое тело к рождению животного. При этом – пятьдесят на пятьдесят – ребенок может быть мыслящим или нет. Разумные дают такое же разумное потомство. Начальный вариант без других изменений. Неразумные с разумными животными дают неразумное потомство. Исключений не бывает.

К разумным животным у всех племен отношение нормальное. Где-то они считаются членами семей, где-то живут отдельно, но в пределах общей территории. Убийство такого приравнивается к убийству любого члена племени. Неразумных убивают сразу, как только это становится понятным. Конкуренты виду не нужны. Проблема в том, что очень редко, тоже приблизительно раз на пятьдесят тысяч рождений, появляется чистый человек. А вот если сожительствуют два разных вида, то это происходит тем чаще, чем дальше они

друг от друга. Вот люди никогда не могут стать полноправным членом племени. Самка, родившая такого, автоматически считается с нечистой кровью, и никто не пожелает на ней жениться. Нередко им проще убить ребенка сразу, чтобы никто не узнал, чем показать его.

И это главная причина, почему народ не прощает насилия – ведь есть опасность при насилии еще и нарваться на такую ситуацию. Родить человеческого детеныша – это очень неприятная ситуация для всех, не только для матери. Сексуального насилия не бывает даже на войне. Ну, почти не бывает, – поправились она. – Если уж такое делают, живых не оставляют. Потому что мстить будет не семья. Мстить будет племя, и может подняться весь вид, вместе с родственными и союзными. Считается, что смерть лучше, чем насилие. Вот только закон для всех один – женщин и детей не убивают, если они не берут оружие в руки. Если да – сама виновата, приравниваешься к мужчине. Есть женщины, которые ходят в походы наравне с мужчинами. А вот убийство мирных – дело редчайшее. Поэтому все такие случаи известны каждому и разбирались на общем собрании пауков. За последние триста лет был только один случай, когда убийцу оправдали. Насильника не оправдают никогда.

– А разве не бывает такого, что обвинят в насилии, даже если его не было?

– Такие вещи – не драка между пьяными и не кража сапог. Решать будут несколько пауков из разных рощ, и обяза-

тельно незаинтересованные, даже из другого племени позовут. А уж правду узнавать они умеют. Пауки такие же меченые, только не с одним, случайным, а с очень многими специально развиваемыми умениями, их отбирают и обучают с детства. Как только тебя наставник выберет из детей, ты больше не обычный оборотень. Так что предложение Старика – это большая удача. Он один из сильнейших и многое может дать. А теперь, – проведя рукой по моей спине, сказала она, – тебе стоит нормально отдохнуть, – и она одним движением скинула с себя рубашку, демонстрируя хорошо сложенное тело, и призывно улыбнулась. – Гулять до замужества можно сколько угодно – рожать нет.

Последняя девушка у меня была еще на Земле, и никаких возражений не появилось. Я притянул ее к себе и начал целовать ее лицо, закрытые глаза, она умело ответила, и это было так хорошо, что оба замерли на несколько минут. Потом мы начали быстро раздевать друг друга, Койот опустилась на кровать и неожиданно сильными руками потянула меня на себя.

Старик по-прежнему сидел на том же месте и вроде даже в той же позе, когда Койот спустилась. Она молча подошла к столику и села напротив.

– Он согласится...

– И? – не открывая глаз, спросил Старик.

– И ты был прав, общих детей у нас быть не может.

– Ты плохо слушала, – покачал он головой. – Не может, пока он не станет таким же, как мы. Тут должно быть абсолютное подобие, и этого добиться не просто. А пока он человек, хотя и с очень интересными способностями. Вот когда станет истинным оборотнем, у его детей могут появиться его способности. Уже не два облика, а гораздо больше.

– Зачем тебе это надо? – с недоумением спросила она. – Ты, вечный борец за традиции и главный законник племени, один из равных в Совете, у которого прав гораздо больше, чем у других его членов. Уж прости, но не только судья, но и главный палач. Он, – она ткнула пальцем вверх, где сейчас спал Алексей, – то самое нарушение равновесия, против которого ты всю жизнь боролся. Это ведь не просто появится новый Клан, точно так же он сможет выдать себя за любого другого. Это просто опасно, если их будет много.

– О-хо-хо, – деланно застонал тот. – И вот эта дура, та самая, которую я считал своей лучшей ученицей за последнюю пару столетий, сидела рядом и слушала. А что услышала? Смотри в будущее. Кончилась наша спокойная жизнь. Эти его, – он ухмыльнулся, – эльфы, гномы и орки. Если с гномами и орками нет проблем – обычные анхи с зелеными, которых мы резали неоднократно, то эльфы по описанию очень смахивают на наших благополучно усопших создателей. Даже то, что он повторил из их речи, очень похоже на старый язык. Скорее, конечно, потомки, но они шляются на другие планеты и тащат сюда этих – человеков. Причем оружие у

тех имеется неплохое.

– Да я их вместе с винтовками уделаю, – фыркнула Кой-от, – хоть поодиночке, хоть толпой.

– Ты – да! Но сколько таких, как ты, на равнинах? Пару сотен. И еще десять тысяч таких, которые завалят одного. А если драка начнется всерьез? Нас просто задавят численностью. Надо вообще на эту тему поподробнее порасспросить: где ручное оружие имеется, там всегда есть и что-то похуже. Рано или поздно они начнут расселяться и выйдут из долин рек. Это будет не сегодня и не завтра. Пару столетий пройдет, но их численность растет здесь, и на его Земле есть миллиарды. Ты цифру-то представляешь? Нас на все равнины и миллиона не наберется, и каждый будет долго думать, имеет ли смысл помочь соседу или лучше подождать, пока его земля освободится. А что этим эльфам надо и зачем они сюда людей ташат – не понятно. За этой дребеденью могли и сами прогуляться, и сделать сами тоже могли. Мы-то можем, почему они нет? Но это дело далекого будущего, до которого тебе не дожить.

Девушка открыла рот, и Старик раздраженно махнул рукой.

– Помолчи! Думаешь, я не знаю, что будет после моей смерти? Моя семейка быстро выкинет тебя отсюда и засунет в самую отдаленную и максимально паршивую дыру. Это в лучшем случае, если ты будешь покорной и станешь послушно лизать сапоги моему внучку и его шайке. Но ты же из-

рядная дура, при том с чувством гордости и званием Мастера. Так что обязательно кончишь плохо. Уж что-что, а поймаешь тебя на очередной выходке и пришить нарушение традиций мой дорогой Правильный Лучник сумеет. Назвала же его мать, – скривился он, – невольно подумаешь, что умела будущее предсказывать, хотя никаких способностей у нее отродясь не было. И всегда правильный, и бьет без промаха. Только почему-то своих все больше. Короче, нам нужны глаза и уши на той стороне. Надо потрогать за вымя этих самых эльфов и иметь возможность посмотреть на то, что мы можем взять оттуда без проблем. Даже чтобы бороться с их оружием, надо знать – как далеко оно стреляет, с какой скоростью, точностью и мощностью. Одиночного образца недостаточно. Я хочу отправить туда несколько своих легально, заодно избавить рощи от наиболее беспокойных. Да, вот таких, как ты и твоя подружка. Нравится ей с анхами общаться, будет ей возможность. А для этого нам надо, чтобы он не чувствовал себя чужим на равнинах. Он должен стать одним из нас – и займешься его воспитанием ты!

– И как я смогу научить человека быть оборотнем?

– Этим займусь я. А вот отвечать на вопросы и объяснять ему, куда лезть нельзя, будешь ты.

Старик неожиданно встал и совсем не старческой, энергичной походкой подошел к двери.

– Иногда не плохо бы просто взглянуть, не подслушивают ли тебя. Простым прощупыванием можно не заметить за-

крившегося, – сказал он, глядя на лежащую перед ним ро-
щу. – И не надо так на меня смотреть, как будто я из ума
выжил, – не оборачиваясь, сообщил он, – пока еще нет. Как
ты думаешь, откуда я вообще знаю про перевертышей и на-
смерть заразившихся? Вот именно... Когда я был не старше
тебя, у меня был приятель по имени Верхний Ветер. Тогда
после Войны еще не прошло много времени, и кое-что мож-
но было узнать от живых или их родителей. Кто-то ему рас-
сказал об этой лаборатории. Стать оборотнем, который мо-
жет превратиться во что угодно, а не иметь только два вида
– это его зацепило. И он долго искал и нашел. Только он был
не дурак – и не полез туда сразу. Ставил опыты на животных
и... мда... на разных других существах. Даже на оборотнях,
которые нарушали законы или были... ммм... неполноцен-
ными. В те времена довольно часто рождались разные уро-
ды. Потом ему эти опыты припомнили. В конце концов, он
полез сам.

– И не помер?

– Он был могуч. Тогда таких было два-три, и сегодня не
сильно больше. Настолько силен, что если бы ему встретил-
ся по дороге какой-нибудь бог, из тех, в которых верили на-
ши создатели, он бы его запинал мимоходом. Но, на их сча-
стье, они шлялись где-то в другом месте. Он добился, чего
хотел, и стал перевертышем, но помирать с самого начала
не собирался. Контролировал процесс от начала и до конца.
А когда вернулся, продемонстрировал свои новые возмож-

ности. Попутно и мне кое-что показал. Вот только когда через несколько месяцев собрался Совет всех племен, пауки решили, что он уже не является одним из них, и указали ему на дверь. В списке членов Совета можешь его не искать. Имя его стерто общим решением.

Старик устало прикрыл глаза.

– Самое важное, что новое тело давало ему возможность ходить короткими дорогами. – Заметив недоумение на ее лице, он спросил: – Не понимаешь? Любой паук знает места, где можно подзарядиться. Если потратил энергию, то можно обойтись без еды, чтобы восстановиться. Чистая энергия. Ни человек, ни обычный оборотень, ни один из известных нам видов такого не может. Да это элементарные вещи, которым вас учат в самом начале, так что можешь убрать с лица эту улыбочку. Но он мог гораздо больше. Шагнуть здесь, в роще, и выйти в любом известном ему месте. И расстояние роли не играет. Надо только точно представить, куда хочешь попасть. Он говорил, что с опытом это становится еще проще, голова работает в режиме вычислителя, и не надо даже задумываться, ведь у перевертыша абсолютная память, и он может вспомнить все что угодно. Может и с собой взять кого-то. Меня проводил...

– Ой-ой, – тихо прошептала Койот.

– Вот именно – ой-ой. Можно хоть армию провести в тыл к врагам. Да что там в тыл – прямо в спальню к их командиру. Пауки испугались, конечно. Проще всего было его убить, да

Верхний Ветер сам кого хочешь убить мог. Так что провозгласили изгнание и лишение имени. Он плюнул, так смачно, и ушел на глазах у всех. Шаг и... неизвестно куда. Во всяком случае, больше его никто не видел. – Старик помолчал и продолжил: – Спустя лет триста был еще Старый Пес.

– Учитель, – изумленно воскликнула Койот, – но ведь на этом примере обучают новичков, что нельзя делать! При чем тут твои перевертыши?

– Ну-ну, обучают, – усмехнулся тот. – И что конкретно говорят?

– Ну, один паук решил прочитать память у пленного. Нормально можно снять что-то определенное или последнее, что было. Этот зачем-то захотел пролистать всю память. Получилось наложение двух памятей друг на друга, и он свихнулся. Не мог различать, где чья. А что, не так?

– Так и не так. Еще хуже. Притащили ему такого перевертыша, вроде нашего – человек и неизвестно откуда. Языка не знает, где находится, не понимает. Вот и захотелось ему посмотреть, что к чему. Большая сволочь был Старый Пес, – он хихикнул, – как и все мы. Решил подстраховаться. Взял ученика, включил в общий разум фокусом и через него стал чужую память качать.

Он вернулся к столу и сел, посмотрев ей в глаза.

– Результат понимаешь?

– Должен был свихнуться или умереть ученик. А этот отстранился бы сразу, как только почувствовал неладное.

– Молодец. Вот только что-то пошло не так. Заходит жена – пленный живой, а они оба покойники. Как перевертыш очнулся, заговорил. Сразу-то не поняли, потому что говорил он довольно бессвязно, а потом, на всякий случай, погнали гонца за другим пауком. Им совершенно случайно оказался я. Просто жил недалеко и был самым сильным в окрестностях. На третий день я прибыл и выслушал интересную историю. Все три памяти слились – и получился один разум. Никакого сумасшествия, вот только разум в основном от ученика, память и опыт от перевертыша, а от Старого Пса почти ничего не осталось. Но что-то явно сохранилось, потому что не стал этот тип дожидаться, пока его разбирать на части начнут, и исчез. Знал, чем такие вещи пахнут. Как не искали, не нашли. А искали долго и тщательно. Может, это и случайность, но проверять мне не хочется. Ссориться с типом, у которого такие возможности, пусть только потенциальные, мне совсем не интересно. А вот сделать его одним из нас – задача не только интересная, но и важная. Я ведь тоже сволочь изрядная, сама знаешь. Но благо племени для меня не пустой звук. В отличие от многих, я иногда, – он снова хихикнул, – могу и признать, что не прав. Лучше пусть он будет на нашей стороне, чем против нас. Мы займемся им вместе. Ты и я. Совет я беру на себя.

– А что будет, когда ты умрешь?

– Я постараюсь прожить подольше.

Он вытащил из-под подушки длинное ожерелье, сделан-

ное из маленьких шариков, и неторопливо сдвинул один из них так, чтобы она видела, что они ничем не скреплены, но, тем не менее, не рассыпаются.

– Ты знаешь, что это, – кивнул Старик, глядя в ее расширившиеся глаза. – Дополнения к Кодексу, которые тебе читать не положено. Я старая и предусмотрительная сволочь. Запасенной здесь энергии хватит на пару лет жизни. Я стащил это из вещей Старого Пса, когда расследовал ту историю. Каждый шарик-накопитель – это взятая определенным образом жизнь. Тут в большинстве кровососы, но есть и другие. Очень неприятным образом проделано. Даже теперь я бы такого совершать не стал, но отдать Совету или уничтожить – это выше моих сил. Им уже все равно, а такая сила пропасть не должна. А вот потом все будет зависеть от тебя...

Глава 8

Возвращение к людям

Я присмотрелся, прикрывая глаза рукой от солнца, и уверенно сказал:

– Правильно едем. Как раз к вечеру у реки будем, а там уже совсем близко.

Девчонка демонстративно подняла глаза к небу и вздохнула.

– Еще бы мы не правильно ехали, учишь тебя, учишь, а

толку нет. Нормальный парень должен одним видом внушать уверенность в себе слабой девушке, а ты вечно демонстрируешь сомнения.

Я с интересом посмотрел на нее. Удивительно маленькая для своего народа, всего метр семьдесят, коротко стриженная темная шатенка с ярко блестящими карими глазами на запачканном пылью треугольном личике невинной девочки. Сильная рука уверенно держит поводья кобылы, а вторая демонстративно уперта в бок. За спиной лук и на поясе большой тесак, который и ножом назвать неудобно, скорее, на маленький меч похож.

– Ага, – сказал я. – Ты у нас Черепашка слабая и совершенно безобидная. А заодно знаешь, какие там у меня чувства.

– Ну, знаю, – без всякого смущения ответила она. – Тебя читать – все равно, что ребенка, все эмоции наружу. Надоело показывать, как закрываться. Как задумаешься, так все лезет наружу. Контроль должен быть постоянным, сколько можно говорить. Вид у вождя должен быть уверенным, и всякие сомнения он озвучивать не должен. Во всяком случае, при посторонних, – добавила она после паузы.

– Ты, стало быть, посторонняя, – сжимая коленями бока коня и посылая его вперед, догадался я.

– Сегодня мне сказал, – недовольно сообщила она, трогаясь за ним, – завтра еще кому-то сообщишь. Какое после этого уважение? – И она в очередной раз продолжила нуд-

ные поучения, разбавляя их яркими примерами. Я привычно отключился. Если потребуется, потом вспомню дословно, в абсолютной памяти есть изрядные преимущества, а пока нужно прикинуть, что сделать в ближайшее время.

Наш маленький караванчик из двух верховых и двух вьючных лошадей, нагруженных сумками, неторопливо двигался в нужном направлении. Найденыш, сидевший у меня за спиной в подобии рюкзака с вырезанными для рук и ног дырками, сладко спал. Вообще-то он, и когда не спит, тих и спокоен, несмотря на то, что ему чуть больше года, и только стоит его отпустить, начинает бодро ползать, изучая окрестности. Но к подобным поездкам давно привык и, судя по ощущениям, вполне доволен. А орать – не орет никогда.

Младенцы у оборотней всегда тихие, потому что их с рождения отучают плакать от боли или обиды, чтобы детский крик не мог выдать все племя врагу. Матери развешивали люльки на кустах в некотором отдалении от домов, и их отпрыски могли тренировать свои легкие сколько угодно, однако рано или поздно понимали, что, пока они кричат, к ним никто не подойдет, и переставали плакать.

Только вот у Найденыша никогда не было матери. Тем не менее, с ним просто. Он с самого начала умел передавать ощущения не хуже любого домового, и ответные эмоции ловил моментально, но признавал только меня, из-за чего и приходилось его с собой таскать. Никакие няньки его не устраивали, и понять это вполне можно, не понятно только,

как он мог сообразить, что мать от него избавилась, выкинув на корм зверям. Что вообще может понимать грудной ребенок? А ведь что-то понял.

Мы выехали на так называемую дорогу – две колеи от колес, которые, петляя между холмами, уходили за горизонт. У дороги стоял бревенчатый дом и сарай, сколоченный из досок. Рядом находился загон, где ходили несколько лошадей. Из трубы шел дымок и, не поднимаясь, стелился у земли.

Я оглянулся на спутницу. Все нотации были забыты, и она, разинув рот, уставилась изумленно на дом. Я почувствовал, как Черепаха начала торопливо мысленно обшаривать местность.

– Огонь в доме, и там что, даже «Сигналки» нет?

– Вот и увидишь, наконец, что такое печка и зачем она нужна. А заодно – как умудряются жить люди без магических способностей.

– Плохо, – убежденно сообщила она. – Это ж как без одной руки жить или без глаз.

У дома возились двое, распрягая лошадей из фургона. Один из них вдруг обернулся и схватил винтовку, прислоненную к колесу. Второй достал из кузова калашников и сдвинулся, чтобы напарник не закрывал цель. Оба наблюдали за приближающимися всадниками. Вблизи стало видно, что они похожи друг на друга и, скорее всего, отец и сын.

Подъехав вплотную, я натянул поводья и сказал:

– Что-то настороженно здесь встречают гостей...

Старший внимательно посмотрел на меня, потом взгляд скользнул на Черепаху и ребенка, который выбрал время, чтобы выглянуть из-за моего плеча и сообщить «гы». Мужчина явно расслабился, опуская винтовку.

– Приходится быть осторожным. Ходят тут бандюки, уже пытались лошадей угнать. Меня зовут Михалыч, а это мой сын Вадим.

– Алексей, а это моя подруга Черепаха. Мы едем в Нахаловку.

– Переночуйте у нас, завтра поедете дальше.

– Не откажусь, – ответил я и спрыгнул на землю, не забыв при этом взять винтовку. Пользы от нее было не много, патронов давно не было, но не оставлять же оружие. Найденый довольно сообщил очередное «гы». Он понял, что сейчас увидит что-то новое. Мы сняли сумки, расседлали коней и отвели в загон к остальным.

Внутри дом похож на крепость. Стены сложены из толстых бревен, а окна закрывались деревянными щитами. Все двери, ведущие из большой комнаты в спальни и остальные помещения, сколочены из толстых досок, которые в случае нападения могли защитить людей от пуль.

Войдя, я увидел у окна женщину, которая, вероятно, была женой Михалыча. Тут же вертелись две молоденькие девушки, видимо, его дочери. На столе уже стоял обильный ужин: мясо, картошка с соусом. Пахло свежеиспеченным хлебом и кофе. Во рту у меня моментально появилась слюна. Ко-

фе я не пил скоро уже два года. С облегчением снял рюкзак и вручил Черепахе ребенка. Девушка привычно начала его кормить, налив из «Фляги» молока и достав из другой пшеничную кашу. Умывшись по очереди у рукомойника в прихожей, мы дружно сели за стол.

– Сколько вы здесь живете? – спросил я, когда все поели и девушки начали убирать со стола. – Я здесь был раньше, но давно. Тогда никаких людей рядом не было.

На минуту Михалыч задумался.

– Уже второй год. Мне здесь очень нравится. Хорошая земля, чтобы разводить скот и держать лошадей. Вот только стали появляться в последнее время бандиты. Ловят рейдеров, – он многозначительно посмотрел на нас. – Те думают, что если жильё рядом, так уже все кончилось, и идут спокойно по дороге. Самые проблемы только здесь и начинаются. Там, – он махнул рукой в сторону окна, – только звери и Дикое поле. А здесь двуногие звери бродят, которые намного хуже четвероногих бывают. Нас тоже хотели ограбить, но мы все со стволами – отбились. Пойдете дальше, будьте настороже. Эти ваши набитые седельные сумки... – он усмехнулся.

– Я давно здесь не был, – повторил я. – Что вообще творится вокруг? Борис никуда не делся?

– Это Кулак, что ли?

Я кивнул.

– Куда ж он денется, – Михалыч хохотнул. – Такого в угол не задвинешь. Где что-то стоящее, он сразу тут как тут – или

в доле или сам жилу копает. Без него и ни туды и ни сюды. Местный феодал. Правда, справедливости ради, никогда слово не нарушит и дерет по-божески. Если сам что потащишь в город, больше не namного получишь и никогда не знаешь, кинут тебя или нет скупщики. И не важно, что продавать – мясо от скотины или Вещи, что вы таскаете. Если что стоящее есть – иди к нему, нормальную цену даст. Да и купить у него можно все что угодно, без дополнительной накрутки. Давно говорят, что он прямой выход на производственные кланы и эльфов имеет без посредников. Баржу вот еще одну прикупил и мельницу поставил.

– Слушай, мне Рафик Безногий нужен, он в порядке?

– Это татарин, что ли? Слышал, но не знаком. Должен был вернуться, скоро зима, он всегда домой возвращается. Извини, но мы люди простые, стараемся с мечеными поменьше общаться. Как вернутся, деньги получают, гуляй, рванина, – пей, пока назад не пойдет. Морды бей направо и налево, и, как весна, опять в поле с голым задом. Я лучше меньше получу, но за свой труд, а не за фарт, от которого морда волчьей становится. И этих, – он оглянулся на свое семейство, – тому же учу.

– А, это ты Волка имеешь в виду? – с интересом спросил я. – Он тоже живой и здоровый?

Кто-то из дочерей явственно хихикнул.

– Знаем, – кивнул Михалыч. – Он как раз из таких и будет. Вот к Вадиму прицепился и два зуба выбил.

Парень что-то смущенно пробурчал.

– А я говорил, – повысив голос, продолжил Михалыч, – нечего тебе делать в этом трактире. Не дорос еще.

Подошла Черепаха и отдала мне Найденыша. Я пристроил его на колене. От ребенка исходило чувство сытости и спокойствия. Он с интересом крутил головой, разглядывая все вокруг.

– Сколько мы вам должны?

– Вы гости! – обиделся Михалыч. – В здешних краях гостеприимство – первое дело. Помоги ты – помогут тебе. Деньги пусть они в городе считают. Ты бы лучше соврал что-нибудь интересное.

– Э... что я могу такого рассказать? То, что я там видел, как-то не очень на ночь рассказывать.

– А ты все равно Расскажи, – подала голос одна из дочек, – интересно...

Все семейство выжидающе уставилось на меня, а за их спинами Черепаха внимательно разглядывала большое зеркало в комнате, поворачиваясь то одним боком, то другим. Раньше она явно не видела таких зеркал и подробно изучала свое изображение в разных ракурсах.

Я задумался, перебирая в памяти, о чем можно говорить.

– Если несколько недель идти на запад, леса кончаются, и начинается степь. Если повернуть на юг, где-то месяц пути, и воды все меньше и меньше. Больших рек там нет, а летом все мелкие пересыхают, температура, бывает, доходит до со-

рока градусов. И на горизонте горы, которые дожди почти не пропускают. Вода выпадает на их склоны и вершины. Наверху даже снег лежит, но вниз попадает очень мало, только что стекает вниз. Это не пустыня, с песком и барханами. Там кругом камни и земля. Есть места, где вода из подземных резервуаров поднимается наверх. А еще постоянно дует сильный ветер. Буквально каждый день и очень сильный. Поставить ветряки, вполне можно электричество получать без проблем. Весной, когда текут с гор ручьи и хоть немного, но идут дожди, вся земля становится зеленой. Все приспособилось к коротким похолоданиям и дождям и тут же начинает цвести. Множество всяких растений, которые я даже не знаю, как называются. Кактусы там всякие и пихты. И почти у всех растений листья узкие вроде иголок или направлены вбок от солнца и все время поворачиваются, когда оно движется, чтобы меньше влаги испарялось. Запах одуряющий и красота... А еще вылезает, как наступит вечер и жара спадет, множество разных животных. Змеи всякие, ящерицы, зайцы, койоты, лисицы. Ближе к горам можно даже диких коз встретить. Птиц много. Короче, жить там можно, хотя и довольно сложно. Надо знать места, где есть вода, надо уметь добывать воду из кактусов и знать, как ловить местных зверей и что кушать из местных растений, чтобы не отравиться. Человек везде приспособливается и ко всему привыкает.

Черепаша демонстративно скорчила рожу за спинами слушателей. «Сам знаю, что людей там не бывает, не мешай.

Со временем они доберутся и прекрасно приспособятся», – мысленно ответил ей. Она кивнула, что услышала, и шаркнула ногой, растирая что-то по полу. Такая маленькая демонстрация, что она думает о людях и их возможностях. Если оборотень способен порвать человека без больших проблем, значит, не стоит и считаться с таким. Неистребимое чувство превосходства над слабым, вбитое в голову с детства. «А слышит она меня все лучше», – с удовлетворением подумал и продолжил:

– В общем, жить вполне можно было бы, если бы не одно «но», – сделал паузу, чтобы покапать окружающим на мозги. Они все слушали с изрядным интересом, сегодня я явно выступал в роли телевизора. – Там есть хозяева. Очень несимпатичные. Вампиры.

– Кхе, – скептически сказал Михалыч. – Совсем ты парень заврался, скажи еще, что на ночь в гробы ложатся.

– Не мешай, – обиженно сказала все та же дочка.

– Вот именно, – подтвердил я. – Комментарии потом, сами просили рассказать. Конечно, это не вампиры из фильма. Никаких покойников и гробов. В летучих мышей тоже не превращаются и в замках со слугами не живут. Впрочем, дома я у них не был, может, там и есть замки, только норы какие-нибудь проверять желания не было, и так еле ноги унес.

Я помолчал, а затем продолжил:

– С виду они как люди. Две руки, две ноги, голова и лицо вполне нормальное, орки и то хуже выглядят. Только изо рта

такие здоровые клыки торчат. Голые ходят, иногда прикрывают себя... – я глянул на девочек, – ммм... между ног куском ткани. И еще такие жилистые, все мышцы видно. Не худые, а именно жилистые, без всякого жира. Страшно быстрые и сильные. Могут лошадь на бегу догнать и поднять ее в одиночку. И завалить такого можно только с большого расстояния, лучше всего в голову. Я кивнул на стоящую у стенки винтовку. – Но это еще не все, – я опять сделал многозначительную паузу, – они все женщины, и при том абсолютно одинаковые.

– Это как? – восхищенно спросила мать.

– Ну, различаются, конечно, возрастом, шрамы там всякие. Только они как-то странно размножаются. Они рожают только дочек, и свою точную копию. Сама захотела – и забеременела.

Хозяйские дочки переглянулись и дружно хихикнули.

– Имеется старая прародительница всех, и почти все на нее похожи. А вот почему только «почти все» – это и есть самое интересное. Если они ловят мужика, то высасывают из него кровь. Клыки там не простые, есть специальные железы, которые при укусе что-то вроде наркотика в кровь впрыскивают. Тебя высасывают, а ты балдеешь и еще хочешь. На одну обычно литра крови хватает, так что можно и живым остаться, но ловить они ходят не в одиночку, и практически не бывает, чтобы столкнувшиеся с ними выживали. Как насосутся, так и уходят. Иногда очень далеко в такие похо-

ды отправляются и женщин, если на них наткнутся, могут убить, но высасывать не будут. Они это делают не для того, чтобы жить, как земные вампиры, а чтобы рожать. Я не очень понял, как это возможно, и не думаю, что это вообще понять можно, но ребенок будет похож на отца, хотя и девочка. Какие-то гены передаются через кровь. А дальше уже опять похожа на предыдущую. Там у них что-то вроде соревнования. Та, которая таким образом родила, насосавшись крови, может стать родоначальницей нового племени. Большой почет и уважение. А если кто погибнет в походе – значит, так и надо. Их поэтому и не слишком много, найти... хм... донора не так уж просто, тут нужен разумный. От животных они кровь не берут. То ли бесполезно, то ли результат не лучший, а может, и на мозги ребенка влияет. А разумные категорически возражают против подобного высасывания, и – в случае обнаружения обескровленного – устраивают большую охоту на вампиров.

– Да-а... – задумчиво протянул Михалыч. – Такого я еще не слышал.

– Пару лет назад кто-то выложил в общий доступ в Сети рассказ Ковбоя, – сообщил Вадим. – Там описание этих тварей очень похожее, но таких подробностей нет.

– Ну, извините, – разводя руками, сказал я, – могу даже клыки показать, вон у Черепахи на шее.

Все дружно обернулись и посмотрели на девушку. Она, пожав плечами, расстегнула рубашку и показала серебряную

цепочку, на которой висели с десятков разных камешков и два острых клыка.

– Есть еще две пары, а эту тварь она сама завалила и трофей честно заработала. А как докажешь, что клыки вампирские? Только размером. Я, конечно, парень простой, но отрезать голову, тащить ее с собой и потом вываривать – это не ко мне. Выбил по-быстрому клыки и в сумку. Они обычно не мстят тем, кто в бою убить товарку смог, наоборот, вроде как уважать начинают, но никакой гарантии, что рядом другая не бродит, нет. Лучше очень быстро убежать, пока не появилась. Голыми руками их удавить – шансов нет, а что такое оружие – они прекрасно знают. Я ж говорю, разумные.

На дороге стоял, уверенно держа обшарпанный АКМ, направленный на нас, приземистый мужик с нехорошим взглядом. Я натянул поводья и остановил коня.

– Правильно, – сказал тот спокойным голосом, – и руки держи подальше от винтовки.

Из кустов вылезли еще двое, тоже с калашами, с виду обычные качки с одной извилиной в голове, но с гипертрофированной мускулатурой. Оба в камуфляже и берцах, похожие как братья, только один блондин, а другой брюнет.

– Я что сказал? – не оборачиваясь, спросил первый.

– Да ладно, Сиплый, – скалясь, ответил блондин, – на дороге никого, и у этой цыпочки даже волины нет. Ты, эта, – обращаясь ко мне, сказал он, – слазь.

– Заткнись, – сквозь зубы процедил первый.

– Так я не понял, вам чего надо?

Качки дружно заржали.

– А мы хотим, чтобы ты поделился, – отсмеявшись, сказал брюнет. – Все должно быть по справедливости. Вот у тебя четыре коня, куча вещей и красивая девочка, а у нас ничего нет. Все будет по-честному и по понятиям. Поделим поровну. Тебе жизнь – нам все остальное. – Оба опять заржали не хуже лошадей.

– Типа грабите?

– Типа грабим, – подтвердил первый. – А будешь много разговаривать, я тебя просто застрелю. Так что не дергайся, слазь и ложись мордой в землю. И руки держи все время вверх, чтобы я видел.

– А девушку-то зачем трогать, – не двигаясь, спросил я. – Берите, что хотите, а ее не трогайте.

– Ты много говоришь, – сказал мужик. – Считаю до трех, потом стреляю.

Я вздохнул и, глядя за спины бандюков, произнес:

– Можно.

Из кустов, растущих возле дороги, как раз на месте сидевших в засаде качков, выскочила огромная пятнистая кошка и прыгнула на спину блондина. Длиннющие когти мгновенно вспороли его шею. Еще в прыжке она ударила задней лапой второго, и брюнет, завывая, улетел в сторону. Сиплый молча свалился с ножом Черепахи, торчащим из глаза.

Я спрыгнул на землю, отчего потревоженный Найденыш за спиной возмущенно вякнул и, проснувшись, начал крутить головой. Кошка подошла ко мне и начала требовательно тыкаться в руку, напрашиваясь на ласку.

– Ты молодец, – почесав ей горло, – сообщил я, глядя на ползущего с подвыванием брюнета. Лица у того не было – сплошная рана от когтей, залитая кровью. У блондина вырвано горло, и он мертв. – Все сделала правильно и разрешения дождалась. – Кошка довольно заурчала, как будто внутри включился маленький моторчик, и снова требовательно ткнулась головой в руки. От толчка восьмидесятикилограммовой самки меня изрядно шатнуло в сторону. Я присел на корточки и почесал ее между ушами.

– Молодец, Красавица. А вот жрать их не надо, – сказал я на ее вопросительный мурк. – Сначала надо местных с тобой познакомить, а то увидят такое и могут с перепугу выстрелить. Мы тебя покормим антилопинкой, зря, что ли, с собой две ноги тащим.

– Одна осталась, – сообщила Черепаха, подходя к стонущему брюнету. – Я в доме вторую оставила. Все по закону: «Гостя надо накормить, но, если приезжий может, он должен поделиться с хозяевами пищей или сделать им подарок на прощание. Ценность не важна, главное, внимание» – привычно забубнила очередные поучения о поведении на равнинах.

Она склонилась над раненым и заученным движением,

выдающим немалый опыт, воткнула ему нож в печень. Тот выгнулся и забил ногами в агонии.

– Я ж говорю, – спокойно сказала она, глядя на покойников, – люди слабые, и никуда против нас не годятся. Пока я ничего особенного у них не видела, что бы меня удивило. Мало иметь дальнобойное оружие, – подбирая и разглядывая калаш, сообщила она, – надо еще уметь им пользоваться.

Мы на пару стали обшаривать трупы, собирая все, что могло пригодиться. После шмона Красотка небрежно цепляла когтями покойника и отволакивала в кусты. Жизняки, три калаша, десяток запасных магазинов, два ТТ китайской сборки, девятимиллиметровый браунинг, пара запасных магазинов к каждому пистолету, три охотничьих ножа, выкидуха и здоровое лезвие вроде мачете. В кустах оказалась пара рюкзаков с несколькими стандартными армейскими пайками и обычные фляги, не из Вещей, с водой и спиртом. В кармане у каждого оказался такой же стандартный большой металлический пенал, который носили, чтобы хранить Вещи.

Я постелил курку, снятую с Сиплого, и стал разбирать Вещи на кучки. «Льдинки», «Иглы», «Клей», «Мясо», «Сигналки», «Чистильщики», «Фляги» разных видов – все в нескольких экземплярах, не особо дорогое, но пользующееся спросом. На дороге такое не валяется, явно они не в первый раз кого-то грабили. Последним я достал какой-то странный, диковинно перекрученный камень, из которого торчало что-то вроде кусков толстой проволоки.

– А это что такое? – спросил Черепаху, оглядываясь. – Первый раз вижу.

Она вытащила из сумки терпеливо стоящей вьючной лошади антилопью ногу и положила перед кошкой. Та мощно захрустела челюстями. Черепаха, мимоходом похлопав ее по загривку, подошла посмотреть.

– О! А это даже у нас Вещь редкая и полезная. «Замедлитель времени».

– Это как?

– Нужно к этим проводам в определенной последовательности подсоединить еще парочку «Накопителей», «Указатели» и для гарантии кабель от «Молнии». Можно и без него, но эффект меньше. Лучше всего поставить в каменном подвале. Тогда в объеме, ограниченном стенами, время идет медленнее. Если посидеть внутри минуту, снаружи час проходит, хотя это зависит от размера «Замедлителя», мощности «Накопителей», размера подвала и еще десятка факторов. Есть специальная формула для расчета. Короче, любая вещь – хоть еда, хоть еще что, может храниться очень долго и не портиться. Человек тоже. Бывают ситуации, когда надо раненого лечить или больного. Положил туда на сохранение, и он даже не заметит, что снаружи месяцы прошли. Ему кажется, что время нормально идет. В таком виде совершенно бесполезная и не опасная штука, но на все равнины их и есть только сотня. Жаль, что не спросишь, откуда хозяин взял. Наверняка они его убили.

Она неожиданно усмехнулась.

– А ведь для тебя это большой плюс в разговорах с нашими. Вы явно ценности некоторых Вещей не понимаете и использовать многое не умеете. Если «Замедлители» можно так легко достать, то я права была: мы с вас многое поймеем.

– А ты не думаешь, – хмыкнул я, сгребая все остальное в пенал и протягивая ей «Замедлитель», – что еще неизвестно, кто с кого больше поймеем? – И зло спросил: – В чем опять дело? – видя, что она не хочет брать «Замедлитель».

– Я признала тебя старшим, но ты не понимаешь цены этой Вещи. Такое не отдают просто так.

– Считай, что вручил тебе на хранение, и не морочь голову, – с раздражением отвечаю. – Отдашь, когда мне понадобится, а пока будешь хранить у себя. Вроде мы это уже не один раз обсуждали. Ты больше меня знаешь на равнинах, я больше тебя знаю о Зоне и людях. Я тебе не паук, который ничего не объясняет и ничьих советов не слушает. Если мне твои слова не понравятся, я тебе так и скажу. А пока, даже если со мной что-то случится, у тебя будет не только шанс уцелеть, но и сделать что-то нужное Клану. А я так понимаю, что это хороший козырь.

– А что такое «козырь»? – спросила Черепаха, забирая камень и пряча в карман куртки.

– Найдем карты, я тебе покажу. И не надо спрашивать, что такое карты – игра такая. Гораздо лучше, чем кости бросать.

– Я ведь хорошо ваш русский выучила, – пожаловалась

она, садясь на свою кобылку. – Но иногда не понимаю, что ты там говоришь. Только по общему смыслу догадаться можно.

– Ты еще не слышала, как некоторые говорят, – усмехаюсь. – Я с тобой беседую на правильном литературном языке. А есть профессиональные жаргоны, диалекты и просто совершенно неуместная в речи ругань, которая может восприниматься как похвала, обида или ничего не значить в зависимости от интонации и общего смысла.

Через час навстречу попались несколько вооруженных всадников, которые при виде нас моментально остановились и взяли за винтовки.

– Ух, ты, – удивленно-радостно сказала Черепаха. – Почти родственник.

Я напряг глаза, наводя фокус на переднего. Как только сделал нормальную резкость, на душе моментально стало легче, и я поспешно вернул глаза к нормальному состоянию.

– Волк, скотина ты старая, – заорал я еще издалека. – Почему ты, собственно, шляешься здесь, а не честно ищешь меня по подземельям?

Тот тронулся вперед, все еще под прикрытием стволов своих товарищей пристально вглядываясь меня.

– Боксер?! Ты живой? А мы по тебе давно панихиду отслужили... – Он шумно принюхался и недоверчиво оглядел меня еще раз. – Вроде ты, а вроде и нет. Запах какой-то не такой...

– Я это. Ты только не болтай, но я тоже теперь меченый.

Может, поэтому и пахну по-другому. Можешь тщательно обнюхать, а могу в подробностях рассказать, о чем мы говорили, прежде чем я провалился.

– Верю, – скалясь, ответил тот. – Такое бывает. Скажешь, чем тебя Ушедшие одарили?

Я ухмыльнулся и отрицательно покачал головой. Теперь-то я был ученый и знал, что Волк наверняка, как все псовые, уточнял мотивации и степень откровенности собеседника по тончайшим оттенкам изменения запаха. Страх, любовь, ненависть, насмешка, хитрость – все чувства человека имеют свой аромат. Это приходит с длительным опытом, но человеку совершенно невозможно обмануть нюх волка или собаки. Ложь тоже имеет свой запах. Наверняка никакому детектору лжи не снилось давать лучшие результаты, чем нос Волка.

– Ну, как хочешь, – он обернулся назад и махнул рукой, подзывая своих товарищей. – Только такой счастливчик, как ты, ни дня дерьма на новом месте не жравший, мог заявиться через два года с такой девушкой и целым караваном с набитыми мешками. И ребенок еще? Ну, ты даешь... Такая девушка, – еще раз повторил он, – первый раз вижу, чтобы на меня так смотрели, аж мурашки по коже.

Черепаша рассматривала его, как смотрят на замечательный подарок ко дню рождения, о котором давно мечтали. При этом она явно сканировала Волка во всех доступных ей диапазонах. Мурашки, которые он почувствовал, были его

реакцией. Тут она удовлетворенно кивнула и сообщила:

– Меня зовут Черепаха. А ты – Волк, мне про тебя Охламон говорил.

– А Охламон у нас кто будет? – с интересом спросил Волк.

– Это я, – улыбаясь, кивнул головой. – Так меня звали за тридевять земель за незнание тамошних порядков.

Остальные пятеро подъехали, и среди них я заметил пару знакомых лиц. Если напрячься, можно и вспомнить, где мы виделись, но пока особой необходимости не было. Все молодые парни, и все с интересом рассматривали нас. Собственно, я изрядно подзабыл, как это могло выглядеть в Зоне. Вся одежда на мне и на Черепахе была сделана из тончайших нитей, получаемых от очень противных на вид слизней, питающихся отходами, и обработанных «Клеем» и «Иглой» после ткацкого станка. Такая «Ткань» непромокаема, не горела и держала удар не хуже легкого бронежилета. Все оборотни ходили в таком, в каждой роще были специалисты по выращиванию специальных червей, как при производстве шелка. Но здесь, в Зоне, совсем другое дело – тут никто не знал, откуда эта ткань берется.

Несколько раз рейдеры находили большие рулоны такой «Ткани», и стоило это столько, что можно было навсегда забыть о дальних походах. Использовали ее экономно, и только очень богатые люди могли себе позволить носить вещи из нее. Так что наша одежда выглядела так же, как если бы Абрамович приделал колеса к яхте и раскатывал по Москве.

Очень дорого и совершенно не нужно. На машине проще ездить и парковаться легче.

– Мы тут ищем кое-кого не очень приятного. Похоже, вы их не встретили, а то бы так легко не проехали, – сказал Волк, с явным усилием отвлекаясь от игры в гляделки с Черепахой.

– Это не Сиплого ли с двумя качками?

– Опа... – с интересом сказал один из парней.

Я вытащил из кармана чужие жизняки и протянул их Волку.

– Часа два прямо по дороге, за поворотом, в кустах они лежат. Надо к шерифу сходить, или так сойдет?

– Шерифа здесь заменяю я, – сообщил Волк, вставляя жизняки один за другим в счетчик и глядя на появляющееся имя на панели. – Они самые, голубчики. Претензий к тебе никаких нет, они давно всех достали. Даже грабить надо уметь, а не под забором пакостить. Только будь добр, – прищурившись, сказал он, – поясни, как это ты всех троих один завалил. Или это она? – он кивнул на Черепаху.

– Я покажу, только вы не дергайтесь и не вздумайте стрелять.

Я поднял руку и поманил всей ладонью. Мысленно приказал: «Медленно, не пугай их», – и вслух для всех:

– Спокойствие, парни, без приказа не бросится.

Из травы в десятке шагов от них встала огромная пятнистая кошка и, медленно повернувшись, продемонстрирова-

ла богато разукрашенный камнями и серебром ошейник на шее.

– Это ягуар? – напряженным голосом спросил Волк, глядя, как кошка неторопливо подошла и потерлась боком о мое колено.

– Если честно, я не знаю. Хвост короткий, больше похожа на саблезубого тигра с картинок, но клыки короче и пятна вместо полос. Да и размером поменьше. И умная. Очень умная, – подчеркнуто повторил я. – Нас защищает. Так что, когда трупки осматривать будете, не удивляйтесь ранам. Мы их закапывать не стали, возле дороги бросили.

– Ладно, – сказал Волк, – езжайте себе спокойно. Безногий дома должен быть, только следите, чтобы она, если такая умная, себя хорошо вела. Пусть рядом держится, а не бегаёт одна. Могут с перепугу и выстрелить.

Он махнул рукой и повернул коня на дорогу. Остальные двинулись следом. Проезжая мимо меня, один из парней сказал со смешком своему товарищу:

– Это кошка, а он волк, какая тут любовь может быть. Одна драка.

– Шериф – это кто? – спросила Черпаха, когда всадники отъехали достаточно далеко, чтобы не слышать, и мы тоже тронулись в прежнем направлении. Красотка пристроилась слева от меня и вперед не уходила. Я в очередной раз подумал, насколько она русский понимает. Явно не реагирует, но ведь демонстрирует послушание именно после слов Волка.

– Это вроде начальника ваших Хищников. За порядком следят и преступников ловят. Слушай, не цепляйся к нему, – обернувшись назад и глянув на удаляющегося Волка, сказал я. – Тут другие обычаи, и ведут себя по-другому. Он может просто не понять, что «нет» – это нет, а не заигрывания. Придется валить насмерть, а нам это совершенно ни к чему. Тем более что ничего хорошего от такого союза быть не может.

– Это еще неизвестно, – так явно муркнула она, что я невольно снова оглянулся назад. Девушка сладко мне улыбнулась. – Это у Койот ничего бы не вышло, она человекообразная. А я волчица, – с гордостью сообщила она, как будто я этого раньше не знал. – Очень интересно может получиться, я его внимательно проверила, хотя надо и сперму посмотреть. Вроде он по всем параметрам не урод. – Она помолчала и добавила с ехидцей: – А если что, будет тебе еще один человеческий ребенок. Этот скоро подрастет, начнешь таскать другого за спиной.

Я с досадой плюнул на землю.

Черепаша радостно засмеялась. Вот сколько времени прошло, но я так и не научился понимать, когда оборотни шутят, а когда всерьез говорят. Только по живозапаху иногда и можно понять. Она совсем не шутила. Я не успел в очередной раз оглянуться, как она снова засмеялась.

– И что смешного?

– Ты ведь про себя поинтересоваться хотел? Контролируй эмоции, сколько раз тебе говорить. Проверила она тебя. Пер-

вое время ты при переходе был лишь человеком, только при-
творяющимся, что оборотень. Внешне один в один, но внут-
ренняя структура на клеточном уровне совсем другая. Толь-
ко форма. А вот как с Темным Стрелком сцепился, так стал
настоящим оборотнем. Теперь от тебя вполне можно рожать.
Очень занимательное дело, вот так и выясняется, что в ста-
рых обычаях есть большой смысл. А тебя надо очень боять-
ся, – серьезно добавила она. – Ты ж с любым так можешь, и
следов не останется.

Я скривился:

– Не вздумай об этом кому-то здесь рассказывать. Очень
не одобряется – вплоть до смерти. Лучше объясни, откуда ты
можешь знать, кто родится?

Она развела руками:

– Я тебе объяснить не смогу, очень много специфических
терминов из профессионального языка пауков. Он сильно
отличается от разговорного. И многое надо показывать при
слиянии, когда учитель демонстрирует на практике. Можно
ошибиться даже при наличии большого опыта. Вот когда эм-
брион уже есть, тогда проблем никаких. Точно скажу, что из
него получится. На седьмом месяце уже можно понять да-
же, будет ли он иметь особые способности или нет. А оборо-
тень или человек – сразу видно по двойной тени. Да знаю я,
что ты не всегда различаешь, и не понимаю, как это может
быть. Либо оно есть, либо нет. А ты очень странный тип. –
Она снова засмеялась. – И этим ты мне интересен, с тобой

не скучно. Надоели предсказуемые мужики...

Я, мысленно, в очередной раз плюнул и уставился вперед на дорогу. Вот меньше всего мне хотелось вспоминать Темного Стрелка.

Глава 9

Суд чести

Это был мой первый выход в свет. За полгода я прибавил в весе несколько килограммов, и только за счет мускулов. Старик с Койот взялись за меня всерьез уже на следующее утро. Раньше я просто не понимал, что такое интенсивные тренировки. Воспоминания о курсе молодого бойца в разведбате, где я служил который считается тяжелым испытанием, теперь вызывали только нервный смех. Если бы не способность восстанавливаться, избавляющая от постоянной боли в мышцах и во всем теле, я бы наверняка лег и помер. Любой оборотень, даже в человеческом виде, был сильнее меня от рождения. Они добивались, чтобы я мог выступать на равных только за счет силы.

Но им было мало физических упражнений, обучения владению оружием, используемого оборотнями, а это все больше были клинки разных видов, копьё и лук со стрелами. Старик еще учил превращаться в разных зверей, грузя длинными лекциями по анатомии, физиологии и еще куче разных наук.

Чтобы легче было понять, что делать, мне был продемонстрирован способ, который пауки называли «слиянием разума». Оба входили в транс, а потом он подключался к моему разуму. Теперь я мог присутствовать гостем в теле Старика и наблюдать за ним изнутри. Как потом я совершенно случайно выяснил, способ этот довольно опасный, потому что при определенном умении давал возможность более сильному читать не только память и чувства, но и мысли слабого. Были способы защиты, но это требовало длительного обучения закрываться и не давало гарантий. Более сильный все равно мог при желании проломить щиты. Зато теперь они оба, и он, и Койот, были убеждены в наличии у меня каких-то магических способностей, хотя и невысоких, и регулярно мучили, пытаясь добиться результата. Без этого соединение разумов вообще невозможно, утверждали пауки.

Начинали с простейших вещей вроде удлинения ногтей и превращения их в острые когти, но постепенно программа все усложнялась, и к началу поездки я уже умел превращаться в примата, в племени которых Старик жил. Сколько я ни копался в своей безотказной памяти, ничего такого на Земле не водилось. После первого успеха я довольно быстро сумел перекинуться в волка и ягуара. Тут уж Старик помочь ничем не мог, но один раз добившись успеха, – второй раз много легче. Основные приемы и правила были уже знакомы. А в охране у Старика были и те, и другие. Можно изучать на практике.

Методы обучения были крайне оригинальными. Так, включение быстрого режима работы мозга было достигнуто элементарным ударом в челюсть, от которого я улетел в ближайшие кусты. Зато режим драки включился моментально и без моего малейшего сознательного участия, и в дальнейшем проблем с ним не было. Постоянное ожидание очередного пинка резко обостряет восприимчивость.

Втайне я изрядно гордился своими достижениями и с ужасом думал, что Старик добивается, чтобы я мог и в остальных оборотней превратиться. Таких было не меньше пары десятков, начиная с лисы и кончая медведем. Конца издевательствам было не видно, а Старик гнал все быстрее и быстрее.

А вот Койот все больше учила жизни на равнинах. Что можно и что делать нельзя. Вся жизнь оборотней подчинена строгим законам, дополненным еще и столетними традициями. Если традиции еще можно было нарушить, хотя и с оглядкой на общественное мнение, то закон ни при каких обстоятельствах. Некоторые, вроде запретов бросить товарища или убийства детей, вполне понятны и вопросов не вызывали. Другие, вроде того, что обязательно спрашивать мнение паука по поводу женитьбы, энтузиазма не вызывали, но знать их необходимо. Времени на личную жизнь, даже если она у меня была, не оставалось вообще. Даже спал я не больше трех-четырех часов в день, и это еще считалось наглостью с моей стороны.

Нормальный оборотень садился на коня, как только мог ходить. Лошадь – это не просто средство передвижения, еще и признак зажиточности, здесь даже стоимость любой Вещи высчитывали в лошадях. А учиться пользоваться оружием начинали с очень юного возраста. Стать равным за год – это была очень странная мысль, но добивались от меня этого сурово.

Зачем была нужна эта поездка, я не очень понимал, но уже привык подобные вопросы не задавать. Как только речь заходила о племенной политике, мотивах пауков и моем будущем, Старик моментально глох и грузил меня новым, еще более тяжелым заданием. Койот разводила руками и просила не спрашивать то, о чем она не имеет права говорить. Впрочем, даже без их ответов по отдельным обмолвкам и чужим разговорам не трудно было понять, что в среде пауков имеются разногласия и на меня смотрят косо. А заодно и на моих учителей.

В последний месяц мы объезжали рощи приматов в сопровождении десятка охранников. Собственно, статус пауков был странным. Они впрямую никогда не участвовали в боевых действиях племен на равнинах. Махать холодным оружием считалось ниже их достоинства, а напасть на паука было крайне неприличным поведением для остальных. Тем не менее чем выше звание и положение паука, тем больше вероятность, что у него есть свои воины. Вполне могло случиться, что одного из пауков втихую пристукнут и скажут,

что так и было. Вот они и подстраховывались. А живя так долго, как мой Старик, можно было обзавестись огромной кучей детей, родственников и просто чем-то обязанных.

В рощах Старик знакомил местное начальство и простых оборотней со мной и загонял под лавку своим авторитетом всех желающих сказать «фэ» в мою и, соответственно, его, раз уж он взял меня в ученики, сторону.

Это была первая роща другого племени на нашем пути, и напряжение, висящее в воздухе, можно было не только унюхать, но и потрогать.

– Зачем ты притащил его сюда, Старик? – вставая с земли и загораживая дорогу, спросил могучий воин со шрамом на щеке.

Оборотни все ростом не меньше двух метров и с неплохой мускулатурой, но этот казался идеальной моделью для Конана-варвара или Ильи Муромца, с корнем вырывающего дерева. Голос его мало похож на человеческий. Это скорее рычание.

– Он не наш и никогда им не будет. Это не оборотень, а вообще неизвестно кто. Сегодня он человек, вчера был примат, а завтра захочет стать волком? Он не из нашего Народа, и то, что его не убили сразу, плохо говорит о приматах. Но это их дело – кого считать себе равным. А здесь, у волков, решаю я. И я отказываю ему в праве войти в нашу рощу.

Несколько десятков оборотней в человеческом теле, торчавшие рядом и составлявшие охрану Старика, заметно на-

прыглись и взялись за оружие, кидая друг на друга настороженные взгляды.

– Ты оскорбляешь меня, Темный Стрелок? – прошипел Старик. Многие невольно поежились и постарались отодвинуться от него подальше. Репутация у Старика еще та, связываться боялись.

– Я уважаю тебя, – пророкотал голос. – Ты всегда вел Народ и свое племя по правильной дороге. Нарушитель традиции не мог избежать наказания. Нарушитель закона – смерти. Но ты паук, а я военный вождь волков. Мое право решать, кто здесь может находиться, а кто нет. Он, – вытянутый палец указал на меня, – нет.

Если бы это был другой паук, Старик бы его съел на месте без соли, но паук рода Волков очень благоразумно не показывался. А традиция есть традиция. Военный вождь вправе решать, с кем ему иметь дело, а с кем нет. Уступить, значит согласиться, что я не отношусь к Народу и мое место у параша, даром, что здесь их не бывает. Оборотни при всей их частичной человечности – это хищные животные, и кто из них самец-альфа, а кто просто мясо, начинают выяснять с детства, и относилось это ко всем видам. Я мог только делом доказать, что со мной стоит считаться. Выбора, как всегда, не было. Я шагнул вперед:

– Мы – Народ, и если считаем решение несправедливым, имеем право на Суд чести. Никакой магии и никакого оружия. Клык против клыка, коготь против когтя, сила против

силы.

Стрелок заржал.

– Ты вызываешь меня на бой? Ну, что ж, тогда я решаю, что он будет до смерти. Я вырву тебе глотку за подобную наглость. И обращаясь к Старику, он заявил:

– Только из уважения к тебе.

Почему-то в последней его фразе уважения не было совершенно, а только явная насмешка.

Он отошел в сторону и стал раздеваться. Оборотни раздвинулись в стороны, оставляя пространство для драки. Толпа росла все больше. Похоже, уже все жители рощи собрались вокруг и смотрели на происходящее горящими глазами. Я тоже скинул с себя все, и мы оба застыли друг напротив друга голыми. Тело Стрелка до совершенства натренировано, и мускулы рельефно вырисовывались под кожей, как у атлета.

Койот из-за моей спины тихо сказала, так чтобы слышал только я:

– Даже если он тебя убьет, он уже признал тебя одним из Народа. С чужаками на Суде Чести не бьются. Темный Стрелок опытный воин, но он дурак и не умеет играть в эти игры.

– Это сильно меня утешает, – так же тихо ответил я.

Одновременно мы начали перекидываться. Тут зависимость простая – чем ты сильнее, тем скорее сможешь это проделать. Вот только никто не делает этого быстро, кроме

как для публики. Потом ужасно хочется жрать. Нормальный волк весит максимум килограммов семьдесят и в холке сантиметров девяносто, хотя обычно они меньше. Стрелок был совсем не нормальный. И вес, и рост у него были раза в полтора больше. Зубки тоже. Несколько шрамов на теле зверя и разорванное ухо ясно говорили и о большом опыте, и о немалом умении. Военным вождем стать далеко не просто. Шрамы у оборотней не заживали при перекидывании и оставались навсегда, причем в каком облике получил – в том и останется. В человеческом виде ухо у него было целое, зато шрам на морде отсутствовал у волка.

Из меня вышел тоже не маленький волчонок, но до параметров противника мне далеко. Ничего удивительного, только в сказках можно получить ниоткуда пару сотен лишних килограммов и дополнительный метр роста. В жизни что есть, то есть – закон сохранения материи, или как он там может научно называться.

Сверкнув белыми клыками, Стрелок прыгнул и расположил мне шею, тут же отскочив назад. Я зарычал, вздернув верхнюю губу и оскалив зубы. Мы, заложив назад уши, с рычанием начали кружить друг около друга, выжидая удобного момента для нападения. Несмотря на свое преимущество в массе и пренебрежительное отношение на словах, Стрелок был действительно опытный бойцом, и ярость его слепила не настолько, чтобы кидаться в драку, не думая.

Тщетно я пытался достать его и вонзить зубы в шею этого

громадного волка. В каждой попытке добраться до тела меня встречали клыки, и каждый раз Стрелок, укусив, быстро отскакивал. Ни одной серьезной раны у меня еще не имелось, но из множества мелких порезов текла кровь, и долго так продолжаться не могло. Я достаточно знал о волках, чтобы понимать, что рано или поздно противник кинется на меня, рассчитывая ударить в плечо и опрокинуть навзничь. При его более высоком весе шансов у меня выстоять под таким ударом крайне мало, и я стремился уворачиваться и ускользнуть от Стрелка, пытаясь в то же время успеть рвануть его клыками.

Стрелок неожиданно бросился вперед, как будто намереваясь нанести давно ожидаемый удар плечом, но в последний момент припал к земле и вцепился в переднюю ногу. Громко треснула сломанная кость, и я оказался уже только на трех ногах. Стрелок отскочил назад и, задрвав голову вверх, торжествующе завыл. Из толпы вокруг ему ответили таким же воем. Мимика даже у нормальных волков достаточно выразительная, но у оборотня на морде легко было прочитать удовлетворение и предвкушение победы.

«Сделал меня, сука! – мелькнуло в голове у меня. – Теперь еще один удар, и всё. Любому волку конец после этого. Только я не волк! Я человек!»

Оборотень прыгнул, и я упал на спину, пропуская его над собой и ударяя задними лапами в белое брюхо. Ни одно нормальное животное так бы не поступило. Подставить живот

под клыки соперника, значит признать его превосходство и отдаться на милость сильного. Только я не был зверем и не собирался сдаваться. У обычного волка, да и оборотня тоже, когти на ногах тупые и не приспособлены для драки. Это вам не кошка. Оборотень намного сильнее, и сейчас от удара в брюхо, пробившего живот, так что кишки Темного Стрелка вывалились наружу, он завалился на бок с диким визгом.

Я метнулся на упавшего и вцепился ему в горло. Вдруг сверху на меня неожиданно упало чье-то тело, и острые зубы полоснули шею. Я невольно сжался и дернул головой, оторвав изрядный кусок мяса у Стрелка. Кровь залила мне морду, и я невольно судорожно сглотнул, проталкивая мясо в желудок. Сидевший у меня на спине вцепился в шею так, что я взвыл от боли, слыша краем сознания вопли окружающей толпы. Кто бы это ни был, он нарушил любые традиции и все возможные законы. Вмешательство в Суд чести не допускалось ни под каким предлогом.

Я торопливо начал изменения. Давно готовился, на крайний случай, тренируясь превращать собственную кровь и плоть в сильнейший яд, и не собирался посвящать в эти свои изыскания даже Старика. Собственно, никто такого бы не перенес и тоже сдох бы очень быстро, а для меня это последний шанс. Корректировка внутреннего состояния происходила одновременно с моими действиями в считанные мгновения – хорошо иметь компьютер вместо мозгов. Надо только успеть запустить правильную программу.

Напавший неожиданно отстал и, извернувшись всем телом, я вскочил на ноги. Здоровенная волчица, размером и весом не меньше меня, стояла в шаге на дрожащих лапах. Из пасти у нее шла пена, голова тряслась, и она явно не видела ничего вокруг.

Чтобы выжить, вылечиться и быстро измениться, надо было поддерживать в себе силы, и я оторвал от Стрелка еще кусок и, не разжевывая, проглотил. Потом поднял голову и уставился на окружающих. Горло оборотня в боевой трансформации не приспособлено для речи, но сейчас я возвращался в нормальный облик зверя, залечивая раны, прокушенную кость и нейтрализуя яд в собственной крови. Маленькое дополнительное усилие уже не играло роли, а умение говорить в облике зверя было первое, что я освоил сознательно и по собственному желанию. Старик до этого не додумался. При всем его уме и способностях ему просто не пришло в голову, что такое возможно.

– У волков есть традиция вмешиваться в Суд чести? – прохрипел я. – «Один на один. Никакой магии и никакого оружия. Клык против клыка, коготь против когтя, сила против силы» – процитировал я формулу. С каждым словом изменения закреплялись, и речь звучала все более разборчиво. – Я бился по правилам, и никто меня не может обвинить в их нарушении. Кто-то смеет сомневаться в моей победе? Она нарушила закон, что говорит Народ об этом?

Передние в толпе подались назад, если и бывают испуган-

ные оборотни, то я такое видел впервые. Кто-то из задних рядов внятно сказал:

– Смерть.

– Смерть... – прозвучало еще и еще. Я повернулся к волчице и одним движением пасти вырвал ей горло, так что кровь забрызгала все вокруг. Это скорее милосердие, чем казнь, она все равно уже даже стоять не могла и лежала на боку, хрипя. Такой набор ядов, который я ей подарил, убивал зайца за секунды. Я специально проверял, отлавливая живых, потихоньку от Старика и Койот.

– Кто-то считает, что вот эта падаль, – я слегка забылся и, не по-волчьи стоя на трех лапах, ткнул передней в сторону тела Стрелка, – не моя добыча, и я убил его не в честном бою?

Я опять обвел взглядом оборотней. Никто не возразил. В первом ряду стоял Старик и с ласковой улыбкой доброго дедушки поощряюще мне кивал. Мне очень захотелось его укусить, но не место было и не время.

– Кто-то еще хочет бросить мне вызов? – Голос поднялся почти до рычания. – Нет? – переспросил я на всеобщее молчание. – Я оборотень, один из Народа, живу по его законам и имею право идти, куда хочу, в том числе, и в рошу, где вы живете. Кто встанет на моем пути – умрет.

Я оскалился, продемонстрировав зубы, и, отвернувшись от молчащих зрителей, подошел к Стрелку. Демонстративно жрать не стоило, отмороженность тоже хороша до опреде-

ленного предела. Вот только я не кто-нибудь, а перевертыш. Нога ставится на грудь поверженного, и я замираю в гордой позе, обводя пристальным взглядом зрителей. Можно ведь прекрасно получать питательные вещества, не только пережевывая пищу.

Ничего особо оригинального, читайте Лукьяненко и получите готовый рецепт. Больше я терпеть не мог, организм настойчиво требовал пищи для восстановления, яд продолжал расползаться по телу, и без большого количества еды я бы быстро отправился за своими врагами в Места Счастливой Охоты. Впрочем, каннибализмом это назвать трудно, не человек все-таки. Тело и после смерти сохранило облик, в котором было до гибели. Это только в фильмах показывают, что оно изменяется.

Я сидел, закрыв глаза, посередине комнаты по-турецки, как сидят оборотни, в состоянии транса, затопленный полной пустотой. Это первое, чему меня стал учить Старик. Проще говоря – самовнушение. Таким образом, даже нормальный человек может сильно повысить физические и психические возможности тела. Чтобы что-то себе внушить, совсем не нужно принимать труднейшие позы и не надо годами глядеть на собственный пупок. Достаточно однажды понять, как это делается, и затем выполнять.

Обычное самовнушение служит для успокоения психики, если честно, не особо я и нуждался в нем, но отрицательные

эмоции необходимо сбросить. Оборотни замечательно чувствуют такие вещи и при их стайном поведении начинают нервничать. Так что надо.

Они сами выбрали – жить им или умереть, когда сделали то, что они сделали. Волчица, вмешавшаяся в поединок, была женой Стрелка, и поведение ее было если и неправильным, то вполне объяснимым. Одна проблема – победитель получал право на имущество побежденного, а кроме разного добра, нуждающегося в сортировке и проверке на полезность и ценность, и дома-дерева, который мне совершенно не нужен, я получил в придачу еще трех волчат. Мальчиков одиннадцати и девяти лет и девочку семи. Я уже достаточно знал законы, по которым живут оборотни, чтобы понимать, что дети не станут ночью резать мне глотку, признают своим отцом и будут слушаться, хотя их уважение еще надо заслужить, но что мне делать с ними дальше – я не представлял совершенно.

Срок ученичества еще не прошел, и что взбредет Старикку в голову в дальнейшем, я не знал. Во всяком случае, он теперь точно не успокоится, пока остальные волчьи роци не объедет. Таскать за собой детей еще та морока. Бросить никак нельзя. Попытаться всучить кому-нибудь – дикое нарушение традиций. Короче, надо посоветоваться хотя бы с Койот, хотя это дело второстепенное. Чем хороши традиции оборотней, так это тем, что там уже все предусмотрено. Сейчас меня не особо волновали убитые оборотни и их дети. Это

прошло и это не цепляет, упражнения я проделал на чистом автомате по вбитой в голову Стариком привычке. Гораздо интереснее, кем я стал. С этим необходимо что-то сделать.

Съев кусок Стрелка, я получил гораздо больше, чем мог сказать словами. Желудок еще толком не переварил мясо, а на уровне подсознания, в котором я пытался сейчас разобраться, я уже знал тысячи подробностей о структуре и внутреннем состоянии оборотня-волка, причинах произвольных реакций, вызванных работой различных органов и химических соединений. Я теперь знал, как изменять свое тело, намного лучше, чем давали все лекции, книги и даже практические занятия. До меня дошло, что до сих пор я просто имитировал внешний вид, на более низком уровне оставаясь человеком. Вовсе не надо было в дальнейшем напрягаться, чтобы точно соответствовать задуманному. Теперь вполне достаточно отдать себе мысленно команду, и организм сделает все сам.

Отныне я мог стать абсолютно идентичной копией кого угодно, включая паука с его способностями. Надо только попробовать его на вкус, и никакая проверка бы подмены не выявила. Вот памяти это не давало, но, похоже, в дальнейшем для познания вовсе не было необходимости жрать противника целиком. Вполне хватило бы небольшого куска или даже просто крови. Это нуждалось в экспериментальной проверке, и пока не понятно было, стоит ли об этом вообще кому-то говорить. Интересно, как отреагирует Старик, если

его попросить поделиться небольшой частью тела.

Это здорово било по мозгам, потому что, с одной стороны, это путь к очень большим перспективам. Достаточно сожрать кого-нибудь, и можно сесть на его место. Без памяти покойника сложно, но, имея собственную абсолютную и время понаблюдать за поведением жертвы, можно стать кем угодно. А перевертыш мог жить если не вечно, то очень долго, меняя личности. С другой стороны, меня совершенно не тянуло жить чужой жизнью, даже если это жизнь миллионера. Я уже не человек, но психология и воспитание пока что человеческие, и это вариант на крайний случай, когда терять нечего.

Вообще сама необходимость жрать человека или даже оборотня изрядно напрягала. Это даже не отвратительно, а что-то сильно извращенное. За такое на костер вполне нормально, и сам бы еще вчера проголосовал «за», если бы каннибал попался на дороге. Так что стоит все-таки провести проверку на размер необходимого куска и на кровь. А кстати, это ведь элементарно можно узнать на очередном спарринге. Только не на волке – хватит и одного Стрелка. Точная копия мне не нужна, а общие принципы уже известны.

В комнату вошла и села напротив невысокая симпатичная девушка. Хотя какая она девушка. Тут может находиться только волчица, и то непонятно, как мимо Старика прошла. Никакой опасности не чувствовалось. Живозапах давал ощущение любопытства и надежды. А еще изрядно несло

чувством превосходства и неопределенным ощущением вроде запаха озона. Я уже знал, что чем сильнее этот запах, тем сильнее паук. Собственно, каждый второй оборотень что-то мог, недаром среди своих в драке подобные вещи категорически запрещались, но обычно запах озона появлялся, только если способности серьезные.

Я выбросил девушку из головы и, вернувшись в состояние пустоты, попытался просканировать окрестности, как учил Старик. На этот раз все было гораздо легче, то ли новые возможности помогли, то ли реакция на стресс дала возможность прорыва. Я впервые почувствовал дерево-дом полностью: уходящие на глубину двухсот метров могучие корни, тянущие необходимые вещества из почвы, более мелкие, расплзшиеся на десятки метров в стороны, и его удовольствие от получения изрядной порции удобрения – прямо сейчас один из охраны Старика справлял нужду в специально отведенном месте, делясь с деревом.

Умом я всегда знал, что это не простое дерево, что над ним изрядно поработали еще много столетий назад, приспособившая под нужды жильцов путем вмешательства в зародыш на ранней стадии. Но только теперь я понял, что дерево не просто симбиоз двух видов, один из которых предоставляет возможность жить, а другой обеспечивает дополнительные условия для питания и выживания.

Личинки, освещающие дом ночью и пожирающие насекомых, птица вроде дятла, питающаяся вредителями, посто-

янная подкормка и уход за деревом со стороны оборотней. Мозга у него не было, но какая-то странная личность была. При желании, что случалось не особенно часто, оно могло даже пойти на контакт с жильцами и потребовать обеспечить ему соответствующие условия – добавить удобрений, ловить вредителей, портящих кору или корни, удовлетворять еще какие нужды. Оно вообще любило, когда жильцы гладили ствол, говорили ласковые слова в его адрес. Каким образом все это воспринимало, не очень понимали даже оборотни. Первые семена достались им от тех странных экспериментаторов, живших еще до Войны.

В свою очередь, жильцы могли попросить об улучшении планировки комнат и прочих вещах. Дерево-дом проводило в каждую комнату воду, поднятую с изрядной глубины, выращивало ниши для вещей, шкафчики и кровати без проблем. Просьбу следовало сопровождать соответствующим ритуалом, потому что дерево-дом реагировало только на просьбы постоянных жильцов.

А еще оно общалось с другими сородичами и могло по собственной инициативе предупредить о серьезных проблемах вроде пожара или чужаков. Кстати, огонь оно, что вполне естественно для дерева, не любило, и разжигать его даже для приготовления пищи можно только снаружи в специально приспособленном месте. Впрочем, внутри дома-дерева при закрытом входе постоянно сохранялась температура около восемнадцати градусов, и холодно не было даже зи-

мой.

Я почувствовал, как дом обратил на меня ответное внимание. Это было похоже на то, будто тебя внимательно обнюхивает домашний пес. Страшно спокойный и флегматичный, но неожиданно заинтересовавшийся. Удивительно, но дерево тоже имело свою собственную силу, и я ее ощутил в виде зеленого прозрачного человека. Тот несколько раз обошел меня вокруг, иногда прикасаясь, причем рука была теплой, как будто это не дух, а материальный человек. Как при общении с домовым, я четко понял, что дух доволен осмотром. Темный Стрелок вызывал у него полное равнодушие, а вот новый хозяин чем-то заинтересовал. Потом он требовательно протянул руку и застыл.

Я, недолго думая, достал нож и резко полоснул по собственной руке. Я знал – это правильно. Из широкого пореза закапала кровь, и я повернул ладонь вниз, так что капли упали на ладонь духа и, пролетев сквозь нее на пол комнаты, они мгновенно всосались, не оставляя ни малейшего следа, а зеленый человек шагнул к стене и, прислонившись к ней, растворился в дереве. Теперь договор между новым жильцом и деревом был заключен. Достаточно мысленно позвать, и оно откликнется.

Тут меня неожиданно выбило из транса, и я зашипел от боли. Слишком сильно порезал руку – в пустоте боли практически нет. Тут же начал зализывать рану и моментально вспомнил про свою непонятную гостью. Она сидела все с

тем же невозмутимым видом, но я почувствовал ее растерянность и, что было очень странно, уверенность в правильности ее желания.

Я, не двигаясь, уставился на нее. Какое-то время мы играли в «кто кого переглядит», потом девушка скользнула ко мне и потерлась щекой о мою щеку и наклонилась, так что ее шея оказалась подставленной для удара или укуса.

«Ни фига себе», – мысленно изумился я. Это был стандартный ритуал для оборотней. Добровольное признание себя младшим. В каком-то смысле оборотни неосознанно, а позднее и вполне сознательно копируют поведение животных.

С самого детства стайные хищники вроде собак и волков выясняют, кто сильнее. Только животные, в отличие от людей, редко доводят до физических стычек. Одно серьезное ранение в драке – и ты уже не охотник. Мало того, можешь просто помереть от голода, потому что не способен догнать добычу. Ни одно животное не станет кидаться в атаку сразу. Для начала принимаются угрожающие позы, когда распушается шерсть, поднимается голова, каждый старается продемонстрировать, что он выше и сильнее.

Если не помогает, показывают зубы, когти, смотрят в глаза противнику выкаченными глазами, как бы оценивая расстояние для решающего прыжка или удара. И, конечно, рычат, шипят, режут, воют.

Угрожающее животное само боится обострения ситуации,

но прекратить стычку не может: это значит признать себя побежденным и сдаться. Наконец кто-то не выдерживает первый. И тогда побежденному следует принять позу подчинения и покорности. В ней все противоположно агрессии. Размеры свои нужно уменьшить – сжаться, упасть на колени, на брюхо или на спину, голову опустить, когти и зубы спрятать, в глаза не смотреть, вместо устрашающих звуков издавать писк, визг, причитания. И подставить победителю самые уязвимые места для удара.

При виде позы подчинения победитель постепенно успокаивается и может заменить действительное избиение ритуальным – потрепать за волосы, похлопать лапой, толкнуть, ущипнуть, обгадить.

Оборотни не животные и сохраняют разум даже в боевой трансформации, но во многом они сродни психологически. Драки происходят намного чаще, но механизм признания подчинения тот же самый. С раннего детства они выясняют между собой, кто более сильный-умный-агрессивный, а сочетания этих свойств могут быть самыми разными, но сила очень важна, потому что последний выход для некоторых – требовать Суда чести, где все решается не умом, а зубами и когтями. Все это приводит к устойчивым отношениям, где каждый знает свое конкретное место в иерархии подчинения.

Самый сильный подавляет других, стоящие ниже него находят более слабых, и так до самого низа. Это жестокая, но

очень эффективная иерархия, в которой каждый знает свое место, каждый подчиняет и подчиняется. В конечном счете, она позволяет избегать постоянных конфликтов, борьбы всех со всеми за первенство, а зачастую служит основой для совместных действий.

На самом деле то, что хорошо для животных, не всегда проходит у оборотней. Можно быть более слабым, но специалистом в необходимых для племени ремеслах, и, не достигнув уровня, когда можно претендовать на звание паука. Уметь очень многое, недоступное просто сильному и агрессивному. Связи в племени намного сложнее и включают в себя и родственные, и имущественные возможности, что нередко очень осложняет ситуацию.

Да и мотивы их поведения намного сложнее, чем у животных, но очень многие ритуальные позы, вроде демонстрации подчинения, они используют сознательно. А то, что сделала эта незнакомка, вообще выходило за все рамки поведения. Я не был членом племени, и вряд ли меня можно было вообще признать волком. Если бы я потребовал признать свое доминантное положение при других – был бы в своем праве, но она пришла сама и она была по уровню не ниже паука.

Я протянул руку и погладил девушку по голове. Это было еще одно из общих для всех ритуальных действий. Благодаря ему, старший принимает свое положение и обещает защиту младшему. Сексуального здесь ничего. Оборотни, как и животные, любили прикасаться друг к другу, и разные толчки,

поглаживания – все это входило в нормальное поведение. В принципе, если бы я укусил ее даже до крови – это означало бы то же самое, но ставило бы ее на более низкую ступень в иерархии.

Она отодвинулась, присела на пятки и, смахнув темную челку с лица, сказала:

– Я Черепаха, бегущая по предгорью, волчица, младший паук рощи в звании Мастера.

– А, – сообразил я, – это ты большой специалист по переговорам с анхами, который торгуется от лица племени.

Черепаха отрицательно помотала головой:

– Нет, мне никто никогда не поручал такого. Народ сам по себе, анхи сами по себе. Мы очень редко идем с ними на контакт и практически не торгуем. Вот воюем довольно часто. – Она широко улыбнулась. – Просто я любопытная и... – она помолчала и посмотрела мне в глаза, – не думаю, что жизнь должна стоять на месте. Традиция, превратившаяся в закон, вредна. Остановившееся развитие вредно вдвойне. Как минимум – надо знать не только наши равнины, но и что лежит за их границами, и кто там живет. Их сильные и слабые стороны, их возможности нам угрожать.

Я всем видом постарался выразить недоумение. Черепаха, явно тщательно подбирая слова, продолжила:

– Военный вождь всегда самый сильный и лучший боец, но правят на равнинах пауки. Они живут долго. Иногда очень долго. С возрастом набирают все больше силы и опы-

та. Без их слова и указаний мало что делается. Но чем больше возраст паука, тем чаще застывает в своем развитии. Они не ищут новых путей и решений – старая жизнь и без того хороша. Им не выгодно пускать наверх более молодых и делиться властью. Много лет пройдет, и надо очень постараться, прислуживая старикам, чтобы чего-то достичь. А пока ты изображаешь покорность, маска постепенно прирастает, и когда приходит твое время, ты уже думаешь, как они.

Чуть помолчала и продолжила:

– Уже больше ста лет состав Совета не менялся, и многие заостенели в той форме и с теми предпочтениями, что были столетия назад. Я Мастер, но мне никогда не стать главой роши. Даже если старший умрет, его место займет следующий по возрасту в племени, а я так и останусь младшей.

– Ну а я тут при чем?

– Ты – тот, которого не может быть. Не один из Народа, но можешь стать своим в любом племени. Ты пришел издалека и видишь происходящее по-другому. Ты победил на Суде чести Темного Стрелка и можешь стать пауком. Слабым, но пауком. Не знаю, сможешь ли ты достичь когда-нибудь уровня Мастера, но общаться с домом напрямую способны немногие. За тобой стоит Старик, но он скоро умрет.

Я удивленно приподнял бровь.

– Да, – кивнула Черепаха, видя мое удивление. – Это все знают. Как только это произойдет, за тебя возьмутся всерьез. Ты еще плохо знаешь Народ и пауков. Смерть иногда не са-

мое страшное.

– И? Какой вывод?

– Пока еще есть время, ты должен собрать вокруг себя единомышленников. Создать свой Клан. Тогда ты сможешь говорить со всеми на равных.

– Ну да, – скептически пробурчал я. – Буду ходить и призывать встать под мое начало, чтобы ломать весь порядок. Тогда уж точно появятся желающие поубивать и меня и придурков, согласных идти за мной.

Она торжествующе улыбнулась.

– Если идти на прямой конфликт – да. Как раз этого надо постараться избежать. На равнинах достаточно таких, как я, недовольных. И есть немало таких, которые происходят из слабого рода и никогда не смогут продвинуться далеко. Многие пауки будут только довольны, избавившись от неудобных для них. Тебе все равно, кто из какого племени происходит. Они придут, если увидят, что ты их примешь и дашь защиту.

Я долго молчал и наконец встал, потянувшись так, что связки занули. Давно научился сидеть в этой неудобной позе, но по-прежнему мечтал о нормальном табурете. Черепаха настороженно следила за мной.

– Ты ведь хорошо знаешь Койот? – спросил я.

– Конечно. Мы говорили с ней об этом. После смерти Старика у нее тоже будут большие проблемы и, если ты согласишься, когда кончится твой срок ученичества, она признает тебя вожаком.

– Признает или будет, сидя у меня за спиной, дергать за веревочки?

– А, – растерянно сказала Черепаха и несколько секунд что-то обдумывала. – Этот образ я не поняла, но по смыслу догадалась.

«Ну да, – подумалось, – откуда ей знать, здесь кукольного театра Образцова с гастроями не было».

– Будешь слабым – подомнет. Она паук – и не из слабых.

– И ты тоже?

Черепаха посмотрела мне в глаза.

– И я тоже. В этом нет позора, большинство военных вождей спрашивают мнение и слушаются своих пауков.

Я пристально смотрел на нее, пока Черепаха не отвела взгляд.

– Ладно, – сказал я, помолчав. – По закону дети Темного Стрелка будут моими. А я ни к какому виду не отношусь и ни в каком племени не состою. Я сам по себе. Нельзя так – они везде чужими и лишними будут. Хочется мне или не хочется, а Клан нужен. Только это мой Клан будет, без славных предков. Я сам себе предок, и кого я принимать буду, а кого нет – это будет только мое дело. А советы я всегда выслушаю, но решать буду сам, и власти паука надо мной не будет. Ты меня хорошо поняла?

– Да, – опустив голову и выказывая покорность, сказала Черепаха.

– Можешь идти, и подумай, нужно это тебе или нет.

Девушка гибко поднялась и, продемонстрировав подчинение младшего старшему поклоном, направилась к двери.

– Да, – сказал я ей уже в спину, – Койот позови, только чтобы Старик не слышал.

Она кивнула:

– Да, Вожак, как скажешь. – И, широко улыбнувшись, добавила: – От меня избавиться тебе все равно не удастся.

Глава 10

Жизнь на равнинах

Мы подъехали к знакомому дому и остановились. Я осторожно, чтобы не потревожить Найденыша, слез с коня и постучал в калитку. Не дожидаясь, пока кто-то услышит, мысленно позвал Зою. Как ни старался, так и не заметил ее появления. Только что ее не было, а теперь стоит и внимательно смотрит. Краем глаза я увидел, как Черепаха вздрогнула, значит, и она не увидела появления домовой.

Зоя осторожно потрогала меня рукой, проверяя что-то свое, и разрешающе сдвинулась, освобождая дорогу во двор. При этом она так же внимательно изучала каждого проходящего мимо, включая коней. Я услышал знакомое тихое жужжание со стороны Черепахи. Если мыслеречь обращена не к тебе, все равно не различишь, о чем говорят, сплошной шум, вот только каждый оборотень улавливает его по-своему. Кто-то свист, кто-то невнятный разговор, кто-то вместо

звучков видел, как искры летят – у всех по-разному. У меня постоянное жужжание, как от комара. Сейчас Черепаха явно пыталась заговорить с домовою, но ответа я не услышал.

Осторожно присел перед Зоей на корточки и, развернув приготовленную тряпку, протянул ей подарок. Нож был сделан из дерева, как раз под ее или похожую руку. Если не знать, он казался детской игрушкой, но Зоя знала.

Она тронула маленьким пальчиком лезвие, и выступившая капля крови моментально впилась в дерево, не оставляя следа. Такие ножи не изготавливались на продажу. Надо было просить духа дерева-дома вырастить его, и не каждый еще соглашался. Нож вырастал из ствола уже в готовом виде и через два-три дня сам отламывался. Лезвие легко пробивало толстую доску или тонкий лист металла и не нуждалось в заточке. Пользоваться им мог только хозяин, поделившийся кровью с ножом, у любого другого он превращался в бесполезную деревяшку. Зато и стоил он немало.

Зачем дереву деньги? Оно хотело, чтобы я посадил новый саженец от него, а это не такое простое дело было. Рощи стояли не абы как, места, где сажали новые, должны были отвечать массе необходимых признаков – вроде наличия поблизости путей миграции диких животных, воды, подходящей почвы, места силы, где сходились энергетические линии, и, что хуже всего, общего разрешения Совета пауков. Тут уж изрядно повезло с вовремя состоявшейся Войной – я имел место, куда перебраться со своим Кланом. А подарок нужен

был не стандартный, очень уж мне хотелось договориться с домовыми о переселении.

От Зои явно повеяло чувством одобрения и удовольствия. Она демонстративно поклонилась, благодаря меня, и испарилась в неизвестном направлении. Отследить уход в очередной раз не удалось, невзирая на новообретенные способности. Я поднялся и увидел, как с крыльца одним прыжком соскочил Рафик. Радостно заключая меня в объятия, он заорал:

– Живой! А мы-то не поняли, что случилось. Вдруг вскочила и за дверь, ничего не говоря.

Возле открытой двери стояла Лена, держа в руках карабин. Она тоже спустилась и, повесив его на плечо, обняла и поцеловала меня в щеку. Какое-то время мы радостно тискались, потом я отстранился и, вспомнив свои обязанности, приступил к знакомству.

– Это хозяйева, и зовут их Рафик и Лена. Они муж и жена, – указывая на друзей, произнес я. Затем, повернувшись к своему сопровождению, сказал: – А это Черепаха. Не моя жена и даже не моя девушка. Она маг-лекарь и по совместительству мой учитель.

Девушка кивнула и мысленно напомнила: «Ты обещал». – «Я помню», – так же мысленно ответил я.

– Очень приятно, – сообщила она вслух вежливо.

– Это...

Кошка, разлегшаяся возле крыльца, уселась на задницу и,

протягивая лапу, произнесла «Мави», явно самопредставляясь. Голос шел не из пасти, а от ошейника. Рафик, с обалдевшим видом, пожал лапу, и она шумно приняхалась.

– Оч приятно, – сообщила она. И тут же с вопросительной интонацией поинтересовалась: – А в туалет?..

– Можно, – поспешно сказал я, – только осторожно, ничего не поломай.

Кошка, кивнув совсем по-человечески, скользнула мимо Лены и зашла в дом.

– Воду она тоже спускает? – с интересом спросил Рафик.

– Не волнуйся, если вы ничего не меняли, то у тебя там не цепочка, а ручка. Как раз для подобных случаев. Спустит. Это мой добровольный телохранитель, работает не за деньги или мясо, а чисто из уважения. А Мави – это Красотка в переводе.

Я снял рюкзак и продемонстрировал сидящего в нем ребенка:

– А вот это мой сын. Как это правильно – не биологически, но фактически. Мы с Рафиком пойдем лошадей расседлаем, а вы, девушки, заходите в дом. – При этом вручил рюкзак Черепaxe. – Да, мой ноутбук с дисками у вас сохранился?

– Конечно, – кивнула Лена.

– Научи, пожалуйста, ее с ним обращаться, пока время есть, потом я вам все расскажу, сразу двоим, чтобы не повторяться.

Пока мы с Рафиком загоняли лошадей в конюшню, рас-

седывали и снимали сумки, я рассказывал ему о кошке:

– Она не животное. Ум как у человека лет пятнадцати, все прекрасно обрабатывает, только говорить не может. Я ее специально русскому не учил, она просто сидела рядом и до сегодняшнего дня даже не показывала, что понимает. А тут «Оч приятно», – я усмехнулся. – У нее не те голосовые связки, и вообще пасть для нормальной речи не приспособлена. Зато на ошейнике усилитель, соединенный с переводчиком. Расшифровывает звуки гортани и преобразовывает в человеческую речь. Результат не идеальный. Иногда без привычки понять трудно, но все равно лучше, чем было раньше, когда пользовались системой жестов. Этот ошейник тоже Вещь, но очень специфическая, только для этого и предназначена. Если такой ошейник есть, а видно его сразу, значит это не зверь, и за ущерб будешь отвечать, как за причиненный человеку.

Рафик как раз тащил очередную сумку к выходу, но тут остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Ты хочешь сказать, где-то там, – он неопределенно покрутил рукой, – таких много?

– Ну, не так чтобы очень много, но бывают. У меня пятеро. Есть еще два волка, медведица и лис. Все молодые, кроме медведицы. Мави еще трех лет нет.

– В смысле?

– Ну, разум-то у них человеческий, а физиология животных. На четвертый – пятый год пора рожать наступает. Жи-

вут они всего лет тридцать, не больше, вот и компенсируется им малый возраст детским поведением и разумом. Никаких рефлексий и философий, сплошные игры и шалости. Наши проблемы ей до одного места, если есть еда и кто-то вроде меня, который скажет, что хорошо и что плохо. Зато убить для нее никаких проблем – сама без причины не бросится, но защита своих – это первый закон жизни.

– У тебя, значит, целая стая имеется, – пробурчал Рафик.

– Куда это ты смотришь? – спросил я, видя, что Рафик внимательно что-то рассматривает, стоя у дверей конюшни. Тот не ответил, и я подошел и встал рядом. Мави шла вдоль забора, внимательно его время от времени обнюхивая, а потом поворачивалась к нему задом, поднимала хвост почти вертикально вверх и обрызгивала доски. Сзади шла Зоя и явно что-то внушала, на что кошка не обращала ни малейшего внимания, и на морде у нее явно было видно удовольствие. Каждый раз, перед тем как пустить очередную струйку, она оглядывалась на домовую и вроде даже подмигивала.

– Нормально, – сообщил я. – Метит свою территорию с обязательством защищать ее и вас. Ни одно животное теперь добровольно не полезет во двор. Расскажи лучше, как жизнь.

– Да нечего особенно рассказывать, – он знакомым жестом почесал затылок. – Как ты тогда исчез, мы пытались пробиться вниз несколько дней, а потом засыпали вход, и больше туда ни ногой. Соседние здания раскапываем потихоньку, ничего особо ценного не нашли, но на жизнь хвата-

ет. Так и ходим каждый год до холодов в знакомое место.

– Постой, – сообразил я, – ты что, виноватым себя чувствуешь из-за того, что случилось? Брось! Я сам полез, а помочь вы ничем не могли, выбросило меня на другой конец континента, чуть не к самым горам. Все нормально, – я хлопнул Рафика по плечу. – Все что ни делается – к лучшему. Вы с Леной здесь единственные мне близкие люди, и я бы пришел повидаться обязательно, даже если бы мне от вас ничего не надо было.

– А тебе надо? – с интересом спросил Рафик.

– Еще как! Во многие знания есть многие печали. Я теперь почти все знаю про Дикое поле и живущих там, но вот лезть неизвестно куда и к кому в Зоне мне совсем не улыбается. Посоветоваться надо. Бери сумки и пойдем.

Мы устроились на кухне по неистребимой российской привычке. Я сидел, развалившись на стуле, и, лениво наблюдая, как хозяин собирает на стол, рассказывал:

– И предложили мне «богатый» выбор. Или становишься одним из них, или совсем не больно зарежут. Раз – и ты уже на небесах.

Зашла Лена, держа на руках ребенка.

– Поздоровайся с дядей Лехой.

Автоматически просканировав, я убедился, что девочка здорова и имеет потенциальные способности. Ничего удивительного при двух меченых родителях. Теперь я это знал точно. Разбираться, какие именно возможности надо у нее

разрабатывать, нужно отдельно и в другой обстановке. А вообще это не мое дело, а Черепахи.

– Ой, – сказал я. – Совсем дураком стал. Даже не спросил, как ее зовут.

– А откуда ты знаешь, что у нас девочка? – изумился Рафик.

– Так мы проезжали мимо Михалыча, он и сказал, – с честными глазами сообщил я, мысленно дав себе по затылку за то, что не подумал, прежде чем говорить. Пока я не собирался просвещать никого насчет новообретенных способностей.

– Оля нас зовут, – сообщила Лена специфически материнским тоном. В этот момент в кухню осторожно вошла Мави, держа в зубах за лямки рюкзак с Найденышем. В кухне сразу стало тесно. С облегчением положив рюкзак прямо на пол, кошка села рядом со мной и положила морду мне на колени. Найденыш с любопытством уставился на Олю и, привычно выбравшись из мешка, деловито пополз знакомиться.

– А где?.. – спросил я, почесывая горло Красавице.

– Села прямо на пол и читает с экрана Сапковского про ведьмака Геральта, – удивленно подняв брови, сказала Лена.

– А, это нормально. Они всегда так сидят без стульев. А Сапковского я ей давно обещал. Что такое художественная литература – они в первый раз от меня услышали. Сказки есть, назидательные истории тоже. А вот просто выдумать историю про то, чего не было, до такой вещи не додумались.

Мне ничего из книг лучше в голову не пришло для начального знакомства с вымыслом, и чтоб реалистично. И слов незнакомых почти нет. Я ей рассказывал одну главу в день, а Черепаха хочет знать, чем кончится. Пан Анджей обрел фанатку своего творчества на неизвестно где находящейся планете.

– Так кто это «они», Леха?

– Кто? – переспросил я. – Коренные жители, аборигены, туземцы. Хозяева равнин, которые называют себя Народ, а свой язык – Языком. Мы здесь не первые. Впрочем – это и так все знают. Не знают только того, что Ушедшие не ушли, а перебили друг друга. – Я подумал и добавил: – Во всяком случае, так считается. – Посмотрел на друзей, внимательно меня слушавших. – Они были людьми, такими же, как земляне, но очень удачно, что их больше нет. До разных «гуманизмов» и прав человека они не додумались.

– Так это ж замечательно, – хохотнул Рафик. – Мы прекрасно без политкорректности обойдемся.

– Да? А когда берут гены от человека и скрещивают его с животным, – я почесал замурлыкавшую Красавицу между ушей, – и получают жуткого уroda. Красавица у нас результат очень неприятных экспериментов. Бегают некоторые такие экземпляры по планете до сих пор, и лучше с ними вообще не встречаться.

Дабы Рафик понял, что сейчас не время для шуток, я продолжил:

– У них вообще замечательные привычки были. Прямо без всякого наркоза что людей, что зверей кромсать, чтобы реакции посмотреть. Можно еще за долги ребенка забрать и на уроке в школе в качестве наглядного пособия препарировать. А еще пытки – это был нормальный способ ведения следствия. Человеческие жертвоприношения регулярно, особенно пожилых, от которых пользы нет. Про пенсию по старости или инвалидности – это выдумки землян. Здесь такое в голову не приходило. Хотят содержать тебя твои дети – замечательно. Не хотят – их законное право. А еще вполне нормально было вырезать и съесть печень еще живого, чтобы получить от него удачу. Есть даже список, какой орган за что отвечает. Вот так живой стоит, привязанный к столбу, а его режут и на его же глазах едят. Очень считалось вкусно – «свежатинку» съесть, не то что уже забитого. Мозги еще были большим лакомством. Есть целый этикет – кто за кем, и какую часть тела было более почетно получить.

– Какая гадость! – с чувством сказала Лена.

Я усмехнулся:

– Это для тебя гадость, а они в такой системе жили – это совершенно нормальное поведение было. Хочешь понять образ мыслей чужой расы, не ходи в музей на скульптуру тамошнего Аполлона или Давида смотреть. Лучше всего посетить Хиросиму после взрыва или заглянуть на огонек, когда миролюбивые демонстранты ломают магазины и поджигают машины. Хотя неплохо еще концлагерь посетить. Там цену

человеческой жизни и смерти видно прекрасно. Красивые слова предназначены только замазывать глаза. Но Народ про себя прекрасно знает, что их вывели искусственно, в порядке эксперимента, и только поэтому они и выжили, когда те друг друга стали травить биологическим и химическим оружием. И нормальных людей ненавидят. Очень редко рождаются у них такие, – я посмотрел на Найденьша. – Так его родная мать выбросила, а я вот подобрал. Поэтому он мне сын.

– А ты ведь что-то не договариваешь, – задумчиво сказала Лена. – Людей ненавидят, а ты для них не только свой, но еще и можешь что-то поперек правил делать.

– Правильно. Догадалась. Ты наливай, выпьем за встречу. – Я помолчал, глядя, как Рафик разлил по стаканам водку. – Главное в жизни – удача. Не всегда она, такая, как мы хотим, но без нее тебе не поможет ничего. Выпьем за то, чтобы она нас не оставила.

Мы чокнулись и дружно выпили. Я осмотрелся, что там стоит на столе, и стал накладывать в тарелку.

Кошка подняла голову и внятно спросила:

– Мне?

– А ты только сырое мясо ешь или еще что? – поинтересовалась Лена.

– Сырое гораздо лучше, но можно и жареное, хотя желательно пореже, творог можно, даже сырые овощи иногда ест, но не любит – только с голодухи, чтобы в животе что-то было, – пояснил я.

Лена полезла в шкаф, служивший холодильником, и, достав кусок мяса с костью на пару килограммов, с сомнением на него посмотрела.

– Пойдет, – сказал я. – Только не здесь, а во дворе.

Красавица фыркнула и, осторожно взяв мясо зубами, вышла за дверь.

– Все время надо воспитывать, – пояснил я, глядя ей вслед. – Вечно проверяет – что можно, а что нельзя. Чуть слабину дашь – моментально на голову садится и ноги свешивает. Если сильно по-умному – время от времени надо напоминать кто доминант, а кто подчиненный.

Когда дверь за кошкой закрылась, я продолжил:

– Да, Лен, ты правильно догадалась. Я тоже меченый. Поймал в подземелье. Очень удачно вышло, а то бы сразу зарезали. Они это дело прекрасно видят. Я по... мда... профилю очень близок к Народу оказался. Все равно потом пришлось доказывать, что я весь из себя такой отморозок. Но об этом говорить пока не буду, – я усмехнулся, глядя на их лица. – Мы, меченые, – я подчеркнуто демонстративно обвел взглядом хозяев, – не любим об этом рассказывать. Очень уж дело такое... интимное.

Рафик вопросительно глянул на дверь, за которой Черепашка увлеченно читала про ведьмака Геральта.

– Ага, то же самое, – кивнул я. – Она только выглядит такой симпатичной и невинной девочкой. Ей убить – как тебе высморкаться, и людей точно так же не любит, как и осталь-

ные. Просто она очень любознательная и умеет четко проводить границу между чувствами и действиями. А, кроме того, я для нее тоже старший. Вожак. Я ведь недаром сказал – она маг-лекарь. У них нет деления на черную или белую магию. Маг находится вне привычных рамок добра и зла и не обязан объяснять свои мотивы никому, кроме как высшему по рангу. Так что может вылечить, а может и убить. Хотя, на самом деле, это называется у них не маг, а паук.

– Как-то это звучит не очень приятно, – поежилась Лена. – «Черная вдова» и прочие гадости.

– Нет, никакого отношения. Самое близкое к Народу – это индейцы, хотя любые аналогии всегда соответствуют не полностью. Там, на востоке, лежит огромная степь, заросшая травой по пояс и кустарником. Редко, когда деревья встречаются. Там бродят огромные стада диких животных. Бизоны, антилопы, дикие лошади, олени разных видов, птиц множество и маленьких зверьков, но главное – бизоны. Я, впрочем, не уверен, что это бизоны, может, зубры, а может, еще что похуже. Не приходилось раньше видеть в природе, только на картинках. Дикие животные всегда ходят определенными путями. Вот вдоль этих путей и стоят рощи, в которых живет Народ группами по двести-триста разумных. В основном охотятся, но и огороды с полями имеют. Ремесла там очень развиты, скот домашний имеется и табуны лошадей. Все рощи посаженные, а не случайно выросшие, и деревья там генетически измененные, ну это, может, еще уви-

дите, такое объяснить сложно. На дерево это меньше всего похоже. Главное, что они специально ограничивают рождаемость, для того чтобы не выбить всех животных. А решают, кто достоин произвести на свет потомство, а кто нет, – пауки. Генеалогическое древо они не придумали, а семейные связи рисуют черточками от одного имени к другому. Шестьсот лет назад, когда Война между людьми кончилась, очень мало было уцелевших, вот многие и женились внутри рода. Когда рисуют, получаются такие перекрещивающиеся линии, как паутина. Вот с тех пор и пошло название – паук. Мало того, в каждой роще паук знает не только родственные связи, но и возможности. Там каждый второй – маг разного уровня, но паук всегда сильнее – ведется специальный отбор еще с детства. Если хотите, можно назвать его «экстрасенсом». Они постоянно проводят селекцию и выводят особые специализированные породы в собственном племени. Какая там любовь-морковь, – я хотел плюнуть, но удержался, – паук сказал: «Надо!», молодежь ответила: «Есть!»

Друзья слушали молча, видно было, что мой рассказ захватил их всецело.

– Ребенок должен быть от правильных производителей, зато гулять можно, сколько угодно, только не рожать. Вся жизнь у них опутана множеством правил, традиций и законов. Туда нельзя, сюда нельзя, этого не делай, а вон то делать обязательно. Только постоянно держать пружину сжатой опасно, лопнуть может. Так придумали отдушину для

желающих – война. То есть это не обязательно, можно всю жизнь мирно прожить, но уважать не будут. Заодно и лишних поубивают, а у кого-то появится возможность родить, чтобы восполнить потери и поднять численность до прежнего уровня.

Лена хотела было что-то спросить, но Рафик остановил ее жестом, а я продолжил:

– Это ведь только кажется, что степь однообразна и уныла. О, кто там живет, прекрасно знает, где проходит граница какого рода, где чужая роща и чужие табуны. Самое удальское дело – это украсть лошадей. Если сделал это чисто, без крови – почет и уважение обеспечено. Если пришлось драться с охранниками, потом подробно выясняется, кто и что сделал. Кто убил и кого, каким способом. Как в компьютерной игре – все подсчитают и выяснят количество очков у каждого. И такие вещи на всю жизнь, не дай бог сплеховать, очень долго помнить будут. Имен, в нашем понимании, у них нет. Одним называет мать, второе дают при совершеннолетию или за удачный поступок. А потом так и дальше идет. Можно десяток имен сменить за жизнь.

– А тебя они как зовут? – ехидно спросил Рафик.

– Сначала называли Охламоном за то, что вечно делал что-то не то. Потом Зверем, когда я продемонстрировал, что со мной надо считаться. Сейчас все больше Вожаком. – Демонстративно уставившись на пустой стакан, я пожаловался, ни к кому конкретно не обращаясь: – На сухую глотку столь-

ко болтать...

Еще раз налили, выпили и закусили.

– Короче, постоянная война – это образ жизни, – продолжил я рассказ. – Стремление заслужить славу, желание преумножить свою собственность, а также отомстить за ранее нанесенное оскорбление. А оскорблением может считаться все что угодно, было бы желание. С юных лет подростков воспитывают так, чтобы они жаждали добиться похвалы родителей, а ее проще всего можно заслужить, успешно сражаясь с недругами. А высочайшей наградой, какую только Народ знает, является одобрение всего племени. Но даже война у них очень формализована и подчиняется четким правилам. Нападение на рощи запрещено категорически, убийство женщин без оружия и детей тоже, что в принципе совсем не плохо и ставит все в определенные рамки. До последнего солдата драться необходимости нет. Сходятся два отряда в споре за территорию и режутся, пока не появится явный победитель. А догонять бегущих или вырезать всех – это ни-ни. Славы и так достаточно. Пленных еще почетно брать. Даже лучше, чем убивать. Если не выкупят, будешь работать на хозяина год и один день. Причем не просто работать, а делать все, что тебе скажут, и говорить можно, только если разрешат или с такими же пленными. Нарушителя или отказчика по закону можно убить. Но все это касается только Народа, пусть и из других племен. К чужакам законы не относятся. Впрочем, они тоже не слишком стесняются... – Я

на мгновение запнулся, вспоминая.

Глава 11

Война

Я занимался совершенно мужским делом – беседовал с Большой Ногой из рода Лис о достоинствах разных видов заточки ножей. Впрочем, это скорее он изливал глубокую мудрость, а я только поощрительно кивал и в нужных местах соглашался. В самом начале разговора я сразил его наповал рассказом о малайских крисах и швейцарском складном, даже нарисовал, как это выглядит, – после чего он ко мне проникся. Обратни пользовались только очень похожим на нож Боуи, ну таким, со специальным скосом на конце. Даже кидать ножи у них было не принято – для этого с успехом применялись дубинки и очень похожие на томагавки топорики с длинной рукояткой.

Подобные посещения в последнее время стали довольно регулярными и частыми. Заполучив в личную собственность дом-дерево, я сделал здешнюю рощу своей базой и не собирался вечно таскаться по равнинам, демонстрируя себя. Мы со Стариком успели побывать практически во всех родах приматов, волков и ягуаров. Занятие было довольно однообразное и занудное.

После первой демонстрации с поеданием Темного Стрелка желающих подраться больше не появлялось, но Народ яв-

но раскололся в отношении ко мне. Никто уже не пытался кричать, что я не оборотень, но сомнительный статус одиной ночи вызывал множество вопросов. По глухим намекам можно было понять, что и в среде пауков общего мнения не было. В результате, как только истек срок моего ученичества, я тут же прекратил поездки. Не знаю, чего добивался Старик, но выступать в роли ученой обезьяны, что в здешних условиях означало «домашнего человека», мне совершенно не улыбалось.

Официально на общем собрании представителей приматов и волков я заявил о создании собственного Клана и пригласил присоединяться всех желающих, независимо от вида. Не обязательно быть кровными родственниками, чтобы ужиться, вместе работать и воевать. У нас у всех пять пальцев на руке в основном облике, и все мы из Народа. Короче, девиз «Один за всех, и все за одного» прозвучал под чужим небом неизвестно где находящейся планеты.

В принципе ничего особо революционного я не озвучил. Система усыновления позволяла спокойно жить в одной семье разным видам. Это было не часто, но случалось и не вызывало отторжения даже у больших ревнителей традиций. Клань из недовольных тоже создавались неоднократно, бывало, что и роды делились, но все это обычно в пределах своего вида. Вот только я заявил, что мне до лампочки разница между ними всеми, и прозвучало это изрядным громом на равнинах. А система передачи новостей без всякой офици-

альной почты налажена так, что об этом узнали очень скоро везде.

Предсказания Черепахи, моментально занявшей при моей особе должность паука и первого советника, начали исполняться очень быстро. Уже через пару месяцев ко мне начали прибывать недовольные с разных концов бескрайней степи. Уже собралась почти сотня, включая женщин и детей. Среди них были самые разные – приматы, волки, кошки нескольких видов и пара медведей. Большинство молодые, с изрядными амбициями, которые считали, и нередко вполне справедливо, что на старом месте у них никогда не будет возможности продвинуться из-за сильных родов.

Было два степенных Мастера – кузнец-ягуар и ювелир-волк, крайне недовольных своим прежним статусом и готовых рискнуть. Это понемногу превращалось в проблему, потому что надо было их кормить и где-то устраивать, а степь давно вся поделена. И в роще, и по соседству уже начали с тревогой поглядывать на меня, опасаясь прямого столкновения за пастбища.

А еще прибывали посетители из разных отдаленных мест, вроде моего сегодняшнего гостя. Все это делалось неспешно, с длинными разговорами, угощением и никогда прямо не сообщалось, зачем очередной военный вождь с длинным списком побед прибыл за несколько сотен километров. Вроде мимо случайно проезжал и зашел выказать уважение. Здешние лидеры желали посмотреть на меня и составить собственное

мнение о неприятностях, которые я могу им устроить. Рано или поздно надо было отселяться, и чем быстрее, тем лучше для всех. Задача совсем не простая, надо умудриться влезть в систему так, чтобы не поднять против себя всех, потому что Клан непременно стерли бы в порошок при первом намеке на желание отобрать у других землю.

У двери появился Пинающий Медведь и, демонстрируя хорошее воспитание, почтительно замер, дожидаясь, пока на него обратят внимание. Несмотря на свое имя, он был волком. Среди моих последователей вообще подавляющее большинство были волки и приматы. Приходили они не просто так, а с рекомендацией от Койот и Черепахи.

Прервать столь ценные речи старших по положению было бы очень непочтительно. На улице уже давно орал и бегали соседи, но я, как положено, делал вид, что ничего не замечаю. Не знаю, что такое китайские церемонии, вошедшие в поговорку, но здешние временами наверняка гораздо хуже. Пусть Солнце остановится, но прервать речь вождя низшему по иерархии можно только по его прямому разрешению.

Большая Нога закончил очередной особо красивый пассаж, отхлебнул из чашки напитков, который я считал кумысом, даром, что в прежней жизни никогда его не пробовал, почесал спину и только тогда соизволил обратить внимание на вестника.

– Совсем, понимаешь, старый стал, – сообщил он. – Зрение и слух никуда не годятся. Тут какой-то молодой человек

пришел.

На его продубленном ветрами лице было написано искреннее удивление собственной неловкостью и готовность отправиться в дом престарелых. Немоощному пенсионеру еще не было и сорока, а его слабые руки были вполне способны завязать узлом железный прут. Живозапах доносил до меня довольство удачной шуткой. Народ считал, что самый хитрый зверь не лиса, а койот, но юморить в здешних сказках любили именно лисы.

Пинающий Медведь посмотрел на меня и, увидев поощряющий кивок, доложил:

– Прибежала кошка с известием: на границе зеленые вышли из леса. Весь род перебили, включая женщин и детей. Рощу не просто разгромили, они рубили деревья-дома и жгли их. По всему племени послали гонцов и нас зовут тоже.

Мы с Большой Ногой переглянулись.

– Очень вовремя, – сладко улыбнувшись, сообщил он. – Пойду, послушаю, спасибо за интересный разговор. Он поклонился как равный равному и вышел.

– По-моему, яснее уже некуда, – сказал я, обращаясь к Черепaxe.

Она села в привычной позе по-турецки и кивком подтвердила.

– Лисы слабы, – сообщил Пинающий Медведь. – Ищут союзника.

– Мне он не показался слабым.

– Не в этом смысле, – поморщилась Черепаха. – Большая Нога великий вождь, заработавший много славы, угнавший огромные табуны коней и убивший множество врагов. По его призыву придут тысячи воинов. Но он, в отличие от тебя, прекрасно знает, где проходит граница его возможностей. Поколение назад, предыдущий военный вождь Лис Одинокый Камень замахнулся собрать под своим началом весь восток. Кошки объединились и выбили почти всех лис-мужчин. Некоторые роци поменяли хозяев, потому что некому было ухаживать за деревьями, огородами и контролировать стада. Равновесие – это то, к чему стремятся пауки. Никому не может быть позволено набрать слишком много силы и стать единственным хозяином равнин. Лисы не забыли. Ты – новый камень, который упал в наш стоячий пруд и от которого пошли круги. Если за тобой пойдут многие, Большая Нога придет к тебе с предложением о союзе. Два слабых вместе уже сильны. Только не надо забывать, что интересы племени для него важнее всего.

– Замечательно, – радостно сказал я. – Как только мы всех врагов порежем, тут он мне и загонит нож под лопатку.

– Ты понял. Это равнины. Союзы заключаются и разваливаются, но еще не скоро Клан наберет такую силу, чтобы лисы испугались. Они хотят посидеть у тебя за спиной и при случае подтолкнуть против своих врагов. Впрочем, пока у нас другие проблемы.

– Где ты видишь проблемы? Наша дорога пряма, как кли-

нок. Едем зарабатывать славу, мстить чужакам за пролитую кровь, а попутно наложим руку на освободившуюся рошу. Все равно, лучшей возможности не будет.

– Ты думаешь, ты один такой умный? Желаящих будет много, а нас пока всего несколько десятков.

– Вот именно, – подал голос Пинающий Медведь. – Со всем не лишней будет поддержка лис. Да и Клану нужна проверка, а лучше начинать с чужой крови, чем думать, как себя поведут воины в бою с бывшими соплеменниками.

– Значит, все согласны, – подвел итог я. – Идем в поход. Ты, – это уже Черепахе, – тоже.

Она возмущенно дернулась.

– Знаю, знаю, – устало сообщил я. – Пауки не воюют, а только поддерживают равновесие в степи и численность Народа контролируют, натравливая племена друг на друга. Вот и не будешь воевать, но лечить-то раненых надо. Заведешь себе ученика, тогда и будешь гонять его в набег. А пока – ты сама выбрала себе судьбу. Нельзя одновременно шкуру с лошади снять и еще и продолжать на ней ездить. Или ты хочешь что-то возразить?

– Нет, Вожак, – ответила она, не поднимая глаз.

– Вот и хорошо, пойдем, порадуем остальных.

Мы шли колоннами параллельным курсом, не смешиваясь друг с другом. Если возникала необходимость пообщаться, от основного отряда, где находились волки, скакали гон-

цы с приглашением. Кроме них присутствовали еще леопарды, пантеры и медведи. Разные виды старались не смешиваться между собой и двигались даже в одной колонне отдельными отрядами.

В моем отряде было почти двести желающих доказать свою доблесть в боях с врагами. Сорок два бойца Клана, включая меня и Черепаху, и тридцать восемь лис Большой Ноги, а также множество молодых из разных родов, не желающих присоединяться к большим и давно спаянным группам. Возле меня бежала так называемая кошка, выполняющая при необходимости роль разведчика. Она была не оборотнем, а одним из разумных животных, не меняющих облик. На самом деле это была вовсе не кошка, а что-то среднее между тигром и леопардом, с красивой пятнистой шкурой и коротким обрубком вместо хвоста. Ничего подобного мне раньше видеть не приходилось, если бы торчащие из пасти клыки были бы длиннее, я бы записал ее в саблезубые тигры, но размерчик явно подкачал, до трехсоткилограммового тигра она явно не дотягивала.

Постоянно появлялись все новые группы, мелкие отрядики и отдельные представители своих видов присоединялись к родственникам, а затем ко мне.

Каждая колонна постоянно посылала двоих-троих юношей вперед, чтобы они разведали обстановку и осмотрели местность на пути следования отряда. Разведчики продвигались очень осмотрительно, придерживаясь лощин и низин,

где можно было избежать опасности попасть на глаза врагу. Время от времени они поднимались на самые высокие холмы и оттуда внимательно осматривали окрестности – нет ли поблизости каких-либо вражеских отрядов, дыма от костра, не выказывают ли дикие животные в прерии признаков тревоги.

Бывало, что животные беспокоились, и тогда разведчики терпеливо выжидали, выясняя причины такого поведения зверей. Кошка по имени Мави могла с успехом заменить любого в таком поиске. Она и была тем гонцом, который прибежал с сообщением о гибели рода, но почему-то предпочла идти со мной, а не с волками. Объяснять ничего не желала, но подчинялась только мне и даже есть предпочитала из моего котелка. Подобные животные, являясь замечательными бойцами и разведчиками, имели очень большие привилегии в общении с нормальными оборотнями и всегда старались в походах держаться рядом с командирами. Долго бежать она была физически не приспособлена – в нормальной жизни они предпочитают нападать из засады, – и потому довольно часто ехала на запасной лошади. Те этому специально приучены и не пугались знакомого хищника.

С самого начала Большая Нога старательно отстранился от общего командования, спихнув все на меня, но многие, узнав, что он идет в моей колонне, делали определенные выводы и присоединялись к нам. Имя лиса достаточно известно в широких кругах оборотней. Зато у меня было стойкое

ощущение экзамена, сдаваемого придирчивому преподавателю, хотя он ни разу не пытался оспорить мои решения.

Выход отряда, как вся жизнь Народа, сопровождался определенными ритуалами. Ночью все воины, отправляющиеся в поход, обошли несколько раз лагерь с воинственными песнями, клятвами о мести и обещаниями вернуться с добычей. Большинство родственников шагали рядом и поддерживали каждое обещание завываниями, согласно своему виду. Волки просто выли, медведи рычали и – далее по списку. Короче, поспать при всем желании было невозможно, а мне еще и не положено. Вожак должен был возглавлять процессию, и пропустить вперед кого-то было бы признанием его отказа возглавить отряд, что совершенно непозволительно.

Каждый отправляющийся в поход имел при себе короткий составной лук и два колчана – один с легкими стрелами для дальней дистанции, другой – с тяжелыми, для ближней, по тридцать штук каждого вида. Наконечники стрел характерной для всех оборотней трехгранной формы. У каждого меча разнообразнейшего вида или сабли. Вот тут стандарта не существовало, воины использовали оружие в меру разумения и силы. Часть имела еще длинные копья. Практически все в куртках из кожи бизонов, обшитых железными пластинами или в кольчугах. Оружие нередко отделано тонкими полосками золота и серебра с искусной чеканкой, зачастую инкрустированными драгоценными камнями.

Перевалив через очередной холм, мы вышли к огромному лагерю. Вокруг опустевшей рощи с порубленными и сожженными деревьями-домами было разбито множество палаток. Впрочем, если присмотреться, видно, что лагерей три, и между ними есть четкая граница. Волки, кошачьи и все остальные держались отдельно. Обратни ходили из одного лагеря в другой постоянно и без проблем, но на границах лагерей дежурила охрана.

– Неправильно, – муркнула Мави и ткнула лапой в рисунок, – вот здесь еще один брод.

Мы сидели у костра, на котором варили мясо в кожаном котелке. В холодную воду бросали сырое мясо, и один из моих молодых воинов двумя рогатинами брал из костра предварительно раскаленные докрасна камни и опускал в воду. Как только они остывали, он вынимал их, а кто-либо из товарищей тут же подносил новые. Когда вода закипала, палки, удерживающие котелок, начинали дрожать. Дно котелка находилось на некотором расстоянии над землей, и это не позволяло камням прожечь стенки сосуда.

В поход каждый брал здешний вариант пеммикана – мяса, растертого с ягодами для лучшего пищеварения, но его старались использовать лишь в случае крайней нужды, обычно довольствуясь мясом животных, которых удавалось забить по пути. В разные стороны от движущейся колонны постоянно отправлялись отряды, на которые была возложена обя-

занность добывать корм для воинов.

– Два дня, – задумчиво сказал я.

– Это в лучшем случае, – ответила кошка. – Никто не знает дорог, и наверняка там есть охрана.

Между палатками в нашу сторону шли трое: Большая Нога и с ним два незнакомых воина. Здешние палатки были еще одной вещью, которую каждый был обязан иметь при себе. Изготовленная из того же особо прочного и непромокаемого материала, что и куртки, она представляла собой треугольный кусок материи с двумя сторонами по два метра и третьей – в два с половиной. Одиночка мог использовать ее как плащ, подстилку или подушку, а если набить сеном, то и как плавательное средство.

Соединяя несколько вместе, создавалась пирамидальная палатка. Для этого в широком конце вделаны кольца, а с собой носили пару маленьких колышков и большие. Можно, соединяя вместе отдельные куски, стандартно получить убежище для четырех, восьми или шестнадцати воинов. Обычно отправляющиеся в поход группы заранее знали, кто с кем делит палатку, а заодно и вместе питается. Чаще всего это были члены одной семьи.

Большая Нога остановился напротив и торжественно произнес:

– Позволь представить тебе Четырехрукого, род Росомах, семейство Черноногих.

– Я вижу тебя, – произнес я ответную формулу.

Посмотреть там имелось на что. Уже пожилой и седой, весь в шрамах. Обычный для оборотней двухметровый рост и стокилограммовый вес он с успехом превзошел сантиметров на двадцать и на большое количество килограммов. И это не жир, а сплошные мышцы. С такого хорошо было бы древним грекам статуи ваять. Я бы поостерегся с ним драться, даже при полном незнании бокса оборотнями.

– Позволь представить тебе Ястреба, род Кошек, семейство Дальних.

– Я вижу тебя, – ответил я, быстро соображая. Разгромленные рощи как раз и принадлежали данному семейству. Ему не больше двадцати, и для оборотня удивительно низкорослый, даже ниже меня. Значит, достоинство его не только в силе, и даже, скорее всего, вовсе не в силе.

– Я Зверь, глава Клана Пятипалых. Присаживайтесь.

Они с достоинством уселись на корточки. Второй год живу, вполне приспособился, но так и не могу нормально на это смотреть. Все время испытываю неудобство, хочется предложить стул.

– Прости мое невежество и не прими за обиду, но я не понимаю, – обратился я к Ястребу. – У вас было шесть рощ, и все они уничтожены, а члены семейства убиты. Кто-то успел уйти?

– Здесь нет обиды, – вздохнув, ответил он. – На самом деле наших рощ было пять. Шестая уничтоженная принадлежала росомахам, с которыми мы давно в союзе. В последней

собрались все выжившие, а уцелели только те, кто находился в других местах. Все бились до последней капли крови и покрыли себя славой, – с гордостью сказал он. – Из них никто не бежал. Даже женщины и дети дрались до конца.

– Пусть они рождаются снова и поскорее, – дружно хором произнесли все еще одну стандартную формулу, – смерть ждет каждого, в наших силах только выбрать, как ее встретить.

– То, что ты нарисовал, – помолчав, сказал Большая Нога, – карта земель, которые южнее. – Вот здесь и здесь, – он показал, – поселки зеленых, но туда нет смысла идти, там сплошные леса. Мы атакуем севернее, где у них город, и можно взять много добычи.

– В том-то и дело, – с досадой ответил я. – Вы всю жизнь воюете, но такое впечатление, что совершенно не умеете думать о последствиях.

Я активировал «Глушитель», еще одну Вещь, о которой в Зоне не знали, специально приготовленный для подобного случая. Теперь, кроме нас, никто не мог слышать разговора. Обратни по соседству не подслушивали специально, но при наличии желания некоторые способны разобрать шепот за сто метров и потом разнести новости всем окружающим, а это был не тот случай, когда стоит трепаться.

– Третий день мы стоим. Тут собралось почти пять тысяч волков и не меньше кошачьих. Если бы все эти пантеры, ягуары, тигры, рыси и остальные поменьше грызлись между

собой, они могли бы стать наравне с волками. Так и те не лучше. Упавшая Звезда должен всем показать, что он не хуже Темного Стрелка. Ему нужно не наказать за нападение, а заработать громкое имя. Пока они там выясняют, кто главный, уходит время. Никто не хочет задуматься, что собственно произошло. Они вырезали здешние семьи и ушли. Разве зеленые не понимают, что Народ придет мстить? Еще как понимают! Они ждут нас, и то, что мы пойдем на город, они тоже прекрасно знают. Наверняка туда стягиваются отряды из всего района. Чем дольше стоим, тем больше их будет. Не входящих в большие отряды здесь меньше тысячи, и нашего мнения никто не спрашивает. Мы должны дожидаться, пока Упавшая Звезда соберется в поход и кинет нас в лоб на зеленых, чтобы потом добить их. Волки получают свою долю и нашу тоже. Меня это не устраивает. Я сейчас скажу то, что все и так знают. Кто проявит себя, тот займет роци. Умереть со славой не проблема. Только я умирать не желаю, за мной Клан, а он должен жить.

Я помолчал, разглядывая их невозмутимые лица.

– Мало убить врага, гораздо лучше ему сделать очень больно и обидно. Есть другая возможность. Всего два дня пути по лесам, и можно выйти на Святилище зеленых. Почти наверняка там сейчас минимальная охрана. Я хочу рискнуть и попробовать на зуб их идолов. Роци сожжены, мы сделаем то же самое с их богами. Идем, насколько возможно, скрытно и быстро, никого не трогаем до самого Святилища.

Ястреб расплылся в улыбке, а Четырехрукий со свистом втянул воздух сквозь зубы.

– О да! Мне говорили, что ты очень опасен, но я не думал, что настолько. Неважно, насколько ты силен, ты принес к нам новый образ мысли. Это не просто жизнь за жизнь. Набеги – это нормально, и всегда было, но на сожжение роцц надо ответить именно так. Это огромный риск, ты ведь не можешь знать точно, что они все ушли, и до сих пор там никто из Народа не был, но да, наши имена станут известными, даже если мы не вернемся. Я с тобой!

Ястреб кивнул.

– Я тоже. Мне мало просто крови, я хочу, чтобы они запомнили нас навсегда.

– Ты Вожак, и мои воины пойдут за тобой по моему слову.

– Ты Вожак, и мои воины пойдут за тобой, – эхом повторил Четырехрукий.

– Ты Вожак, – сказал Большая Нога. Он улыбнулся: – Жаль, что Святилище новое, ему не больше столетия. Там будет мало добычи.

«Ага, – подумал я, – вот это то, что мне надо, и ради чего я готов рискнуть. Погибать так с музыкой, и уж точно не за чужие интересы или за песни на пирах. Можно не только завоевать, но и купить право на роцци».

Оборотни не знали торговли, в том смысле, что у них отсутствовали деньги, но меняться они умели и любили, вычитывая стоимость в конях. Гораздо почетнее взять добычу

в бою, но получить то, что хочешь, можно и всучив взятку, красиво называя ее «подарком». Даже если удастся наложить руку на новое место жительства, надо еще суметь устроиться и договориться с соседями. Ценности лишними в такой ситуации не будут.

– Уходим на закате? – утвердительно спросил Четырехрукий.

– Да. И ждать никого не будем.

Они поднялись, и Ястреб, обращаясь к Мави, все время неподвижно лежащей рядом, сказал:

– У наших костров для тебя всегда есть место.

– Я благодарна, – ответила та и замолчала.

Ястреб подождал еще минуту и, отвернувшись, пошел к своим воинам.

Я с интересом посмотрел на нее:

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Не твое дело, – буркнула она. – Я кошка и иду за тобой, пока хочу. Мне уйти?

– Вот как до границы дойдем, тогда и уйдешь. Вперед на разведку, а пока отдыхай.

Она оскалилась, демонстрируя клыки, и снова легла, дожидаясь своей порции из котелка.

Тайны, тайны. Все что-то не договаривают, начиная с пауков и кончая последним подростком. Пауки крутят непонятные интриги, вожди выясняют, кто из них круче вареного яйца, воины готовы отправиться по приказу в ад, но при

случае обязательно загрызут и вождя. Задолбали эти бесконечные тайны. Все кругом что-то скрывают.

Одна радость – Черепаха исправно отвечает на все прямые вопросы. Вот только с ней не так просто – надо сначала догадаться, какой вопрос задать, сама ни за что не скажет. Но Клан для нее не пустой звук, она сделала на меня ставку и желает идти до конца. А то, что непременно вторым номером, так мне, собственно, без разницы. Пусть выясняет свои претензии с Койот. Главное, что ночью горло не перережет, наоборот, охранять будет.

Кто сказал, что политика бывает исключительно на исчезнувшей для меня Земле, где правят демократы? Тут вместо выборов право большого кулака, а политика такая же дерьмовая – все с энтузиазмом подсиживают чужих и с не меньшей готовностью ждут, пока свой ошибется.

Мы лежали на краю резко обрывающегося леса и по очереди разглядывали Святилище в оптический прицел, снятый с винтовки. Я упорно таскал ее с собой, не очень представляя, как пять патронов помогут в критическом случае, но оружие – это оружие. Вся компания с уважением крякала и качала головами, глядя, как приближает строения эта штукавина. Удивить их сложно, но оценить удобство могли прекрасно.

Мы дошли. Почти семь сотен здоровых, как гориллы, мужиков, и у каждого не меньше двух лошадей, двигались без

остановок для длительного отдыха, даже ели на ходу. Трое суток по здешним лесам тихо обходили селения, не трогая изредка попадавшихся навстречу пейзажей. Пару-тройку раз они проехали и прошли мимо, не заметив, как сотни вооруженных оборотней терпеливо дожидались, пока зеленые проследуют по своим надобностям. Направление к Святилищу приблизительно известно, а дорога достаточно накатана, насколько это возможно в лесу. Ходили туда из окрестных поселений довольно часто.

Только один раз отловили двоих, когда они буквально споткнулись о разведчиков. Я впервые увидел их вблизи и смог внимательно рассмотреть. То есть в Интернете и раньше можно было полюбоваться на их вид, но когда смотришь на орков вживую, совсем другое впечатление.

Во-первых, от них воняло. Не потом, а какими-то травами, которыми они специально натирались то ли от комаров, то ли еще зачем. Вот только нюх у оборотней гораздо тоньше человеческого, и это все равно очень неприятно, как если бы твоя девушка не каплю духов использовала, а весь флакон на себя вылила.

Во-вторых, размерами они ничуть не уступали оборотням. Такие же здоровые двухметровые обломы размерами со шкаф. И не просто зеленые, а яркого такого ядовитого колера, который, впрочем, у разных племен был разный – от светлого до почти черного. Из рта торчали самые натуральные клыки, так что если бы у них было человеческое лицо,

то рот бы просто не закрылся. Поэтому морды скорее смахивали на жуткий гибрид кабана с человеком, даже нос больше походил на свиной пяточок. А для особой экзотичности они были с ног до головы покрыты татуировками. Вроде по ним можно было многое определить, и с успехом заменяли паспорта, но у меня вызывали неприятные ассоциации с земными урками.

Прожили пленные ровно столько, сколько потребовалось, чтобы показать ближайшую дорогу. На войне как на войне.

За двести метров до частокола, окружающего Святилище, все деревья вырублены, а любая растительность тщательно выполота, так что оставалась только голая земля. Сам частокол сделан из пятиметровых бревен, заостренных с одного конца, установленных непрерывным рядом по земле. У единственных ворот лениво развалились вооруженные орки. Из-за ограды с опушки нельзя рассмотреть несколько длинных прямоугольных домов, о которых с готовностью поведали пленные, но то, что это Святилище, никаких сомнений даже не возникло. В середине поселка стоял гигантский дуб. Таких в природе вообще быть не могло. На глазок – в объёме метров восемьдесят, и высился он еще на сто в высоту. Очень похоже, что тоже искусственно выведенный, как дома-деревья.

А на ветках вместо желудей висели орки, оборотни, разные животные. Некоторые давно сгнили, и кости их сыпались вниз, некоторые, повешенные явно недавно, были жи-

вы и еще шевелились. Вздергивали их не за шею, а привязывая за руки или лапы, чтобы мучения продолжались дольше. Страшная вонь от разлагающихся тел на этом «монументе» доносилась даже до нас.

Насмотревшись, в последний раз обсудили подробности атаки. Говорили исключительно на боевом языке Народа, который больше всего смахивал на язык глухонемых. Обычная речь отличалась диалектами, а вот язык жестов один для всех. Лезть через забор с самого начала признано глупой идеей. Проще всего вырезать охрану у ворот, открыть их и спокойно войти.

Пятым в нашей теплой компании был молодой рысь, со странным для хищника имечком Большой Заяц. Он брал на себя это ответственное дело. Вообще-то пять метров частокола вовсе не являлись непреодолимым препятствием. Со спины коня оборотни легко могли перелезть, но зачем утруждаться? Большая Нога нехотя согласился остаться со своими воинами снаружи и проконтролировать, чтобы никто не смылся через частокол.

Еще раз убедились, что все помнят, что надо делать, и расползлись по своим отрядам дожидаться рассвета.

Я улегся, используя Мави вместо подушки. Прислушался к тихим голосам по соседству. Юноша, впервые участвующий в набеге, всегда прикреплялся к старшему и проходил у него обучение разным премудростям. Когда-то и сам ветеран получал наставления от опытного воина – эта традиция

уходила корнями в очень далекие времена. Сейчас дедушка моей непобедимой (по причине еще не состоявшихся сражений) армии обучал духа основным правилам боя.

– При встрече с противником, – излагал он как по писаному, – передовой отряд устремляется на врага, а два следующих расходятся в стороны, чтобы охватить неприятеля с флангов и, по возможности, зайти ему в тыл. Еще один остается в резерве. Его предводитель наблюдает за ходом сражения и, заметив у врага слабое место, наносит решающий удар.

«Так, – подумал я, – подобные истины я и сам знаю. – Чапаев должен быть сзади, на белом коне». Проблема в том, что ни одного нормального для здешних мест сражения я еще не видел. Владеть палашом меня обучали хорошо, а вот командовать до сих пор приходилось максимум взводом и совсем на другой войне.

– Можно еще притворным отступлением выманить врага, догнать и обрушиться на него с флангов, – продолжил тот же голос.

Я завернулся в накидку и отключился.

Ворота открылись бесшумно, без малейшего скрипа, и Большой Заяц ощерился в жуткой улыбке, приветствуя меня поднятой саблей. Внутрь потоком покатались всадники, не обращая внимания на нескольких валяющихся покойников. Слишком небрежна и ленива оказалась охрана. И то, на Свя-

тилище до сих пор никто не пытался нападать. Оркам это не могло прийти в голову, а до оборотней достаточно далеко, и в глубь леса они старались не лезть.

Отряды слаженно разворачивались в стороны, окружая длинные дома. Справа от меня раздался крик, тут же оборвавшийся. Из раскрытых дверей дома, мимо которого мы проезжали, выскочили двое. Один из оборотней метнул копьё, пробившее переднего полуголого орка насквозь, второго зарубили на мгновение позже.

Тишина кончилась. Оборотни завывали на все лады и дружно полезли в дома, откуда раздались вопли и дикие крики. Третий отряда, не обращая внимания на происходящее, целеустремленно продолжала идти вперед к дубу. Когда мы выскочили на утопанную тысячами ног площадь перед ним, полсотни вооруженных орков, сбившись в круг, закрываясь длинными овальными щитами и ошетилившись копьями, уже ждали.

Не останавливаясь, кони неслись прямо на приготовленные к удару острия. За пару метров до столкновения Ястреб прыгнул через головы строя и упал в центр небольшого круга, срубив на лету чью-то голову, и рухнул на противника. И тут же последовал удар несущихся в атаку коней. Несколько встретили на копья, и они упали, но оборотни, один за другим повторяя прыжок, рубили направо и налево. Бьющиеся на земле кони добавляли неразберихи. Строй не выдержал и распался. Всего пара минут – и последних орков уже

добивают.

Все это время я держался сзади, даже не из осторожности, но просто не успевая отреагировать. Воины прекрасно обходились без моих команд и знали, что им делать. Поэтому я хорошо видел, что стоящие прямо у ствола дерева несколько врагов в белых накидках жрецов встали в кружок, положили руки друг другу на плечи, и один из орков, стоящий в центре, вытянул руку в сторону побоища.

И тут жутко закричали оборотни. Прямо на глазах они иссыхали, старея в считанные мгновения и превращаясь в мумии. Кричали они при этом так, что волосы непроизвольно вставали дыбом. Потом оборотни один за другим начали падать. Совершенно не задумываясь, я выхватил винтовку и всадил в голову главному скоту-орку пулю, потом, не оставившись, еще одну соседнему орку, но это уже, похоже, не требовалось. Круг моментально распался со смертью предводителя, орки стояли, шатаясь, ничего не делали и даже не пытались сопротивляться, когда доскакавшие оборотни рубили их на куски.

Такие штуки мне тоже показывал Старик, когда несколько пауков включаются в круг и отдают силу старшему. Там идет не просто сложение сил, а умножение. Вот только если резко разорвать круг или убить ведущего, отдача бывает такая, что некоторое время остальные не соображают ничего, пока не придут в себя.

Прямо возле ствола громоздились кучи всевозможного

барахла. Тут были изделия из золота, серебра, драгоценные и полудрагоценные камни, оружие, резное дерево, что-то похожее на керамику и пластик и многое другое, сваленное прямо на землю в беспорядке и без всякого учета. Ткани, кожа, шкурки пушных зверьков от долгого лежания сгнили. Наверное, приношения паломников или пришедших с просьбой.

– Снять, – заорал я, – показывая на висящие на ветках тела. – Черепаха, сюда!

Несколько воинов шустро полезли вверх и через пару минут на землю положили тело молодого парня.

– Остальные мертвы, – сказал седой оборотень, помогавший его снять. – Этот тоже не выживет.

Руки и ноги снятого с дуба оказались переломаны в нескольких местах, на кистях рук и лодыжках, где он был туго связан веревками, остались характерные пятна, и от них шел запах гангрены. Он находился в отключке и не понимал уже, что вокруг происходит.

Рядом на колени опустилась Черепаха и внимательно осмотрела тело.

– Уже нельзя помочь, лучше дать ему уйти как воину, – и она вытащила нож.

Меня затопила ярость.

– Нет! – Я сел рядом, положил руки ему на грудь и ушел в пустоту.

Нельзя перекачать в другого больше жизненной энергии,

чем есть в тебе самом – элементарно помрешь. Тяжелые раны заживляют при помощи силы только до момента, когда жизни ничего не угрожает, а дальше само. У оборотней и так повышенная регенерация, но они еще и используют «Мясо» и «Кость», причем делают их сами. И все же вылечить больше, чем двух-трех, никто не сможет без накопителя.

Замечательно, значит, надо найти другой источник. Собственно, искать его и не надо – он рядом. Я потянулся к дубу и взялся бесплотными руками за черный огонь, которым он казался в этом состоянии, и потянул его к себе. Это оказалось не так уж просто – тот растягивался как резиновая лента, бился, как живой, и постоянно норовил вырваться. Пришлось мысленно дать ему пинка и некоторое время плющить ударами с разных сторон. Потом я потянул его на себя и, подключившись к умирающему, стал привычно изменять его тело, заставляя правильно работать все органы, восстанавливая разрушенные связи, наращивая регенерацию, изгоняя яд из крови и мышц.

Через четверть часа я понял, что все в порядке, но на всякий случай перегнал в него еще немного для здоровья. Осталось очень много дармовой энергии, и выбрасывать ее было жалко. Я осмотрелся и, протягивая руки поочередно во все стороны, начал коллективное лечение всех раненых оборотней. Это тоже не просто, надо было уметь разделять, чтобы не путаться. Попробуйте одновременно думать о десятке разных вещей, может, поймете. Так что, обломившись, я

просто решил раздать всем как можно больше. В конце концов, если рана не смертельная, практически каждый оборотень может выжить за счет улучшенной регенерации. Щедрой рукой посылая энергию всем подряд, попутно снимал усталость и добавлял силы.

Все равно оставалось еще огромное количество энергии. Маленькие накопители силы использовались Народом постоянно, но были очень дороги в производстве и применялись все больше пауками. Как их делать, я представлял довольно смутно, только общий принцип, но, полагаясь на нормальный русский «авось», стал собирать энергию в кучу и утрамбовывать ее, как лепят снежок. Это заняло минут десять, дерево сопротивлялось и упорно не хотело расставаться с накопленной силой, но собственного разума оно не имело и, дергая то за один конец, то за другой, можно было его легко обмануть. В результате получилось что-то вроде миллиардного шара, парочка шариков для настольного тенниса и десяток мелочевки размером с горошину, когда я, уже совсем обнаглев, доставал из дерева последние остатки.

Я открыл глаза и обнаружил, что шарики я не выдумал – они лежали рядом, а вокруг меня стеной стоят сотни оборотней. Несколько мгновений я молча разглядывал их, пытаюсь сообразить, что происходит. Они ответно пялились на меня, но вместо угрозы я чувствовал массу эмоций, большинство из которых очень сложно было бы перевести, но соответствовали они упавшей на грудь челюсти.

Ястреб молча шагнул мимо меня к дереву и с размаха вонзил секиру в его ствол. Лезвие неожиданно провалилось внутрь, и Ястреб по инерции шагнул вперед и чуть не упал. Прямо на глазах дуб стал складываться, рассыпаясь трухой. Толпа бешено взревела, поднимая вверх клинки. Меня захлестнуло волной восторга.

– В чем дело, – поинтересовался я, вставая, – вам что, заняться нечем? Собрать все ценное, найти телеги и лошадей, у нас нет времени.

Оборотни начали быстро расходиться, многие оглядывались на меня и кланялись. Через минуту на площади остались только вожди и пара десятков воинов, деловито разбирающие наваленные возле уничтоженного дуба сокровища. Испорченные предметы они небрежно отшвыривали, все остальное раскладывалось на утоптанной земле для последующего дележа. Из домов тащили все подряд: продовольствие, любой металл, вплоть до иголок. Оборотни работали как муравьи, собирая все попавшее им на глаза и имеющее малейшую ценность, обшаривая трупы и взламывая стены и полы в поисках тайников.

– Очень немногие могут работать со свободной энергией напрямую, – торопливо говорила Черепаха, блестя глазами. – Ты же не просто ею воспользовался, ты вылечил множество раненых, включая безнадежного, и собрал запас. Это не просто жизненная энергия. Ее можно взять у разумного или животного определенным ритуалом. Он должен умирать

долго и мучительно, отдавая ее в накопитель. У нас это запрещено. Мы воины, а не палачи. Этот дуб как раз и накапливал энергию, и отобрать ее обратно мог только высший маг зеленых при Святилище, другие просто не способны. Маленький шарик, диаметром в пару миллиметров, – это жизнь одного. – Черепаха назвала местную меру длины, но я тут же автоматически перевел ее в привычную и, уставившись на свои шары, мысленно восхитился.

– В таком, – она не трогая, показала на мелочь, – не меньше сотни жизней. Если ты позволишь просто высвободить вот это, – она показала на большой, и впервые за все время знакомства от нее повеяло страхом, – будет яма глубиной в пару десятков метров и окружностью в несколько километров. Там не останется ничего живого. А, взяв у дуба все это, – помолчав, добавила она, – ты его убил. Жечь вот такое, это несколько дней труда и без гарантии, что он не возродится. Ты сделал то, что считалось невозможным даже для Мастера-паука. Старик знал, что говорил, – она резко замолчала.

– Да? – с интересом спросил я. – И что именно он про меня сказал? А то как-то раньше вы с Койот поделиться забывали.

– Поговори с ней, – отводя глаза, сказала Черепаха. – Это не мой учитель и не мне сказано.

– Но ты знаешь...

– Я знаю пересказ, но не слышала прямую речь.

– Как только время появится, ты мне подробно изложишь,

что вы там обсуждаете за моей спиной. Ты, – обращаясь к молодому парню, терпеливо стоящему в нескольких шагах, обратился я, – подойди!

Он скользнул ко мне и встал на колени. Типичный экземпляр оборотня двухметрового роста, с рельефными мышцами и реакцией опытного бойца. Совершенно голый, если не считать какой-то грязной тряпки, заменяющей ему трусы. Симпатичное лицо с курносим носом и прямым подбородком, короткая стрижка темных волос. Впрочем, за всю свою здешнюю жизнь длинные волосы я видел только у женщин. Все стригутся коротко, чтобы в бою нельзя было схватить за волосы.

От него пахло уверенным спокойствием.

– Я, Не любящий мед, род Медведей, семейство Гризли со скал, – сообщил он низким голосом, обращаясь ко мне, – прошу твоего разрешения стать одним из Клана Пятипалых. «Сталь против стали, клык или зуб против клыка и зуба, моя кровь – кровь Клана. Твое слово – для меня высшее», – уверенно произнес он нашу клятву.

– Ты тот, кого я лечил, – дошло до меня.

– Я тот, кто пойдет за тобой до конца. Долг жизни важнее долга смерти.

– Назвать медведя «Не любящим мед» – это все равно, что сказать странный, – сообщила Черепаха по-русски.

– Не страннее тебя, паук с саблей, нарушающий традиции равнин, – ответил он на том же языке.

– Ой, – застонала Черепаха, – что, ты еще и в этого перекачал? Мало нам Неждана, скоро вокруг нас будет масса странных. Как только появится время, необходимо вернуться к обучению и развивать самоконтроль.

Я шагнул вперед и, положив руку парню на голову, ответил стандартной формулой:

– Ты сам выбрал. Твоя кровь – кровь Клана, отныне ты один из нас, другого пути для тебя нет. Найди ему коня, одежду и оружие, – обернувшись к Черепахе, сказал я. – Спросите у наших запасное или трофейное, если надо будет, я расплачусь. Что там у меня еще осталось...

Она засмеялась.

– Что?

– Тебе еще многому нужно учиться. Военному вождю, – ткнув пальцем в груди трофейного добра, – положена десятая добычи, вождю отряда из его трофеев еще одна десятая, убитшему шамана, применившего магию смерти, двадцатая часть от всех, вылеченный в походе должен отблагодарить добровольно, в меру своей раны, а это не меньше трех десятков воинов. Убитшему дуб – пожирателя жизни обеспечена великая слава, а энергии, которую ты у него взял, хватит, чтобы вечно лечить весь Клан. Ты самый богатый на равнинах.

– Это если мы унесем ноги и утащим все это. То, что я делал, наверняка заметила вся округа. Пока мы не на равнинах. Иди!

«Мда, – глядя им вслед, подумал я, – это уже второй, кто после моего лечения бодро заговорил на русском. Бедная Черепашка старалась, зубря, чтобы иметь возможность говорить свободно при посторонних, а количество понимающих растет прямо на глазах».

«Никогда не воздействуй на мозг больного. Даже знающий паук не всегда может предсказать реакцию, – зазвучал в ушах нудный голос Старика. – Ты можешь случайно влезть в воспоминания или дать ему свои. Никто не скажет тебе за это спасибо. Мало ли что есть не слишком красивого внутри у каждого, а он не может быть уверен, что ты не подсмотрел и потом не воспользуешься. Это путь к ненависти. Неумело ковыряясь там, где не нужно, ты можешь инициировать латентные способности больного или вообще свести его с ума. Гораздо хуже, что и себя ты можешь превратить в пускающего слюни идиота, которого убьют из милосердия. Научись лечить тело, но не пытайся пробовать без знания, что именно ты хочешь сделать».

– А тебе что? – спросил я у Мави, продолжавшей неподвижно сидеть рядом. Она подняла голову и уставилась на меня своими желтыми глазищами.

– У меня нет пяти пальцев, – она протянула лапу, демонстрируя когти, – но ты мне тоже спас жизнь. Я попала под удар шамана и неминуемо должна была умереть. – Она встала и потянулась всем телом, показывая отменное здоровье и силу. – Долг жизни – тяжелый долг, но справедливый. Я одна

из Народа и сама выбираю себе дорогу. Я не могу держать клинок, но мои клыки и зубы всегда при мне. Твое слово для меня высшее.

– Я рад, – сказал я серьезно и, присев на корточки рядом с ней, тем же жестом положил руку на голову. – Ты мне нравишься. Твоя кровь – кровь Клана, отныне ты одна из нас, другого пути для тебя нет. Только скажи честно, почему ты не хочешь жить в своем роду?

Она явно усмехнулась, так что удовольствие было написано на морде.

– Тебе много еще предстоит узнать о Народе. У нас есть свои традиции, для таких как я. Среди соседей есть только одна семья настоящих кошек, и старшая никогда не потерпит меня без смертельного боя в прайде. Слишком я сильна, – гордо заявила Мави, – хотя еще не вошла в возраст. Все самцы будут бегать за мной, когда придет срок, а она останется в хвосте, тоскливо завывая.

Очень захотелось сказать ей, что это излишнее хвастовство, но я на всякий случай прикусил язык.

– Можно уйти к другим, но ты мне понравился. Тебя можно приручить, – она бы точно засмеялась, если бы могла. – Я пойду к лесу, посмотрю, что там делается. И не забудь, – наставительно сказала она, – на ошейнике должен быть знак моего Клана. Лучше сделать еще один – новый.

Назад мы шли уже не скрываясь, тащить полсотни перегруженных добычей телег по лесам было глупо, и отряд наг-

ло двигался по дороге. Две сотни, постоянно сменяясь, охраняли трофеи. Коней недостаточно, и пришлось почти всех местных низкорослых кляч запрячь в повозки. Лошади, захваченные каждым из участников набега, принадлежали по закону лично ему, поэтому, сгоняя их к месту общего сбора, воины старались удерживать своих лошадей отдельно от других, чтобы не спутать, где чьи. И только хорошо их рассмотрев и запомнив, позволяли согнать в общий табун и продолжить путь домой.

Любой оборотень, окинув взглядом табун до сорока животных, мог зафиксировать в памяти внешность каждой лошади и в дальнейшем безошибочно узнавать каждого коня. Крайне редко случалось так, что между членами отряда возникал спор относительно какого-то коня. Это умение осталось глубокой тайной для меня, даже при наличии абсолютной памяти, как они умудрялись так точно запомнить и по каким именно признакам.

Остальные сотни, рассыпавшись по всей округе, жгли мелкие поселки и убивали всех встречных и не успевших сбежать орков, не разбирая возраста и пола. Поначалу мне было не очень приятно видеть очередные трупы, но благодаря своему положению я мог не участвовать в подобных развлечениях и старался не обращать внимания на буйное поведение своих соратников. Впрочем, с самого начала мы шли с ответным визитом, и винить в происходящем оборотней не стоило. Просто как всегда убивали одни, а страдали за это

совсем другие.

Множество дымов от пожарищ тянулись вверх днем, а ночью небо озарялось огнем. Большие поселки мы обходили, не желая терять время. Однажды на нашем пути попыталось встать местное ополчение в количестве двухсот-трехсот зеленых, вооруженных рогатинами и разными дубинками с топорами, но было стоптано в считанные минуты. Конечно, убить можно, чем угодно, но надо еще уметь это делать. Здешние орки не профессионалы, а обычные охотники, рыболовы и земледельцы.

Это должно было привлечь внимание, но избежать его после моего номера все равно бы не удалось – уничтожение Святилища послужило для всей округи достаточной причиной нас ловить, и никто не удивился, когда прибежала Мави и доложила, что впереди скапливаются отряды зеленых. В лесу нас бы перебили достаточно просто, конница там теряет свои преимущества в скорости и маневренности, поэтому, найдя ближайшее большое поле, отряд встал, занимая позиции на небольших высотах, прикрытых с одного из флангов оврагом, а с другого – мелкой речкой.

Все мои воины пересели на своих лучших отдохнувших скакунов, отправив второго в тыл. Некоторые водили с собой и по десятку, пересаживаясь с уставшего на свежего и совершая огромные переходы, но в нашем отряде больше двух-трех коней ни у кого. Народ подобрался все больше бедный или молодой, еще не заработавший громкого имени и боль-

ших богатств. Во все времена находилось несколько энергичных юношей, которые сами выбирали, за кем идти, избегая давно спаянных отрядов. Они собирались в стаи и выбирали своих вожаков, но чаще всего жили не слишком долго.

Стоя на виду, мы приглашали орков к бою. Если бы у них нашелся умный командир, он бы дождался, пока мы не начнем голодать и просто будем вынуждены спуститься и войти в лес, но я сделал ставку на общее для оборотней и орков желание героически победить в бою, заслужив славу. И не ошибся.

Часам к одиннадцати из леса стали выползать толпы зеленых – на взгляд, приблизительно не меньше двух – двух с половиной тысяч – и строиться в подобие фаланги. Что орки, что оборотни следовали обычной тактике, отработанной веками. Недаром я весь поход беседовал с ветеранами, пытаюсь вытащить из них подробности прошлых сражений. Несмотря на вроде бы страшную кровожадность обеих сторон, армия в пару тысяч бойцов считалась большой, а про десятки тысяч участвующих в бою никто не слышал даже в преданиях. В отличие от оборотней, которые при нужде брались за оружие все и неплохо им владели, даже не участвующие в междоусобных стычках орки оказались скорее похожи на средневековых германцев или славян.

Общее государство отсутствовало, а земли делились на совершенно независимые отдельные районы, связанные между собой различными союзами и родственными узами.

Главную силу представляли собой конные дружины вождей, одетые с головы до ног в деревянные доспехи, сделанные из небольших кусочков обработанного дерева, которые перекрывали друг друга и по прочности не уступали железным. Даже кони у них были прикрыты такими накидками. Несколько таких доспехов мы везли в качестве трофеев, и я убедился, что они более легкие, чем наши стандартные кожаные куртки, обшитые железными бляхами, но не хуже держат удар. Орки всю жизнь воевали, обучаясь с раннего детства и передавая умение и опыт по наследству.

Эти профессионалы составляли только малую часть войска. Большинство же было – народное ополчение, встающее в строй только в случае большой опасности и не имеющее очень дорогих, по местным меркам, коней. Вооружены они копьями и легкими луками, но вот так, при трехкратном превосходстве и в плотном строю, прошибить фалангу можно только большой кровью.

Ястреб молодецкато выехал вперед и, что-то крича, начал крутиться перед строем противника. Слышно издали не было, но это тоже входило в ритуал сражения. Вначале должны были встретиться поединщики.

Через несколько минут строй орков раздвинулся, пропуская всадника. Какое-то время они говорили, привычно оскорбляя друг друга. Как настоящая ругань это не воспринималось никем. Так, для разогрева. Потом зеленый наклонил копье и устремился в атаку. У Ястреба было преиму-

щество в подвижности, у тяжеловооруженного орка – в таранном ударе. Поэтому они некоторое время крутились на небольшом пяточке. Оборотень ускользал от копыа, но достать орка тоже не мог. Потом он поймал противника на инерции и подскочил вплотную, взмахнув саблей.

Болеющие за Ястреба за моей спиной радостно взревели. Орк неожиданно бросил копье и выхватил из петли на поясе булаву. Они ударили одновременно, но зеленый свалился с разрубленной головой под копыта коней, а Ястреб, повернувшись в сторону молчащего строя врага, в очередной раз что-то проорал, повернулся и шагом поехал в нашу сторону. Только оказавшись за спинами своих товарищей, он свалился в обморок. Все правое плечо у него было разбито в кашу. Я оглянулся на Черепаху и ткнул пальцем в его сторону. Она кивнула и помчалась проверить.

Две сотни всадников одновременно сорвались с места и понеслись в сторону орков, на ходу осыпая их стрелами. Битва началась. Роли были расписаны заранее, и все знали, что делать и по какой команде.

Строй ошетинился длинными копьями, но атакующие все не стремились врезаться в стену щитов. Несясь вдоль фланги, они беспрерывно обстреливали ее с дальнего расстояния. Легкие охотничьи луки орков не добивали до всадников, зато в их строю под непрерывно падающими стрелами появилось множество убитых и раненых. Как только стрелы в колчанах стали подходить к концу, сотни развернулись и

стали уходить к нашему лагерю, и их сменил второй отряд. Орки не выдержали, и на флангах пошла в атаку тяжелая кавалерия, прикрывая пехоту.

Не принимая боя, оборотни рассыпались и стали отступать. Несколько не слишком проворных не успели выскочить из-под удара и мгновенно исчезли под копытами, но и атака оркских дружинников утратила азарт при подъеме наверх на холм, увидав вбитые в землю на их пути обрубки стволов деревьев и телеги, преграждающие путь. Попав под одновременный обстрел нескольких сотен стрелков, они развернулись и отошли к своим.

Черепаша подъехала и встала за моей спиной.

– Ну?

– Он сделал.

– Жить будет? – с досадой спросил я. – Что сделает, я и не сомневался.

– Жить будет, – буркнула она, – но если станет продолжать в том же духе – недолго. Руку я ему спасла, а теперь мне нужно восстановиться.

– Есть! – радостно сказал я.

Строй пехоты медленно двинулся и зашагал в нашем направлении. Очень логично – они просто могли нас зажать, не давая возможности маневра и задавить массой.

Получив коня и оружие, медведь, названный на общем собрании воинов Клана новым именем Живой, вплоть до следующего особого случая в его жизни, теперь постоянно тор-

чал у меня за спиной, совершенно серьезно готовясь спасти мою жизнь или отдать за меня свою. Подобная преданность хороша в книгах, а не когда за тобой ходят постоянно, даже когда приспичит посрать. Впрочем, обычно он меня не раздражал, торча молча по соседству и бдительно озирая окрестности на предмет обнаружения прячущихся в кустах злоумышленников.

Я пытался понять, что такое он от меня получил ненароком, и постоянно его расспрашивал. Выяснилось, что, кроме русского языка, я подарил ему и множество разрозненных знаний, включая умение обращаться с огнестрельным оружием, что он с успехом продемонстрировал на моей винтовке, разобрал и собрал ее в нормативное время. Кроме того, в его голове осели отрывки из разных учебников, прочитанных мною за всю прежнюю жизнь, включая школьные годы.

Памяти моей полностью у него не было, хотя людей, мне близких, он прекрасно знал, но именно не как своих, а как моих знакомых. Наложения с раздвоением личности и прочими радостями явно не наблюдалось. Попутно появились странные умения. Мы с ним могли общаться мысленно без всяких проблем на довольно большом расстоянии. При необходимости он вполне способен был заменить рацию, передавая мои приказы.

В каком-то смысле он действительно был странным, хотя, скорее, как выражались Стругацкие, – ищущим странное, что соплеменники редко понимают в таких традицион-

ных обществах. Пытался изобрести новое оружие и набрел на идею алебарды, только легким конникам она без надобности. Теперь он переваривал новые идеи, ненароком слитые мной, прикидывая, какие использовать материалы для производства собственного пистолета. В среде медведей Живой был хорошо известен нетрадиционным применением артефактов предков и приданием хорошо известным Вещам новых качеств. Вполне мог претендовать на звание Мастера, но старательно уклонялся от оседания в родной роще. Что-то он там с местным начальством не поделил.

Орки медленно приближались, и я напряженно следил за заранее тщательно положенными на их пути камнями. Вот они прошли первый... Дошли до второго, я начал считать про себя: «раз, два, три, четыре» – и мысленно дотянулся и сжал уроненную Ястребом на землю по дороге на поединок горошину-накопитель. Хорошую идею мне подкинула Черепаха, рассказывая об ужасных последствиях освобождения накопленной энергии без контроля.

Земля дрогнула под ногами, Прыгун подо мной вскинул голову и всхрапнул. Многие кони задергались, умиряемые и успокаиваемые наездниками. Над полем стоял столб дыма и пыли, страшно кричали раненые и лошади.

В двухстах метрах от нас в середине фаланги образовалась воронка диаметром метров восемь и глубиной не меньше двух. Собственно, фаланги больше не было, даже там, где их не задело взрывом, орки сбились в перепуганное ста-

до. Завыв, как звери, вся моя армия, кроме клановцев и воинов Большой Ноги, сорвалась с места и понеслась лавиной на ошарашенную и потерявшую всякое понятие о строе пехоту. Орки побежали, бросая оружие и бессмысленно мечась в разные стороны. Всадники на рослых лошадях знали свое дело, их очень хорошо обучили убивать, а сейчас от них требовалось только это – убивать как можно больше.

Дикие вопли, звериный вой атакующих, от которого стынет кровь в жилах, стук копыт за спиной, свист рассекающей воздух стали и смерть, ждущая каждого. Это уже было не общее сражение, а массовая резня, когда никто не задумывается о сопротивлении, а только старается убежать.

Я напряженно ждал, сфокусировав зрение и контролируя еще один камень. Командир орков не подвел, он повел дружинников в атаку, пытаясь спасти кого еще можно от наших сабель. Все-таки они были не трусы, и он все сделал правильно, только там лежала еще одна горошина-накопитель. Рвануло во второй раз. Я тоже заорал что-то отдаленно похожее на «ура», и мы понеслись в атаку на остатки оркской конницы.

Кавалерийский бой – это не красиво встающие на дыбы лошади и удары сабель, которыми обмениваются по очереди с предварительными поклонами и позволением противнику поднять выбитое из рук оружие. Нет, это совсем другое. Налетел, ударил в чужую спину, даже не успел понять, убил или нет, как конь проносится мимо, и перед тобой появляется

совсем другой противник, уже занесший руку с мечом для удара и неожиданно слетающий с коня без головы, снесенной прикрывающими тебя товарищами. Твой конь, кусающий чужого жеребца, и всадник, вылетающий из седла прямо под копыта. Множество лошадей, сгрудившихся на маленькой площадке, мешающих друг другу, бьющихся на земле с порубленными ногами и боками, придавленный упавшим животным и дико кричащий орк, на голову которого опускается копыто Прыгуна, приученного бить врагов, земля, превратившаяся в грязь из-за пролитой крови... Некогда смотреть на небо и некогда думать – все действия на вбитых в голову бесконечными тренировками рефлексах.

Потом тебя выносит из схватки – но только для того, чтобы развернуться и вновь атаковать очередного противника, рубя его с оттяжкой, чтобы раны оказались страшнее. Крики, стоны умирающих, ржание погибающих лошадей, брызгающая тебе в лицо кровь убитого и пытающийся бежать враг, которому ты только что отрубил кисть руки. Это вам не стрелять в далекие фигурки из автомата. Может, и есть упоение в битве, но мне потом пришлось специально загнать себя в самогипноз и посидеть минут двадцать в полной пустоте, чтобы успокоиться.

Солнце село, и на поле опустилась тьма. Бродящие в поисках трофеев и добывающие раненых оборотни уже не могли нормально видеть и стали возвращаться в лагерь. Тогда и появился Ястреб. Был он еще бледный и слабый, но горел

негодованием. У него разве что дым из ушей не шел.

– Ты приказал брать в плен как можно больше и даже запретил добивать раненых, от которых ни малейшей пользы... – еще издали заорал он.

– Сядь и послушай.

Мы сидели кружком у маленького костра, отбрасывающего на лица красные блики: я, Большая Нога, Четырехрукий, Большой Заяц и еще парочка командиров отрядов рангом пониже. За спиной у меня привычной деталью пейзажа торчал Живой в компании с другими телохранителями. Перед нами стоял на коленях командир оркской конницы. Совсем еще молодой парнишка, лет семнадцати с виду и, несмотря на свою уродскую харю и побитый вид, выглядел гордым соколом, готовым ко всему.

Он рассказывал на своем языке, но отличался тот от Языка Народа не больше чем русский от западно-украинского диалекта, и если отдельные слова и непонятны, общий смысл прекрасно доходил до всех. Никаких особых тайн он не выдавал, наверняка об этом знал каждый пленный. И говорилось это скорее для того, чтобы продемонстрировать – кто мы и кто они.

– Их было десять тысяч, но это им не помогло в прямом и честном бою. – Он блеснул в нашу сторону глазами. – Мы всегда сильнее и лучше. Полки стояли насмерть, и они не смогли прорвать окружение. Трупы варваров покрыли землю, а потом ударила конница, и мы вырезали всех.

– Во, врет! – восхищенно сказал Четырехрукий. – Ты что, думаешь, мы других не спрашивали? Была бы это военная хитрость, еще понятно, но такая явная ложь позорит твое имя.

Орк смешался и, опустив глаза, нехотя сказал:

– Некоторые прорвались за стены и заперлись в городе, – он с вызовом вздернул подбородок, – все равно им не жить. Обложили со всех сторон, и никто не уйдет. День раньше, день позже... Вас мало, да и не пойдете вы на помощь. Соберете трофеи и отойдете за границу, а мы еще придем к вам в степь. Я младший брат князя, и он за меня непременно отомстит.

– Как придете, так и останетесь, – хохотнув, сказал Большой Заяц.

– Уберите, – махнул я рукой охранникам, – ничего умного мы все равно не услышим, – и проследите, чтобы пленным пожрать дали из их обоза. Они нам еще понадобятся.

– Помолчи, – сказал Четырехрукий Ястребу, который уже открыл рот, чтобы разразиться гневной речью. – Подведем итог, ради которого нас Зверь и собрал. Послушали с десятков пленных и достаточно, все понятно. Это действительно была ловушка для дураков, и их ждали. Этот их новый князь, Скрепт, – он поморщился, – что за странное, ничего не означающее имя... Впрочем, наплевать. Он хотел раз и навсегда избавиться от угрозы с равнин. Набеги для границы – обычное, житейское дело. Сегодня мы их, завтра они нас. Он со-

брал все, что мог, и спровоцировал Народ на большой поход. Они шли двумя колоннами и подставились по отдельности. Только полного разгрома не вышло. Волков, похоже, перебили, но часть остальных успела прорваться за стены в город и заперлась там. Наверняка следующий шаг для него был выйти в степь снова и выжечь опустевшие рощи. Пока остальные соберутся да приготовятся, пока разберутся, чья земля теперь, – несколько лет нам не до зеленых будет, а потом можно и повторить. Не вышло, теперь придется долго возиться с осадой, да и потери большие. Потом он услышал про нас и послал часть сил на перехват, то есть под крепостью сидит пять-шесть тысяч, из которых хорошо, если тысяча дружинников, и внутри две-три тысячи. Однако этот прав: нам идти на помощь бессмысленно, семь сотен – это мало, чтобы пробить окружение, да и обоз у нас теперь такой, что для охраны потребуются половина отряда. Только вот если он добьет тех в крепости, то вполне может пожаловать в гости к нам. Со всех сторон плохо. А теперь, – усмехнувшись, сказал он, – Зверь продемонстрирует нам мудрость и расскажет, зачем ему пленные и как вообще мы сможем и добычу при себе оставить, и князя утихомирить.

Он замолчал, и все дружно уставились на меня.

– Хорошо, – мысленно перекрестившись, сказал я. – Я не буду заходить издали и интересоваться, каков урожай в огороде и не уменьшились ли стада диких копытных, проходящих мимо ваших рощ, чтобы соблюсти приличия.

Большая Нога громко заржал, остальные улыбнулись.

– Я буду говорить прямо и называть вещи своими именами. Мы шли за мезтью и добычей. И то, и другое мы получили в полной мере.

Снова подтверждающие кивки.

– Значит, основная задача теперь, когда нам никто не мешает, перейти границу и спокойно провести дележ. Не будем разделяться и давать почву для подозрений друг другу.

На этот раз непроизвольно кивнул только Большой Заяц, остальные молча ждали.

– Когда поделим добытое по закону, все, кто захочет, может уйти и вернуться к себе. Но я, и ты, Четырехрукий, и ты, Ястреб, – мы не просто так здесь. Шесть пустых роц! Большой поход оборотней закончился провалом, и мы в этот момент единственная сила, которая может предъявить на них права. Мы должны объявить их своими, но поодиночке в этом нет смысла. А если мы начнем выяснять между собой, кто из нас сильнее, придут другие. По две роци на всех – это справедливо. Я предлагаю союз. Каждый, кто нападет на вас, – мой враг. Каждый, кто нападет на меня, – ваш.

– Так зачем тебе пленные? – раздался в тишине голос Большой Ноги.

– Я хочу договориться с князем Скрептом. Они всегда отдают оборотней своим дубам, мы просто убиваем. Мне не нужна сейчас новая война на границе. Я хочу обменять голову на голову. Их пленных на наших. А наши заплатят за

свою свободу. Сколько там дают за военный трофей? Десять лошадей? Вот как получим, так и отпустим. Это тоже общая доля. А потом я хочу еще один договор, чтобы Скрепт не смотрел в нашу сторону. Мы обещаем не ходить в набеги через границу, они тоже. Если это наша земля, ему есть смысл согласиться. Завтра отпущу одного пленного с посланием и предложением встречи.

– Да, – протянул Ястреб, – ты и на покойниках сумеешь взять больше, чем на живых. Я за союз в любом случае, договоришься ты с зелеными или нет. Я не верю, что это возможно. Сотни лет мы проверяем друг друга на прочность и сотни лет пленных убивали. Так что обсудим это на той стороне, после дележки.

– Я тоже, – сказал Четырехрукий. – Не согласится князь, мы ничего не потеряем. Убить никогда не поздно.

– Так если с зелеными договор, – с недоумением спросил один из молчащих до сих пор командиров отрядов, – что, уже и в набег не пойдешь?

– А кто тебе мешает сходить пограбить другого князя? – поинтересовался я. – Прогуляемся на переход дальше.

– А, – с облегчением сказал тот. – Тогда другое дело... Ты это, Зверь... нас ваши дела с рощами не касаются, но если надумаешь еще куда сходить за добычей – мы всегда с радостью. Такого еще не бывало, чтоб семьсот против трех тысяч – и всего двадцать четыре убитых...

Остальные поддержали его пламенную речь восторжен-

ными криками.

– Значит, на этом все, – подвел я итог обсуждению. – Утром выходим.

Они стали подниматься и расходиться. У костра остался лишь лис.

– Только хорошие воины выигрывают сражения, – заговорил он негромко, – но они должны четко подчиняться приказам своих командиров и не проявлять героизма без нужды. Мы лучшие в мире, и каждый знал свое место и свой маневр. А победа приносит славу вождю. Чтобы добиваться успеха, тебе нужны воины, которые уважают тебя и готовы следовать за тобой. Ты завоевал не просто славу, ты завоевал любовь своих воинов, и про твою удачу и правильность решений они разнесут весть по всем равнинам. Позови их еще раз, и они не только придут сами, но и приведут к тебе других.

Он помолчал.

– А про осажденных ты ничего не сказал.

– Хочешь секрет?

– Естественно, – он подмигнул, – никому не скажу.

– Не знаю я, что с ними делать. Вроде свои, но если они вернуться, то будут злые из-за неудачи и отыграются на нас. Их осталось не меньше двух тысяч, нас после ухода этих, из чужих отрядов, останется три-четыре сотни, даже если я успею остальной Клан позвать. Росомах больше, но захотят ли они всем родом ввязываться... Какой смысл – класть своих за чужих? За союзника я бы пошел, – и посмотрел на него

в упор.

– А меня ты позвать в союзники не хочешь? – вроде со смешком спросил он.

– Союз всегда на общих интересах основан. Я слаб в сравнении с тобой, у нас нет общих границ, и я не собираюсь в ближайшее время ни к кому под командование идти. Какой смысл для тебя в таком союзе?

– Ты говорил прямо, я тоже не буду хитрить. Ты телом наш, но голова у тебя работает совсем по-другому. Возьмешь, что хотел, и в ближайшее время больше не собираешься воевать. Тебе нужен не просто мир, ты хочешь торговать с зелеными. Дерево, пушнина, камни, продовольствие, что там еще...

Я моргнул от неожиданности.

– Похоже, не настолько уж я отличаюсь от Народа.

Он ухмыльнулся.

– Многие думают об этом, но рано или поздно к обросшим жирком семьям навешиваются соседи. Надо быть постоянно наготове и держать оружие рядом, когда ложишься спать. Не ты первый откололся от рода, но ты первый набрал такой вес в короткое время. Много будет желающих проверить твой Клан на прочность. А многим ты вообще поперек сердца. Если нужна будет помощь – приходи.

Черепаша говорила два часа, потом Старик еще час задавал вопросы, уточняя и снова возвращаясь назад. Теперь он

сидел, закрыв глаза, и если бы не тихое дыхание, его можно было бы принять за покойника.

– Значит, ничего выдающегося за ним раньше не замечалось, – скрипуче сказал он наконец. – Все на среднем уровне – мыслеречь, лечебная помощь, блокировка от чужого вмешательства, пользование амулетами, даже умение пользоваться оружием и конная езда. Ожидать серьезных достижений за полтора года было бы странно. Единственный, выпадающий из ряда, случай с Нежданом. И вдруг такая демонстрация. Я бы хорошо подумал, прежде чем браться, а он раз – и выкачал дуб – пожиратель жизней.

Старик одобрительно покачал головой.

– Женщины, – пробурчал он, – самые опасные существа на свете, из-за вас и ваших капризов погибло множество мужчин, но в то же время вы самые недалекие на свете существа. Вам кажется, что если вы переспали с мужиком, то он будет ходить на поводке и внимательно заглядывать вам в рот.

– Я с ним не спала, – возмущенно воскликнула Черепаха.

Койот промолчала, и они гневно посмотрели друг на друга.

– Тем более, – хихикнул Старик. – Мальчик вырос и тщательно скрывает свои возможности. Работать напрямую с чужой энергией мы его не учили, а он демонстрирует подобные вещи. Гений, понимаешь... Могла бы и поинтересоваться, почему он вечно пропадает в том паршивом овраге. Какой

ты паук, если таких вещей не замечаешь? Там есть слабенькая аномалия.

– Я знаю, – пробормотала Черепаха себе под нос, соображая, откуда ему знать про овраг, – но он же ходил не один, а с сыновьями.

– Молодец, – саркастически сказал Старик, – а ты была страшно занята и не помнила, чему тебя учили. Прежде чем принять решение или оценить собеседника, спроси еще кого-нибудь. Минимум два взгляда с разных сторон.

Она промолчала, зная по опыту, что рассказывать про все проблемы, бесполезно, когда сотня новичков должна быть устроена, накормлена, проверена на болезни, и вообще требуется выяснить, что за оборотни на голову свалились и не потребуется ли ставить их на место... Ты паук и обязан справляться, а нет – нечего было лезть, сидела бы младшим в роще и помалкивала. Она и справлялась. Совершенно не приходило в голову еще и следить за Зверем. Все равно он постоянно с ней обсуждал все важные дела.

– Ладно, оставим это. Что он точно сказал, когда послал тебя сюда?

Черепаха пожала плечами и обреченно повторила в третий раз:

– Он сказал: «У меня две рощи, и нужны два нормальных паука, а не трое недоучек, и Черепаха, которая считает себя старшей над всеми. Я не знаю вашего паучьего правильного поведения, но мне нужна Койот, чтобы восстанавливать со-

женные деревья-дома и сажать новые на место погибших окончательно. Она дала клятву служить Клану, а не глубокоуважаемому Старик. Я готов проявить сколь возможно огромное уважение и дать богатые подарки – это уж сама на месте решай, насколько большие и что именно, – но очередных отговорок принимать не желаю. Пусть выбирает: или возвращается, или остается там навсегда».

– Замечательно, – захихикал Старик. – Он получит большой сюрприз. Она поедет, но только вместе со мной. Не пугайся, – добродушным тоном сказал он Черепахе. – До твоих планов и амбиций мне нет дела.

«Как же, – подумала она, – до тех пор, пока они тебе не мешают, а что тебе, собственно, надо, только ты и знаешь».

– Надо все-таки заняться его воспитанием, – продолжил Старик. – Последний этап. Если он может одно, значит, сможет и другое. Ты точно не замечала ничего подобного?

– А зачем мы тогда по лесам назад тащились? Туда – он места не знал, но назад...

– Это еще ничего не значит, – отмахнулся Старик. – Может быть, если бы вас по-настоящему прижали, он бы что и сделал. Вижу, не согласна, а зря. Он совсем не дурак, и чем меньше Народа знает о таких вещах, тем лучше. Этим займусь я. Договор! Ишь ты, чего удумал...

– Они встретились наедине с князем, – послушно забуборила Черепаха. – Никаких свидетелей, даже телохранителей не было. Что конкретно обсуждали и говорили – неизвестно.

Граница была проведена по карте, середина рек, приметные камни. Ну, как обычно. Два абсолютно одинаковых экземпляра карты у каждого. У них с нашими названиями, у нас с их. Запрещено ходить на чужую сторону без веской причины вроде опасности для жизни. Случайно пересекший границу без враждебных намерений должен быть возвращен назад без ущерба материального и физического. Грабить и бить нельзя, – пояснила Черепаха. – В заранее оговоренных местах выставлены наблюдатели, которые в случае возникновения вопросов вроде этого должны подать сигнал на другую сторону огнем или флагом. Все это касается всех шести рощ. Мы все равно первые к границе по расстоянию, но за их действия отвечаем тоже. Отдельно в договор включены Кошки и Росомахи в других местах, до тех пор, пока они соблюдают союз. Оговорена также возможность повторной встречи. Он прямо не говорит, но, похоже, они с князем хотят еще и торговать. Дерево нам пригодится, а они с удовольствием возьмут коней.

– Про пленных... – подсказал Старик.

– Шестьдесят четыре дружинника и четыреста восемнадцать ополченцев обменяли на сто двадцать попавших в плен во время похода. Одна женщина и двое детей, захваченные во время набега орков, – больше выживших нет, – сами попросились остаться в Клане. Меняли воина на воина, двух женщин за одного воина, двоих детей за одну женщину. Ополченец равен женщине. Или платят выкуп, как за

военный трофей: один воин – десять лошадей, ополченец – восемь. Получилось сложно... У зеленых стоимость коней выше и порода другая – мельче наших, но для работы и перевозки грузов вполне годятся. Так что разбирались почти сутки, пока договорились. Получился нам плюс к оговоренному. Каждому по четыре коня, включая погибших, обменные еще сами выкуп заплатят, еще тысяча двести тридцать лошадей, но это как добавка. Все остальное по закону считали: и погибших, и раненых, и заслуги.

– Торговали и раньше, – задумчиво сказал Старик, – но не пленными. Чтоб зеленые отдали, в первый раз слышу.

– Они только вдвоем говорили, – нерешительно ответила Черепаха и продолжила на поощрительный кивок, – но Зверь сказал, что князь имеет зуб на своих шаманов. Что-то они там не поделили. И заключил Скрепт договор с ним, со Зверем. Неизвестно, что еще выйдет, если кого-то из них не станет. Это слово князя против слова другого князя, вот и надо, чтобы все было в лучшем виде, тогда и с наследником можно будет договориться. Не первый и не последний раз в плен попадают оборотни. Если можно будет выкупить, даже за большую цену, это лучше, чем умирать на дубе.

– Ага, – согласился Старик, – а еще все окрестные семьи и племена орков и оборотней будут обращаться к нашим князьям за посредничеством в подобных случаях. Ничего делать не надо, только подарки принимай! А ты что все молчишь, Койот?

– А я тебе говорила, – спокойно сообщила та, – он не слабый. Глупо считать, что если ему не интересно чужих коней уводить, так его репутация Клана не волнует. Просто своих он защищает, за союзника пойдет умирать, а до чужих ему дела нет. Потому что он Вожак и держит слово. Он поставил перед собой цель и идет к ней. Ты посмотри, что он сделал... Вместо того чтобы держать орков на границе, князь увел их к городу и обмененных тоже. А потом Скрепт взял его штурмом. Своих половину положил, но и находников всех. Даже пленных не брали. Зато Зверь имеет договор, и в ближайших окрестностях не осталось врагов – всех поубивали. Оба князя остались довольны друг другом. Только неизвестно еще, кто больше выиграл. У нас теперь на много дней пути врагов не осталось. Некому претендовать на наши земли, им бы свои удержать.

– Так, – продолжил Старик, – а теперь ты мне расскажешь, о чем так старательно промолчала. Что там у вас с шакалом произошло?

«Да уж, Зверь говорил, что Старик у нас своих стукачей имеет. Не успела приехать, он уже в курсе, – подумала Черепаха. – А еще он говорил, что Старик непременно сядет нам на шею», – припомнив желание съездить в гости, обреченно вспомнила она.

– Он бросил мне вызов, – сообщила она.

– Он – это Хромой?

– Да, – запальчиво ответила Черепаха. – Хромой из рода

Шакалов, из семейства Чепрачных. – Он пришел не сам по себе. Слишком хорошо известно, кто он и что он. Лучший друг Правильного Лучника. Если нельзя избавиться от Клана, значит, нужно посадить в роще своего паука, который будет диктовать, что правильно, а что нет. У нас две рощи, и я не могу разорваться. Он пришел, изображая желание стать одним из нас, и сразу потребовал место старшего.

– И?

Они стояли друг против друга, а вокруг собиралась толпа. Хромой потому и звался так, что одна его нога от рождения сантиметров на пять короче другой. В таком обществе, как у оборотней, он с детства обречен стать самым забитым и низшим, но характер у парня оказался железный. Если нельзя взять силой, можно взять умением и хитростью, войдя одним из членов руководящей группы, а такой могли быть только пауки.

Он так и не стал особо сильным пауком, но звание Мастера заслужил долгим и упорным трудом. А также постоянными услугами, оказываемыми членам Совета. Когда нужно было сделать что-нибудь не особо приятное, посылали его. Все об этом знали, и собственное племя шакала дружно не любило его, но давно уже не пытались делать что-либо поперек. Слишком это было опасно, Хромой непременно сделал бы большую гадость в ответ, на это он был мастак. Подумать, что приехал по собственной инициативе, мог только очень

наивный человек.

О том, что он скоро появится, Алексей знал не первый день и, когда прибежал Неждан с сообщением, он тут же помчался навстречу, но, к своему сожалению, опоздал. Хромой, не утруждая себя вежливостью, с ходу бросил вызов Черепахе.

Вызов паука – это не Суд чести. Тут решают не клыки с зубами, а чистая сила. Кто кого в бараний рог свернет. А чем старше паук, тем сильнее и опытнее. В принципе, несмотря на свой возраст, Черепаха была не слабее, а в чем-то и гораздо искуснее, но допускать этого поединка нельзя ни в коем случае. Даже если Черепаха отобьется, будет создан прецедент, и завтра заявится еще кто-нибудь с претензиями. А чужаки с неизвестными желаниями, и к тому же друзья Правильного Лучника, который все время баламутил против него равнины, Алексею были совсем ни к чему.

– Мы – Клан, и каждый, включая паука, должен сначала попросить принять его, а потом что-то требовать, – сказал спокойно Алексей. – Здесь только пришедшие добровольно. Произнеси просьбу, и я внимательно тебя выслушаю. Ну же, «Сталь против стали, клык или зуб против клыка и зуба, моя кровь – кровь Клана. Твое слово – для меня высшее», – подсказал он. – Я жду.

– Паук не обязан просить и не должен подчиняться военному вождю, – ответил Хромой.

– Да, если я попрошу Совет пауков прислать мне такого.

В остальных случаях я не обязан слушать тебя. В племени приматов не бывает пауков-тигров, а в племени волков – пауков-росомах. В моем Клане будут только те, кого я приму. Уважение – это одно. Подчинение – совсем другое. Я просил об этом? Расскажи, кого и когда.

– Не твое дело указывать паукам, что правильно, а что нет.

Хромой явно шел на прямой конфликт. Все знали, что во внутренних делах племени слово паука было практически всегда решающим, но явно эта власть не проявлялась, и всегда соблюдался определенный политес. Большинство вождей совершенно нормально сосуществовали с пауками, четко разграничивая полномочия, а по спорным вопросам стремясь прийти к согласию. Для этого и введена должность мирного вождя, который был третьим голосом при решении важных проблем. Конечно, случалось по-всякому, но конфликты в семье и роде отражались на общей жизни, что могло плохо закончиться для всех. Поэтому такие слова Хромого были явным неуважением.

– Значит, ты не желаешь соблюдать свои собственные законы... – задумчиво сказал Алексей. – Собрания Совета пауков не было, решения тоже. Ты явился сюда без просьбы. Твое желание бросить вызов Черепахе понятно. Только, даже убив ее, ты никогда не станешь пауком Клана. Тебе здесь не место – уходи.

– Кто ты такой, чтобы указывать мне? – взревел Хромой.

– Я – Вождь Клана, в который ты пришел. А вот кто ты та-

кой? Паук? Почему тогда они, – я показал на десяток охранников, – здесь? Пауку охрана среди Народа не требуется. Пока он не взялся за клинок, никто не бросит ему вызов. Ты нарушаешь свои же законы. Ты член Клана? Нет. Ты не просил тебя принять и бросаешь вызов, чтобы занять чужое место. Опять нарушение. Это не разрешено законом. Ты воин? Тогда почему ты претендуешь на место паука? Может, ты просто желаешь потребовать свою долю трофеев? – Толпа, внимательно слушавшая, возмущенно загудела. – Так я не знаю, где ты был, когда мы ходили в набег. Кто ты такой?

– Я тот, – надменно ответил Хромой, – кто следит за соблюдением традиций и законов и не позволяет их нарушать. Тот, кто укажет тебе твое место.

Начинать спорить о «соблюдении традиций и законов», как сказано, было глупо, потому что Хромой уж точно сумел бы повернуть себе на пользу что угодно. Единственный выход – идти на обострение и покончить со всем сразу, так чтобы желания продолжить ни у кого не возникло.

Рука Алексея с хрустом вошла в грудь Хромого и вышла у него из спины. Глаза паука закатились, изо рта потекла струйка крови. Охранники схватились за оружие. Клановцы выхватили из ножен свои клинки.

– Стоять! – заорал Алексей. – Все слышали, что он сказал? Он оскорбил не меня, он оскорбил Клан. Он плюнул на законы Народа.

Алексей вытащил руку из тела, и Хромой свалился к его

ногам.

– Нарушивший закон желает указывать другим и говорит, что укажет мне мое место. Мне... – еще громче заорал он, – Вожаку свободного Клана, соблюдающему закон чести! Где сказано, что паук выше военного или мирного вождя? Они равны. Каждый занимается своим делом. Там, где один себя считает выше других, семья и род умирают. Ты, – он ткнул пальцем в старшего охранника, – можешь вернуться к Правильному Лучнику и передать ему: если уважаешь традиции – соблюдай их. Ты понял?

Охранник кивнул.

– Пропустите их, пусть уходят!

Старик опять захихикал.

– Какой умный мальчик. А то он не знает, кто равный. Тебя-то он уже поставил в положение младшей. Жаль, что паука из него не выйдет, слишком поздно, а то бы занял мое место лет через сто... Каков стервец, а? Убить паука и сделать вид, что за нарушение закона. Еще и истерику устроил, великий «соблюдатель» традиций, когда они его устраивают. Когда нет, прекрасно умеет обходить. И про Лучника ввернул. Кто-то ему дает информацию помимо вас, девочки... – И, пристально глядя на Черепаху, резко спросил: – Что у него было с рукой? Только не рассказывай, что все было нормально. Так продырявить голой рукой нельзя.

– Это не рука была, – поежившись, сказала Черепаха. – С

виду все вроде обычно, но, если присмотреться, вместо руки была кость. Один сплошной клинок из кости. Только кроме меня и Живого этого никто не видел. Две минуты – и опять обычная рука. Он потом что-то непонятное сказал...

– Ну-ну... – заинтересовался Старик.

– Терминатор, часть вторая, – пожимая плечами, пояснила Черепаха.

– Мы едем, – решительно сказал Старик. – Полгода без присмотра – и столько проблем. Кажется, я зря оставил его одного. Пусть попробуют вякнуть что-нибудь против Клана, пока я там сижу. А обучение его надо продолжить и внимательно присмотреться, как он работает напрямую с энергией. Может, возможно что-то улучшить или подсказать. Да не бойся, – пренебрежительно махнул он рукой на Черепаху. – Я буду очень вежлив и попрошу разрешения на въезд и проживание. А из своих людей возьму только тех, кто может захотеть остаться в Клане.

Глава 12

Жизнь на равнинах

– Вот так приблизительно, – всплывая из воспоминаний, сказал я друзьям. Судя по всему, они и заметить ничего не успели. Так, маленькая заминка в длинном монологе. – А кроме Народа есть еще на континенте... – Держа паузу, я взял рюмку, в очередной раз выпил и начал обстоятельно за-

кусывать.

– ... большой сюрприз, – насмешливо завершил за меня Рафик.

– Во! Именно так. Большой сюрприз для людей в Зоне. Народ живет на равнинах. На них можно попасть, если идти через леса от нас на запад. А в лесах проживают наши знакомые орки. А на самом западе, перед морем, огромные горы ограничивают равнину. И там квартируют... – я опять сделал паузу.

– ... гномы! – радостно сообщил Рафик.

– Молодец.

– Что, правда? – недоверчиво спросила Лена.

– Правда, правда. И самое интересное, что они тоже искусственно выведены этими самыми Ушедшими. С виду точь-в-точь как наши знакомые, но живут, в лучшем случае, в Средневековье. Лесные орки вообще ничего похожего на большое государство не имеют, так, мелкие княжества. Занимаются охотой, собирательством, рыболовством, отчасти земледелием. Почти всё делают из дерева или глины. Железо отвратительного качества, и его мало. Зато маги там попадаются могучие – это да. Гномы, те еще в давние времена заселили древние бомбоубежища в горах и кое-что из технологии сохранили. Но там жизнь очень бедная. В горах поля не распашешь, а на равнины их Народ не пускает.

– А эльфы? – напряженно спросил Рафик.

– А вот с этим облом. Судя по описанию, ничего подходя-

щего пауки не знают. Или с другого континента или потомки выживших людей. Тогда остальные, получается, у них в услужении. А про их замечательные обычаи я очень поверхностно рассказал. Собственно, ничего толком я про наших эльфов и не знаю, надо на них вблизи знающему человеку посмотреть. Очень пауков они заинтересовали – их возможности и желания.

– И пошел Леха в разведку... – пробормотал Рафик, кивнув в сторону двери.

– Ага, – радостно сказал я. – Каждому свое. Я займусь разными интересными торговыми делами, а Черепаха осторожно посмотрит. Без всякого криминала и скандала. Поэтому я очень надеюсь, что вы не будете пересказывать другим все, что я тут наболтал. Информация – вещь очень ценная и больших денег стоит. Посвящать лишних людей в подробности нам ни к чему. Побродил по Дикому полю и вернулся с наваром. Много разного притащил. – Я подмигнул. – Так что для начала требуется ее легализация. Вот, скажем, некая семейка ушла очень давно из Зоны, дети у них родились... А возможность получить жизняк имеется?

Рафик с Леной переглянулись.

– Не думаю, что с этим проблемы будут, – осторожно сказал Рафик, – но надо на всякий случай легенду поправдоподобнее придумать. Даже не придумать, а подогнать под факты: кто уходил, когда. Фиг его знает, может, у них учет имеется.

– Мда, – я задумчиво посмотрел в потолок. – В идеале мне надо большую семейку обжизнaczyć. На сегодняшний день сто пятьдесят два экземпляра, а тащить их сюда всех нет ни возможности, ни желания...

Рафик изумленно присвистнул.

– Сколько, сколько?

– А что? Я вам не какой-то там паршивый рейдер, а большой начальник, – гордо заявил я. – У меня Клан. Большинству это ни к чему, но некоторые должны иметь самостоятельный выход на Зону – мало ли что случится. Не сразу, конечно, обжиться надо и притереться. База нужна, – пояснил я. – И еще раз разлил по стаканам. – Ну, по последней, уже темнеет. Электричества в идее сети в Нахаловке по-прежнему нет? Подзаряжаете приборы от аккумуляторов и дизеля. Это хорошо... Еще немного и спать...

Мы в очередной раз выпили за всеобщее здоровье. Лена изрядно раскраснелась, хотя только пригубила. Рафик, судя по преувеличенно четким движениям, тоже догнал. На меня практически не действовало. Организм принимал излишки алкоголя за яд и исправно с ним боролся. «Теперь и с друзьями толком не отметишь, – с тоской подумал я. – Остается единственное – с врагами пить, пока лишнего болтать не начнут».

– А жизнь с покойника можно достать? – спросил я.

– И как ты его используешь? Он же только на хозяина работает...

– Информация, которая стоит очень больших денег, – серьезно сказал я. – Лучше ее сразу забыть или застрелить-ся, чтобы не проговориться. Можно перенастроить на другого владельца. Очень сложно, но возможно, собственно, это не великая тайна, просто никому не требуется. Даже если найдешь специалиста, согласного это сделать, он за работу и риск попросит столько, что меньше чем миллионера не имеет смысла брать. А у таких обязательно будут наследники, которые заинтересуются, куда деньги подевались. А еще жизнь может работать маячком. По нему можно отследить, где находится владелец. Этим, естественно, никто не занимается, кроме экстренных случаев, но, при желании, идет сигнал и он срабатывает. То есть пропавшего или преступника можно найти без проблем, если знаешь имя. Если нам этого не говорят сразу, значит, эльфы это держат для себя.

– Про это лучше всего с Кулаком поговорить. Сам думай, что ему можно знать, а что нет. Похоже, ты пришел, чтобы мы не заскучали зимой.

– Это точно! Со мной не заскучаешь. Знаете, что нужно индейцам в первую очередь?

– Водка, – серьезно ответила Лена.

– Хорошая мысль, но неправильная. В первую очередь им нужно оружие. Много оружия, и они готовы меняться на очень интересные Вещи.

– Стоп, – резко сказал Рафик. – А потом они с нашим оружием до нас не доберутся? Американцы на собствен-

ном опыте проверили, что огнестрел индейцам в руки давать вредно для здоровья.

– Тебе как, честно или чтобы успокоить? Ладно, буду честным. Я не настолько умный, чтобы знать последствия на десятки лет вперед. Могу только рассказать, как я это вижу. Во-первых, чтобы добраться сюда, надо пройти через леса орков и места, в которые сами орки боятся соваться. Это несколько тысяч километров по прямой. Я пришел совсем другой дорогой, и в ближайшее время по ней, кроме меня, ходить никто не сможет. Мне бы очень не хотелось, чтобы это ушло за пределы этой комнаты, – я замялся и прищелкнул пальцами, – это последствия моей мечености. Я могу сделать проход вроде того, по которому мы сюда попали.

Лена открыла рот и уставилась на меня. Рафик подался вперед, навалившись на стол.

– Нет, – отрицательно помотал я головой. – Только в пределах планеты, и только в хорошо знакомые мне места, и еще не из любой точки. Нужен энергетический узел вроде тех, что в аномалиях бывают. Так что прямого контакта не будет еще очень долго. Во-вторых, я вовсе не собираюсь снабжать весь Народ и работать на него. Я вам пытался объяснить – там постоянно воюют друг с другом, и у меня не сложились отношения с очень многими. Мой Клан – это такое собрание происходящих из самых разных племен и родов, которые признали меня своим вожаком просто потому, что это для них единственный выход. Может, не единственный, – задум-

чиво поправился, – но лучший. На новом месте они получили массу возможностей показать себя. Я изначально не принадлежу ни к одному племени, но всеми признан, как один из Народа. Хочешь быть таким, как все, изволь выполнять мои указания. Если очень упрощать – они получили крышу. Мой интерес в том, чтобы Клан окреп и его боялись тронуть. Если для этого надо будет применить пулеметы – я это сделаю. Совесть меня мучить не станет. Понимаете, иерархия в племени – не пустые слова. Она действует в обе стороны. Каждый поклявшийся мне в верности обязан выполнить мое самое идиотское распоряжение, но он ждет от меня защиты. А если я не смог защитить, то мести. Вот два месяца назад я положил троих своих, догоняя убийц одного. Последние патроны истратил. Берег их, берег на крайний случай, вот он и пришел. По-другому не получалось. Вы про вампиров слышали? – Я усмехнулся, глядя на недоверчивые лица. – Вижу, что слышали, да не очень-то верили. Есть они, и лучше с ними не встречаться. Были бы у меня патроны, намного легче бы все прошло. В рукопашной они любого Шварценеггера уделают.

Они уже четвертый час ждали. Сломанная Стрела, единственный, кто хорошо знал здешние места, утверждал, что другого водооя нет на сутки пути, и вампиры обязательно завернут сюда. Идти по следу было не только бесполезно – шансов догнать мало, бегали кровососы не хуже лошадей, –

но и опасно. Твари любили сделать круг и выйти в спину преследователям.

Мы – это четверо первых попавшихся молодых, оказавшихся под рукой, когда нашли обескровленное тело, и я.

Сломанная Стрела – кошка девятнадцати лет. Единственный уцелевший после разгрома семьи и пошедший за мной, когда понял, что, уйдя в другую семью, он станет одним из младших, а здесь его знания пригодятся. Неизвестно, какой он был раньше, до гибели родичей, но теперь постоянно угрюмо молчал и старался быть полезным во всем.

Вороненок – рысь семнадцати лет. Девчонка с изрядным прибабахом, так что сумела достать всю свою семью. Основная идея, крутившаяся у нее в голове: рыси должны жить не на равнинах, а в лесах. Понять такой закидон семья не могла, и нормальной жизни у рыси никогда бы не было. Она с детства ходила в степь практически в одиночку, имела на счету несколько украденных лошадей и одного убитого в поединке врага. Уважения это ей в роце не добавило, и как только она услышала, что Клан селится на границе леса, моментально прискакала.

Теплый Дождь – примат пятнадцати лет. Его привела Койот. Был он ей какой-то дальний родственник. Очень спокойный парень, большой специалист по резьбе по дереву. Впрочем, драться он тоже умел, как любой из оборотней, но непривычно мал и слаб, если сравнивать со сверстниками, поэтому и не прижился в семье. С глазу на глаз он мне с жа-

ром доказывал, что умение создавать красоту не менее важно, чем умение убивать. При других помалкивал – его бы просто не поняли. В другой ситуации я бы его никогда не взял в подобный поход, но не было выхода.

И Черепаха. Как последний довод. Паук она очень сильный, но как раз сейчас применять ее умения и нельзя было. Вампиры это дело прекрасно чувствовали, хотя сами полагались на силу и скорость и ничем таким не пользовались. Но искать их при помощи Черепахи, значит, заранее предупредить о своем присутствии.

Вот все четверо просто лежали в засаде и ждали, надеясь, что Сломанная Стрела не ошибся. Все это умели прекрасно, умение ждать и незаметно подкрадываться – основное умение хищника, а детей оборотней такому учат с детства. Я тоже имел соответствующий навык еще с армии. Снайпер без терпения – это покойник.

Солнце уже начало клониться к закату, Вороненок шевельнулась и быстро сделала жест, предупреждая об опасности. Язык жестов в боевых условиях абсолютно одинаковый для всех видов. Я насторожился и увидел в направлении, куда она показывала, два силуэта. Они вышли совсем не с той стороны, откуда мы ждали, и сейчас внимательно осматривали местность.

Очень медленно, чтобы не выдать себя, я повернулся и навел ствол верной эсвэдэшки на голову заднего. Договоренность была заранее: первый выстрел мой, остальные ждут.

Расстояние не больше двухсот метров, и в оптический прицел прекрасно видно, как поворачивается голова вампира, изучая местность. На такой дистанции промахнуться было невозможно – и пуля, войдя в висок, снесла половину черепа.

Передний вампир мгновенно развернулся и, бросив взгляд на убитого товарища, потерял секунду, видимо сообщая, что случилось, и только потом метнулся в сторону. Я успел, хотя вторая пуля попала не в голову, а в грудь. Практически сразу выстрелил в уже падающего, пытаюсь добить. Больше патронов не было. В дальнейшем винтовку можно использовать только в качестве дубинки.

Из оврага показались лошади, подгоняемые Теплым Дождем. Все дружно попрыгали на них и понеслись к телам. Вампира так просто не убить – для гарантии нужно отсечь голову. Пока я принял своего коня, вскочил в седло и поскакал, вся команда дружно унеслась вперед. Первой к вампирам приблизилась Вороненок и прямо с коня прыгнула, взмахнув саблей. Второй вампир, несмотря на дыру в груди и еще одну в животе, вовсе не собирался умирать, и с диким визгом ударил так, что Вороненок улетела в ближайшие кусты. Трое остальных сгрудились вокруг раненого вампира и одновременно начали рубить на части, с криками и хэканьем.

Я уже был в нескольких метрах, когда сбоку на меня выскочил еще один вампир, на бегу ударил и, не останавлива-

ясь, метнулся к остальным. Лошадь подо мной совсем по-человечески закричала от боли, заваливаясь на бок, так что я едва успел выдернуть ногу из стремени, но вместо прыжка неловко свалился на землю. Удар вампира пришелся по левой ноге, размозжив колено, и дальше пробил бок коня. Кровь из разорванного брюха залила меня с головы до ног, а из дыры еще и лезли скользкие кишки. Конь бился в агонии, и пришлось поспешно откатиться, чтобы не попасть под копыта.

Подвывая от боли, которую я не смог полностью отключить, встал и прыгнул на здоровой ноге вперед. За те секунды, что я не видел происходящего, на ногах уже не осталось никого, кроме вампира. Стоя спиной ко мне, тот нагнулся и вцепился в горло одному из оборотней. Я со всей силы ударил его под левую лопатку палашиом, пробивая тело насквозь. Вампир медленно начал вставать, а я, повиснув всей тяжестью тела на клинке, буквально разрезал его изнутри, давя вниз. Вампир рванулся так, что руки не выдержали, и я, выпустив рукоятку, отлетел в сторону. Тварь повернулась, и я увидел торчащее между двух женских грудей лезвие палаша, залитую кровью искаженную болью морду с торчащими клыками и жутко горящие красные глаза. Я уже приготовился умереть, но в этот момент по ступне вампира ударила сабля. Может быть, это была просто последняя капля, но его ноги подломились и вампир упал. Рядом поднялась на колени Черепаха и одним движением отсекла ему голову. Девушка еще

мгновение смотрела, а потом тоже завалилась на землю.

Даже не пытаюсь встать, я подполз к ней и проверил состояние. Кроме сломанных ребер и левой стороны лица, от удара похожей цветом на спелый баклажан, ничего не обнаружил. Всякую мелочь вроде сотрясения мозга и отбитых внутренних органов она вполне способна излечить сама, когда очнется, да и регенерация у оборотней жуткая, поэтому оставил ее лежать и проверил остальных. С ними обстояло хуже. У Теплового Дождя вырвано горло – это именно он лежал, когда я добрался до вампира, сосущего кровь.

Сломанная Стрела не имел головы – она просто была оторвана, а не отрезана. Некоторое время я сидел и тупо размышлял, какая сила для этого нужна, потом подполз к погибшей лошади и, мысленно извинившись перед ней, стал отрезать куски и торопливо есть. Мне совершенно не улыбалось остаться без ноги, а это было гораздо лучше, чем ломти сухого вяленого мяса, которые мы везли с собой.

Минут через десять я вспомнил, что не видел Вороненка. Подволакивая ногу, все так же ползком отправился в кусты, куда она упала в самом начале. Можно было и не торопиться – она тоже была мертва. Грудь была проломлена так, что наружу торчали обломки ребер. Даже оборотень не может выжить после таких ран. Что-то мне не понравилось в этой сцене и, продолжая жевать сырую конину, я еще раз внимательно осмотрелся. Через несколько минут дошло. Она лежала так, как никогда бы не упала от первого удара. Да и не

в грудь тварь была – я достаточно близко находился, чтобы увидеть, что Вороненок, уклоняясь, получила пинок в бок.

Я увидел, что в руке она сжимала обломок сабли. Похоже, третий вампир не кинулся сразу ко мне, а занялся сначала ею. Я опять задумался, какой силой надо обладать, чтобы сломать сталь и пробить грудь. Встречаться вблизи с такими тварями совсем не хотелось. Лучше всего издалека, а еще лучше знакомиться с ними через прицел крупнокалиберного пулемета.

Оборотни не хоронят своих мертвецов. Считается, что, беря у природы ровно столько, чтобы она не оскудела, надо и возвращать ей. Если тела съедят животные – это прекрасно. Все, что взято, вернулось назад. Мы едим, и нас едят – круговорот жизни. Но сказать последнее напутствие я обязан, даже если некому услышать. Это проявление уважения.

– Ты была воином и тебе нечего стыдиться. Рыси узнают, как храбро ты сражалась, – заговорил я. Никогда не был религиозным и ни одной молитвы толком не знал, но тут другое дело. Живешь по законам Клана – не только требуй их выполнения от других, но в первую очередь выполняй их сам. Ты пример, даже если тебя не слышат. А ложь многие оборотни чуют носом, так что проще сказать все, что положено, даже без свидетелей, чем потом краснеть. – Я отомстил за тебя, и долгов больше нет. Ты можешь снова родиться в своем племени, но я бы хотел видеть тебя в новом рождении у себя в Клане. Такие, как ты, ему нужны.

У оборотней не было религии с богами, надзирающими за ними, или богами, отвечающими на просьбы. Они верили в покровителей-предков и переселение душ, которое было, как вся их жизнь, обставлено определенными условиями. Одним из основных считалась необходимость уничтожения убийцы, хотя это и не обязательно. Был вариант, когда месть свершалась более сложным способом. Захватить в плен несколько противников из рода убийцы и заставить их работать на семью погибшего, к примеру. Считалось, что это даже более приятно душе. Тогда она может вновь вернуться в новорожденного. При фактически постоянной численности – очень практично. Но за душой сохранялась свобода выбора. Она могла захотеть вселиться в ребенка из другого племени.

Я, по-прежнему не пытаясь встать, дополз до остальных и, попросившись с ними, выбил клыки у всех трех вампиров, еще раз убедившись, что они все женского пола. Потом отволол Черепаху к убитой лошади и туго перевязал ей грудь, достав полотно из седельной сумки. Ворочать конягу, чтобы достать из-под ее тела припасы, у меня здоровья сейчас не было, и я просто разрезал в сумке боковину, чтобы достать необходимое.

Запалил костер, снова съел несколько кусков конины и, вогнав себя в транс, наконец приступил к полноценному лечению. Ближе к ночи ко мне собрались остальные кони, опасавшиеся нескольких гиен, устроивших трапезу из убитых.

Звуки доносились донельзя противные и, выходя из самогипноза, чтобы съесть очередной кусок для поддержания сил и ускорения лечения, я иногда кидал в их сторону камни и орал. Помогало не сильно. Затихнув на короткое время, они снова начинали грызню между собой.

Утром я осторожно встал на ногу и, убедившись, что она практически в порядке, отогнал коней к воде. Там разделся и долго с наслаждением отмывался от крови и остальной гадости, которой был заляпан с головы до ног. Все это время я держал под рукой палаш и, даже раздевшись полностью, надел ножны на голое тело. За полтора года я прилично научился стрелять из лука, но так и не стал считать его правильным оружием. Не то воспитание. Тем не менее, лук со стрелами лежали рядом, и я все время настороженно прислушивался. В степи иначе нельзя – желающие отобрать добро всегда найдутся, а если грохнуть лично меня, то еще и изрядное уважение заработать можно.

Вернувшись к костру, я с облегчением увидел, что Черепаша сидит.

– Где клыки? – были первые ее слова.

Стараясь не тревожить ногу, я сел рядом.

– Не волнуйся, – сказал, усмехаясь, – уж это-то я знаю. Одна за тобой. Подвиг твой известен, награда найдет героя. Рассказ о поступке тоже.

Она не поняла, но иронию уловила и попыталась обиженно надуться. Получилось плохо. За ночь опухоль на лице спа-

ла, но вся левая сторона была затейливо раскрашена во все цвета радуги.

– Что смешного-то? Трое за троих, и одну мы сумели убить вдвоем, в рукопашной, оставшись в живых. Такого и старики не помнят.

– А предупредить, на что они способны?

– А прочитать Справочник? – запальчиво заорала Черепашка. – Ой, – застонала она тут же, схватившись за голову.

– Кушать будешь? – миролюбиво спросил я.

– Бульончику бы мне мясного, – тоскливо сказала Черепашка, – только боюсь, все наружу пойдет. Голова кружится и тошнит. Явно имеется сотрясение мозга. Попить дай.

Я достал обычную флягу, наполненную чистой водой, и, осторожно поддерживая ее голову, дал напиться.

– В вашем гребаном Справочнике написано так: «Разумный гуманоид, очень быстрый и сильный. Магических способностей нет, но искать таким способом опасно, поиск ощущает и может напасть первым». Ну, там еще про размножение, но понять, что они *так* опасны, невозможно. Знал бы, чем кончится, не стал бы догонять.

– Дурак, – кривясь и продолжая держаться за голову, сказала Черепашка. – Нельзя по-другому. Спустить им один раз, придут по знакомому следу еще раз. И будут приходить снова и снова. А тебе нельзя слабины давать. Не смог спасти – отомсти. Мы живем так и по-другому не умеем. Хочешь сохранить Клан, семью, род, вид – каждый должен быть готов

умереть за них. Кто боится, пусть жрет объедки и терпит побои от всех подряд. Нам нельзя быть слабыми – на нас весь Народ смотрит и оценивает. Еще придут проверять нас на прочность не один раз. Не те, так другие. Только так, и жизнь одного не имеет значения, когда на кону стоит Клан. Я полежу, – совсем другим тоном пробурчала она, – может, завтра сможем ехать.

– А носилки сделать? Лошадей много.

– Нет! Ничего страшного, нужно только время.

«Ну да, – подумал я, – въехать в рощу на носилках. Героиня должна выглядеть соответствующим образом и триумфально раскланиваться, держа в высоко поднятой руке клыки, чтобы все видели и потом рассказывали годами».

– А про Справочник ты меня срезал, – неожиданно донеслось от Черепахи. – Естественно, там только самые общие сведения про опасных животных и хищников. Но нам с детства рассказывают истории про охоту и Войну. Я иногда забываю, что ты не из наших и многое просто не слышал. Глупо, надо подумать, что ты там упустил в знаниях.

Я с испугом подумал, что количество времени, уходящего на воспитательный процесс, который у меня и так сидел в печенках, теперь удвоится.

– Не жалей ребят. Они знали, на что шли, и знали, что шансов остаться живыми очень мало. Я ведь третью вампиршу не чувствовала до самого последнего момента, и мы с самого начала были уверены, что их только две. Если бы не

ты, пришлось бы стрелять из луков с гораздо более близкого расстояния, и они могли нас засечь. Тогда вообще неизвестно, как повернулось бы. Она помолчала, наблюдая, как я поставил греться котелок с водой на огонь и достал мясной порошок из седельной сумки.

– Сейчас закипит и будет тебе бульон, так и проверим. Если есть не сможешь, поедешь на носилках. Специально палки тащили из роши.

– А знаешь, – неожиданно сказала Черепаха, – страшное это оружие твоя винтовка. Я ведь умом прекрасно понимала, как далеко она бьет и что в результате, но увидела на практике и совсем другое впечатление. Это все равно, что читать Справочник, а потом воочию увидеть, что такое вампир в бою. Против Народа такое применять нельзя – нечестно, но почему не использовать против чужаков?

Я закончил рассказывать ту страшную историю с вампирами, откинулся на спинку стула и постарался расслабиться. Пока рассказывал, совершенно произвольно организм отреагировал на злость и начал подготовку к перекидыванию. Недаром Черепаха все время нудила про необходимость постоянного контроля.

– Да, так вот, – продолжил я спокойно, – белые сами были виноваты в том, что произошло. Им нужна была земля и то, что в ней. Золото, серебро и прочие природные богатства. У нас тут совсем другая ситуация. Пока люди из Зоны выбо-

ругаются и так размножатся, что им земли хватать не будет, еще очень много воды утечет. А Народ с равнин почти не выходит – он самодостаточен, замкнут на себя и совершенно не желает расширять ареал обитания. Нет, и не будет в ближайшие годы конфликта. Я, конечно, супермен, – я подмигнул, – но слишком мало прожил в Зоне и никого почти не знаю. Мне нужны люди, на которых можно положиться и которые будут заинтересованы. Убирайте со стола, будет маленькая демонстрация.

Лена встала и начала собирать тарелки. Я повернулся к двери и негромко позвал:

– Мави. – Дверь моментально открылась и появилась хитрая усатая морда. – Тащи сюда сумку, ту самую.

Она кивнула и ушла.

– Ты что, слышал, что она за дверью? – удивился Рафик.

– Сторожит, – усмехнулся я. – А заодно и подслушивает. Кошки – они такие. Ага, – принимая сумку у Красавицы и выкладывая ее на стол, сказал я. – Играет марш, трам-пам-пам, – и вывернул ее содержимое на общее обозрение.

– Твою мать, – с тоской сказал Рафик, глядя на кучу Вещей. – Ищешь, копаешь – едва на жизнь хватает, а тут приходит новичок, ничего не соображающий, и демонстрирует такое...

– А теперь играет оркестр, – сообщил я, – и напел «Люди гибнут за металл...»

– Поешь ты фальшиво, супермен, – насмешливо сказала

Лена.

– Это не главное, – разгребая кучу и доставая со дна большую металлическую коробку, ответил я. Зацепил ногтем край крышки и открыл: – Смотрим и удивляемся.

– Удивил, – после паузы сказала Лена. – Можно? – Она осторожно взяла в руки. – «Молния», – восхищенно подтвердила она, – точно как в описании. По цвету полная.

– Дай сюда, – вырвал у нее из рук Рафик. – Обалдеть, и там такого много?

– Нам, – подчеркнуто сказал я, – хватит. – Ну как, работаем в доле? Компания с ответственностью. Вы мне обеспечиваете прикрытые. А я вам десять процентов от продажной стоимости, – я кивнул на сумку. – Будет еще, это не последнее.

– А мои ребята?

– Нет. Возьми среднюю сумму, сколько они имеют, умножь на два. Их заработок – твое дело. Оружие, лошади и всякая необходимая амуниция – можно договориться, но чем меньше они знают, тем лучше. Нам совершенно не нужно, чтобы кто-то проболтался и дошло до эльфов. Не согласятся – отдай раскопки, пусть сами работают. Если надо кого-то дополнительно привлечь, им подробности тоже знать не нужно, – работают на зарплате. Только вы и я.

– А ты, Леха, не думал, что лучше тебе с Кулаком поговорить? У него и возможностей больше.

– Думал, – легко согласился я, – но не хочу. Вы мне дру-

зья, а он, в лучшем случае, деловой партнер. Если дойдет до каких-то проблем с властями или эльфами – кинет и не задумается.

Рафик медленно положил «Молнию» и отошел к окну. Задумчиво глядя на стол, он сообщил:

– Как раз друзья-то и кидают. Из жадности.

– А я рискну. А ты?

Неожиданно расплакалась Оля. Все время дети спокойно спали в обнимку, но сейчас она решила напомнить о себе.

– Что такое, – заворковала Лена, беря ее на руки. – Что у нас не слава богу?

Найденыш тоже проснулся и, засунув палец в рот, стал изучать, как положено обращаться с детьми. Я принял его изрядное удивление. «Ага, – подтвердил мысленно, – тут тебе не там. Будешь так себя вести, вырастешь слабым».

Найденыш задумался. Что там из него вырастет, пока было не понять, но маг получится сильный. Образы ловил ментально, а вот говорить пока не желал. Сравнить, насколько умнее нормального ребенка, я не мог при всем желании. Не было у меня опыта общения с малолетними детьми раньше, не считая Таньки, от которой, пока она была маленькой, я стремился смыться. Тем более такого, когда ребенок явный эмпат.

– Ладно, – сказал я вслух. – Утро вечером мудренее. Обсудите без меня, может, что умное придет в голову. А мы пойдем спать. Мави – на улицу. И не обижай Зою – ты в гостях. –

Кошка отчетливо расплылась в улыбке и гибко скользнула мимо, совсем не случайно зацепив меня боком. Я придал ей ускорение толчком ногой в зад, чтобы знала, кто начальник. Дело абсолютно привычное и обид не вызывающее. Потом поднял с пола Найденыша и, повесив на плечо сумку с ценностями, вышел.

Черепаша спокойно спала, разлегшись поперек кровати, даром что та для нее непривычно высокая. Одежда аккуратно сложена на стуле. Я проверил – ноутбук она выключила. Потом привычно уселся на пол и вошел в транс. Двадцать-тридцать минут в таком состоянии, прогоняя все происходящее за день и снова прокручивая сомнительные моменты. Потом по очереди отработал каждую группу мышц, профилактически проверил правильность работы органов и отсутствие заболеваний. Главное, не сачковать ни по каким причинам, говорил Старик. Если что-то плохо, надо об этом знать заранее, а исправить никаких проблем. Слово «сачковать» Старик, естественно, не знал, но смысл у его речей именно такой.

Он почти год делал мне дырку в голове, заставляя изучать внутреннее строение организма и его реакцию в разных ситуациях. И не всегда это приятно, лучше всего изучать подобные вещи, испытывая их воздействие на себе в ослабленной форме, после чего проводить лечение. Хорошо еще, что в большинстве случаев не требовалось делать это путем проб и ошибок, медленно и болезненно, чтобы выяс-

нить, что именно не так и каким образом следует проводить лечение. Рецепт имелся уже готовый, и Старик наблюдал за процессом со здоровым интересом естествоиспытателя.

С каждым разом его наука становилась все обыденнее и теперь вместо напряжения и усталости давала ощущение хорошего самочувствия и уверенности в собственном непрощибаемом здоровье. За два года я так и не обнаружил ничего существенного, за исключением ран и попытки отравления. Организм честно выполнял свою работу, устраняя мелкие недостатки без команды. В любом случае, когда я перекидывался в другую форму, подобные знания совсем не лишние. Без постоянных тренировок могли возникнуть проблемы – далеко не вся химия человеческого тела соответствовала звериной.

Я закончил свои тесты, встал, разделся и, отодвинув Черепаху на другой конец кровати, завалился спать. Девушка, не просыпаясь, прижалась ко мне. Иногда обычаи обратной довели меня до белого каления. Они считали совершенно нормальным посторонним людям прижиматься, трогать друг друга и спать в одной постели голыми. Это что-то бессознательное, как щенки, которые вечно возятся вместе и, если их лишить общения, впадают в депрессию. Но я-то был человек – хотя бы психологически. За два года невозможно избавиться от некоторых предрассудков, тем более чисто рефлекторных. Спать в одной постели с голой девушкой и ничего при этом не предпринять, нормальным не считал, но

как раз делать ничего и не хотел.

Прекрасно знаю, что Черепаха только обрадовалась бы, но еще и очень хорошо знал своего друга с красивым имечком Пинающий Медведь, пришедшего ко мне одним из первых, который имел на нее очень определенные виды, и не хотел его обижать. На самом деле, несмотря на присутствие слова «медведь» в имени, он был волком, зато пинать умел просто замечательно, выступая у меня наряду с Живым основным спарринг-партнером в тренировках с холодным оружием, и изредка в волчьем виде. Меньше всего мне были нужны проблемы с ревностью. Не хотел я брать Черепаху, но на эльфов должен был глянуть хороший маг, а сильнее нее в Клане никого не было. Койот официально приняла клятву, связав себя с Кланом, но в последнее время безвылазно сидела возле Старика.

Какая бы он ни был большая сволочь, а он именно таким и был, для меня лично и для Клана он сделал много. За одну помощь в освоении коротких дорог я вполне мог бы простить все остальное. Он совсем плох, а с его смертью пауки могли повести себя непредсказуемо. Тогда надо будет унести ноги всему Клану, и именно для создания запасной базы и приехали.

Встал я рано и первым делом отправился проведать лошадей. Это в автомобиле можно выключить двигатель, вытащить ключи и, хлопнув дверцей, идти по своим делам. Ло-

шади требуют внимания и регулярно еды и воды. Да и желающие спереть единственное стоящее средство передвижения – что на равнинах, что в Зоне – всегда найдутся. Одна радость – лошадиных оборотней не существует, а то были бы большие проблемы. Ездить на себе такие бы ни за что не позволили, а любых неразумных родственников оборотни целенаправленно убивали.

Так что лошади к общему облегчению оставались рабочей скотиной – в меру умной и послушной хозяину. Впрочем, очень ценной, и оборотень, вздумавший засунуть в рот лошади железные удила и рвать ей рот, быстро бы получил по ушам от всех знакомых и не знакомых. Можно использовать только мягкие, кожаные, а самые хорошие наездники прекрасно обходились и вовсе без них. Обучение верховой езде у Народа начиналось с раннего детства, существовали даже особо ценимые Мастера своего дела, занимавшиеся по совместительству еще и разведением лошадей. Так что и сейчас за моей спиной улыбались и отпускали ехидные замечания.

Прыгун при виде меня явно обрадовался и требовательно полез к карману. Кусок хлеба, прихваченный мимоходом на кухне, он осторожно взял с руки и довольный принялся жевать. Лакомство достаточно редкое. На равнинах пшеницу почти не выращивают, причем из принципиальных соображений, запрещающих портить степь. А поля возле рош небольшие, и до следующего урожая зерна всегда не хватает.

– Что, Зоя, добавили мы тебе работы? – не оборачиваясь,

спросил я.

Уж что-что, а появление живого существа в паре метров от себя я пропустить не мог. До лучших воинов мне еще долго расти, но это уже на уровне рефлексов – требование постоянно быть настороже.

Она появилась рядом моментально, и вопросы больше не требовались. Сразу пришла уверенность, что ничего в этом сложного нет, а домовые для того и существуют, чтобы обиходить домашних бессловесных животных и следить за порядком в доме. Лошади вычищены, накормлены и напоены.

Зоя жестом «внимание» из языка сигналов обратной привлекла меня и начала очень быстро передавать – пальцы только и мелькали. Некоторые движения незнакомые, но по общему смыслу легко было догадаться. Иногда она, понимая, что до меня не дошло, повторяла все еще раз.

– Мы – то, что мы есть, и другого нам не дано. Ты уже не человек, но думаешь как они. Мне приятно, что ты помнил меня и весь мой род и даже думал, как сделать, чтобы нам всем было хорошо, и подарок твой приятен. Но это невозможно. Давным-давно, когда наши прародители еще были в силе, они хотели сделать себе помощников. Было два направления. Одно – вы, идеальные солдаты. Другое – мы. Помощники по дому. Вы хищники, которые не мыслят жизни без смертей. Мы заботимся о хозяйстве, и для нас убийство – это последнее из возможных действий. Мы слишком разные. А, кроме того, дерево-дом абсолютно не нуждается в на-

шей заботе. Оно само способно сообщить о своих нуждах и требованиях. Домовые ему без надобности. Рано или поздно неизбежен конфликт, а мы этого не любим и не хотим. Нам проще уйти от плохого хозяина, чем выяснять, кто прав. Домовой прав всегда, потому что он не может по-другому. Он знает, что нужно, чтобы в доме были довольство и порядок. С вами, такими как вы есть, мы просто не сможем ужиться. Значит, не надо и пробовать.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

– Ты можешь объяснить, откуда ты знаешь, кем я стал, и откуда ты знаешь об оборотнях? – с удивлением просигналил я, не пытаясь говорить вслух.

От нее пришло ощущение ласкового поглаживания по голове. Не то ребенка утешала, не то собаку почесала. Пальцы опять задвигались.

– Мы самые первые. Мы многое помним еще с тех времен. Помним и первых беспомощных оборотней, которые только появились на свет. Помним разные эксперименты. Нас никогда не стеснялись и никогда от нас ничего не скрывали. Что-то мы понимали, что-то нет, но физически не можем предать хозяина или разглашать его тайны. Такие мы есть. Поэтому и знаем многое, но дальше нас это не пойдет. В нас это заложено изначально, и жить самостоятельно не можем. Когда-то нас было несколько видов, но постепенно мы вымирали, потому что прародители погибли и некому стало служить. Приход людей для вида домовых – это большая удача.

Они совсем не лучшее, что можно себе представить, но много лучше, чем было большинство прародителей. Нас очень мало, но численность медленно растет, и мы всегда будем на их стороне. Ты понял? Не на вашей. Вы младшие. Жестокие и часто злые, как бывают дети. Даже конь у тебя специально приучен лягаться и кусать чужих.

«Естественно, – подумал я, – он же боевой жеребец, а не тягловая скотина».

– Он, что...

От нее пошла такая волна насмешки, что я сразу понял глупость вопроса. Не родилась еще такая домашняя живность, с которой домовый справиться не сможет.

– Есть шанс, что от такого, как ты, станет только хуже, – жестом показала снова она, – но возможно и обратное. Мы можем видеть будущее, но слишком близко, и у него несколько вариантов. Ты не первый такой. Есть и другие, и от одного пришла удача.

– Эльфы?

– А это ты узнавай сам. Вмешиваться мы не будем. Мы служим, а не командуем.

Она улыбнулась и исчезла. Очередная демонстрация, что разговор окончен.

«Ха, – сообразил я. – Птицы поплыли, рыбы полетели, и Солнце остановилось в зените». Никогда и ни от кого не приходилось слышать, чтобы домовые по собственной инициативе закатывали «речи» с такими интересными подробностями.

стями. Язык жестов в принципе можно приравнять к речи, и никто меня теперь не убедит, что при желании домовые и по-русски заговорить не сумеют. Понимать, так точно понимают. Зое вполне до сих пор хватало передачи эмоций и образов. А тут явное желание точно донести мысль. И очень интересную мысль: есть здесь еще перевертыши, кроме меня. Что Старик говорил, так это не одно столетие прошло, а намек был достаточно ясный. Он есть, а не был. Четко настоящее время. Но только попробуй такого найти, если он не захочет.

Она видит то, что называется «тень оборотня», и сразу вычислила меня. А у меня четкой тени нет, я-то знаю. Это раз. Значит, она, скорее всего, может и любого меченого вычислить и, возможно, знает, что именно он может. Мне бы так!

Они видят будущее, это два. Что такое «близко» в их понимании – неизвестно. Может, день, а может, год или десяток лет. Если вдруг она не захочет меня пускать в дом, значит, я стал опасен для жильцов. А вот сейчас нет. Не может быть, чтобы не знала, о чем вчера вечером беседовали, тогда бы не стала разговаривать. Знает и именно поэтому предупредила. Мы, значит, хищники и потенциально опасны. Кто бы сомневался – такие и есть. Зарубить себе на носу: если в доме есть домовый – надо внимательно присмотреться к его поведению. Если я опасен для хозяев, это еще не значит, что они первые не начнут. Домовому без разницы, его задача бе-

речь, а здесь интересная тонкость.

Они много должны знать, это три. Вот и еще одна задача на будущее – собрать все, что известно людям о домашних. Скорее всего, мизер. Даже Лена толком ничего не знает, одни слухи, но посоветоваться стоит. Кто бы мне еще пояснил, как Зоя исчезает и почему я ее живозапаха не чувствую? Вполне себе живая, теплая и материальная, еще два года назад убедился. Значит, умеет закрываться от меня или вообще постоянно ото всех. Очень любопытно. Нет уж. Не знаю, на что ты рассчитывала, но с племенем твоим я хочу познакомиться поближе.

Глава 13

Договор с Кулаком

Все уже собрались на кухне и завтракали остатками вчерашнего, включая и Красавицу, которая развалилась на пороге и ковырялась в специально поставленной для нее миске, выбирая куски повкуснее.

– Кто разрешил? – останавливаясь возле нее, спросил я.

– Лена, – торжествуя, мякнула она.

– Хозяйка не знает наших законов, – пояснил я на Языке Народа. – Она думает, что ты вроде большой домашней кошки. А ты не член их семьи. Так что встала и пошла во двор.

Она обиженно уставилась на меня:

– Я ж не могу миску взять!

– Черепаха, – не повышая голоса, сказал я, и когда она повернулась в мою сторону: – Ты только мне разъясняешь традиции и законы, других это не касается?

Черепаха молча встала и, взяв миску, вышла за дверь. Мави демонстративно отвернулась и пошла следом.

– Сурово, – с уважением сказал Рафик, – а что ты им сказал?

– То, что они и так прекрасно знают, – садясь за стол, ответил я. – Ей не место в доме. Есть определенный этикет. К родственникам можно заходить свободно, у друзей положено спрашивать разрешение, а если предлагают чужие – надо спросить разрешение в семье.

– И где у нее родственники? – недовольно поинтересовалась Лена.

– Я у нее родственник. Опекун, отвечающий за поведение. Нарушение правил с ее стороны пачкает мою белоснежную репутацию. Вчера я ей ясно сказал – кушать на улице.

– То есть я не могу пригласить ее в свой дом?

Я посмотрел на нее внимательно.

– Ты можешь все что угодно, но есть определенные правила и выдумали их не из вредности. Это не симпатичный котенок, которого можно таскать за хвост. Впрочем, даже кошку не стоит раздражать – поцарапать может. А Мави гораздо опаснее. При всем своем уме в некоторых отношениях она остается опасным хищником, который может убить одним ударом. У нее работает сигнализация на «свой-чужой»,

а вы не знаете, что можно и что нельзя в общении с ней. Мы – гости, и только поэтому она еще не сломала что-то. В гостях положено вести себя прилично, если нет обратного указания. Но для своих она может быть очень назойливой и доставучей. Попробуй дать ей пинка – и останешься без ноги. Пинки раздавать имею право только я.

– И за что тебе такая привилегия?

– За то, – сообщил я, намазывая хлеб маслом и вытаскивая с тарелки засохший кусок сыра, – что я спас ей жизнь. Были бы у нее другие кровные родственники, она бы могла уйти к ним, но она в семье последняя и добровольно признала меня Вожаком. Если она захочет уйти – это ее право, но пока нет, будет подчиняться. Иерархия, ребята, – чтобы это понять, мне понадобилось намного больше года. На тебя все время смотрят и оценивают. Мой учитель вбивал в меня послушание палкой. Это не шутка. Именно палкой. Я дал слово, не очень понимая, что это значит. Они – знают. За нарушение приказа можно и убить без всяких последствий.

– Вот за то, что не послушалась? – недоверчиво переспросила Лена.

– Ну, не так буквально. Я Зверь, но я все-таки не зверь. Все зависит от поступка, но наказание будет обязательно. Тут главное, чтобы не столько больно было, сколько обидно. Каждый должен знать свое место в семье и верить, что вне ее старший встанет на твою защиту.

– Ты иногда как баран, – сердито сказала Койот. – Что в этом сложного? Транслировать во всеуслышание можешь, а обратиться к одному – нет. Представь себе мое лицо, сосредоточься и направляй мысли только в мою сторону. Представить можно, даже не видя, но на первый раз берешь за руку для лучшего контакта. Я сказала сосредоточиться, а не корчить идиотскую рожу!

– В чем дело? – резко спросил я, обращаясь к своим приемным сыновьям. Они вошли и, стараясь не обратить на себя внимания, попытались скользнуть вдоль стены. Не особо утруждаясь, я окрестил их Первым и Вторым, пообещав дать новые имена при совершении заслуживающего такого действия поступка. Девочка, естественно, стала Третьей.

Сейчас оба имели изрядно помятый вид, а у Первого под глазом наливался красивый фингал.

– Сюда!

Они подошли и встали на колени. Внимательно разглядев детей, я заметил непорядок.

– Где нож? Я тебя спрашиваю, Первый!

Нож у оборотня – это не детская игрушка. Его получают в девять лет, как только входят в возраст подростка. Девять лет – это тот момент, когда начинаешь перекидываться. У одних это случается раньше, у других позже. Все зависит от физического состояния. Так что нож – знак определенного положения. Отсутствие ножа – серьезный косяк и признание подчиненного положения по отношению к любому сверст-

нику, и даже к младшему, если у того нож есть. Они дарятся главой семьи и несут на себе знаки принадлежности к семье, роду, племени. Второй как раз входил в возраст, когда я так неудачно заехал в их рощу, и поэтому свой нож еще не получил.

– Кабан напал, – начал что-то бормотать он.

– Четко и ясно, что случилось.

Второй поднял голову и, уставившись мне в лицо, заявил:

– Кабан, сын Вздыбленного Коня, напал на нас. Он сказал, что мы теперь не из рода Волка, потому что ты не пойми кто, и Первый не имеет права на нож. Мы дрались, но ему уже пятнадцать, и он отобрал нож. – Он замолчал и продолжал смотреть с вызовом мне в лицо.

«А из этого будет толк, – довольно подумал я. – Настоящий волчонок».

– Ну, – спросил я уже вслух, – и почему мне не попытались сказать сразу?

Оба молчали. Впрочем, и так понятно, пока что я для них не пойми кто, да еще не слишком обращающий на них внимание.

– Приведите себя в порядок и ждите здесь, – сказал я, вставая. – Может, я и не лучший отец для вас, но уж какой есть. Подраться – это нормально, и можно не рассказывать, но это не просто драка, это оскорбление всех нас. Ты что, думал такое скрыть? А кто ты без ножа вообще? Сами придумайте себе наказание за глупость.

Была бы нормальная дверь, обязательно бы, выходя, хлопнул на прощание.

Я остановился у дерева Вздрыбленного Коня и подозвал какого-то мелкого, возившегося рядом.

– Хозяина знаешь?

– Конечно, – отозвался он.

– Позови.

Я терпеливо ждал десять минут и уже начал раздумывать, не стоит ли наплевать на традиции и отправиться самому, когда Конь появился. Это был стандартный экземпляр оборотня за два метра ростом и килограммов на двадцать тяжелее меня, со сломанным очень давно носом и пудовыми кулаками. Небрежно ковыряясь в зубах, он уставился на меня и изрек:

– Что надо?

– Твой сын посмел отобрать у моего нож, подаренный после окончания детства. Это оскорбление для моей семьи. Так ведут себя псы, а не волки. У него нет понятия о правилах жизни Народа. Я пришел требовать извинений и виру.

Он аж подавился от негодования.

Вокруг стали собираться внимательно слушающие оборотни. Начиналось представление, а развлечений на равнинах, кроме войны и воровства лошадей, немного.

– Ты будешь учить меня традициям?! – дико завопил Конь. – Что ты знаешь о них? Да кто ты такой? Чужак! Тебе

вообще здесь не место!

Наверное, он думал, что я, как принято, начну орать в ответ. А может, вообще не думал. Не похоже, что у него было много мозгов, я ведь пытался решить вопрос по-хорошему. Так что, не дожидаясь, пока из открытого рта выльется еще что-нибудь, я пробил ему двойку в челюсть и солнечное сплетение. Конь сложился как перочинный ножик и упал.

– Нож можно забрать только у пленного или убитого, – спокойно сообщил я публике. – Пленному не положено, а убитому он не нужен. – И повернулся к поверженному: – Ты объяснил это своему сыну? Нет? Ты не знаешь, в чем состоят обязанности отца и воина. – Я с размаху пнул его ногой в живот и торопливо отодвинулся, когда Коня бурно вырвало. – Или ты объяснил, но у тебя такой дебильный сын? За его поступки придется ответить тебе. – И я добавил еще раз. – Если воин оскорбил другого воина, – все так же для окружающих продолжил цитировать я, – он обязан ответить за свой поступок.

Хорошо иметь абсолютную память. При желании я мог бы сообщить и массу оговорок в данном правиле, выясняя, что такое оскорбление, но сейчас это не мое дело. Он нарвался, и я вправе забить придурка, если он не признает свою глубокую ошибку.

– Первое правило, – продолжил я нараспев, как учат детей, – за все нужно платить. Второе, – нагибаясь и вынимая из ножен на поясе Коня его клинок, – платить можно по-

разному. – Я воткнул лезвие в стену и, напрягшись, сломал нож. – Третье: не желающий признать поражение, сам виноват в своем упрямстве. Умей оценить силы. Ты вставать собираешься? А признать, что виру теперь определит не паук, а я? Ну, как хочешь, – заявил я на его молчание, хоть и не был уверен, что он способен был сейчас хоть что-то понимать, и, взяв за шиворот, начал поднимать для дальнейшей показательной экзекуции.

Из толпы в мою сторону кинулся молодой парень. Пришлось уронить Коня и резко отодвинуться, иначе непременно очередной нож распорол бы мне живот. Парень по инерции проскочил мимо, а я перехватил руку и ударил под колено сзади, так что он воткнулся носом в траву.

– А ты, видимо, Кабан, – обрадованно сказал я и резко дернул зафиксированную руку вверх. Кость отчетливо треснула, и он потерял сознание.

– Вы видите, насколько отвратительно воспитание в этой семье? – патетически воскликнул я. – Двое воинов выясняют свои мелкие проблемы, а этот, – я наступил на левую руку и демонстративно начал давить пальцы, стараясь их переломать, – кидается с ножом без предупреждения. А я настолько мягкосердечен, что даже не убил его. – Нагнулся и подобрал нож Кабана. Второй клинок вытащил у него из-за пояса. Проверил клеймо, чтобы убедиться, что это нож Первого, и, выпрямившись, ударил ногой по левому локтю, ломая и вторую руку.

Расталкивая оборотней, сквозь кольцо стоящих вокруг нас, торопливо протиснулся паук.

– Что происходит? – спросил он.

– А, Белоглазый, – демонстративно называя его по имени, «обрадовался» я. Благодаря Черепахе, исправно сообщаящей мне подробности жизни в роще, я прекрасно знал, что он и есть наш главный здешний недоброжелатель. Скорее всего и подзуживал это семейство. – Скажи, это так принято в этой роще, нападать на Суде чести сзади, вмешиваясь в поединок, кидаться с ножом без предупреждения, отбирать нож, подаренный после детства, оскорблять чужую семью? Ты что-то плохо следишь за соблюдением традиций.

– Я разберусь, – пообещал он. – Но сейчас ты уйдешь.

– Нет. Мы разберемся здесь и сейчас. Я пришел к Вздыбленному Коню и хотел решить проблему спокойно. Теперь я хочу справедливости. Отобравший нож должен лишиться его. Да или нет?

– Я должен проверить, – выдавил он через силу.

– Напавший с ножом без предупреждения... Что говорит закон?

– Он будет наказан.

– Я его *уже* наказал, – сообщил с нажимом. – Что говорит закон?

Он молчал.

– Хорошо, проверь... Меня бы устроило признание его военной добычей.

За спиной кто-то громко заржал. Мы достаточно просидели в роще, чтобы знать, что третий по силе в роще, Вздыбленный Конь, со своим сыном очень многих достали до самых печенок. Во взглядах волков, окружающих нас, присутствовала явная радость от их унижения. Я не требовал смерти, но при желании мог устроить им жизнь хуже смерти, а при малейшей провинности безнаказанно убить.

– А Вздыбленный Конь заплатит виру. Ты очень хорошо проверишь, сколько коней он мне должен, потому что если меня цена не устроит, я обращусь в Совет пауков. Он назвал меня чужаком.

Я повернулся и пошел к себе. Обратни торопливо расступались, уступая дорогу.

– Ну, – спросил я, садясь по-турецки напротив своих сыновей, – что надумали?

Они привели себя в порядок, почистив одежду, помывшись и причесавшись, и теперь послушно смотрели мне в подбородок. Койот сидела все в той же позе, как будто и не двигалась, но явно была в курсе происшедшего. Койот – это вам не Кашпировский. При желании она могла посмотреть глазами любого животного, но большинство из них близзурки и полагаются больше на нюх. Зато в небе все время висел ястреб.

– Правильным будет меня выпороть, – вздохнув, сказал Первый, глядя, как я положил перед ним его нож. Втыкать в пол острие – значит, показать очень плохие манеры. Дере-

во-дом может обидеться.

– А почему только тебя?

– Я старший и должен отвечать. Он младший и дрался тоже. Его вины в поражении нет.

– Не за то вас положено пороть, что проиграли. Это с любым случиться может. А за то, что промолчать захотели. Если бы Кабан просто начистил вам морды, я вмешиваться бы не стал. Учитесь думать, где кончается выяснение – кто сильнее, а где начинается оскорбление семьи и Клана. Детские игры для вас кончились. С завтрашнего дня я займусь вами всерьез. Будет вам вместо порки мужское воспитание. Спать идите.

Они переглянулись и послушно встали.

– А... – подал голос Второй. Лицо его неожиданно поплыло, и он снова упал на пол.

Я вскочил и нагнулся над ним.

– Быстро возьми его на руки, – взволнованно сказала Койот. – В первый раз это бывает, когда перенервничают. Входи в транс и нащупай его сознание, надо помочь. Я не могу – я другого вида.

Я отсекал все лишнее и вошел в абсолютную пустоту. Сознание медленно плыло по огромному пространству. Где-то рядом бился испуганный ребенок. Я приблизился и коснулся его. Ребенок замер и нерешительно тронул меня в ответ. «Все будет хорошо», – пообещал я, прижимая его к себе и перегоняя энергию. Для Старика с Койот использовать меня

вместо фокуса, сливаясь разумом, было делом привычным. Для меня – первый самостоятельный опыт. Страх, предвкушение, надежда – все это шло через меня, и надо было сделать изрядное усилие, чтобы он почувствовал мою уверенность и перестал бояться. «Смотри, как надо», – подумал я и начал помогать ему перекинуться...

Голова Алексея дернулась от удара.

– Вы что, спать оба собрались? – зло спросила Койот. – Так и помереть можно. Учись контролировать, сколько силы отдаешь.

Я сидел на полу и держал на руках маленького волчонка. Он посмотрел на меня, повернув голову, открыл рот и облизал руку.

– Ты, – повернулась Койот к Первому, – быстро за едой.

Тот тут же сорвался с места и унесся с топотом.

– Спасибо, – неожиданно услышал я в голове.

– А ты молодец, что понимаешь, – одобрительно сказала Койот и погладила волчонка.

В комнату вбежал Первый и торопливо сунул брату под нос миску с нарезанным мясом. За ним появилась Третья и стала его тоже обнимать, мешая нормально есть.

– Я что-то не знаю? – тихо спросил я.

– Ты ничего не понял, – так же тихо ответила Койот. – В первый раз при переходе в боевую форму всегда больно и неприятно, и потом слабость. Если тебя любят и обнимают

– это легче. Вся семья собирается вокруг. Но когда случается вот так неожиданно, из-за нервов, или оборотень ослаблен голодом, болезнью, ранами, он может умереть. Тут и паук не всегда поможет, если поздно позовут. А ты умудрился столько в него собственной энергии перекачать, что он ничего не почувствовал. Раз-два – и переход. Мы и по часу мучаемся. И потом тоже лучше в куче посидеть – так легче. А заодно ты дал ему что-то, я не поняла что, но вы теперь без проблем можете говорить мысленно. Потом разберешься и запомнишь как. Интерес в том, что считается, чем легче первый переход, тем сильнее оборотень будет физически и тем больше у него шансов вырасти в сильного паука. У меня теперь есть возможность проверить. – Она подумала. – А может, и повторить.

– Сука ты, что, предупредить нельзя было?

– Я не сука, а самка. Суки у волков, а мой род – приматы, – свысока пояснила она. – А предупредить нельзя, даже роды не бывают минута в минуту, а перекидывание угадать невозможно. И вообще, – искоса глянув на меня, сообщила Койот, – я тебя пыталась нормально учить, а что толку? А теперь сам освоил.

– Так, – сказал я, отодвигая детей и разглядывая волчонка. – Всё на месте – голова, лапы, хвост. Зубы покажи. – Он открыл пасть. – Зубы тоже острые, да и масть подходящая. Ты у нас теперь будешь Неждан. – Я взял его за загривок и понес в постель. – Сегодня все спят вместе. Если захочешь

во двор, разбудишь меня – сам не ходи. Завтра пойдем с тобой к кузнецу – заказывать для тебя нож. Всем спать.

Вошла Черепаха и села напротив.

– Тебе тоже, – сообщил я ей, – положено наказание. Следить надо за правильным поведением. Помоешь потом посуду.

– Это так ужасно? – весело спросил Рафик и чуть не подавился под ее гневным взглядом.

– Я тебе как-нибудь в другой раз объясню, в чем проблема...

Я повернулся к Черепахе.

– Все в порядке, – поспешно отрапортовала она. – Найденыйш уже накормлен и оставлен во дворе под присмотром. Мави сидит рядом, Зоя тоже.

– И где в этом случае наше место? – настороженно спросила Лена.

– Значит, вы согласны?

– Ты все-таки сначала ответь.

– Что тут, собственно, непонятно? Клан – это такая большая патриархальная семья, где глава может провинившемуся дать подзатыльник, выпороть его или выгнать на все четыре стороны. Но недовольный может потребовать выделить ему часть общего имущества и мотать самостоятельно на все те же стороны. Законом это предусмотрено. А вы – не члены Клана, а семья, которая находится с нами в дружеских отно-

шениях. В ваши дела никто вмешиваться не собирается, пока вы не лезете в наши. Семейные отношения – это вообще не публичное дело. Знаете, как бывает, когда муж с женой дерутся, а кто-то со стороны растаскивать принимается? Получит от обоих. – И, пристально глянув на обоих, спросил: – Вы согласны?

Рафик почесал в затылке и кивнул.

– Мы посоветовались и решили посмотреть, что получится. Ты можешь сказать конкретно, что, собственно, хочешь? Останавливаться у нас проездом? Так для этого не нужно десять процентов предлагать. Живите, никаких проблем, просто по старому знакомству, а вот разбираться с эльфами – извини. Мы их возможностей толком не знаем и рисковать не хотим.

– Эльфов мы отложим на потом, – сообщил я. – Сейчас я вам интересную Вещь покажу.

Черепаша торопливо убрала со стола посуду, сложила тарелки и кружки в раковину и, встав спиной к столу, начала демонстративно ее мыть.

Я достал из кармана куртки лист тонкой материи, из которой оборотни делали одежду, сложенный так, что он размером был не больше спичечного коробка, и расстелил его на столе. Ребята придвинулись, разглядывая выжженные «Иглой» линии, и моментально уткнулись в разные концы карты.

– Намучился я сильно, стараясь максимально точно пере-

нести все подробности и соблюсти масштаб. Для рейдера – это клад.

– Очень интересно, – пробормотал Рафик. – Вот это Дунай, большая излучина, на которой должен быть Славянск... ни фи́га не обозначен. Это все вполне знакомо, но наши карты кончаются вот здесь, – он черкнул пальцем, – а тут у тебя и выход к морю, и впадающие реки, и даже горы обозначены.

Лена оторвалась от прокладывания маршрута в одном ей известном направлении и с досадой сказала:

– Можно было путь срезать, а не идти по течению. А эти точки что значат?

– А это обозначены места, где были города. Это не современная карта, а копия древней. Есть шанс, что и реки не вполне там проходят, и она вообще не совсем точна. Зато легко найти места, где копать. Но мне, собственно, нужно не это. Если я правильно понимаю, вот здесь, – я показал, – кончается славянская Зона и где-то километров через двести, ниже по течению, вплоть до моря, находится французская. Между нашей и французской на нейтральной территории в Дунай впадают две довольно большие реки. Теперь смотрите внимательно. Поднимаемся по второй, сворачиваем налево в приток, еще один приток, и, не выходя в Дикое поле, выплываем в интересное место, где сходятся две реки. Получается равнобедренный треугольник со сторонами почти в тысячу километров. Вот здесь реки уходят в лес – и между ними что-то около трехсот. Чашобы с болотами нам пока без

надобности, разве что в будущем.

Я поднял голову от карты и сказал:

– Вопрос – что или кто находится на реках и что или кто есть на равнине? Мне нужно организовать экспедицию, которая проверит правильность карты, исправит и уточнит, если необходимо, и проверит – можно ли заселиться в междуречье. Есть там что-то опасное или нет. Если нет проблем, экспедиция должна застолбить землю, чтобы не только французы, но и, извините, славяне знали, что это частная собственность. Что для этого требуется – бумаги, оплата или налоги? Как это необходимо правильно оформить? Мне совершенно не нужны проблемы через несколько лет или даже десятилетий, когда туда полезут чужаки. Берешь своих проверенных рейдеров и, не заморачиваясь проблемой, на что будете жить, если Вещей не найдете, – плывете совершать великие географические открытия. Штурман, прокладывающий безопасный путь, у вас уже есть, карта тоже. Сделаете копию масштабом побольше и будете дорисовывать надписи на пустых местах, типа «Здесь водятся чудовища».

Они переглянулись и улыбнулись друг другу.

– Времени у нас до весны. Обдумайте список необходимого, включая транспорт. За все плачу я. Есть и условия. Найдете что-нибудь – ваше дело, меня не касается, но вы не на раскопки идете, а для обследования местности. Все лишнее побоку, желательно вернуться до холодов с результатом. И без обид – идея и средства мои, значит, все, что находит-

ся там, тоже мое. Если что стоящее обнаружите, договоримся отдельно – чтобы никто камень за пазухой не держал. И еще она, – я кивнул на Черепаху, – пойдет с вами, а заодно и Мави. Как разведчику и охраннику в неизвестных местах ей цены нет. Будет необходимость, я постараюсь еще пару человек дать или волков, к примеру. Подумайте, лишними они не будут. Не хотите – как хотите, но Черепаха с Красоткой не обсуждаются.

– А ты не пойдешь? – почесав затылок в очередной раз, спросил Рафик.

– Я не могу, – с досадой отмахнулся. – Нельзя слишком надолго оставлять свое семейство без присмотра. Мне самому гораздо приятнее было бы новые места посмотреть, не думая, кто еще чего выкинет, но нельзя... Ладно, – собирая карту, сказал я, – мы с Рафиком сейчас отправляемся к Борису. Разговоры разговорами, но сначала деньги. А вы...

– Знаешь, – перебила Лена, – я с утра покопалась в своих записях по поводу рейдеров. Семнадцать лет назад ушла большая группа. Несколько десятков человек. Были и женщины. Никто ничего о них больше не слышал. Тебе же нужна легенда?

Я с сомнением посмотрел на внимательно слушающую Черепаху и спросил у Лены:

– И что, можно сказать, что ей шестнадцать? Вообще-то больше лет на десять...

– Не слушайте его, – заявила поспешно Черепаха. – Он

ничего не понимает. Надо – будет шестнадцать. – Она похлопала длинными ресницами и глупо улыбнулась, изображая малолетку.

– Ну, на такой возраст она не тянет, – ухмыльнулся Рафик, – но тяжелые условия жизни в глухой дыре и проблемы с меченостью. Запросто может сказать все что угодно – никто не удивится. Здесь считают дату совершеннолетия как раз с этого возраста, так что и эта проблема отсутствует. И кто там был?

– Да даже имена не все имеются. Только Череп, Пончик, Хулиган, Перекошенный, Интель и Волк.

– О! – радостно сказал я. – Самое то. Имя Мария вполне нормально для всех звучит, и дочь Волка – Волкова. Мария Волкова по кличке Черепаха, бегущая по предгорью...

– Можно просто Черепаха, – она засмеялась и, ткнув пальцем в меня, сообщила: – Ты со временем вторым Стариком будешь, даже из покойника пользу извлеч.

Лена посмотрела на нее, потом на меня.

– Мы что-то не понимаем...

– Никаких тайн, она из рода Волков. Так что ей понравилась. Вчера нашего Волка увидела и забалдела. Нож покажи, – обращаясь к ней, попросил я. Черепаха достала свой тесак и повернула так, чтобы было видно клеймо – волчья голова. – Любая вещь, в роду сделанная, метится знаком. Вот это, – я показал на пряжку на ремне – знак Клана. Чужак, если не докажет, что имеет право носить вещи с чужим рисун-

ком, очень больно получить по ушам. Это не касается только оружия – трофейного, купленного или подаренного.

– И почему красная ладонь?

– Потому что пять пальцев у всех и кровь одинаково красная. – И видя, что они не поняли, быстро съехав со скользкой темы, где без подробностей об оборотнях не обойтись, продолжил: – Объяснением символики и в чем разница между разными клеймами и знаками я как-нибудь потом займусь. Это на пару дней как минимум. Знаете, – вставая, добавил я, – пообщайтесь тут без меня с Рафиком в чисто женском коллективе. А мы поедем...

Мы въехали в Форт и прямо направились к конторе. Солнце было уже высоко, и между хозяйственными постройками мельтешили люди. Многие здоровались с Рафиком и с любопытством разглядывали меня. Я еще раз порадовался, что переоделся, оставив дома свой наряд от оборотневых модельеров, а Лену попросил заняться Черепахиным внешним видом. И так каждый человек на виду – незачем раздражать подобными дорогими костюмчиками.

Впрочем, старая одежда на меня не налезала. Умом я и раньше понимал, что изрядно накачался физически от этой беспокойной жизни и постоянных тренировок, но когда рубашка лопнула по шву при попытке застегнуться, слегка растерялся. Пришлось доставать какие-то старые Рафиковы тряпки. Он всегда был объемнее меня, и рубаха с брюками

вполне подошли, но вид их категорически мне не нравился.

До меня вдруг дошло, что я привык к определенному состоянию и очень высокому качеству вещей, и в последнее время редко задумывался над проблемой отсутствия стиральной машины. Одежда была чистой, еда появлялась на столе бесперебойно. Все это как-то делалось помимо моих указаний, притом, что понятия «слуги» у оборотней не было в принципе, а я принимал происходящее как должное уже давно. Хорошо быть начальником, но теперь еще одна забота появилась – разобраться, кто там такой ловкий возле меня появился. За моей приемной дочкой-волчицей таких талантов не наблюдалась, да и мала она еще.

Мы слезли с коней возле крыльца и привязали их в специально отведенном месте. Тут на меня буквально налетела какая-то девушка с радостным криком. Я осторожно ее отстранил и с удивлением понял, что это Даша. Она выросла за эти годы и выглядела уже не угловатой девочкой, а очень даже симпатичной рыжей девушкой, за которой табунами должны бегать парни. Конопушки, впрочем, сохранились. Живо-запах давал чистую радость и что-то еще, чего я понять не мог. Больше всего это походило на удовлетворение хорошо сделанной работой.

– Пойдемте, – сказала она. – Вы ведь к отцу? Я вас проведу.

Рафик за ее спиной удивленно поднял брови. Я пожал плечами. Когда тебе радуются – это приятно, но причин ни-

каких для этого я не помнил. Две встречи, одна из которых на уровне «здравствуй – до свидания», и помню я ее только из-за первой прочитанной мне лекции о жизни на планете.

Она провела нас мимо обсуждающих какие-то свои дела конторских и у двери в конце коридора сказала:

– Подождите здесь, – открыла ее и зашла.

– Столько чувства, – ехидно сказал Рафик, – стоит задуматься. Такая богатая невеста, и база под всю твою банду. Сколько там у тебя этих опасных детишек, которым убить, что высморкаться? Полторы сотни?

– Ей-богу не знаю, откуда такой темперамент. И меньше всего мне сейчас нужны проблемы с ее отцом.

– Заходите, – сказала Даша, – он ждет.

Кабинет местного «олигарха» не страдал роскошью. Кроме стола и стульев в нем ничего не имелось. Стол девственно чист, если не считать монитора компьютера и пепельницы, забитой бычками.

Он поднялся, нависая над нами своей мощной фигурой, блестя голым черепом и скалясь замечательной голливудской улыбкой в тридцать два белых зуба. Живопах четко доложил, что Борис уверен в себе и опасен, очень опасен. Ко мне он испытывал большой интерес и почему-то ревность. Там еще была масса нюансов, вроде здорового желания заработать и узнать что-то новое, но в целом запах приятен.

– С возвращением, – сказал он, пожимая руку. – Присаживайтесь. С раннего утра уже доложили, что к Безногому

прибыли гости. Да еще и не простые, а такие прикинутые, что странно, как вообще доехать сумели. Почему-то я сразу подумал про тебя.

– А что, Волк не рассказал, мы его встретили?

– Он еще не вернулся. Обходит дозором границы, а телефоны в Зоне пока еще не провели.

Предложив нам садиться, Борис вымолвил:

– Ну-с, господа рейдеры, сердце мне вещает, что неспроста вы прибыли, да еще и вдвоем. Показывайте.

Я достал коробку, поставил на стол и открыл крышку. Он долго смотрел, не касаясь, с совершенно невозмутимым лицом. Я в очередной раз порадовался, что могу работать вместо детектора лжи. Какое там – гораздо лучше. Там можно узнать только эмоции, даже не всегда понятно, положительные они или отрицательные, а живозапах выдавал азарт и опять почему-то ревность. А вот желания позвать нукеров или вытащить из стола пистолет и замочить нас на месте не было. Потом он вынул из кармана висящей на спинке стула куртки пачку местных сигарет и закурил.

– Будете?

– Не курю.

– А я буду, – заявил Рафик, прикуривая от хозяйской зажигалки.

Я поспешно отключил половину нюха, но в нос все равно шибало крепко. Отвык я на равнинах от некоторых человеческих привычек.

– Таких денег у меня нет, – спокойно сказал Борис, – но ты об этом и сам догадывался. «Молния» паленая, или у тебя свой вариант?

– Абсолютно чистая Вещь, но ты прав, у меня к тебе есть предложение. Мне не нужны деньги полностью, берешь ее частично в долг. Мне требуются серьезные объемы разных товаров. Иногда очень нестандартных, и я не хочу светиться. Ты покупаешь официально для себя или на продажу – я получаю по себестоимости. Цена списывается с твоего долга. И еще мне нужна консультация по земельному вопросу.

– Ты нашел Форт вроде моего?

– Борис, – протянул я, – откуда мне знать, что такое твой Форт? Я и внутри-то ни разу не был. Но нет, не Форт, кое-что другое. Там большой участок чистой земли, где живут люди, принявшие меня как своего. Вот мне и надо застолбить его за собой и прикрыть официальной эльфийской бумагой, чтобы другие не лезли. Это не две сотки для огорода, там треугольник размером тысяча на тысячу и на триста километров. Только я шел по земле, а надо убедиться, что места судходные. Экспедиция нужна на нормальном судне, со всем возможным снаряжением и вооружением. Ты ж понимаешь, всего я видеть не мог, там может оказаться любое чудо-юдо.

– Консультацию даю бесплатно, – усмехнулся он. – Идешь к эльфам и просишь маяки. Такие черные кубики небольшие, тридцать сантиметров грань, и весом в пять с лишним

кило. Стоимость каждого две тысячи единиц, совсем не дорого, но тебе их много нужно будет. На каждом углу участка ставишь, и он дает сигнал. Понятия не имею, куда именно и каким образом. После этого в эльфийской конторе получаешь точные координаты каждой точки с датой оформления от момента включения маяка. Одно условие – там не должно быть более ранних заявок или постоянных поселений других людей.

– А почему я про это в первый раз слышу? – поинтересовался Рафик.

– Потому что маяки в Зоне поставили еще в первый год. Она считается как бы общей, и участки распределяет в Славянске земельное управление при мэре. Выйдешь за Зону, режь себе сколько угодно, надо только суметь там выжить.

– А если там находятся не люди?

– В смысле? – удивился Борис. – Меченые тоже считаются людьми.

– Вот твой гном, как его... а, Спиро!

– Не знаю, – растерянно сказал Борис. – Какие интересные вопросы ты задаешь. Ты видел поселок гномов?

– Я видел вампиров – и они разумные.

Он с интересом посмотрел на меня.

– Да уж... Может быть, чтобы задница от жадности не слиплась, получишь участок поменьше, а может, для начала замочишь вампиров. И сделаешь вид, что так и было. В Диком поле законов нет. Даже у нас в Зоне они очень растяжи-

мы. Но мы сначала должны договориться. Сколько именно ты хочешь?

– Двадцать пять процентов от стоимости.

– Ну, вообще, – саркастически сказал Борис. – А я всем своим работникам перестану платить, как при Ельцине. Пять процентов – это максимум.

– Может, ты получаешь удовольствие, торгуясь, но я это дело не люблю. В конце концов, я тебе даю ссуду без процентов, а ты еще и будешь в Нахаловку электричество продавать. Мне что, долю потребовать? Давай сойдемся на двенадцати с половиной и закончим базар.

– А материалы и работа, что, бесплатно проводятся? Миллион туда, миллион сюда – совсем не лишние деньги. А говоришь, не любишь торговаться. Короче, не тебе и не мне – двенадцать.

– Согласен.

– Вот и славно. Цену сначала проверили? Я, в общем, не сомневался, – сообщил он на наши кивки. Давайте свои жизняки.

– Мне – два и ему – десять, – сказал я, снимая цепочку с шеи.

– Ваши дела, – пробурчал Борис, вставляя жизняки в счетчик по очереди и показывая нам цифру перед переводом.

Дверь открылась, и заглянула Даша.

– Главбуха позови, – сказал он ей. – А вот это, – он отдал ей «Молнию», – вставишь, – и добавил, покосившись на

нас, – сама знаешь куда. Потом отрубешь генератор и проверим.

– Звонок у меня под столом, – пояснил он, – очень удобно, когда посигналить надо.

Он нацепил очки и, быстро набросав какой-то текст, протянул бумагу мне.

– Не пойдет, – внимательно прочитав, сказал я. – Нужно указать, что я получаю заказанное по себестоимости. Вот здесь указать срок возврата на случай моей безвременной кончины и вписать наследника.

– И кто у нас наследник?

– Пиши: Мария Волкова по прозвищу Черепаха. Так и напиши – на кличку она отзывается охотнее, чем на имя. Все проблемы в мое отсутствие вполне можно решить с ней. Если уж дойдет до моих похорон, она впишет своего наследника. Теперь еще одно. Срок ссуды год. Потом достаем бумаги на полученные товары, сверяемся и просто переписываем сумму. Если мы не уживемся, имеем право разорвать контракт. Я получаю остаток денег, если ты не можешь выплатить разницу, отдаешь мне «Молнию» назад, и я обязан вернуть все, что получил ранее в погашение. Деньгами, по той же цене, что приобрел.

– То есть ты просто продашь другому?

– Вроде вполне справедливо. Мы ведь работаем на честном слове. Если я стороной узнаю, что ты меня обманываешь, сделаю определенные выводы. Понятное дело, левые за-

купки и взятки проконтролировать нельзя, но зарываться не стоит.

Под потолком загорелась лампочка.

– Жизнь становится гораздо лучше, – сообщил Борис. – Бессмысленная трата горючего закончена. Начинается сплошная прибыль.

В дверь постучали, и зашел пожилой дядька в потертом костюмчике и нарукавниках, украденных из фильма про бюрократов конца шестидесятых.

– Читай, – сказал ему Борис и протянул переписанный договор.

– Мы ж в кабалу влазим, – изумленно сказал тот, просмотрев текст.

– А я вот думаю, что это интересное начало будет иметь не менее интересное продолжение, – весело сказал Кулак. – Мы еще поработаем с ним вместе, и, надеюсь, не за просто так. Короче, ты и Безногий свидетели для гарантии. Подписывай и иди дальше трудиться!

Когда все подписи стояли и один экземпляр договора лежал у меня в кармане, а другой – у него в столе, он сказал, потирая руки:

– Необходимо по русскому обычаю широко и с размахом отметить. С учетом местных особенностей, то есть не нажираясь.

Он достал из стола бутылку и три стакана. Рафик подозрительно посмотрел на свой.

– Обижаешь, – покачал головой Борис, – я все-таки здешний хозяин. – Все чисто вымыто, и водка собственной перегонки, не для продажи. Продавать такое можно исключительно в убыток. Тройная перегонка, очистка серебром, фильтрация на березовых углях и еще масса всякого. – Ну, за то, чтобы наше сотрудничество было обоюдовыгодным и в дальнейшем. – Мы чокнулись и выпили. – А вот закусить у меня только хлеб, – он достал из своего стола половину буханки и разломил ее на три части. Похоже, там у него хранилось что угодно, кроме бумаг и папок.

– Я вот что думаю, – продолжил он, – экспедицией займется Безногий. Баржу надо посмотреть, парочку фургонов с лошадьми выбрать и по складу пройтись, присмотреться. Когда кредит безграничен, можно особо не стесняться, – подмигнул он. – Найдешь там Дашку, и пусть она тебе покажет, что к чему. А с Лехой мы выясним, что за товары он желает получить.

Рафик покосился на меня. Я кивнул.

– Ну, тогда прощайте, товарищ Кулак, – сказал он, вставая. – Очень приятно было пообщаться.

– Для меня тоже три фургона глянь, – сказал я Рафику напоследок, – тебе не к спеху, а мне, если есть готовые.

– Ну, – разливая остатки водки в два стакана, сказал Борис, – что там у тебя?

Я достал список и протянул ему. Борис углубился в чтение, помечая что-то карандашом.

– Так, – пробормотал он, – глядя на меня исподлобья поверх очков. – Первоочередно надо загрузить три фургона весом в полтонны каждый... Это обязательно срочно? Зима на носу.

Я промолчал.

Борис взял стакан и сообщил:

– Если начал дело, делай его хорошо и доводи до конца, – и выпил. – На этом торжественную часть можно считать законченной, – сказал он, ставя стакан на стол. – Надеюсь, ты понимаешь, что по твоим запросам можно сделать определенные выводы? Ты не просто еще один Форт нашел, ты вышел на большую группу людей, которые очень давно живут в Диком поле и неплохо приспособились. Даже количество можно определить и приблизительно место жительства – на границе леса. Сотня калашниковых, желательнее однотипных, но сойдет и разных модификаций, полсотни снайперских винтовок Драгунова, полсотни карабинов СКС, то же самое с «Сайгой» и «Тигром». Полсотни стечкиных. Кстати, – он достал из бездонных недр стола пистолет в кобуре, которую можно было прикрепить к пистолету для большей устойчивости вместо приклада, и положил передо мной. – Пользуйся – подарок.

Я вынул магазин и проверил, нет ли патрона в патроннике. Потом отделил затвор от рамки, оттянув до отказа вниз спусковую скобу. Отвел затвор назад и, приподняв его задний конец, дал возможность продвинуться вперед. Теперь стало

можно отделить затвор от рамки и поставить на место спусковую скобу. Последним снял со ствола возвратную пружину и с ехидством спросил:

– Проверка окончена?

– А не помешает, – невозмутимо ответил Борис, глядя, как я собираю пистолет. – Ты не в книжке проживаешь, и вместо супер-пупер-спецназа служил в обычной разведроте.

– За героями из книг водится скверная привычка погибать, а мне нравится жить, – сообщил я, собирая пистолет. – А еще я не собираюсь злодеев отлавливать и мир спасать.

Он хохотнул:

– Как-то не заметно. Вот я смотрю твой список дальше и вижу: четыре пулемета «Печенег», четыре пулемета Калашников, два «Корда», «Шмели», «Мухи», гранаты, взрывчатка разных видов. Минометы... У тебя там что, танки разьезжают?

– Я всадил в вампиршу две пули. Одну в легкое, другую в живот. После этого она еще была бодрой и энергичной и умудрялась отбиваться от четверых, пока ей голову не отрубили. Если можно выжечь их гнезда «Шмелем» или еще чем похуже с расстояния, я не собираюсь думать про высокие идеалы гуманизма или про то, не занесены ли они в Красную Книгу вымирающих видов. Вампиры – это не название, они кровь высасывают.

– Будем надеяться, что ты не устроишь теракт в Славянске, – сказал он после паузы. – Вся стрелковка – никаких

проблем, легкие пулеметы и динамит тоже. Даже на складе имеется. А вот гранатометы с разными минометами – это уже надо отдельно. Почему, собственно, сплошное российское производство и ничего нового? Как ты относишься к импорту? На складе есть израильское, австрийское, немецкое оружие, боеприпасы в большом количестве, оптические и ночные прицелы, глушители, пластиковая взрывчатка, детонаторы и многое другое.

– Если ты насчет «российское – самое лучшее», так мне без разницы. Но, во-первых, я с перечисленным в списке имел дело лично, и не возникнет проблем при объяснении, как им пользоваться, а, во-вторых, конечно, решается проблема патронов. Я так понимаю, что на заводе в Городе производят всю необходимую мне номенклатуру разных видов, а искать специально импортные – лишняя головная боль.

– Значит, не будем выдумывать, потом сходишь на склад и посмотришь, что там еще есть по твоему запросу. Не всегда сразу сообразишь, лучше пощупать и посмотреть.

Я согласно кивнул.

– Идем дальше. Компьютеры с максимально возможной оперативной памятью и всеми доступными прибабасами. Видеокамеры, профессиональные фотоаппараты, сканеры всех видов, включая книжные, диктофоны, бинокли, вообще разная оптика, – он глянул еще раз и хмыкнул, – включая электронный микроскоп и инструкции ко всей этой дребедени на русском. Вот еще один намек понимающему. У тебя

там есть возможность получить электричество. Не последнюю «Молнию» от сердца оторвал. А вот разных английшей там не знают.

«Угу, – подумал я. – Хорошо, что он еще не допер до простой мысли: что это я английский знаю в пределах школы со словарем, а остальные и русского не знают».

– Сканеры тоже наводят на интересную мысль. Может, поделишься, ты набрел на библиотеку Ушедших?

– Нет. Но их книги ты видел неоднократно.

Он поднял удивленно брови.

– «Спички» знаешь? Такая палочка, сантиметров десять длиной, и на конце черный цилиндрок, а на ней надпись.

– Кто ж не знает, – озадаченно сказал Борис. – Их даже не покупают, никто не знает, что с ними делать.

– А ничего и нельзя. Их вставляют в специальный считыватель – такая пластина белого цвета, размером с книжку без обложки, что в киосках продают для чтения в электричке, – и просматривают текст. Она цельная, но внутри должен быть элемент питания. Но он то ли сел от времени, то ли подзаряжать неизвестно откуда надо, вставляй не вставляй – толку никакого. А может, стерлась вся информация. Там серьезный научный институт нужен, чтобы разбираться, нам не потянуть.

– А пластина эта называется «Зеркало», – задумчиво сказал Борис. – И тоже никто не знает, куда ее приспособить. А озадачу я, пожалуй, кое-кого.

– Не уверен, что стоит. Неизвестно еще, кто и что там вычитает. Некоторые вещи лучше не трогать, вонять не будут. Мы не археологи и не историки.

– И много ты такого интересного знаешь?

– А тебе наверняка таскают разные Вещи, которые неизвестно зачем нужны. Никогда не поверю, что у Кулака нет кладовки, где все это валяется. Можем зайти и посмотреть. Не за бесплатно, естественно.

– Зайти – это с этой... Марией Волковой по прозвищу Черепеха? Кто она тебе, собственно?

– С ней. А кто... Это сложно. По здешним законам никто. Считаю, младшая сестра.

– Вот и договорились – заходите в любое время, поторгуйтесь. Заодно и познакомимся, – он улыбнулся. – Возвращаясь к твоему списку. Ничего этого, кроме биноклей, у меня нет. Спрос на микроскопы, как понимаешь, минимальный. Видеописьма отсылать домой – еще почту не придумали, а передачи «Слабо?», где все падают, в Зоне тоже нет. С электроникой вообще в Зоне проблемы. Но у заводских кланов есть локальные сети. Можно попробовать через них. Только это будет стоить, – он посмотрел со значением.

Я пожал плечами:

– Сколько надо, столько и будет.

– Ладно, это мы проехали. Теперь дальше. Инструменты для кузницы, включая для мелких работ, пресс до десяти тонн, разная белиберда для химлаборатории, инструменты

для ювелира, станки – токарный, фрезерный, сверлильный без электроники образца мохнатых советских времен, наборы инструментов на все случаи жизни и обязательно хорошего качества. Да уж, – скептически сказал он, – тебе не иначе как фирменное, бошевское, все подавай. Масса разных резцов, пресс-формы для пластика, трубы опять же пластиковые разных диаметров... Кроме кузнечных инструментов и труб ничего этого нет и в помине. Все на заказ.

Я развел руками: мол, на нет и суда нет. А Борис продолжил комментировать мои запросы:

– Дальше ты меня убиваешь на месте. Чистые металлы, каждый в количестве до сотни килограммов, на первый случай... Тут, почитай, вся таблица Менделеева будет... Ты в школу вообще ходил? У них разный вес. Сто килограммов латуни и никеля имеют разный объем. Металлы могут быть и в слитках, и в виде фольги, листов, прутков и так далее. Короче, «Пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что».

Я поднял руки, демонстрируя полную капитуляцию.

– Ты прав, я не очень представляю, что мне нужно. Есть там такой Мастер с большой буквы, и у него есть куча интересных идей. Вот только он сам пока не очень понимает, что именно хочет. Говорит, надо попробовать, а мне таскаться и задавать дурацкие вопросы некогда. Что можно, то и бери.

– Я начинаю думать, – сообщил Борис, – что изрядно продешевил, бегать придется много, а в конце ты скорчишь недовольную рожу и скажешь, что гранаты не той системы.

По справедливости мне все-таки процент положен.

– Вот только без этого, – поспешно сказал я. – Договор есть договор, при продлении предъявишь претензии. Можем это и пересмотреть, но только через год видно будет. Пока могу только пообещать, что если получится то, что он хочет сделать, то все через тебя уйдет.

– А что именно, не скажешь?

– Зачем говорить раньше времени? Поживем – увидим. Оторвут с руками. А еще – наверняка у тебя есть свои наработки по производству и технологиям девятнадцатого-двадцатого веков? Я покупаю.

– Ну, это не проблема, скачаю на диски... Значит, Леха, даешь мне разрешение брать по списку в том виде, в котором получится?

– Ты меня на формулировке ловишь? – настороженно спросил я. – Знаю я эти штучки. Тогда так: уважительно прошу тебя проявить повышенное внимание к данной просьбе и проверить максимальный ассортимент. Если требуется – даже оплатить профессиональные консультации у специалистов. При этом без специальной просьбы вес не должен превышать сто килограммов, и упаковано все должно быть так, чтобы можно было запихать в фургон без проблем. Если разницы между слитком, листом или проволокой нет, а просто разный вид, брать то, что проще и дешевле. Если разница в качестве – и то, и другое. Так пойдет?

– Про уважение ты хорошо сказал, аж проняло. Есть здесь,

к чему придрататься, но я удовлетворен. Не будем устраивать свару по этому поводу. А теперь еще одно. Мы вроде договорились и записали, если ты приносишь что-то, Вещь уходит через меня. Если я не беру по нормальной цене, можешь идти дальше. Ты что, одну «Молнию» принес?

– Поправка: я несю тебе все, после того, как мы договорились. Заранее я этого знать не мог, а деньги на жизняке требовались для разных нужд. – Я помялся и неохотно после паузы добавил: – Ну, было еще кое-что, конечно, но Черепаха с утра пошла в эльфийскую контору. Надо было что-то в руках иметь. Очень удачно, что такая контора появилась, не надо в Славянск ехать. Два года назад ничего такого не имелось.

– Кому как. Мне конкуренция... А получается, что это ты меня поймал на формулировке, недаром забеспокоился, – он рассмеялся. – В следующий раз позову юриста. И что там было?

– Такого, как «Молния» – не было. Много разного, но по мелочи.

– Проехали, – пробурчал Борис. – Больше так не делай. И чем у нас заканчивается список? – спросил он сам себя. – Мука, сухофрукты, продукты быстрого приготовления, концентраты, витамины и прочее. Это сколько угодно. А вот потом опять начинается неизвестно что. Длиннющий список лекарств без названий, с подпунктом «все, что возможно», и особо оригинально – медицинские инструменты. Разные

хирургические пилы, ножи, капельницы, физиологический раствор, кровяная плазма, а еще забавное дополнение: лучше ничего одноразового не брать, все из разряда «прокипятить и использовать снова». Это мне опять надо беседовать с врачами и самому думать. Ария про уважение исполнена будет?

– Если надо, я могу, – с готовностью соглашаюсь.

– А фиг тебе, пойдешь в мой магазин в Нахаловке, там есть и аптека. Будешь сам смотреть, выбирать и со специалистом обсуждать. Можешь хоть все вынести. Список потом мне. Придешь, – он хмыкнул, – с Черепахой проверить кладовку на предмет ценности, заодно и отдашь. И не забудь про срок годности. Ну вот, все вроде бы мы обсудили. Или есть еще какие пожелания?

– А книгами и дисками с фильмами ты тоже торгуешь?

– Есть такое дело, в том же магазине рядом с аптекой. Только там все больше старое и твоего много, что я на перезапись брал. Прежде чем сплавлять Вещи эльфам, надо было на жизнь глянуть. С того, что продавалось, тебе регулярно капало в течение года. Вот сколько, не знаю, – проверишь. Надо не забыть сказать, чтобы и остальное перевели. Мелочь, по твоим масштабам, но приятно.

Я, надо сказать, удивился. А Борис напоследок сказал:

– Чисто деловой совет. Вес ограничен, так что выбери для себя, что тебе действительно необходимо, чтобы потом не выбрасывать. Оружие и медикаменты грузить в первую

очередь, причем боеприпасы важнее, чем даже стволы. Если останется место, будешь думать. Как-то они умудрялись обходиться без микроскопов до сегодняшнего дня. Так что начни с оружейника.

Глава 14

Новые интересные возможности

– Послушай, – сказал Рафик, когда мы возвращались домой, – вот ты говоришь, что всех поубивали, а куда тела подевались? Ведь сколько не копали, никогда скелетов не видели.

– Что? – отвлекшись от размышлений о светлом будущем, переспросил я. – А, это как раз известно. У них была такая специально выведенная скотина по утилизации биологического мусора. Маленькая такая зверушка – ни глаз, ни рта – садится сверху на останки и начинает выделять желудочный сок, пока все в бульон не превратится. Бульончик хавает. Так что никаких скелетов. Только они размножались искусственно в инкубаторе и, когда пищи нет, просто худеют, пока не помирают. Специально таких вывели, чтобы бесконтрольно не увеличивались в числе. А как цивилизация кончилась, новые и перестали появляться. Расскажи лучше, что ты там посмотрел. Можно брать «Рязань» или надо в город ехать.

– Ну, – задумчиво сказал Рафик, привычно почесав за-

тылок, – корыто не новое, но вполне на ходу. Кое-что надо переделать, кое-что добавить. Есть вариант получше. Двухтрюмная самоходная стальная баржа грузоподъемностью двадцать тонн с простейшими прямолинейными обводами корпуса. Двигатель от грузовика позволяет «гонять» против течения со скоростью до шести узлов. Малые габариты – длина пятнадцать метров, ширина четыре метра – дают хорошую маневренность, а плоское дно и малая осадка позволяют буквально вылезать на берег. – Помолчав, он добавил: – Место для лошадей и фургонов надо нормально оформить, ведь нельзя быть уверенным, что до конца дойдем по воде. Пулемет еще один крупнокалиберный не помешало бы добавить на корму.

– А что, на «Рязани» разве был? Вроде ничего не видел, пока плыл.

– Есть, у нас и на реке, бывает, шалят, так что имеется. Просто переход небольшой, и возле Города стараются убрать с палубы, чтобы не раздражать городские власти, а ночью обязательно в готовности. А пойдем в неизвестные места, пригодится и дополнительный.

– Да я разве спорю? Твое дело, грузи что хочешь, только проверь, чтобы от тяжести не потонула и дырок в обшивке не было. И подумай, кто там требуется в команду – механик, рулевой, еще кто-то. Вы уйдете, а охранять кто-то должен. Можно ведь не покупать, а в аренду взять, и тогда Спиро останется. Вот только не знаю, нужны ли вам лишние глаза

по дороге.

Я взглянул на него и еще раз подивился, насколько мы все поменялись. Вроде бы знаю его как облупленного и не один месяц вместе провели, даже не один год, а городской рубаха-парень куда-то испарился. Анекдотов не рассказывает, глаза вечно прищуренные, взгляд настороженный. А на коне сидит куда лучше меня, несмотря на мой многомесячный опыт.

– Что? – спросил он сразу.

– Понимаешь, у меня такое впечатление, что Лена тоже хочет ехать. Это как бы не мое дело, но тащить с собой ребенка неизвестно куда не стоит.

– Хочет – не хочет, – резко ответил он, – сама все прекрасно понимает, года два еще дома посидит, а потом все-таки не выдержит и в рейд пойдет. Силой не удержишь, мы все отравленные и на месте сидеть не способны. Кто нормальный, в Городе на заводе за зарплату пашет. Но, – после паузы добавил он, – чья бы корова мычала... Зачем годовалого ребенка с собой таскаешь? Что, нельзя няньку найти?

– Нельзя, – вздохнув, ответил я. – Ты еще не просек, он эмпат, и очень сильный. Пока я рядом... Ну, достаточно близко, он тихий, спокойный и очень хороший ребенок. А если чувствует, что хочу уехать и его надолго оставить, моментально начинает гнать вокруг себя волну. Кто не умеет закрываться, начинают нервничать и ругаться, не понимая причины. Был бы постарше, можно было бы хоть что-то ему

объяснить или выпороть, на худой конец, а так... Проще с собой. Иногда это страшно неудобно, но мы в ответе за тех, кого приручили...

– Весело, – сказал Рафик. – И что из него получится, когда подрастет?

– Да я не загадываю так далеко... Пока что есть одно большое удобство – я всегда точно знаю, что и в каком месте у него не в порядке или вдруг болит, почти как с домовым, все без слов. Между прочим, Оля ему понравилась и вы тоже. Там на него слишком многие смотрят как на уродца. Если все нормально будет, я его через пару лет здесь оставлю.

– Почему? Я так понимаю, что разные маги-Черепахи там не диво и практически все меченые?

– Рафик, давай ты мне подробно расскажешь, что у кого из твоей команды за меченость... Нет желания? Вот и я лучше помолчу, со временем, может, узнаешь сам, и вряд ли захочешь делиться с посторонними. Там все из одного корня и имеют один общий, не очень приятный признак. Если совсем уж прямо: они только выглядят как люди, но не считают себя людьми, даром что мы вполне можем иметь общих детей. Они Народ. А вот Найденыш – чистый человек, хотя и с определенными способностями, которые нужно развивать и воспитывать. Такое иногда бывает, и хорошо, если мать на месте не удавит. Он ловит эмоции совершенно бессознательно, а любая нянька будет смотреть на него именно как на уродца. Сам понимаешь, какая возможна реакция...

– А Черепаха?

– Это очень специфический случай. Она считает себя моей старшей сестрой и вынуждена терпеть некоторые мои заскоки в промежутках между воспитательным процессом, которому предается по малейшему поводу. Но еще очень любопытная и думает, что чем больше узнает, тем сильнее станет в магическом плане. Собственно не так уж она и не права, кое-что уже использовала из обычной книжки. Сапковский ей недаром полюбился. А еще она прекрасно знает, что границы моего терпения не безграничны. Так что в ней есть определенная готовность принимать каждого в том виде, в котором он существует. Не по обязанности, а по собственному желанию. Короче, есть только несколько разумных, которым я доверяю полностью, хотя и по разным причинам. Ей – доверяю.

– Разумных, но не людей?

– Мави – не человек. От нее много чего можно дожидаться, кроме одного – предательства. Ладно, оставим это... Что там с фургонами?

– Есть, командир! – подчеркнуто послушным тоном ответил Рафик и отдал честь.

– К пустой голове руку не прикладывают, – грозно сказал я. – Три наряда вне очереди!

– Так точно, – обрадовался он. – Ты у нас не меньше командира роты, хотя неизвестно еще насколько привираешь. А я так, приданный контингент для усиления, рангом пони-

же и пожиже. Три фургона готовы, в приличном состоянии, – уже серьезным тоном продолжил он, – я все пощупал и проверил. Только грузить – и вперед. Лошади не ах, но вполне здоровые. Тебе на них не скачки устраивать. Вот только я не въехал, вас двое, а кто третий поведет?

– А ты мне зачем? – изумился я. – За каждую денежную единицу, киса, я потребую множество мелких услуг. Для начала надо все стволы внимательно посмотреть и патроны не мешает проверить. Работы хватит на всех. Я еще тогда видел, что старье продают.

– Ничего удивительного, сюда все больше из закромов нашей родины попало в перестройку.

– Вот ржавые мне не нужны. Пусть не новое, но в хорошем состоянии. Там список большой, трудиться будем долго. Потом загрузим, сколько влезет, и вместе доедем до места, а там я подамся на ту сторону, а Черепаха останется здесь.

Он посмотрел на меня с сомнением.

– Нормально все будет, меня ждать будут.

– Может, все-таки стоит позвать моих?

– Только не в этот раз. Тут недалеко, до Мертвой Лощины.

– Ты совсем дурак? – изумленно спросил Рафик и посмотрел на меня как на больного. Первая аномалия, с которой знакомят местных, была Мертвая Лощина. И расположена она совсем рядом – прямо за границей Зоны. Отошел километров на пятьдесят от реки, и вот она. Когда-то там был обычный лесок с любезными сердцу российскому березками

и прочими осинками. Потом что-то случилось в очень давние времена, и заходить в лес стало все равно, что присаживаться на включенный электрический стул в мокрых штанах. Из-под земли бил электрический разряд, и глупый посетитель, не важно, человек это или животное, превращался в обугленную тушку. Так что никакая живность там не проживала и даже заходить давно уже не пыталась. А деревья стояли, и издалека казалось, что все в полном порядке.

– Скажем так, меня долго учили пользоваться именно такими местами без вреда для здоровья. Так что я знаю, что делаю. Внутри заходить не будем, дойдем до границы, и я тебе интересный фокус покажу.

Я глянул на него и добавил:

– А будешь хорошим мальчиком, научу и внутрь заходить. Там опасны не бугры, а ямы. Какой дурак-рейдер сказал, что наступишь на кочку и помрешь? Покойники лежат внизу не потому, что упали сверху, а потому что бугры обходить вздумали понизу. Если осторожненько, то можно заходить. Только ничего ценного там все равно нет. Ни малейшего смысла лезть – этим место и хорошо, все обходят стороной.

– Ты прямо кладезь мудрости, – задумчиво пробормотал Рафик. – Только делиться не хочешь.

– С тобой же делюсь? Цени.

Лошади – это труд. Лошади требуют времени. Зато если ты вычистишь стойло, расчешешь гриву и хорошо порабо-

таешь скребницей, не забудешь накормить и напоить своего Прыгуна, то имеешь полное право погладить его по морде и нежному бархатному носу, ощущая его благодарность и бескорыстную любовь. Конечно, он совсем не прочь получить еще и кусок хлеба с солью, но и без него он будет тебя радостно встречать и, если придется, защищать, а кусать чужих и бить копытами он умеет прекрасно. Нет у него в душе расчета, и он тоже один из немногих, которым можно доверять, не думая о причинах. Просто он тебя любит, и все. Кстати, и успокаивает такая привычная забота прекрасно, если, конечно, ты занимаешься своим приятелем, а не полусотней совершенно посторонних жеребцов.

Прокормить его совсем не так просто, как думают горожане. Почти полтонны веса постоянно нуждаются в дозакоррекции, и он легко может стрескать до ста килограммов травы в день и выпить литров тридцать воды. Так что возле роц в основном выращивают ячмень и немного овса, нормального хлеба почти не бывает, и это лакомство не только для коней, а и для оборотней. Но для коней Народ ничего не жалеет.

Кони не только богатство, они еще и жизнь. Личный транспорт, грузовик, танк – все это лошади, и к их выращиванию, воспитанию и размножению относятся весьма серьезно. Длительная селекция лошадей на равнинах не только обеспечила им рост, силу, выносливость и ум, но и дала такие длинные родословные, прекрасно известные каждому хозяину, что испанские герцоги в сравнении с Прыгуном

никуда не годятся. У него множество именитых предков по нескольким линиям.

Старик подарил мне его в качестве первого. Я был первым всадником, а он у меня первым настоящим собственным конем. Иногда у меня такое чувство, что Прыгун относится ко мне несколько снисходительно, сравнивая с другими наездниками, где уж мне угнаться за этими – с детства садящимися в седло. Уж что-что, а живозапахи я насобачился различать не только у людей за два года. Но если другой конь посмеет по моему адресу заржать, он его точно покушает. Что позволено Прыгуну, не позволено всякой другой скотине, включая двуногую.

По соседству пристроилась Зоя, занимаясь жеребцом Рафика. Хорошо все-таки иметь дома домового. Я по-прежнему не чувствовал ее, только слышал. Сам Рафик ушел встретиться со своими ребятами и поговорить с ними. Впрочем, Вожаком быть тоже не плохо. Где-то там за тридцать земель бродили по пастбищам две сотни принадлежащих мне лошадей, и было кому ими заняться.

Возле входа Черепаха демонстративно пошаркала ногами, чтобы обратить на себя внимание, и только потом вошла, встав в картинную позу. Женщины – всегда и везде женщины. Видеть подобное она явно не могла, в Зоне пока не появились красиво иллюстрированные журналы, но точно знала, как встать, чтобы и грудь была подчеркнута, и освещение правильно падало, и нога вроде бы случайно продемонстри-

рована.

Платье на ней ситцевое и совсем простое, но очень симпатичное, явно не с чужого плеча, а подогнанное по фигуре. Сколько я ее знал, она ходила в, что называется, брючном костюме. В платьях ходят только замужние и дети. Девушка тоже может, но это вроде демонстрации домашности и отсутствия желания помахать оружием. Паук хоть и не воин, но в брюках, а выделяется он четко – по отсутствию любого оружия длиннее обычного ножа.

– Мда, – сказал я, – выглядишь ты просто замечательно, но вот это тебе зачем?

– А тут все так ходят, – сообщила она и вроде только сейчас обратила внимание на небрежно лежащий в руке дулом в небо калашников.

Прыгун положил голову мне на плечо и тоже уставился на нее, тихо всхрипнув. Я погладил его по морде.

– Мы с Леной сходили... – она запнулась на слове и сказала по-русски, – на стрельбище. Лягается как лошадь, синяк наверняка будет, а все ж хорошее дело для охоты на кровососов, – она хищно улыбнулась, – но твоя винтовка лучше будет. Я постреляла из такой же.

Я продолжал выжидательно молчать.

– Да ладно, сам говорил – не надо выделяться. Что может быть лучше, чем такой прикид?

– Для тебя? – сделал непонимающий вид. – Паук должен выглядеть уверенным и внушающим уважение, всякие со-

мнения в его статусе не должны возникать. Оружие и платье несовместны, создается образ крайне неподобающий и вызывающий сомнения. Во всяком случае, у посторонних, – добавил после паузы.

– Издеваешься? – обиженно сказала Черепаха. – Кто тут знает, что такое паук? Наоборот, положено тщательно скрывать... – И, блеснув глазами, продолжила: – Посещение магазинов, обучение стрельбе и владению местным оружием входит в перечень необходимых навыков и знаний и способствует восприятию меня как обычной местной. Нормальная маскировка.

– Как и применение косметики, и получение прав на вождение транспорта, – подхватил я.

– Косметика – это совершенно лишнее, – поморщилась она, – видела я, только забивает запах, а вот машина... Научишь?

Я сел на сено, и она тут же пристроилась рядом, прижавшись.

– Сидит в комнате натуральный анх, – вполголоса начала рассказывать Черепаха. – Что, я анхов не видела? Мало того, из Клана Серого Орла, даже не догадался знаки спрятать. Хотя чего ему стесняться, здесь все равно никто не понимает. Эти возле океана живут, и мы с ними почти не встречаемся, но клеймо хорошо знакомо. Сталь они варят хорошую. Все равно прослушала по полной программе, может, это не наш анх, просто одевается так. Никаких сомнений – ваши

гномы и есть анхи. Я его тихонько просканировала. Весь обвешанный оберегами, только это так, ерунда. Человекам, может, и проблемы, а вообще ремесленник клепал, хотя и хороший. Против внушения, на заживление ран, «Сигналка», «Глушилка», ну там мелочь всякая для ускорения реакции, свертываемости крови и увеличения силы. Сам из себя полный ноль, да анхи очень редко бывают сильными шаманами. На основании одного вывода делать глупо, но эти нам не проблема и хорошо знакомы. Однако в голове у него стоит очень мощный блок. Если опыта недостаточно, при снятии может и помереть. Очень сильный шаман ставил. Я не знаю, смогу ли убрать без последствий. Если бы была возможность проверить на двух-трех... Прихватить и допросить всерьез, но ты ж не хочешь шума. Так что надо присмотреться к другим. На работу анхов совершенно не похоже. Вообще он какой-то заторможенный, один раз оживился, когда я спросила про твой список: минивертолет, беспилотный летающий разведывательный комплекс ну и так далее... Обещал подумать. В этот разведывательный комплекс входят три беспилотника и одна наземная станция управления... Зачем все это тебе, даже Лена удивилась.

– Для разведки. В незнакомой местности висит такая штука в воздухе полтора часа и километров на десять вокруг все контролирует. Зачем лезть в опасное место, если можно сначала с помощью техники посмотреть? А потом мне интересно, насколько они от себя работают, а насколько от коллекти-

ва. Достать нестандарт, да еще и разный – потрудиться придется. Сегодня он продаст то, чего в Зоне не бывает, а завтра, если сильно жадный, притащит то, что здесь вообще не продают. Послезавтра уже не сможет вообще отказаться, когда мы его вежливо об одолжении попросим – свои голову оторвут.

Она подумала и кивнула.

– Я понимаю, но в этом очень неприятная сторона вашей торговли. Чем больше есть, тем больше хочется. Можно забыть про честь.

– Молодец, правильно соображаешь. Поэтому мне и не хочется близко знакомить Народ с не всегда приятными достижениями людей в этой области. У нас говорят: любой город можно взять без крови, нужен только мешок золота и комендант сам откроет ворота. Вся торговля только через меня, тебя и еще парочка с крепкими нервами, чтобы в голову не ударила здешняя жизнь.

– Это кто, парочка? – подозрительно спросила Черепаха.

– Захочешь, догадаешься. Я верю в твой ум. Давай дальше.

– Живой только может, да он не захочет, а Койот не может, – начала она тут же прикидывать.

– Не отвлекайся.

– Ну, рассказала я ему про тяжелое детство, семью и жизнь в глубинке, как договаривались. Нормально так съел, даже не заинтересовался подробностями. Когда сказала, что

появятся еще и другие, только отмахнулся. Сразу в сумку залез, чуть ли не с ногами, и думал исключительно о том, как бы себе что-то по дешевке отхватить. Очень ему не нравится, что если мало предложить, могут к Кулаку пойти. Хорошей жизни хочется, что-то там в Городе не так пошло, и здесь вроде как ссылка. Я всерьез лезть ему в голову опасалась, все больше по краям, самое яркое сканировала.

Я погладил ее по голове. Черепаха пихнула меня в бок, так что я чуть не упал.

– И чем я, интересно, хуже, чем Койот?

– Ты лучше, – серьезно ответил я. – Только в другом. Давай продолжай, не отвлекайся, а то начну выяснять подчиненность.

– Без разговоров зарегистрировал, – она показала жизнь. – Найденыш тоже получил свой. Палец туда, палец сюда, ничего он не знает и не делает, все заранее подготовлено. Это не имеет никакого отношения к нормальной силе. Там стоит какая-то, – она запнулась, – машина, в ней уже заготовки с полным набором, надо только имя вписать. Заготовки делал Мастер, а не этот никчемный анх. Я твой видела, но думала, что на месте клепают. А это общий стандарт. Работа очень сложная, не столько по количеству силы, сколько тонкая, но если взять полуфабрикат, никаких проблем.

– Пока ничего не делать и тем более не грабить!

– Да знаю я... Сидим тихо, потом в поход. Когда вернемся, будем думать. Пока вживаться и смотреть по сторонам. Лиш-

него не болтать, на неудобные вопросы рассказывать про тяжелое детство и отсутствие школы.

– А как тебе вообще? – я развел руками.

– Да пока не понятно, слишком много всего. Интересно, но жить здесь долго трудно.

– Почему?

– А как охотиться? Хоть раз в три месяца надо перекинуться, реже уже проблемы. И что я здесь, буду по улице бегать и коров резать? Застрелят, и правильно сделают. Домашний скот не для охоты, а дикий вы весь распугали. Слишком много народа на одном месте.

– Это ты еще не видела, что такое много... Завтра пойдем к Борису, я тебе с ним познакомлю, глянь на него внимательно. И заодно он нам покажет, а ты посмотришь, что там у него есть такого, назначения чего он не знает, а на равнинах ценится. Только ты думай что говоришь, а то может нам и самим пригодиться. Врать не надо, но не надо и хватать какой-нибудь «Замедлитель времени» и прижимать к себе с радостным криком.

– Ты поучи наездника, как коня выбирать, – пренебрежительно заявила она и опять пихнула локтем в бок, так что я все-таки свалился на пол.

– Да, – вспомнил я, – а как ты на собак реагируешь?

– Это вот на этих мелких тварей? – с презрением спросила Черепеха. – Ты лучше спроси, как они на меня реагируют, – захихикала она.

– Что вы тут так долго? – спросила Лена, заходя в конюшню. – Пойдем, ужинать пора.

– А Рафика ждать не будем?

– Он еще не скоро вернется. Пока всех соберет, пока с ними обсудит...

Мы поднялись и, отряхиваясь от сена, стали собирать вещи. Прыгун вопросительно заржал.

– Завтра, – сказал я ему, – отдыхай пока.

Он демонстративно повернулся ко мне задом.

Глядя вслед Черепахе, бодро поскакавшей к дому, Лена нерешительно спросила:

– Слушай, Леха... а что это ее собаки боятся?

– Seriously?

Она подозрительно посмотрела на меня.

– Еще как. Здоровенные цепные псы моментально в угол шарахаются, а один даже обмочился и под крыльцо залез. Никак вылезать не хотел, пока мы там были.

– Наверное, от нее волком пахнет, – серьезно ответил я. – Вот Мави из рода Кошки, и род постоянно с ней общается, прикасается и гладит, обязательно запах на всех будет и на вещах тоже. Да она и сама норовит все кругом пометить, специально трется. А Черепаха из рода Волков. Собаки лучше чувствуют и боятся. Я ж говорил, есть и волки как Мави, для нее они практически родственники. Тут родство не по крови, а по виду. Еще хорошо, что вы без собаки обходитесь, от таких запахов пес и взбеситься может.

– Зачем нам собака, если в доме Зоя есть?

Вроде поверила, но в живозапахе осталось невнятное подозрение, как когда неправильность чувствуют, но объяснить не могут. Надо переводить разговор на другое.

– А что тут у вас за песни по соседству? Не помню праздников. Или тут уже появился День Независимости?

– А, – отмахнулась она. – Васька-алкаш празднует. Два года простоял на одной ноге, прерывая процесс поглощения самогона только на время, необходимое, чтобы заработать на выпивку, и назад собирается. Тут просто так не подают. Совсем человек никчемный, хорошо, что еще безобидный, а то бы давно грохнули.

– На Землю? – с расстановкой переспросил я.

– Ну, да. А что?

– Позвать его можешь?

– Так какие проблемы, предложить налить на дорожку – моментально прибежит.

– Черепаха, – заорал я, – сюда иди!

Она высунулась из двери с удивленным видом.

– Что случилось?

– Работа для тебя есть, гонца послать.

– Так посмотреть на него надо, может, и не годится.

– Когда есть опасность попасть в плен, – пояснил я Лене, – маг ставит посланнику в память готовый блок, и гонец повторит его как попугай только тому, к кому его послали. Другие могут хоть на огне жечь, он просто сам ничего не помнит.

– Письмо на Землю? – прошептала Лена.

– А почему не попробовать, хуже не будет.

– Сейчас, – она метнулась к воротам.

– А что это вы здесь делаете? – спросил Рафик цитатой из фильма, останавливаясь на пороге и глядя на нас.

Посреди комнаты, на полу, вытянув руки по швам, лежал Васька. За минуту до этого Черепаха спокойно подошла к нему со спины, дождалась, пока он засосет стакан, и, нажав какую-то точку на шее, одним движением выключила его. Потом мы дружно уложили его на пол, чтобы он случайно не свалился.

Теперь она сидела возле него и, закрыв глаза, старательно проверяла что-то, держа руки у него на висках.

Лена тихим шепотом объяснила Рафику, что происходит.

– Хуже среднего, – сказала Черепаха, оглянувшись на меня и брезгливо вытирая руки. – Очень внушаемый, но память никуда, совсем без алкоголя уже не может. У нас такого, – добавила она на Языке Народа, – давно к милосердной смерти бы приговорили. Размножаться таким нельзя. И продолжила по-русски: – Можно, но коротко. Если память серьезно проверять не будут, проскочит. Они ведь просто стирают? Тогда это не проблема, засуну поглубже, в детские воспоминания. – И опять на своем Языке, усмехаясь: – Это дело личное, Клана не касается. Сам говорил, прошлые долги остались в прошлом. Так что ты мне должен будешь, и силь-

но.

– Я потом подсчитаю, сколько ты коней мне за платье и все остальное должна, – пообещал я, – тогда и проверим, кто кому и сколько должен.

– Шутка, – поспешно сказала Черепаха. – Только АКМ мой по закону.

– Военный трофей, какие вопросы.

Я обернулся и посмотрел на друзей.

– Вы хотите что-нибудь передать?

Лена отрицательно мотнула головой.

– Нет.

– А ты?

– Это ведь все равно письмо в один конец и без ответа, – медленно ответил Рафик. – Нет, сам скажешь, чтобы к моим зашли. Лишние концы, больше риска. А что она сказала не по-русски?

– Что его надо убить, чтоб не размножился, – невозмутимо сообщила Черепаха. – Дети имеют большие шансы стать идиотами, слишком много пил, организм уже не может без алкоголя.

– Вот так? – почесав стриженный затылок, переспросил Рафик. – Не слишком сурово?

– У нас только так. Выживают и дают потомство сильные. Такие убогие все равно долго не протянут. Не собираюсь я здесь ничего такого делать, – засмеялась она, глядя на его лицо. – Это ваши проблемы, хотите с такими возиться – ваше

право и ваши законы.

– Тогда начнем, – подводя итог, сказал я. – Это шанс дать о себе знать. Пусть им на Земле будет легче – мы живы.

Ранним утром меня подкинуло с кровати. Камень на груди мелко дрожал и тройка светилась в темноте. Торопливо нажал ногтем на рисунок и услышал голос. Как он получается при полном отсутствии динамика, для меня оставалось глубокой тайной. Объяснение про сродство камня, из которого и были выполнены отдельные части, хорошо было в теории. На практике это все относилось к разряду магии, а я оставался очень специализированным Мастером.

Черепаша села рядом, прислушиваясь. Когда разговор окончился, я, не сдерживаясь, выматерился вслух.

– Ты знал, что это должно случиться, – сказала она, начиная одеваться.

– Я знал, но надеялся, что время еще есть.

– Месяц по-любому у нас еще есть. Мы это давно ждали. Делай, что хотел, и не думай, на всех все равно не угодишь.

– Значит, как договорились. Грузим что можно, и я ухожу. Мави возьму с собой, Найденыша оставлю на тебя. Пойдешь со мной к Борису и хорошо присмотришься. К людям особенно. Ну, не мне тебя учить. Постарайся в Форт заодно попасть.

– Да я тебе и так скажу, что это. Сорок тысяч километров подземных помещений и переходов, в которых без карты заблудиться не просто, а очень просто. В горах таких много, но

анхи внутрь не пускают. Только общее представление можно иметь по отдельным обмолвкам и впечатлениям немногих посетителей. Там есть водосборники, плантации съедобных растений и даже склады должны быть. Может, я все-таки с тобой? – просительно сказала она.

– Не морочь голову снова, – раздраженно сказал я. – Другого варианта нет. Неизвестно, когда я вернусь и смогу ли вообще. Мне нужен здесь кто-то, кому не просто можно доверять, но для кого Клан важен. Эта земля должна стать нашей. Я не хочу общей войны, да мы и не сможем. Все, – застегивая ремень, сказал я. – Давай в конюшню, седлай лошадей, а я пока им объясню.

Она выскользнула во двор, а я собрался постучать в дверь, но уже не потребовалось. Рафик выглянул и сиплым спросонья голосом поинтересовался:

– Что так рано встали?

Я заметил, что он держит в руке ТТ.

– Ну, мало ли, – зевнув, сказал Рафик на мой вопросительный взгляд.

– Позови Лену, – попросил я, – разговор есть.

– Слушайте сюда, – сказал я, когда мы в очередной раз собрались на кухне. – Мне надо срочно уходить. Там помер Старик. Ну, крыша моя, – пояснил я. – Он уже давно еле живой был, но в большом авторитете и прикрывал меня от резвых соседей. Сейчас начнется общая свалка за власть и непременно к нам полезут. Мы срочно идем к Борису, гру-

зим все, что у него есть и что можно засунуть в три фургона. Вы проводите меня до места. Ребенка я оставлю вам, уж извините, неизвестно еще, как там повернется.

Лена кивнула.

– Правильно, нечего его с собой таскать.

– Черепаха тоже останется, здесь дел полно для всех. Все остальное в силе. Возникающие вопросы решать с ней. Теперь так. На крайний случай. Смотрите сюда, – я положил на стол свой пенал, добытый в подземелье. Знаете, что это такое?

Они наклонились, рассматривая. Потом Лена достала одну из пластинок и покрутила в руке.

– Никогда такого не видели, – переглянувшись с Рафиком, сказала она. – И в каталоге нет. Здесь не все – места пустые.

– Я не знаю, как это правильно называется, но мне нравится слово «телефон». В кольцо протягиваешь цепочку, вот так, – я расстегнул рубашку и показал у себя на шее, – и обязательно на голое тело. Он так подзаряжается от тепла. Если долго держать отдельно, потом сразу не сработает. Работает как обычный мобильник с громким звуком, поэтому пользоваться при чужих не стоит. Вообще светить не рекомендую. Теоретически отследить и подслушать сообщения невозможно, и работает на любом конце континента, даже через горы. Если звонок тебе, начинает светиться номер звонящего, и «телефон» дрожит – на теле сразу чувствуется. Нажимаешь на рисунок уха.

– Это вот ухо? – с сомнением спросила Лена.

– Стилизация... Я сказал ухо – значит, ухо. А ты можешь называть это дыркой от бублика с точкой внутри. Главное запомни, на что нажимать. Если звонишь ты, нажимаешь номер, потом опять ухо. Все просто. Если ответить сразу не можешь, нажимаешь номер. Через полчаса он сработает снова. Цифры-то знакомы?

– Обижаешь, – пробурчал Рафик. – До десяти на этом языке считать умеем.

– А больше не требуется. Я – цифра один, Черепаха – два. Три, четыре, пять вам пока не надо. Вот это шесть, – доставая из пенала еще одну пластину и показывая на номер, нарисованный в верхней грани, – тебе, Лена, а это семь – тебе, – обращаясь к Рафику. – Теперь настройка... Это будет не особо больно, но несколько неприятно. Нужна капля крови. Вот здесь на коробке маленькая, почти незаметная иголка. Это необязательно, можно и своим собственным стерильным инструментом.

– Могучий маг Леха Михайлов демонстрирует номер с распиленной женщиной, – сообщил Рафик и ткнул пальцем в иголку.

– Мне до мага – как до Пекина... вот здесь на коробке размажь и теперь на своей пластине, где семерка. Правильно... Это как с телевизором, включать я умею, а что внутри даже не интересно. Палец-то хоть спиртом протри...

– Откуда у меня спирт? – возмутился Рафик. – Разве что

водка, но ее предпочтительно внутрь, а не снаружи.

– Герой, – пробурчал я. – Неизвестно еще кто там раньше лапал... Я, когда нашел, первым делом оцарапался и заляпал коробку кровью совершенно случайно. Потом выяснилось, что это очень полезно, и использовать ее теперь могу только я. Старик меня обшмонал и проверил назначение любой непонятной вещи. Я ему продемонстрировал, как бизона валят на большом расстоянии с оптическим прицелом, а он мне по доброте душевной разъяснил, что это я принес из темных подземелий. Теперь ты, Лена... Ну вот и замечательно. Найдите хорошую цепочку – и на шею. Где-то через сутки заработает... Большой специалист был Старик по разным артефактам, даже книгу написал про редкости. И не просите, не дам. Все равно прочитать не сможете. Она не по-русски написана, и я сам не все понимаю. Вот он действительно маг был не из простых. У него соплеменники по стойке смиренно ходили, а чужие просто боялись. С виду такой дедушка божий одуванчик, а как посмотрит нехорошим взглядом, трава засыхает. – Я усмехнулся и продолжил инструктаж: – Телефон теперь работает только на вас. На чужой палец реагировать не будет. Перенастроить же сложнее, тут надо в коробке, – я демонстративно сунул ее в карман, – кое-что понимать и уметь читать. Можете нормально общаться теперь.

– Ты хоть понимаешь, сколько это может стоить?

– Нет, Рафик, не понимаю. И ты тоже. От нуля до бесконечности. В наших условиях, когда электроника то дох-

нет без причины вне зоны, то нормально работает, наверное, очень много. Вот поэтому и не показывайте никому, риска меньше. Пока какой-нибудь Сиплый поймет, что продать нельзя, запросто в спину выстрелит. А здесь всего двадцать четыре номера, отдавать на сторону мне без интереса. Иди, собирайся, и пожрать чего прихвати, а я в конюшню...

– Да, – задумчиво сказала Лена Рафику, – погулял Леха по полной программе. Ты видел, какие у него глаза?

– А ничего удивительного, отпуск кончился. Он иногда так явно не договаривает, что без слов понятно. Знаешь, это как заходишь в Чечне в мирную деревню. Все так с виду замечательно – люди приветливые, угощают. Тишь да благодать, а ты прекрасно знаешь, что они тебя ненавидят. А они знают, что ты знаешь, и улыбаются. Там за своего горло перережут моментально, а чужого мгновенно ограбят, если у него за спиной другая деревня не стоит. И живут они так постоянно и счеты при малейшем случае сводят, – глаза Рафика слегка затуманились, было видно, что воспоминания эти для него нележки.

Он помолчал и продолжил:

– Возвращаясь же к Лехе – практически открытым текстом сказал, что глава такого рода. Чтобы людей держать в кулаке, надо или местным быть из уважаемого рода, или руки по локоть в крови иметь, да и отморозков под рукой, готовых по одному слову кого угодно грохнуть. Я его расспраши-

вать пытался, а он говорит: никому не пожелаю таких приключений. Вечно голодный и ночуешь то в холоде, то в сырости, а чаще всего в холоде и сырости сразу, и при этом желающие убить тебя лезут со всех сторон. Причем неизвестно что страшнее: когда снаряд прилетит или когда тебя пытаются нашинковать мечом учившиеся этому с детства. А на тебя все время смотрят и оценивают. Дашь слабину – загрызут. Ему что, оружие нужно, чтобы бабочек ловить? Устроит он соседям черную жизнь... Ладно, сами в Зоне живем и тоже совсем не ангелы. Один Дядя Степа чего стоит... Пойду собираться. Наверняка он сразу погонит к Мертвой Лощине, так что быстро не жди и лучше пока из дому не выходи.

Молодой парень в старом пальто без пуговиц, в расстегнутой до пупа рубашке и потертых джинсах, с красным лицом алкоголика и мутными глазами протянул руку и нажал на кнопку. В квартире раздался звонок, и через минуту дверь открылась.

– Здравствуйте, здесь живут Михайловы?

– Да, – худенькая, еще не старая женщина посмотрела вопросительно, – а в чем дело?

– Я по поводу Алексея...

– Что-то случилось? – она схватила за сердце.

– Мне надо кое-что передать, желательно всем сразу и без посторонних.

– Проходите, – поспешно открывая дверь, сказала женщи-

на и закричала в квартиру: – Михаил, Таня, быстро идите сюда. – И пригласила гостя: – Вы проходите, пожалуйста, вот сюда в комнату.

– В чем дело, мама? – с удивлением спросила Таня, появляясь из своей комнаты и разглядывая визитера. Муж, подняв брови, тоже посмотрел с недоумением.

– Вот сюда, садитесь.

Парень плюхнулся в кресло и, глядя в потолок, спросил:

– Только свои?

– Да!

– Здравствуйте, мои дорогие родители, и ты, Танька, – заговорил он монотонным голосом, все так же глядя в пространство. – Это я, Алексей. Не обращайтесь на этого типа, он работает вместо магнитофона. Как закончит, все сотрется, и он ничего не вспомнит.

Таня метнулась в комнату в поисках мобильного с видеокамерой.

– Ничего записывать не надо и рассказывать никому тоже. Таньки это особо касается – это опасно и для меня, и для вас. Не надо из-за ерунды рисковать. Просто выпал случай, который может не повториться.

Отец вырвал из рук дочери телефон и сунул в карман.

– Что бы вам такое сказать, чтобы не думали, что это идиотская шутка. Ага! Знаю! В моей старой куртке есть дырка в подкладке, туда права провалились, и я их все найти не мог перед отбытием. Потом посмотрите. Короче, я жив и здоров.

Межгалактических, магических войн и разумных насекомых никто не видел, и, хочется надеяться, и не увидим, можете плюнуть на интернетовские байки. Нас суют на другую планету, чтобы осваивать ее просторы, и больше не обращают внимания – живи, как хочешь. В общем, здесь что-то вроде Дикого Запада времен заселения Америки. Кто хочет – землю пашет, кто хочет – в мастерских работает, а кто хочет пить без просыпа или грабить, пожалуйста, пока не застрелят. Полная свобода и никакого начальства, кроме своих. Можешь идти на все четыре стороны и жить отшельником – всем фиолетово. Проблема одна: для долгосрочников – это дорога без возврата. Я объясню: Рафик женился, и у него родилась дочка. Сами знаете, если он вернется, ему сотрут память, жене тоже, а ребенок родился здесь и на возвращение права не имеет. Это кем же надо быть, чтобы такой номер отколоть? А десять лет прожить в одиночестве, без всяких связей и знакомств, немногие способны. Так что лучше меня не ждать, возвращение мое очень маловероятно. Считайте, что я уехал в эмиграцию в двадцатых годах, и отсутствие писем ничего не значит, просто связи нет.

Тут визитер сделал паузу, как бы что-то вспоминая, боясь упустить. И также монотонно продолжил:

– Кстати, зайдите к родителям Рафика и скажите, что писульку в ящик кинули от меня, без адреса и обращения, про эти фокусы лучше молчите. Жену его зовут Лена, дочку – Оля. Поверят или нет, но, может, им тоже легче будет.

Ну что еще, даже не знаю... Если кто из своих сюда залетит, подскажите, чтобы сразу спрашивал справочную, там можно выйти на знакомых. Если что вдруг, искать меня через деревню Нахаловка. Рафик или Борис по прозвищу Кулак будут знать, где меня найти. Надеюсь, в вашем возрасте хватит ума глупостей не делать. Тут уровень жизни конца девятнадцатого века, с коровками и лошадами, при полном отсутствии всего, что может отсутствовать по сравнению с нашим временем. Список очень длинный. Только молодым и здоровым здесь хорошо.

– Все? – спросил парень с вопросительной интонацией и ответил сам себе: – Все. Время вышло.

Он дернулся и сполз с кресла прямо на пол и, сидя там, начал очумело вертеть головой:

– А где это я?

– Ты на улице перед домом упал, так я тебя к нам затащил, – сообщил отец.

– Да? – со злобой спросил парень. – Гады эти эльфы, говорили все в порядке будет, а тут прямо на улице падаешь. Только вернулся, тут такая... – парень грязно выругался.

– Э, – подала голос Таня, – тут женщины.

– Извини, не заметил. Так я пойду? – спросил он после паузы.

– Иди, иди...

– Говорили мне, – пробормотал он себе под нос, вставая, – даже если вернешься, – это дорога без возврата.

– Как, как? – переспросила мать.

– Все равно ничего не помню, а здесь ни одного знакомого не осталось. Лучше бы не возвращался...

Часть вторая

Живой

Глава 1

Первое знакомство

– Пошла, – разрешил я.

Красотка, не оглядываясь, прыгнула в переливающуюся темноту. Для нее показать боязнь хуже, чем для воина. Доказать, что лучше всех – вот главная задача для таких, как она.

Невозможно описать это зрелище ни на Языке Народа, ни на русском. Прямо перед тобой зияет неподвижное черное *ничто* трехметрового диаметра, а, при желании Вожака, и больше, и чувства говорят тебе, что внутри ничего нет. Нет запаха, звука, осязания, и не на что смотреть. Абсолютное *ничто*, где нет места живому существу.

Можно заглянуть сбоку или сзади, и со всех сторон это выглядит совершенно одинаково. Если ты войдешь в нее, окажешься за сотни, а то и тысячи километров. Шаг – и на этой стороне ничего нет.

Умом я все прекрасно понимаю, но все чувства буквально визжат, посылая сигналы о полном отсутствии любой отдачи

из дыры, и хочется сжаться в страхе.

Я не в первый раз делаю это. Когда Вожак только начал тренироваться, первым шагнул в неизвестность я. Это мой долг – первым проверить, не ждет ли опасность на той стороне, приятного, скажу, в этом мало. Когда идешь через дыру, возникает ощущение, что тебя разрывает на очень маленькие кусочки. Это длится только мгновение, а потом ты уже на той стороне, собранный в исходном виде. Ощущения отвратительные, хотя после десятка переходов уже не так страшно и больно. Может быть, играет роль привыкание, а может, чем чаще, тем боль слабее и слабее.

Я послал лошадей вперед и в очередной раз понаблюдал занимательное зрелище, когда в дыре исчезает фургон. Никогда не спрашивал, но больше чем уверен, если Вожак не удержит дыру, пока мы не пройдем, может оказаться, что части тел и фургона окажутся по разные стороны. Там – за сотни километров – головы, здесь – задняя часть. Вряд ли это будет приятное зрелище.

На другой стороне солнечный свет ударил по глазам, и я резко остановил фургон, натянув поводья и взявшись за приготовленную заранее винтовку. Остроухий и Серая спрыгнули сзади в разные стороны и моментально исчезли. Нас должны встречать, но подготовиться к любому развитию событий надо. Кто ленив и теряет бдительность, долго не живет.

С негромким хлопком дыра исчезла, и дороги назад боль-

ше не было.

Слева от меня находился небольшой лесок, откуда несло смертью и запахом жареного мяса. Это были очень старые, но от этого не менее неприятные запахи. Входить в этот лес не стоило. А вокруг находились заросшие кустарником холмы, и было холодно, очень холодно. Снег почти сошел, но местами еще оставались небольшие белые проплешины. С одного из этих холмов к нам приближался всадник.

Метрах в тридцати от меня с земли поднялась Красотка и демонстративно зевнула, показывая клыки. Еще мгновение назад я ее не видел, только ощущал запах. Она показала, что знает наездника. Тут уж я понял, кто к нам направляется, и немного позже ясно разглядел Черепаху.

Волков я тоже не видел, хотя нюхом чувствовал, что Серая лежит в полной готовности слева, а Остроухий справа от фургона. Прятаться младшие братья и сестры умели прекрасно даже на таком открытом месте.

– Вижу тебя, дважды рожденный, – сказала она, спрыгивая с коня.

– Вижу тебя, паук, – в тон ей сообщил я. – Вожак сказал, ты лучше знаешь, что здесь происходит. Я всегда внимательно тебя выслушаю.

Ее лицо осталось невозмутимым, но сквозь щиты я почувствовал злость.

– Только выслушаешь?

– Я не бросаю тебе вызов и готов подчиниться ради блага

Клана. Ты же знаешь, в походе есть только один вождь. Но тогда выбери, кто ты – паук или воин. Если паук – бойцы подчиняются мне.

К нам подъехали еще двое всадников, и за моей спиной моментально появились волки в качестве поддержки и демонстрации защиты. Красотка так и сидела в стороне, делая вид, что происходящее ее не касается.

– Позвольте представить вам, – заговорила по-русски Черепаша, – это Живой, род Медведей, семейство Гризли со скал из Клана Пятипалых. А это, – показала она на вновь прибывших, – Рафик и Лена из рода славян, семейства Каримовых. Союзного семейства, – подчеркнуто сказала она.

Лена была очень маленькой и выглядела моложе моего представления о ней лет на пять. С курносым носом и коротко стриженными каштановыми волосами и вполне физически в форме. Явно привыкла к тяжелой работе и длинным переходам. Больше всего она была похожа на низкорослую самку примата, но второй тени у нее не было.

А вот Рафика я помнил прекрасно. Хотя «помнил» – очень неточное слово. Вожак совершенно невзначай наградил меня массой информации. Из-за этой случайности она странными кусками, которые я получил из его памяти. То есть были вещи, которые я помнил, но память не моя. А некоторые вроде должен был знать, но почему-то не сохранились совершенно. Со временем удалось разложить чужие воспоминания по отдельным полочкам, но некоторые мо-

менты я по-прежнему воспринимал эмоционально так, как будто это касалось меня. Его родителей и сестру, его друзей и врагов.

Рафика я помнил таким, каким он был в армии. Он не особо изменился, только вроде как заматерел и воспринимался совершенно так же.

– Позвольте представить – Остроухий и Серая, род Волков, из Клана Пятипалых, – автоматически сказал я, пытаюсь мысленно разобраться, где кончается внушение от Вожака, а где мое собственное отношение.

Они подошли и с интересом обнюхали новых знакомых.

– Мави нам всем представлять не надо, а они такие же, – сообщила Черепаха.

– Вы уж извините, – сказала Лена, – если я что-то порчу, но формальное представление закончено? Тогда надо двигаться.

Я просигналил волкам и залез в фургон, устроившись на передке. Лена села рядом, и в кузов моментально запрыгнула Красотка. Рафик пристроился сзади, в качестве конной охраны, а Черепаха с волками ушли вперед.

Некоторое время мы молчали, глядя на дорогу, потом Лена спросила:

– Я не поняла, что вы говорили вначале, но выглядело это так, как будто вы выясняли отношения.

– Что, так заметно? Мы определяли подчиненность... Я, по вашим понятиям, боевик, а она... хм... заместитель ко-

мандира по административным и хозяйственным делам. Это разные ведомства. Я сказал, что напрямую она мне приказывать не может, но если убедит в правильности своего решения, а она знает больше меня про Зону, подчинюсь. А остальные, – добавил после паузы, – получают приказы от меня.

– Ты хорошо говоришь по-русски.

– Да уж.

Сзади раздалось явно насмешливое мурчание.

– Что, я опять сказала что-то не то?

– Все нормально... Просто у нас есть такие специалисты, которые могут взять что-то от тебя и передать другому. Не навыки, что даются от рождения – вроде быстрее бегать, дальше прыгать, – а знания. Ну, к примеру, если я умею лечить лошадей, можно взять мои знания, чему я учился много лет, и передать тебе точь-в-точь. Если не тренировать себя и не заниматься делом, все это очень быстро испаряется из головы, но если постоянно упражняться, знания становятся твоими навсегда. Это очень сложно и умеют немногие, но иногда такое делают, когда у человека нет ученика или наследника. Только надо добровольное согласие обязательно, иначе можно доиграться до шизофрении. Зверь, в смысле Алексей, дал мне знание языка. Так что если я хорошо говорю по-русски – это значит, что он хорошо говорил. И словарный запас у меня точно такой же. Если он какого-то слова не знал, значит, и я его не знаю.

– Здорово врешь, – радостно сказала Красотка из-за спи-

ны на Языке Народа.

– Я хоть слово лжи сказал? А ты бы думала иногда, прежде чем влезать в разговор.

Она радостно засмеялась.

– Извини, – сказал я Лене, – Мави слишком придурочная, везде ищет причину приколоться.

– Сам такой, – возмущенно заявила кошка.

– Ты настолько ему доверяешь, – дождавшись, пока мы кончили переругиваться, спросила Лена, – что разрешил копать у себя в мозгах?

– Кто сказал, что я ему доверяю? – изумился я. – Вопрос, доверяет ли он мне... Это он отдал мне часть себя, а мое дело оправдать такое доверие. Видишь ли, мы живем по другим понятиям, чем принято на Земле. Очень серьезно относимся к своим клятвам, и если уж даем слово, то нарушить его способны немногие. Уважать не будут. Никто не скажет: «Плевать я на тебя хотел» или «Я убью тебя», если он на самом деле не собирается это сделать. Тем более никто не скажет: «Я добровольно прошусь войти в Клан, но делать, что мне указывают старшие, не буду». Ага! Наиболее близко к этому самураи. Только мы живем не для господина, а для Клана. Есть долг жизни и долг смерти. Это как... э... правила совместного проживания и правила поведения на войне. Это надо часа три рассказывать, чтобы понятно было, и только основные законы... Ты мне тоже в двух словах не расскажешь уголовный кодекс с разными другими администра-

тивными законами и уставы в придачу, но живешь по ним каждый день и прекрасно знаешь, что можно и что нельзя. Глупо было бы посылать сюда кого-то, не понимающего языка и не соображающего, что происходит вокруг.

– А ты соображаешь?

– Поживем – увидим... Я еще один родственник из провинции, вроде Черепахи. Глухая такая деревня без цивилизации, со вспашкой земли на быках.

Лена искоса посмотрела на меня.

– От трактора или грузовика шарахаться не буду, с огнестрельным оружием знаком и в качестве разведки очень пригожусь. Не знаю, чего рейдеры умеют, но я наверняка не меньше знаю про Дикое поле и живущих в нем. Леса похуже, степи получше. А лучше Остроухого и Серой в дозоре все равно никого не найти.

– Я лучше, – сообщила Красотка.

– Ты лучше, – согласился я. – Только такие расстояния, как они, ты пробегать не сможешь. Ты у нас резерв главного командования.

– Не поняла, – просовывая морду между нами и пытаюсь заглянуть мне в лицо, сказала она.

– Это специальный отряд при военном вожде, – почесав ее между ушами, сообщил я, – который выскакивает из засады. Кому как ни тебе этим заниматься.

– Это правильно, – подтвердила кошка. – Я лучшая!

– Вот именно. А теперь лезь обратно и не мешай разго-

варивать. Как кто-нибудь запрыгнет к нам в кузов, ты его и удивишь.

Она фыркнула и удалилась.

– Ну, что еще во мне такого хорошего есть? – задумчиво спросил я сам себя вслух. – Телефон за номером пять для связи и полный фургон добра. Кстати, и для вас подарки имеются. Там отдельно мешок лежит, потом посмотрите. Для вас с Рафиком и для ребенка одежда из эльфийской ткани. Зверь сказал, не надо, чтобы видно было, так верхний слой из обычной ткани, с виду не догадаешься. Полный набор – рубашки, майки, брюки и девочке на вырост несколько вещей.

– Ты хоть представляешь, сколько это стоит?

– Не дороже дружбы, а чтобы в голову не брали, там еще за тысячу экземпляров всех видов и размеров и, кроме того, отдельные куски «Ткани» на продажу.

Лена изумленно покачала головой.

– Откуда столько? И Леха тогда притащил кучу добра...

– Ну, если честно, это трофеи. И тогда тоже. Кто с мечом к нам придет, мы тому орало и разорвем. А попутно разденем, разуем и выкуп возьмем. Можно было пару сотен коней пригнать, но невыгодно. «Ткань» дороже. Может, потом перейдем и на такое, а пока в одном фургоне много не увезешь. Там еще две стокилограммовые «Фляги» стоят. Со змеиным молоком и медом. Ну, и по мелочи – «Иглы», «Клей», «Мясо», «Льдинки», десяток «Фляг» поменьше размером.

– Вы и змей доите? – изумилась Лена.

Красотка радостно захихикала.

– Это не змеи, а такие большие ящерицы вроде варанов. У орков вместо домашней скотины. Молоко целебное, очень помогает при разных инфекционных болезнях, способствует укреплению иммунитета. Только пить надо сразу, больше суток не хранится, начинает портиться. Вкус не слишком приятный, но ради здоровья стоит. А мед тоже полезный – при переломах и ранениях очень способствует заживлению. Зверь сказал, что не хуже антибиотиков работает.

Я взглянул на нее и мысленно порадовался, какие они тут прозрачные. Совершенно не умеют закрываться. Наверное, думают, что по лицу ничего не понять, а тут по запаху и движениям все прекрасно слышно и видно. У нас каждый с детства учится себя в броне держать. Это делается настолько автоматически, иногда забываешь, что должен щиты снять, чтобы сделать какие-то определенные вещи. Но зато и не влезут тебе в голову и про чувства не догадаются. Работать с силой под щитами только пауки могут.

– Я, – пояснил Лене на невысказанный вопрос, – из рода Медведей, Черепаха из Волков, есть еще разные, а Леха сам себе род. Потому и Зверь, что своего рода не имеет. У нас имена бывают двух видов. Или как у чукчей – что вижу, то и пою. Но это родители называют. Или со смыслом, когда повзрослеешь. Вот я Живой, потому что чуть не умер, а вместо этого обманул смерть и гуляю. Если надо, можете пере-

именовать в какого-нибудь Ярослава Медведева, от меня не убудет.

Она долго молчала, изредка с интересом поглядывая на меня. Фургон медленно катился, поскрипывая колесами и хлопая брезентовым верхом под ударами холодного ветра. Дорога раскисла от таящего снега, и мы ехали, старательно обходя лужи, чтобы не завязнуть. Впереди все время маячила Черепаха, и иногда мелькали наши волки, прибежавшие к ней с докладом. Я молчал, давая Лене возможность спросить, что ей хочется, и не мешал раздумьям.

– Послушай, – сказала она наконец, – как ты относишься к людям?

Да, вот такого я не ожидал. Еще бы кто мне нормально объяснил, что такое человек.

– Леха говорил, – продолжила Лена, – что вы называете себя Народом, а людей недолюбливаете.

– Ну, да, мы Народ, потому что из одного корня происходим. Вот только как людей можно любить или не любить вообще? Каждому согласно поступкам его. Я пока людей не видел, чтобы кого-то считать заранее плохим.

Лена изумленно открыла рот, чтобы возразить.

– Знаю, знаю. Только вот ты уверена, что вы с Рафиком люди? Я не паук, но эта ваша меченость в глаза бросается. Вряд ли вас можно назвать нормальными людьми. Ты можешь дать точное определение, что такое человек? «Разумное существо» меня не устраивает. Вон Красотка очень ра-

зумное существо, прекрасно понимает, о чем мы говорим, но человеком точно не является.

– Я кошка и не желаю быть вашим человеком, – немедленно сообщила та. – У вас даже нормальных клыков нет.

– Мы поэтому и Народ, что такие, как она и Остроухий с Серой, наши братья и сестры. Не на словах, а на деле. Не думаю, что церковь признает их имеющими такие же души. Народ верит, что они могут возродиться среди нас. А вот «Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев» – оплевал, если я правильно помню, еще Диоген.

– Но Найденыша не принимали у вас, – возмущенно заявила она.

– Это правда. А живи в Славянске негр, его бы тоже гоняли и плевали в спину. Что, разве не так?

– Значит, разницу между вами ты знаешь!

– Конечно. Ты знаешь, что такое атавизм?

– Хвост, например, у человека...

– Ну, не совсем так. Это проявление признаков, свойственных отдаленным предкам, но отсутствующих у ближайших родичей. Может быть и хвост, а вообще патология в развитии и ненормальное функционирование организма.

– Стоп, – сказала она решительно. – А вот теперь объясни, что у него не нормально?

– О, тут мы вступили на очень скользкую почву. Врать я не хочу, а полную правду вам лучше пока не знать. Ты знаешь про список улучшений у эльфов?

– Все знают.

– Так вот, у нас тоже кое-что имеется, но не все стоит озвучивать. У нас лучше регенерация. Мы сильнее и быстрее того же человека. Лучше видим и слышим. Такие, как Черепаха, – это очень высокий уровень, но каждый второй среди Народа – то, что вы называете экстрасенсом. Кто-то может общаться мысленно, кто-то видеть будущее, определять по ауре самочувствие или находить воду и руду с минералами. Много есть всяких разновидностей. А самое главное – у нас у каждого две тени.

– Это как?

– Я не знаю, как объяснить то, что надо видеть. Я смотрю и вижу, кто из какого рода происходит. У Найденыша нет второй тени.

– Но ведь и у нас нет...

– И у орков, и у гномов тоже нет. К людям это не имеет отношения, просто это признак Народа. Если человек не русский, а француз или испанец, ты будешь к нему хуже относиться?

– Нет.

– А кто-то будет, хотя все они люди. Достаточно сказать: вот идет китаец или американец – и моментально появится куча шавок, тьявкающих из-за угла. Это называется «ксенофобия» и часто относится к близким видам. Потому что они постоянно пересекаются и рано или поздно сталкиваются в конкурентной борьбе. Успешных не любят, потому что им

завидуют. И в глубине души считают, что если бы не мешали всякие разные, сами стали бы о-го-го. И не важно, что американцы очень разные бывают, не любят всех скопом. А здесь то же самое. – Я глянул искоса на Лену и спросил: – Меченых еще не ловят в Зоне?

Она улыбнулась и не ответила.

– Придет время – начнут. А у нас, наоборот, все меченые и не любят своих нормальных родственников. А я человек...

Красотка опять радостно замурчала.

– ... спокойный, – продолжил я, – все люди в целом мне совершенно до... – я хотел сказать грубость, но глянул на Лену и поправился, – ...одного места. Я собираюсь сначала смотреть на их поведение, а там уж как получится. Не пошлют же убежденного куклуксклановца в Африку пообщаться и поработать с тамошними неграми – это плохо кончится. Не надо от меня ждать подобных проблем.

– Все-таки ты удивительно хорошо говоришь по-русски. Ксенофобия, понимаешь...

– У нас в глухой дыре сохранились энциклопедии и словари, но при чужих я собираюсь больше следить за правильным образом деревенского парня и говорить «чо?», «куды?» и тому подобное. Лошадям обязуюсь кричать «Но, залетные...»

Лена засмеялась.

– Ты лучше скажи, я что-то не понимаю, или мы едем не в поселок?

– Сначала заедем в Форт. Чем быстрее избавимся от фургона, тем лучше. Дунай почти очистился ото льда, скинем все это, и вы погрузитесь. Все уже давно готово, только тебя ждали. Да и лучше несколько раз по одной дороге не ездить. Люди, они глазастые, и рано или поздно заметят. Лишние вопросы...

На ночь мы разбили лагерь у маленького ручейка. Я достал из фургона гранулы и запалил небольшой костер.

– Это что? – с интересом спросил Рафик.

– В степи топлива нет, – ставя котелок на огонь, объяснил я. – Там жгут все, включая сухое бизонье дерьмо. А вот деревья ломать нельзя. Поэтому собирают опилки, кору, сучки и другие отходы и прессуют их в такие вот небольшие цилиндрики, – я продемонстрировал. – Килограмм гранул – как пол-литра бензина. Сейчас с этим проще стало, орки стружки и обрезки дерева не ценят, задешево отдают.

– Нет, не делай этого! – одновременно с Черепахой воскликнули мы, увидав, что Лена протягивает кусок хлеба Остроухому.

Она с удивлением посмотрела на нас.

– Ты бы еще пирожные предложила... Они плотоядные и плохо переваривают травяную и мучную пищу. Щенкам вообще давать нельзя, пища закисает в желудке... Никогда не кормите их, как человека, со стола. Килограмм-два мяса в день, зимой больше, летом меньше – это нормальный рацион. Утром они уже ели, а в дороге успели зайца стрескать.

– Откуда ты знаешь?

– Доложили, когда прибежали. А вот Мави придется позже кормить, она лежала и отдыхала. Ночью за сторожа поработает.

Волки дружно оскалились в усмешке, Красотка демонстративно зевнула, показывая клыки, и гордо удалилась от костра в темноту.

– А тебе можно есть все?

– У меня с этим проблем нет, – сообщил я. – Никакой кашрут не предусмотрен. В основном, конечно, мясо в разном виде, но, кроме того, мы делаем сыр и творог из молока коров и кобыл. Зерно и овощи вполне нормально. Рыба иногда, просто больших рек на равнинах нет, и она редко бывает. Собственно, вы ж не первый день с Черепахой знакомы. Она что, сильно привередливая?

– Рыбу вот не любит, – сказал Рафик.

– Это ее личное дело. Желудок у нас хороший и способен переварить все что угодно. Это, правда, не значит, что мы должны любить это «все что угодно». А вот кофе я бы попробовал, интересно...

Черепаха пришла, когда все улеглись и затихли. Она села напротив и принялась сверлить меня взглядом. Я старательно делал вид, что ничего не замечаю. На куске брезента разобрал стечкина и тщательно протирал каждую деталь. Не будешь следить за оружием, оно откажет в самый неподходящий момент. Даже за обычным ножом надо ухаживать, а

пистолет посложнее будет. Я снова собрал его, вставил магазин и сунул в кобуру. Потом принялся за винтовку. Тут она не выдержала и спросила:

– Что дома происходит?

– Урожай был хороший, многие кобылы жеребые, с зелеными мы неплохо торгуем. Молодые женщины носят детей. – На это Черепаха скривила рожу. Я сделал паузу и, посмотрев ей в глаза, сообщил: – Койот беременна.

Она улыбнулась улыбкой, которую можно было бы назвать торжествующей, только до меня не дошло, с чего такая радость.

– Мальчик? – утвердительно спросила Черепаха.

– Мальчик, – подтвердил я. – Точно знать пока нельзя, но вот Зверь уверен, что будет примат.

– Надеюсь, он не полез проверять?

– Там без него есть кому. Разрезающая плоть пришла сразу. Всех повыгоняла и долго смотрела.

– Даже так, – пробурчала Черепаха и задумалась, что-то прикидывая.

Разрезающая плоть была одним из старейших членов Совета пауков. За двести лет ей точно перевалило. Специализировалась она на лечении раненых и свое имя получила за отказ от обычных методов и яростное внедрение того, что можно было назвать хирургией. До нее считалось, что если обротень не способен сам заживить рану, незачем ему и жить. А еще ее называли лучшим специалистом по определению

отклонений при беременностях еще до рождения. Хлебом не корми, только покажи особо интересный случай, и она счастлива.

– Шесть месяцев, – озвучила Черепаха свои размышления. – С кем он еще был?

– Щас я тебе так и расскажу, – насмешливо сообщил я. – Кто такие вещи обсуждает с женщиной, которая сама не прочь?

– Не будь идиотом, если родится ребенок вне Клана, об этом будут и так знать все. И росوماхи, и кошки, и лисы с удовольствием подсунут Зверю своих девушек. Это хороший поводок для такого, как он.

– Не родится.

– Ты уверен?

– Я уверен. И, думаю, ты тоже. Сама знаешь, он это может контролировать.

– Я-то знаю, а вот ты откуда можешь...

Я пожал плечами, мысленно сделав зарубку на память – обязательно сообщить. Зверь так и говорил: пауки знают, а вот нам не положено. Очень им хочется указывать, с кем и когда появятся его дети. «Вот им, – сказал он, демонстрируя фигу. – Я знаю, как сделать, чтобы они не появились в объятиях очередной красавицы. Ничего не имею против блондинок, брюнеток, шатенок и рыжих и всегда рад, если они этого хотят, но рожать от меня будут только одна-две, и только те, кто в Клане. Еще не хватает такие подарки направо и нале-

во делать. Я им не Илья Муромец, чтобы сыну потом голову отвинчивать, и тем более не жеребец-производитель».

– Он перевертыш, все что угодно может сделать.

– В кого перевертыш? – быстро спросила Черепаха.

Я мысленно прикинул и не увидел, почему не сказать.

– Волк, лиса, примат, медведь, росомаха, рысь, пума, леопард, кошка, ягуар. И это общая характеристика, у той же рыси пять разновидностей, я не знаю, сколько из них. У остальных тоже много родов.

– Шакал, койот, тигр, лев?

– Таких в Клане нет.

– Значит, ты уверен, что ему нужен личный контакт, – пробурчала она.

– Для полного соответствия – да.

– Но он с ними встречался?

– При мне – нет.

– Очень интересно, – пробормотала она себе под нос. – А орком он может стать?

«Опа, – подумал я. – Какой интересный вопрос. Никогда не задумывался, а ведь она права, если может одно, почему не другое?» И вслух:

– Я не видел.

Черепаха подозрительно посмотрела на меня.

– Раньше ты так не говорил...

– Раньше я вообще ничего не говорил, мы были в другой ситуации. Я больше не телохранитель, он сам меня освободил.

дил. Я ведь сказал, что не собираюсь выяснять, кто из нас сильнее. Здесь мы с тобой против всех, младшие не в счет, и я всегда прикрою тебе спину. Нам нужна эта земля, и все, кто будут мешать, заработают себе на голову большие неприятности.

– Что, так плохо? От тебя до сих пор несет смертью, что там было?

– Когда умер Старик, Правильный Лучник об этом узнал сразу. Двое из охраны Старика моментально вскочили на коней и ушли. Одиннадцать остались и попросились в Клан.

– И сколько среди них врагов? – моментально спросила Черепаха. – Их надо было сразу... – Она провела рукой по горлу.

– О пауки! – подымая руки к небу, воскликнул я. – Мудрые и думающие о последствиях и благе Народа. Надзирающие за соблюдением традиций и законов. Какое горе, что не все вы такие глупые, как Правильный Лучник и Черепаха, бегущая по предгорью.

Она снова скривилась, как будто съела что-то кислое, но промолчала.

– За что? – обратился я к ней. – Они были в своем праве – и те, и другие. Вожак умер – они свободны. А что некоторые заранее думали, как им жить дальше, так это не запрещено. На то и голова существует, чтобы ею думать. Тронь их, и многие задумаются, что за порядки в Клане, где гостям клинком по горлу. А равнины об этом непременно узнают

очень скоро. Койот права была абсолютно, когда не позволила их прикончить. Правда, двоих потом все равно убили, но за нарушение клятвы. Все по справедливости – закон прежде всего. Нечего было брать чужое.

– Двоих вы нашли, а скольких не поймали за руку?

– А среди тех, кто приходит сам, сколько таких? Пока троих вычислили. Ничего не поделаешь, они всегда будут. Всем интересно знать про наш Клан. За триста лет ничего подобного не было с тех пор, как последний раз виды делились. Совсем ведь не обязательно, чтобы они думали, как навредить. Просто хочется со своими общаться. Это ведь на словах легко – забыть родичей. Вот некоторые и пользуются, чтобы вопросы совсем не личные задавать. – Я со значением глянул на нее. – Только не надо на меня глазами сверкать, ладно? Моя мать давно замужем вторично и не особо волнуется обо мне, а больше у меня никого нет. А вот у других есть.

Я опять выразительно посмотрел на нее.

– Короче, Лучник взбудоражил своих приматов. Кошачьи с волками после Большого Похода ни на что серьезное не способны, пауки должны сидеть и думать. Вот он и вывел в рейд всех, кого смог, пока остальные размышляли. Многие с ним не пошли, но шесть сотен собралось, на нас бы вполне хватило. Если бы вышло, Совет бы сделал вид, что все по правилам, а заодно не надо думать, что с нами делать. Да и добра у нас огромное количество – стоит поделить. Ну вот,

и отправился Правильный Лучник впереди на белом коне, как вожак. Всех под себя подмял. Уж извини, не люблю пауков. Чем сильнее, тем глупее. Слабому хоть иногда думать приходится, а сильный считает, что ему все позволено. – Я усмехнулся, вспомнив. – Мы встретили их, перегородив дорогу. Будь у Лучника хоть немного ума, он повел бы себя по-другому. А так – даже зная про то, что Зверь выкинул сорками, – просто раздвинул отряды на флангах и поставил их в три шеренги, чтобы от возможного взрыва пострадало как можно меньше. Шесть на одного – нас бы смяли без проблем. Он был так уверен, что не остался позади, а ехал во второй шеренге.

Черепаша, видимо, хотела что-то спросить, но передумала. А я продолжил:

– Сначала они шли шагом, а потом перешли в галоп. Только с пятисот метров два «Корда» и четыре «Печенега» превратили это в бойню. У них не было ни одного шанса. Как косяк по траве – она тоже сдачи дать не может. Мы долго тренировались, пока полный автоматизм не получился. Прицел – очередь – замена ленты. А из этих пулеметов, когда пуля попадает, – это как удар кузнечного молота. Можно уже не смотреть, все равно не встанет. Назад не повернул никто, до нас доскакало только двое, которые тоже долго не прожили. И все это заняло минут десять.

– А Лучник?

– Я ж говорю, идиот. Лезет, куда не надо. Сидел бы спо-

койно в стороне, так вроде и претензий не предъявишь. Паук в боевых действиях не участвовал, а что подстрекал, так вам и положено. Мы его потом разыскали. Две пули получил. Одна прошла насквозь, и здоровая дыра, мог бы и залечить при старании, а вот вторая в шею попала. Он моментально истек кровью, никакое умение заживлять раны не помогло. Когда последние упали, мы двинулись цепью через поле, добывая раненых воинов и искалеченных лошадей. Это не бой лицом к лицу, когда все решают сила и умение. Это, примерно, как ты убиваешь зайца: зубами щелк – и он только пискнул. – И я для наглядности клацнул зубами. – Воины Народа лучшие из всех, но, принесся огнестрельное оружие на равнины, Зверь сломал там привычную жизнь. Он прав, нам надо уходить, и пусть оставшиеся живут, как хотят. Для нас нормальной жизни все равно не будет.

– А что они нам сделают, если вот так? – Она обвела рукой мою винтовку и свой калашников, объединяя их в одно целое.

– Больше они так глупо не подставятся. А вообще ты знаешь, сколько всего живет на равнинах? Миллион будет?

– Ну, наверное...

– Вот и представь, что они могут сделать, если перестанут грызться между собой. Не надо всех, хватит пары видов. Просто массой задавят. Вчера нас было четыреста семьдесят один вместе с тобой. Чтобы всерьез драться – это слишком мало, а еще год-другой – и места перестанет хватать.

– Откуда мы знаем, что там можно жить? – тоскливо сказала Черепаха. – Или что там будет аномалия, откуда Зверь сможет сделать проход.

– Не знаем, – соглашаюсь. – Только любого хищного зверя мы и раньше могли уделать, а если есть опасные места, внимательно посмотрим. Для того и идем, чтобы на месте проверить. Ты что, не понимаешь? Если есть возможность зацепиться, мы там сядем первыми и сами начнем отбирать, кого звать к себе. Это не твоя семья – это твой род будет. Твои рощи и твои земли. Далеко и от Народа, и от людей – живи, как хочешь. Ни Зверь, ни Койот в ближайшее время с равнин не уйдут, будут и дальше собирать желающих в Клане жить.

Она насмешливо посмотрела на меня.

– Вижу, – кивнул, – думала. Умный паук и должен думать.

– Теперь я стала умная, после того, как согласилась с тобой?

– Я сказал – должен думать... Не получится здесь, найдем другое место. Клану нужна цель. Освоение новых территорий – лучше не бывает. Заодно и будет куда энергию девать, не в дурацких стычках попусту растрчивая. Места много, значит, можно рожать и не бояться, что придут другие и начнется война за территорию. А Народу тоже хорошо – избежится от таких, как мы, возмутителей спокойствия.

– Может, ты не любишь пауков, потому что слишком много думаешь? Воину не положено, у него на это вождь есть.

– А у вождя есть жена, которая думает за него.
Мы заржали.

Глава 2

Даша

В Форт мы въехали ранним утром, кроме пары охранников на воротах свидетели нашего появления отсутствовали.

Фургон подъехал к отдельно стоящему складу, и мы быстро скинули груз в помещение, ключи были у Черепахи. Потом они с Рафиком пошли выяснять, где Борис, а я занялся конями, дав им поесть и попить. Лена пристроилась по соседству с входом, контролируя вместе с волками склад. Автомат она держала вполне уверенно, и сомнений в ее умении им пользоваться у меня не возникло. Мави легла прямо на пороге и лениво поглядывала по сторонам.

Через четверть часа Рафик с Черепахой вернулись в сопровождении Кулака и незнакомой рыжей девушки. Оба были в синих потертых комбинезонах с множеством карманов. У нее на поясе висели нож и наган в потертой кобуре. Борис оружия не имел совсем. Отсутствие ножа меня изрядно удивило. То есть я знал, что для людей это совершенно не обязательное дело, но глаз невольно цеплялся за пустой пояс, и это раздражало, как будто человек был без одежды.

Приветственно махнув мне рукой, он прошел мимо, быстро мазнув взглядом. Запах у него практически не изменил-

ся, но у меня появилось ощущение, что я взвешен, оценен, и где-то на лбу приклеен ярлык с одобрительной надписью. Во всяком случае, отрицательных эмоций не было.

Девушка остановилась рядом и, с интересом посмотрев на меня, сказала:

– Я Даша.

– Я Живой, – сообщил ответно.

– Как? – растерянно спросила она.

– Живой, – повторил я. – Зовут меня так.

– Знаешь, – удивленно сказала она, – я была уверена, что тебя зовут Медведь.

Я внимательно посмотрел на нее. Перед походом Зверь рассказал многое про семейство Кулака, и потому догадаться, что это его дочь, было не сложно. На своего папашу, впрочем, она была не слишком похожа. Он хоть и с бритой головой, но явно брюнет, а она рыжая. Да и габариты совсем не отцовские. Ниже меня на голову и хотя вполне физически развита, но очень женственна. С тонкой талией и небольшой грудью, как раз то, что мне всегда нравится. Наши женщины-воины с рельефной от постоянных упражнений мускулатурой у меня никогда энтузиазма не вызывали.

– Я, скорее, Медведев буду, – сообщил ей, откладывая на потом мысль поговорить об этом вопросе с Черепахой. – Фамилия моя такая. Так что не очень-то ты и ошиблась. А Живой – это прозвище. Еще дважды рожденным называют, но это длинно и неудобно. Записали меня один раз в покойни-

ки, а я вернулся.

– А, – сказала она, и я почувствовал ее облегчение. На живозапах, о котором говорил Зверь, это мало похоже, он гораздо лучше улавливает мотивы поведения, но преимущество в улучшенном нюхе есть, тем более что люди не умеют скрывать эмоции. Когда человек радуется, боится, страдает или еще какие сильные эмоции испытывает, у него меняется даже запах пота. С Народом такой фокус не пройдет, мы слишком привыкли держать себя под контролем, а здесь общаться с местными будет гораздо легче. Если только не в большом городе. Там должно быть слишком много запахов.

– Извини, если тебе неприятно вспоминать.

– Да нет, все нормально. Мне нравится быть живым – гораздо лучше, чем мертвым.

Пока мы разговаривали, Борис, присев на корточки, внимательно разглядывал развернутый тюк с одеждой.

– Удружили, – сообщил он, вставая. – Лучше бы это просто «Ткань» была. Все размеры очень большие, а переделывать проблема.

«Ну да, – подумал я, прислушиваясь. – Естественно, большие. Ведь маленькими оборотни бывают только в детстве. Еще хорошо, что отстиранные от крови и те, что с дырками, я не привез. Сплошные трофеи с поля битвы».

– Не выдумывай, – говорил тем временем Рафик. – Все прекрасно подгоняется и переделывается. Берешь «Иглу» и «Клей» и сажаешь портних за работу. А даже небольшие

куски очень приличных денег стоить будут. Все равно это «Ткань», за такую куртку можно нормальный дом купить, а если кому и велика, пусть под нее что-нибудь надевает.

– Так это же я еще платить за переделку должен! – возмущенно воскликнул Борис.

Начинался торг. Я перестал прислушиваться.

– Если хочешь, я тебе покажу, что у нас в Нахаловке есть, – сказала тем временем Даша. – Наверное, тебе интересно будет, все равно мы только завтра отплываем.

– Интересно это в смысле, что у вас в поселке есть нечто такое, что я не видел? И что означает это слово «мы»?

Она опять смутилась и замолчала. Потом, отбросив рукой челку, подняла голову и посмотрела мне в глаза.

– Папа мне рассказал о вас. И еще я говорила с Черепахой. Я знаю, что вы не славяне. Я не хотела сказать что-то обидное, мне хочется помочь, – она замялась и продолжила, – и я тоже еду с вами. Черепаха согласилась.

– Интересно, – пробурчал я. – И кому еще папа сказал?

– Больше никто не знает, – уверенно сказала она.

– О! Значит, стоит тебя убить – и будет просто замечательно. Никто и не узнает.

– Это не смешно.

– Да уж. Мне тоже. Мы идем неизвестно куда на неизвестно какое время. Ты где-нибудь по дороге свернешь себе шею, а Борис потом предъявит претензии. Проще сразу прямо здесь, никуда не отправляясь.

Она торжествующе улыбнулась:

– Но ты же за мной присмотришь?

Если бы я был на равнинах, то уже точно бы знал, что она начала на меня охоту. Как ухаживают люди, об этом в воспоминаниях Лехи, доставшихся мне, почему-то не было. Куски из разных фильмов вряд ли можно было считать подходящей инструкцией.

– Иди сюда, – крикнул Рафик.

Я перешагнул через Мави, по-прежнему лежащую на пороге и делающую вид, что не обращает на нас внимания, и двинулся к спорщикам. Кажется, они договорились о цене.

– Здесь что? – показав на три отдельно стоящие сумки и «Флягу» с огромным горлом, спросил Борис.

– Вот эти две – мои вещи. «Фляга» тоже. А это... постелите что-нибудь на пол.

Даша торопливо притащила из фургона кусок брезента и положила на пол. Она очень старалась продемонстрировать послушание. Так я и поверил! Женщины везде одинаковые.

Я вытащил из сумки пару свертков и, распаковав их, высыпал перед разом присевшей на корточки компанией. Женщины, включая Черепаху, дружно полезли руками в кучу и начали перебирать побрякушки.

– Килограммов пять будет, – сообщил я. – Если чистое золото – не меньше ста тысяч долларов. У вас какой курс вообще?

– А никакого, – пробурчал Борис, – никто не понимает,

по какому принципу эльфы за заказ берут. Иногда страшно много, а иногда какие-то копейки.

– Неважно. Тут есть старинные изделия с надписями Ушедших и камешками. Леха сказал, что совершенно не представляет, сколько может стоить, и потому лучше продавать по частям, чтобы цены не сбивать.

Лена с явным сожалением на лице кинула в кучу цепочку с крупным изумрудом и встала.

– Это миллионы, – уверенно сказала она. – Даже простые изделия очень редко попадают, а тут некоторые камни вполне достойны музея. Это вам не пара каратов, тут изрядно больше будет.

«Хорошо сказала про музей, – невольно подумал я. – Чем Святилище не музей? И посетители бывают часто... Разве что прямо на землю складывают, а не в витрины...»

– Деньги после продажи, – быстро сказал Борис. – Только надо все тщательно переписать, и каждую вещь взвесить и сфотографировать. Идем со мной в контору, не сидеть же здесь на полу.

Черепаша кивнула и оглянулась на меня.

– А его сводит в эльфийскую контору Даша, – сообщил он. – Потом приведет на причал. Оставишь здесь ваших звериных охранников, – он оглянулся на дверной проем, – потом, когда закончим, Рафик прихватит твои вещи на баржу.

Черепаша просигналила на боевом языке у него из-за спины: «Иди, потом поговорим. Отдашь, что привез, только в

руки».

Я поднялся с пола и с поклоном протянул руку Даше. Она улыбнулась и, взяв меня за протянутую руку, тоже поднялась. Потом сделала книксен.

– Винтовку оставь, – собирая украшения в сумку, сказал мне Борис. – В поселке она не нужна. Хватит с тебя того, что имеется.

– А что у тебя имеется? – уже за дверью спросила Даша. – Стечкин вижу, нож тоже.

Я расстегнул куртку и показал «Микро-Узи», потом закатал рукава и продемонстрировал ножны у предплечий.

– Специально подогнаны под твои руки? – внимательно рассмотрев, удивилась она.

– Угу, – согласился я. – Спецзаказ... Возьмем одну из моих лошадей, или у тебя своя имеется?

– Конечно, своя, подожди немного, – и она торопливо убежала.

«Цепкий взгляд у Бориса, – подумал я, глядя ей вслед. – Интересно, он только это заметил или остальное тоже?» Демонстрировать раньше времени весь свой арсенал пока не стоит.

– Любопытное у вас тут место, – задумчиво сказал я, когда дверь за нами закрылась. – Глядя с улицы на это здание, я даже не подумал, что внутри столько много места.

На входе, пропуская нас и здороваясь с Дашей, нам

вежливо кивнул охранник, вооруженный калашом. Другой, небрежно держащий обрез, с интересом наблюдал за нами внутри.

Чем-то это помещение напоминало супермаркет, только продуктов здесь не было. На полках, уходящих вдаль, стояла масса предметов, крайне необходимых ближнему для лишения жизни своих прямоходящих соплеменников. А уж ассортимент был – глаза разбегались! Камуфляж разного вида и от разных производителей, пистолетные кобуры, оптика, рюкзаки, охотничьи сумки и разное другое снаряжение.

К нам подлетел молодой человек в наглаженной рубашке и в галстук и с ходу радостно завелся:

– Наш магазин оружия предлагает широкий выбор товаров для охоты и самообороны. Это гладкоствольное и нарезное оружие, как знаменитых славянских, так и ведущих зарубежных производителей. Справа оружие, слева снаряжение. Если у нас в наличии не окажется нужной вам вещи, вы сможете заказать ее у нас. Широко представлено холодное оружие, включая охотничьи и хозяйственно-бытовые ножи, аксессуары к ним. Всегда в продаже любые боеприпасы, как российского производства, так и импортные. Если захотите старое оружие сдать, так без проблем.

Тут он запнулся, осознав, кто стоит перед ним, и, вздохнув, уже нормальным голосом спросил:

– Совсем уже заработался... Тебе-то, Даша, сюда зачем? Что, своего магазина мало?

– Это не мне, это ему, – показала она на меня. – Трифон нужен по личному делу.

– Зачем к этому козлу идти? – удивился парень. – Любые проблемы решаются без него, он тут для мебели сидит. Только рождения и смерти сам регистрирует и жизняки выдает. Все остальное другие делают. Зато считается большим начальником – гонору как у шляхтича. Бесконечно проверяет. Делать ему нечего, – он с раздражением дернул галстук.

– Вот и надо рождение зарегистрировать, – сообщил я.

– Тогда тебе до самого конца, – махнул он рукой, указывая направление. – Там табличка «директор» на двери. Проводить?

– Спасибо, сам.

Я прошел по узкому коридору между прилавками и, найдя нужную дверь с табличкой, постучал. Из комнаты раздалось невнятное бурчание, вроде приглашающее войти, и я вошел.

В мягком кресле, положив ноги в грязных сапогах на стол, сидел с глубоко несчастным видом анх. Его явно не радовала брошенная как попало куча бумаг. Он вопросительно уставился на меня.

– Я от Марии Волковой.

– О! – радостно сказал анх и сел нормально. – Ты тоже из этих... потерявшихся?

Я кивнул и представился:

– Медведев Ярослав.

Он задумчиво посмотрел на меня:

– А?..

– Конечно, как договорились. Полкило. – Я полез в карман и вытащил тщательно упакованный небольшой сверток.

Анх быстро развернул его и понюхал содержимое.

– Замечательно, – сказал он, снова старательно запаковывая коричневый, неприятно пахнущий порошок. Потом спрятал его в ящик стола.

Судя по происходящему, его недаром загнали в здешнюю дыру. Для анхов то, что я принес, было практически аналогом кокаина. Производилось это где-то в оркских лесах из болотного растения. Вещь достаточно редкая и очень дорогая. Слишком сложно доставать при отсутствии прямых контактов между поселениями гномов и орков. Я никогда не видел наркоманов, но это, похоже, он и есть.

– Можно еще, но не скоро, – сообщил я. – Раньше следующей весны не получится, слишком далеко.

– Тогда займемся делом, – со счастливой улыбкой на лице сказал он. Явно предвкушал, как нанюхается. – Делу время, потехе час, – глубокомысленно выдал анх. – Получишь жизняк. Ящик с запчастями уже на барже. Не бойся, не обману, – искоса взглянув на меня, добавил он. – Я ведь инструкции на русском сделал. Специально пришлось переводчику платить. Так что надеюсь на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество. – Он опять улыбнулся. – А теперь, – доставая из-под кресла большую квадратную пластину черного цвета, где виднелись углубления для обеих ладоней, и, ставя ее

на стол, сказал он, – руки вкладываешь сюда. – Он глянул в экран. – Еще раз. Возраст двадцать пять лет, – и посмотрел на меня. Я промолчал. Где-то под столом зажуужало, и он, нагнувшись, вытащил оттуда жизнь.

– Ярослав Медведев, – протягивая мне жетон, сообщил он. – Возраст, счет. Медицинские данные отсутствуют за полным здоровьем. Ты же ни на что не жалуешься?

– Нет.

– В общей базе данных вы оба не значитесь, но хоть и явно не являетесь мечеными, что-то с вами не в порядке. Пришли неизвестно откуда, теперь целую экспедицию организовали и маяки берете.

– С нами очень сильно не в порядке, – удивленно подняв брови, доложил я. – Мы родились в Диком поле и всю жизнь там прожили. Родители наши были с изрядным заскоком, жизнь на природе предпочитали общению с людьми. Мы, как взрослыми стали, решили проверить, где лучше, самостоятельно, а не по рассказам. Много интересного выяснили, – и я со значением посмотрел на стол, куда он спрятал сверток. – Мы хотим хорошо жить, а не огороды полоть и картошку сажать. Здесь есть много того, что стоит купить, а там немало такого лежит бессмысленно, что в Зоне ценится. Очень взаимовыгодный обмен. А что касается мечености... Можно? – я показал на лежащий на столе ключ от двери. – Не очень жалко? – И демонстративно свернул его в спираль. – Мы хоть и из Дикого поля, но учителя были хорошие, много рас-

сказывали про жадность. Есть желание заработать свой процент, что понятно и объяснимо, а есть желание кинуть. Не стоит нас провоцировать на жесткие меры. У нас отсутствует это... уважение к разным неприятным людям, гномам, оркам и прочим эльфам. Там быстро привыкаешь ценить слово и обманщикам кровь пускать. Дикое поле большое, искать долго будут.

– Ты меня не так понял, – быстро сказал анх.

– Вот и хорошо. Ты меня тоже постарайся понять. Мы свою землю собираемся официально оформить, налоги заплатить и продолжать торговать. Тебя, Трифон, мы уже знаем, и другие посредники нам ни к чему. Больше цепочка – дороже будет. Спасибо за внимание и понимание, – сказал я, вставая и заканчивая разговор. И уже на пороге, открыв дверь, обернулся: – Слушай, я чуть не забыл. Скажи, а есть возможность аппаратуру приспособить на обычные радиоуправляемые модели? Все-таки очень дорого.

– Я проверю, – пообещал анх. – Только это может оказаться еще дороже. Отдельно модель, отдельно аппаратура, потом установка. Проще брать у специализированной фирмы, занимающейся производством профессионально.

– Но ты проверишь?

– Нет проблем. Только у меня тоже просьба.

Я всем видом выразил готовность выслушать и сделать.

– Не надо лишних посвященных, – он скосил глаза на ящик стола. – Вы с Марией в курсе, и достаточно.

– Здесь больше никто и не знает. Если придет кто-то, кроме нас двоих, смело посылай на три буквы... А вот там у нас большое семейство. Ты ж не думаешь, что в одиночку это легко достать и приготовить? Есть такой Алексей Михайлов, из новых приезжих. Третий год на планете, а сумел сестре понравиться и жениться. Вот он нас и соблазнил посмотреть на другой мир. Если с нами что случится, он появится. Есть у нас контрольные сроки. Так что раньше осени новых гостей ждать не надо.

Мы с Черепахой и мохнатой командой сидели на носу медленно идущей вниз по течению баржи. Река меня впечатлила – у нас таких нет, чтобы берег еле виден был. А вот баржа нет. Обычное такое корыто из тонкого металла. Ни нормальных очертаний, ни скорости, ни вида. Хотя есть достоинство – низко сидит в воде, можно причалить к берегу практически в любом месте. Мне гораздо больше понравились два пулемета «Корд» – на носу и в хвосте баржи, и цинки с боеприпасами, погруженные в трюм. Магазинов с услужливыми продавцами в нашем путешествии не предвидится, а готовым надо быть ко всему. Баржу внутри полностью забили ящиками с самыми разнообразными вещами, а наверху, прямо на палубе, в тесной загородке торчали лошади. По одной на каждого и две на фургон. Больше не помещалось.

– Вот это по-русски называется «Жаворонок», – сообщил я Черепахе, доставая из одной из сумок корпус беспилотника и присоединяя к нему крылья. – Очень удобная конструкция, один щелчок и все встает на место.

Солнце уже клонилось к закату, но пока не устроились по своим местам и меня не перезнакомили с постоянной командой Рафика, пока я не показал каждого своим волкам для обнюхивания и запоминания, мы так и не смогли с Черепашкой пообщаться без чужих. Вот и сейчас в стороне стояли Даша и Доцент и разговаривали, время от времени поглядывая на нас. На всякий случай я говорил на мыслеречи.

– Так с какой стати Даша едет с нами? – продолжая собирать самолет, поинтересовался я.

Черепашка помялась и нехотя сообщила:

– Она сновидец.

Иногда такие появлялись среди Народа. Даже помимо желания они видели сны, в которых были события будущего, а иногда и прошлого. Если же сновидец проходил соответствующее обучение, он мог специально отслеживать будущее конкретных разумных, и чем сильнее он был, тем дальше в будущее мог заглянуть. Вот только не любили сновидцы делиться своими знаниями. Кому приятно услышать, что тебя вскорости ждет смерть. А вообще будущее, по их словам, можно было изменить, и не делать того, что приведет к печальному результату. Были ситуации, когда они предсказывали что-то и все убеждались в правильности их предви-

дения, но были и такие, когда проверить невозможно. Если тебе сказали не ходить туда-то и ты не пошел, как узнать – случилось бы предсказанное, или нет. А они могли пользоваться такими предсказаниями в своих интересах.

– И что?

– Ей лучше идти с нами, – твердо ответила Черепаха и замолчала, не желая продолжать.

– Для нее или для нас?

– Если я скажу – для тебя, – насмешливо произнесла она, – согласишься?

– Почему нет? Она явно знала про меня, вот только я подумал, что от тебя. Ей это зачем?

– Я не могу ответить, – покачала она головой. – Не потому, что что-то скрыть хочу. Сам знаешь, сделаешь что-то по слову сновидца, будущее может измениться. А нам это не надо. Она кое-что видела, и не стоит это ломать. Пока во всяком случае. Я учу ее – насколько это возможно. Базовые знания у меня есть. А чем дальше она будет сознательно видеть, тем лучше для нас. Сейчас же у нее жуткий разброс в месяцы и никакого контроля над снами.

– А может, не стоит? Увидит что про нашу жизнь на равнинах да наше перекидывание и испугается. Люди боятся обратной.

– Поздно. Она все равно увидит и без меня. Что у нас две тени, она знает, только не понимает. Лучше, если она будет видеть в нас друзей.

– А может, – я махнул рукой в сторону воды, – ночью упала за борт...

– Даже не думай, – зло блеснула Черепаха глазами. – Я знаю, что говорю. Она нам не враг. Тебе особенно. Вместе вы выживете, по одиночке шансов очень мало.

– Так что нас ждет там, ты уже знаешь? – отслеживая краем глаза, как Даша с Доцентом направляются к нам, спросил я.

– Она совершенно не умеет видеть нужное, даже не так – она видит то, что ей кажется важным. Людей. Отца, мать, братьев. – Она усмехнулась. – Тебя...

– Можно посмотреть? – спросил, вставая рядом со мной и с любопытством разглядывая беспилотник, Доцент.

– Конечно. Нам еще работать вместе. И лучше, чтобы вы тоже понимали, что к чему. Возможно, отслеживать обстановку придется по очереди. После глубоких размышлений наш Леха решил, что он сильно умный, и если вертолетов в Зоне нет и даже по заказу их получить нельзя, то можно для разведки и поиска безопасного маршрута в неизвестном районе использовать беспилотный летательный аппарат. Что-то такое он вычитал еще на Земле на эту тему.

Я, продолжая сборку, стал рассказывать Доценту и подошедшей Даше про игрушку в моих руках.

– Машина оснащена электрическим двигателем и комплектом видовой разведки, размещенным в подфюзеляжном контейнере. Полет проходит в автономном режиме с нави-

гацией по опорным точкам. Система позволяет производить автоматическую посадку в указанной точке с точностью до пяти метров с использованием воздушной подушки безопасности. Может работать днем и ночью.

Рассказывая, я продолжал работать, раскладывая на палубе пульт управления и устанавливая самолет на направляющие. Потом надел на шею цепочку с «Говорилкой».

– Вот только выяснилось, что Леха сильно ошибся. Для определения координат и скорости современные беспилотные летательные аппараты, как правило, используют спутниковые навигационные приёмники джи-пи-эс или ГЛОНАСС. Здесь у нас такой радости нет. Кроме того, электроника в Диком поле имеет нехорошую особенность отказывать в самый неподходящий момент. Пришлось заниматься усовершенствованием за счет местных ресурсов и Вещей.

Произведя все необходимые манипуляции, я спросил:

– Все нормально?

– Запуск! – прозвучало из «Говорилки».

– Пошел!

Беспилотник сорвался с направляющей и взлетел. Он прошелся вокруг баржи, покачал крыльями и полетел вперед.

– Полет нормальный, – сообщил голос, – пока ничего интересного. Если что будет происходить, передам.

– Сначала было три таких самолета, – продолжил я, оглянувшись на зрителей. На палубе все стояли, задрав головы, кроме Красотки, старательно делающей вид, что ей не инте-

ресно. – Только один после наших доделок вышел недоработанный и грохнулся. Пришлось разобрать на запчасти. Теперь вроде бы нормально, но нужны испытания в полевых условиях. У нас просто не хватило времени.

Наблюдая за полетом, я продолжил:

– В использовании Вещей есть свои удобства, надо только правильно их применять. Вместе со стандартным аккумулятором стоит «Накопитель». Корпус покрыт тонким слоем специальной пленки, тоже из Вещей, которая перерабатывает тепловое, инфракрасное, ультрафиолетовое излучение в электрическое, а затем подает его в «Накопитель». Коэффициент полезного действия где-то тридцать пять процентов, большего добиться не удалось. Зато днем он вполне способен летать до шести часов, в зависимости от температуры и освещения. Мы старались дать возможность летать на одном «Накопителе» – они сменные и собственного производства, а аккумуляторы имеют определенное время работы, и их придется покупать. Когда «Накопитель» разряжается, самолет возвращается и садится с парашютом на специальную подушку-подбрюшье в круг диаметром метра три, не больше.

– Навстречу плывет баржа, – сообщила «Говорилка». Расстояние – семь километров. Большая, семьдесят метров в длину и девять в ширину, скорость – четыре с половиной километра в час. На боку написано «В-17». На другом какая-то закорючка типа двойной галочки и тоже цифра 17. Жилые

помещения, – голос замолк и с сомнением продолжил, – на четырех человек. Вижу двух, но, может, еще кто есть. Груз – черный камень. Не знаю, что такое.

– Сейчас посмотрим, – пообещал я, рассматривая изображение на экране.

– Уголь они везут, – сообщил Доцент, – можно даже не смотреть. – При этом он, тем не менее, с интересом разглядывал, как приближается картинка. А когда разглядел надпись на борту, тут же начал комментировать: – Буква «В» – означает Варшава, а закорючка, надо думать, то же самое, только на латинице. У них там основное производство – добыча угля для заводов в городе и для отопления. Разработка ведется открытым способом, глубина залегания угольного пласта не превышает ста метров. Даже шахты не нужны. Откуда, думаете, у нас может быть выплавка собственного металла? Все из Новой Варшавы. Еще и синтетическое топливо там производят по немецкой технологии времен Второй мировой войны. Дорогое, правда, но не для собственных нужд, а на продажу. Эльфы в самом начале поставили им оборудование и несколько экскаваторов. Поляки у нас материально обеспеченные, в кои-то веки не из России получают, а остальным продают.

– Уголь – это камень, что горит? – утвердительно спросил голос.

– Ага, – подтвердил Доцент. – Антрацитом еще иначе называется.

– Спасибо, – вежливо ответил самолет, – опасности не наблюдаю, следую дальше. А что такое латиница?

– Мы пишем на русском, у нас один алфавит, а есть еще латинский – у поляков и прочей Европы.

«Говорилка» с недоумением спросила:

– Живой, они что, идиоты? Говорить можно по-разному, писать проще одинаково.

– Это другая история, я тебе потом расскажу.

– А что он такое сказал? – спросил Доцент.

– Удивляется. Чтобы понимать такие вещи, надо много чего знать, а он у нас молодой, считай, недоучка. Я в разные подробности – чем отличаются поляки от русских или болгар, – не углублялся. – И пояснил для слушателей: – В программное обеспечение пришлось залезть, он теперь имеет свой собственный обучающийся мозг и летает с привязкой к местности. Начальная точка – человек с «Говорилкой». Постоянно следить не надо, сам скажет, если что заметит интересное. На первых порах будет часто лишнее докладывать, пока не разберется и все по полочкам не разложит, потом, будем надеяться, сам справится.

– Он что, самообучающийся искусственный интеллект? – восхищенно спросила Даша.

– И кому нобелевку выдавать? – подхватил Доцент.

– Ну, – переглянувшись с Черепахой, – не совсем так. Это тоже использование одной Вещи, только это собственная разработка, и пояснять подробности я не буду. Может

быть, со временем из него и получится искусственный интеллект, но пока это только компьютер. Это как разумное оружие. Оно вообще-то умное, но интересы строго ограничены в определенном направлении. Если честно, мне самому интересно, что получится. Никто еще никогда такой сложный механизм не делал. Первый опыт. Так можно действительно нобелевку получить.

– А как его зовут?

– Какой интересный вопрос... Ты нас слышишь?

– Да, – подтвердила «Говорилка». – Женский голос идентифицирован как член отряда по имени Даша. Я могу ответить?

– Права партнера.

– Принято. До сих пор мне не требовалось отдельное обозначение, ведь я один такой. Но у каждого должно быть имя. Даже баржа имеет. Я думаю, – застенчиво сообщил голос, – что меня зовут Летчик.

– Какое красивое имя! – с непередаваемо женскими восхищенными интонациями сообщила Даша.

– Правда? – заинтересованно спросил Летчик.

– Конечно, правда. Только почему один? Живой сказал, что вас двое.

– Нет. Он и я – мы один.

Доцент удивленно моргнул и уставился на меня:

– Это как?

– Вещь, – делая умное лицо, ответил я. – Они в постоян-

ном контакте. Я ж говорю, впервые попробовали. Результат получился несколько неожиданным. Зато, даже если один разобьется, ничего не потеряется, – что знает один, знает и другой. А заодно и общий управляющий компьютер.

– Две нобелевки, – пробурчал Доцент.

– А, – отмахнулся я. – Если бы я еще знал, как делать эту Вещь. А то ведь использование чужой разработки с неизвестным происхождением и таинственным назначением.

Видя неподдельный интерес окружающих, я продолжил рассказ:

– Что выше девяноста метров подниматься запрещено, он прекрасно знает и правило соблюдает. Правда, это нехорошая высота – легко достать даже из обычной винтовки, но тут ничего не поделаешь. Поэтому днем запускать на реке не будем, только как сейчас – под вечер и ночью. Другое дело, когда начнутся неизвестные безлюдные места. Максимальная крейсерская скорость у него до восьмидесяти километров в час, способен проконтролировать до десяти квадратных километров. Резко уходить далеко не стоит, пока все системы не обкатаются. Помех можно не бояться, связь – это Вещь. Пока еще никто не придумал, как ее отключить. Работать может при температуре от минус шести до плюс тридцати пяти – это пока не проверяли, и не вижу особой необходимости. Что еще? Ах, да, ветер, порывами до ста километров в час, нормально переносит, не сбиваясь с курса и цели. Ну, собственно, все. Сейчас особой необходимости в

полетах нет, но будем по очереди с ним работать, пока не привыкнем.

– А что такое «права партнера»?

– А это чтобы чужой команды не отдавал. Голоса он узнает прекрасно. При передаче дежурства новому человеку надо об этом сказать. А партнер – это именно партнер, не начальник. Он вам ничего не должен и вполне самостоятелен.

– А ты? – быстро спросил Доцент.

– А я старший партнер. – Мои команды выше. Собственно, ничего странного. Точно как в Сети – есть пользователи, а есть администраторы.

Даша показала на «Говорилку»:

– А можно мне попробовать?

– Ну, давай. Начинаем работать посменно, – надевая ей на шею «Говорилку», сказал я. – Ты первая. Включать-выключать ничего не требуется. Как следить через экран – тебе понятно? – Она кивнула. – Джойстиком работаешь... Можно укрупнить, можно посмотреть через телевизор, и еще какую хрень. В принципе, это требуется, только если он чего-то не понял. А так сиди и разговаривай с... Летчиком. Он любит вопросы задавать...

Хорошо еще его предупреждал – лишнего про нашу жизнь не болтать.

Глава 3

Возвращение долгов

Равнина – это не только бесконечное многообразие до самого горизонта, где при желании легко спрятаться одинокому всаднику. Где есть вода, там всегда небольшие рощи деревьев. Да и земля не ровная, как стол. Овраги, холмы, в здешних местах еще и огромные камни, притащенные в древности ледником. Только посторонний может думать, что можно безопасно ехать и никто не заметит. Все давно поделено, и лучше не соваться без дела на чужую территорию. Убить, может, и не убьют, но коня отнимут точно. Впрочем, если живешь здесь всю жизнь, учишься избегать посторонних глаз с детства. Кто не умеет – долго не живет.

Спрятать следы нескольких всадников уже труднее. А Живой еще и прекрасно знал, кого ищет и где они могут приблизительно находиться.

Он остановил коней, не доезжая до вершины холма, чтобы не показывать себя на фоне неба. Нагруженный немногочисленными пожитками грузовой конь тяжело вздохнул, намекая на необходимость отдохнуть. Вещей хоть и немного, но некоторые вроде инструментов весили изрядно. Живой осмотрелся и сам себя мысленно похвалил. Здесь пахло медведем, и не одним. Но к этому запаху примешивался еще мускусный аромат тигрицы. Он осмотрелся по сторонам и

направился к недалекой приметной группе невысоких деревьев.

Неподалеку шло небольшое стадо круторогих быков, и Живой старательно держался от него подальше, стремясь не спугнуть. У деревьев похвалил себя еще раз, обнаружив место ночевки и аккуратно сложенное оружие и одежду. Два стреноженных коня паслись тут же и приветствовали собрата под ним радостным ржанием. Из-за приготовленной для костра кучи сухих веток поднялась огромная медведица. Она лежала так тихо и неподвижно, что можно было запросто наступить на нее, не заметив, тем более что звериным запахом пропахло все кругом.

Зверюга встала на задние лапы, нависая над спрыгнувшим на землю Живым своим более чем двухметровым ростом, и оскалилась, демонстрируя внушительные клыки. Лапы она положила ему на плечи, так что Живой аж присел под четырехсоткилограммовым весом, и, высунув длинный язык, облизала ему лицо.

– Вижу тебя, Мелкий, – сказала медведица красивым женским контральто. Закрывать глаза – и где-то по соседству роскошная женщина с грудным бархатистым голосом.

– И я тебя, Охотница, – ответил он. – Шкура твоя по-прежнему в хорошем состоянии, новых серьезных шрамов не видно. Шерсть ухожена, морда довольная, и кормилась ты явно хорошо.

– Хе, – довольным тоном отозвалась медведица и хлопну-

ла его по плечу так, что Живой присел. – А я знала, что тебя так легко к предкам не отправить. Слишком много я в тебя вложила, даже на своих детей столько времени не тратила, чтобы ты посмел перед смертью не вернуться попрощаться к своей старой учительнице. Но если уж пришел, зачем тогда прощаться?

Она отпустила его и села.

– От тебя пахнет кровью, – совсем другим тоном сообщила она.

– Я взял долг смерти, – присаживаясь рядом, сообщил Живой. – Это было честно и по закону. Когда Бурный Поток послал меня на смерть, я не удивился – он ненавидел меня с детства. Поэтому ничего странного не было, что он не захотел слушать про засаду. Моя жизнь – это мои проблемы, но из-за него погибло четверо родичей, а этот скот просто сбежал. Трусость и предательство должны наказываться. Какой смысл жаловаться деду на внука? Один раз я уже добивался справедливости у паука. У них нет чести, только интриги. Я взял его кровь без пустой просьбы к вышестоящим, по Закону.

– Суд чести? – с сомнением спросила медведица. – Воин не может вызвать паука.

– Вызывать труса? – засмеялся Живой. – Я просто вытащил его на площадь. Одно дело рассказывать сказки, вернувшись в одиночку, другое – когда есть свидетель. Он не хотел драться и визжал, пока я его резал на куски. Долго и

с удовольствием.

– Ты не сможешь теперь остаться в роще, – помолчав, сказала Охотница. – Ты сделал то, что считал правильным, но глупо думать, что паук не найдет кучу причин для того чтобы натравить на тебя воинов. Изгнание – это еще самое мягкое. – Она засмеялась и обняла его огромной мохнатой лапой. – Не любящий мед в очередной раз показал, что он очень особый медведь. Убить паука при всех – это очень интересное дело. Такое бывало, но в открытую... – Она счастливо оскалилась. – Твое имя будут помнить много поколений!

– Я сделал это не для того, чтобы про меня пели, – сердито ответил Живой. – Паук должен заботиться о семье и роде, а не о своих интересах. Паук, который ставит свои интересы выше справедливости, вообще не достоин звания. Жаль, что нет причины еще и деда принародно убить. Он гораздо хитрее и так явно гадостей не делает.

– Остался только еще один шаг, подумать, чем остальные пауки лучше. Мирный вождь уравнивается военным вождем. Мужская сила – имущественным преимуществом женщины. Они всегда должны договариваться между собой. Только паук стоит отдельно и может вмешиваться во все. Власть – она сладкая, и не каждый удержится на грани.

Вдруг у подножия холма раздался страшный грохот копыт.

– А, – довольно сказала Охотница, – началось!

Стадо сорвалось с места и, поднимая пыль, с топотом ломанулось не разбирая дороги. Один из быков шарахнулся в сторону от атакующей тигрицы и, отколовшись от общей массы, попытался бежать в другую сторону. Ему навстречу метнулась медведица, и могучий бык с кривыми рогами снова свернул. Так повторялось несколько раз, пока он не остановился.

Они с интересом наблюдали с холма за происходящим. Такое зрелище со стороны Живой видел в последний раз в детстве. Когда сам в этом участвуешь, совсем другие впечатления.

Из глубоких черных ноздрей быка валил пар, толстая шея вздулась буграми, глаза налились кровью от ярости. Он снова и снова делал выпады в сторону преследователей. Хищники кружили вокруг, и тот, кто оказывался сзади, подскакивал и бил лапой по крупу зверя. Бык разворачивался рогатой мордой к обидчику, яростно пыхтел, кидаясь в атаку, но напарник врага догонял его сзади и опять бил. Толстая шкура быка трескалась, на ней хорошо заметны следы от когтей с текущей кровью. Незаметно для себя бык смещался в сторону холма. Это не просто игра, хищники загоняли его поближе к стоянке, чтобы потом не таскать тушу.

В очередной раз бык повернулся к медведице, и тут тигрица прыгнула на его спину, вцепившись клыками и когтями в хребет. От боли и испуга бык побежал не разбирая дороги и повалился на бок.

Тигрица тут же перескочила и зажала в своей пасти бычью морду, навалившись всем своим немаленьким весом. Бычья ноздри оказались внутри ее пасти, для быка внезапно закончился воздух, и он – в последней попытке вскочить – захрипел. Сил уже не осталось, но на заднюю часть туши навалилась еще и медведица, вцепившаяся страшными когтями в бок. Некоторое время они еще согласно держали умирающего, пока тигриные усы, касаясь глотки быка, не сообщили, что тот больше не дышит. И только тогда тигрица отпустила бычью морду и, поднявшись, громко зарычала, сигнализируя всем на равнинах о своем успехе.

– Ты хоть знаешь, – грустно сказала Охотница, – что обычные хищники валят дичь один раз из десяти? Даже стайные не каждый раз добиваются успеха. А мы, разумные, давно научились работать как одна команда с общими руками и мозгами. Еще и мыслеречь некоторые употребляют. Это, – с возмущением закончила она, – не спортивно. Охота должна быть честной. Вот мои ученики – настоящие охотники! Помнишь, как мы встретились? Первое перекидывание... Вот с тех пор с тобой и вожусь. Выучила обормота, ни то ни се. Мог стать неплохим пауком, одним из военных вождей или известным Мастером. А ты такой разносторонний, что аж противно. Я тебе, Мелкий, говорила, специализация нужна. Выбери что-то одно и сметай все на пути.

Живой привалился к ее теплому боку и почесал медведице спину. Она повернулась и, оскалившись в усмешке, поин-

тересовалась:

– Подлизываешься?

– Я, – вздохнув, сказал тот, – иногда жалею, что не ты моя мать.

– Дурак. Мать не трогай. Она стерва изрядная, но дала тебе жизнь. Мы не вы. Хоть и родственники, но не прямые. И хорошо, что смешиваться не можем, – это только ухудшение породы и нашей и вашей. Кстати, не понимаю, почему нельзя. От оборотня я родилась, но сама могу только такого, как я, произвести на свет. Пауки тоже бились, я точно знаю. Ничего не придумали. Что-то хитрое соорудили вымершие с нашей наследственностью. Сволочи были – туда им и дорога, – махнула она. – Срок жизни у нас меньше. Вот мне осталось жить всего пару лет. И не возражай, – резко сказала она на его движение, – сама знаю. Уже шерсть седеет, бегать так быстро и далеко, как раньше, не могу. И, – она хихикнула, – к самцам интерес пропал. Раньше обязательно присматривалась, кому дать, чтобы медвежонок удачным получился, а теперь не интересно. Природа зря ничего не делает. Первый точный признак для таких, как мы.

– Я, – Живой откашлялся, – если позволишь, попробую кое-что сделать.

– Так, – повернувшись к нему всем телом, сказала Охотница, – это что-то новенькое. Что ты умеешь, я прекрасно знаю. Давай рассказывай!

– Ну... – задумчиво глядя в небо, протянул он.

– Без «ну»!

– Ты слышала про Зверя?

– Я даже хотела тебе предложить уходить к нему. Все равно другого варианта нет. Здесь тебе не жить, а идти в другую рощу не стоит. Везде в нашем роде побояться ссориться с пауком.

– Он снял меня с дерева-убийцы...

Медведица резко придвинулась и шумно принюхалась.

– Кровь...

– Да все в порядке, – с досадой сказал Живой. – Дай рассказать.

– Даже немногие ушедшие своими ногами после этого долго не жили. Кровь!

Он с досадой плюнул и, достав нож, проколол палец. Охотница слизнула каплю крови и, закатив глаза, посидела размышляя. Она была большой специалист в этом деле. Болен ли родич и чем именно, как он питается, злоупотребляет ли определенными медикаментами, наркотиками, есть ли воспалительные процессы или присутствуют яды в организме – все это она могла определить по вкусу и запаху крови.

Самолечение – это конек Охотницы, и всех желающих она с удовольствием наставляла. Мало регенерации самого тела, надо уметь вовремя остановить кровь, снять болевые ощущения. О, ни в коем случае не до конца! Тело должно сигнализировать о неполадках, но помирать от болевого шока – никогда. Она объясняла ученикам, как пользоваться «На-

копителями» для добавления энергии, чтобы ускорить процесс заживления ран и срастания костей, как улучшить работу внутренних органов и очистить организм от ненужных веществ...

Пауки среди разумных животных большая редкость, но медведица еще и обычных оборотней воспитывала. Методы, правда, были медвежьи. Не справился – тяжелой лапой по заднице или по башке. У более нежных созданий, чем Народ, от таких подзатыльников могла и голова оторваться.

– Все в лучшем виде, – сообщила она, остановив взгляд на Живом. – Никаких следов травм и слабости.

– Так я же говорил... Он меня вылечил, – Живой развел руками, – только лекарь из него паршивый. Опыта мало, слегка перестарался. Лечить стал при слиянии, вовремя не остановился и вкачал в меня массу лишнего.

– Память? – с интересом спросила медведица.

– Вот как раз нет. Еще не хватает сдвинуться, в собственных мозгах запутавшись, – где я, а где он... Я имею в виду знания. Что-то он там не учел, и я теперь много лишнего знаю. То, что пауки говорят среди своих (а его учил Старик), и то, что он принес к нам со стороны. Множество интересных вещей. Кое-что обрывками – самому додумывать надо, а многое целыми блоками. Я теперь, к примеру, знаю, как он превращается. Нет, – ответил он на взгляд медведицы, – самому не получится, энергии не хватит. Где-то на середине непременно загнусь даже при подпитке со стороны. Тело са-

мо себя съест. Зато я могу улучшить работу любого органа внутри другого разумного до идеального состояния. Или вообще целиком пациента омолодить. Это все не просто. Внутри все взаимосвязано – тронешь одно, другое собьется с ритма. Организм уже привык работать определенным образом.

– Кого ты учишь? – с обидой переспросила Охотница. – Меня? Ту, которая вбивала в твою тупую голову эти азы?

– Ну, тем более, – отмахнулся Живой. – Просто теперь я могу не искать правильное состояние постепенно, а взять сразу оптимальный вид. В каждой клетке поврежденного органа содержится эталон здорового. Нужно только пробудить память тела, а я теперь знаю, как это сделать. Сам не смогу, но амулет, настроенный на тебя, – запросто. И подкормка телу нужна обязательно. На возвращение много энергии тратится. Гораздо больше, чем при обычном перекидывании. Килограммов пятнадцать веса уйти может. Очень тяжело, – признался он, – когда трудишься над другим. Потом сутки в лежку лежишь, пока силы не вернутся. На себе – никаких проблем. Мне кость перерубили, так за два часа срастил, рука как новая. Никто и не заметил, решили что мелкий порез. Совсем не спрячешь, кровь видна.

– Заманчиво, – пробурчала она себе под нос. – Очень заманчиво. Даже если не получится, все равно интересно. Знаешь, на что покупать. Про таких, как мы, – неожиданно сказала она, – говорят, что навсегда остались детьми. А это в компенсацию. Мозги есть, а делать ничего толком без паль-

цев не можем. Только охотиться и чужаков гонять. Скучно. Поэтому из нас такие хорошие поэты с философами выходят. Времени много. Лежишь себе и на сытое брюхо думаешь, думаешь, думаешь. Потом встаешь и делаешь гадость неприятному родичу. Это он думает, что гадость. На самом деле просто невинная шутка... Ладно, уговорил ты меня. Такое дело пропустить нельзя. И на Клан посмотреть интересно. Никто пока не понимает, что из этого выйдет. Будем развлекаться по полной. Их, – она ткнула лапой в сторону быка, – тоже позовешь?

– Я для этого и пришел.

– Правильно. Нечего им тут делать, такой парочке в роду не место. А ты будь готов к интересным шуткам. Когда я наконец отправлюсь к другим душам, непременно попрошусь снова родиться в твоей дочке. Спокойной жизни тебе не будет, – она засмеялась и со всей силы хлопнула его по плечу.

В сгущающейся темноте появились две девушки, с натугой тащащие огромные куски быка. Что не съедено, должно быть сохранено для других – это один из законов Народа. Бросить пищу после охоты никому просто в голову не придет.

При виде Живого они моментально побросали свою ношу и с радостными криками кинулись его обнимать. Практически одного роста и с похожими фигурами, голые, с рельефными мышцами и разгоряченные охотой, распространяющие вокруг себя запахи здоровых самок, они невольно

вызывали у него возбуждение и, заметив это, дружески похихатывая, начали хватать за разные места.

Дружба эта началась еще в детстве. Народ не слишком одобрительно относился к женщинам-воинам. Считалось, что терять будущих матерей в стычках не правильно. Никогда впрямую не запрещалось, но мужчины-воины практически с ними не контактировали. Не учили и даже в общих вылазках шли отдельно. На этой почве даже существовал отдельный воинский союз Круглых щитов, состоящий из одних женщин. В их среде не слишком обращали внимание на видовую принадлежность, и верность таким же женщинам-воинам была важнее верности своей роце, что иногда приводило к большим проблемам.

Когда-то Живой взял под свое покровительство Младшую медведицу, защищая ее от сверстников. Он и сам всю жизнь был частично в стороне от общих развлечений из-за рано погибшего отца и моментально нашедшей себе другого мужа матери. В обеих семьях он оказался лишним и поэтому прекрасно знал, как это быть одиноким в стае. Лет пять они ходили вместе, и Живой учил ее всему, что знал сам на тему войны и убийств, а также правильного угона чужого скота. Все, что он сам получил от наставника в походах. Это продолжалось, пока им не встретилась такая же из рода тигров. Но дружба осталась, и даже коней они предпочитали воровать вместе. Время от времени даже спали друг с другом, но опять же по-дружески. Обе предпочитали общество подру-

ги.

– Да, – переглянувшись со Старшей, сказала Младшая, выслушав рассказ, – это мысль. На равнинах много говорят о Звере, и мы уже думали. Чем быть чужими и в моей роще, и в ее, лучше быть своими среди таких же. Ты уверен, что примут любого?

– О, Первопредок, – вздымая руки к небу, воскликнул Живой. – Какие у тебя тупые потомки! Говорю, говорю... В одно ухо входит, сквозь пустую черепушку проходит и в другое ухо вылетает. Говорю же, сегодня Зверь примет любого, который придет. Две рощи на полторы сотни разумных. Даже чтобы границы охранять мало, а надо еще поднимать спаленные дома и рощи и кормить всех. Через год начнет выбирать лучших. Равнины большие, таких, как мы, не ужившихся у себя в роду, – много. А если нормально себя поставить не сможете и будете создавать неприятности, выгонит пинком под зад и прав будет. Где все чужие, надо уметь сосуществовать без крови. Кто не способен, может лететь на все восемь сторон.

Старшая улыбнулась тигриной улыбочкой, так что клыки в человеческом рту стали видны, и казалось, что они звериные.

– Клан – это большая семья. Вот только очень больших семей не бывает. Где больше шести – обязательно начнут делиться на группы по интересам, специальности или просто из-за того, что один тип неприятен сразу, а другой симпати-

чен. Тем более нельзя сразу вытравить настороженность по отношению к другому виду.

– И что? – спросил Живой.

– А то. Нам не надо искать себе группу. Мы тебя не первый год знаем. Я, Младшая и Охотница. У меня есть один перспективный ягуарчик – будущий паук на примете, у Охотницы есть семейка знакомых росомах, которые сами не пойдут, но вместе за милую душу.

Та насмешливо фыркнула:

– Уверена?

– На спор?!

Медведица промолчала.

– Пойдут. Я еще пару-тройку из Круглых щитов позову. Женщины в Клане будут явно в меньшинстве, они консервативнее мужиков и дом бросать не будут. Круглые щиты почти никогда разрешения на ребенка не получают. А тут для нас шанс. Что, не понимаешь?

– Нет.

– А еще про тупость распинался. Мы выбираем тебя главой нашей веселой семейки и официально даем клятву. Как при усыновлении. Ты – старший со всеми правами. Я не верю в отсутствие столкновений. Все равно будут решать, кто доминантней. Будет это на Суде чести или втихую – не важно. Поодиночке в новом коллективе не выжить. А вот так, одним прайдом, спина к спине, – запросто. Никто из нас никогда при чужих тебе не возражает. И не обсуждает решения.

В своей компании мы имеем право совещательного голоса.

– Тигрица права, – подала голос Охотница, – и я поддерживаю это занимательное предложение. Зверь тебя знает и ценит. Замечательно. Мы работаем на тебя и твой авторитет. Только следить за порядком в этой семье буду я. Испытательный срок для новеньких стандартный – год и один день, и поручитель из наших. И еще... Соглашаясь на это, имейте в виду: ваши самостоятельные гулянки закончились. Нет больше Круглых щитов для вас. Есть Клан и семья. Не понравится, удерживать не станем. Возражения есть? Молчание означает согласие. Тебя, – она хихикнула, – Живой... придумали тоже имечко... никто не спрашивает. Взятся за дело – доводи до конца. Завтра прямо с утра разбежимся в разные стороны. Каждая за своими вещами и поговорить со знакомыми. А я тоже с одним ювелиром-рысью пообщаюсь. Сдается мне, что он тоже присоединится к нам. Есть там одна рысиха, которая не прочь его к себе взять, да разрешения на ребенка еще много лет не будет. Их и так много в роще. Хороший Мастер в семье непременно пригодится.

– А можно мне все-таки сказать? – поинтересовался Живой.

– Ну, скажи, – благодушно разрешила Охотница.

– Младшая пойдет и поговорит с Пастухом. Если он согласится, я его к нам в компанию возьму.

– Это ты хочешь проверить Зверя и Клан на блохастость? – после паузы спросила Младшая. – Подсунуть ему

чистого человека и посмотреть на реакцию?

– Нет, девочки, – потянувшись, сказала тигрица. – Это он нас проверяет на терпимость. А я как раз не против. Это даже интересно. Зверь сам из таких будет, вот пусть остальные и кушают. А нам Пастух пригодится. Плевать, что не оборотень. Зато на нем все табуны у гризли держатся. Племенные жеребцы, которых он выводил, на много дней пути известны. Сколько у нас коней на каждого? По два десятка верховых и для груза? А следить за ними кто станет? Вот пусть специалист и займется. Я за Пастуха. Кстати, – повернулась она к Живому, – барахло ты забрал, это я вижу. Не слишком и много у тебя имелось, но ведь и твоих лошадей забрать надо из общего табуна. Сколько там?

– Сорок четыре, – моментально ответила Младшая. – Хотели разобрать, когда посчитали погибшим, – я не дала.

– Неплохо. Еще этих два, и сколько там еще имеется?

– Одиннадцать, – ответил Живой. – Только они паршивые – у зеленых взяты. Под груз можно, но не верховые.

– Тем более. Следить за кобылами, чтобы породу не портить, тоже кто-то должен. Молодых там нет, работать придется всем. Будем практичными. Какая разница – медведь, тигр, рысь или человек? Мы из одного Народа. И Клан для того и создается, чтобы права у всех видов были равные. Войдя в семью, Пастух станет одним из нас, и я буду защищать его. Мы, четверо, одна семья. Остальные нуждаются в поручителе и испытательном сроке.

Она по-кошачьи гибко поднялась, шагнула к Живому и встала на колени. В руке Старшая держала вырезанный из дерева стаканчик. Потом достала нож и, полоснув по руке, выдавила кровь в сосуд. Кровь не водица – на крови клянутся всерьез. И спрос за это высок. Добровольно смешивающие кровь связывают себя обязательством, нарушив которое, своими же родичами будут считаться бесчестными. Были случаи, когда таких убивали, чтобы не пятнали позором семью, из которой происходил лжец. Очень редко такие клятвы дают.

– Я клянусь на своей крови и своей честью, что признаю тебя своим отцом со всеми правами и обязанностями, предусмотренными законом и традициями нашего Народа, – произнесла слова клятвы Старшая.

– Я клянусь на своей крови и своей честью, что признаю тебя своим отцом со всеми правами и обязанностями, предусмотренными законом и традициями нашего Народа, – повторила за ней Младшая обязательную формулу, добавив в стакан и свою кровь.

– Я клянусь на своей крови и своей честью, что признаю тебя своим отцом со всеми правами и обязанностями, предусмотренными законом и традициями нашего Народа, – присоединилась к ним Охотница.

Живой с каменным лицом выпил кровавый коктейль и проделал ту же процедуру по собиранию крови. Стаканчик пустили по кругу.

– Я клянусь на своей крови и своей честью, – дождавшись, пока отпили все, сказал он, – что буду всегда ставить интересы семьи выше собственных интересов.

– И еще я добровольно возьму на себя обязанности вашей общей мамочки, – Охотница довольно рыкнула. – Особенно в его отсутствие. Кто возражает, имеет возможность высказаться сейчас, и это будет в последний раз. В будущем, – она продемонстрировала мощную лапу, сжатую в кулак, – не потерплю! Молчите? Правильно. Я тут единственная, кто полюбому может быть объективной, и вобью позволившего себе лишнего в землю.

Никто ей и не пытался возразить: лапа – серьезный аргумент.

– Встретимся у Зеленой скалы, – продолжила она. – Все знают, где она находится? Вот и хорошо. Соберемся и вместе пойдем дальше. Поручитель перед Кланом нам пригодится – не сами пришли. Что сидим? Была команда спать!

Плеча осторожно коснулись, и Живой моментально сел, держа руку на рукоятке клинка. Костер догорел, при свете Луны была видна Охотница, сделавшая резкий жест. Он прислушался. С северной стороны приближался верховой. Ехал он совершенно не скрываясь и даже вроде нарочно шумел.

Вот только ночью по равнинам не ездят без причины, а там, где один демонстративно шумит, вполне может оказаться целый отряд тихушников.

Всадник подъехал к холму, спрыгнул с коня и громко и насмешливо спросил:

– А можно получить разрешение спокойно подойти, не опасаясь получить кусок железа под ребра от этих милых девочек?

Голос был знакомый, а в запахе невозможно ошибиться.

– Когда это у моего костра обижали гостя, – пробурчала Охотница и пихнула в остывшие угли растопку.

– У твоего никогда, – приближаясь и демонстративно показывая свободные от оружия руки, охотно согласился гость. – Вижу тебя, Охотница, и рад, что хорошо выглядишь. Только мне нужен вот он.

– Такие опасения не в твоём характере, Железная Лапа, – удивился Живой. – Мне всю жизнь, наоборот, казалось, что ты не прочь проверить, кто из нас лучше. Я здесь такой же гость и не собираюсь нападать на пришедшего. Закон гостеприимства для меня свят. Ты явился открыто и спросил разрешения у хозяина. Тем более к тебе у меня никаких претензий нет.

– Вот и хорошо, – сказал пришелец, садясь напротив него у разгорающегося огня, – что ты сегодня добрый и не дашь отмашку своим подружкам, которые сидят прямо у меня за спиной, уж такие вещи определить я могу. В военные вожди не попадают плохие бойцы. Потому что я принес не слишком приятную весть.

– Паук послал тебя ловить убийцу?

– Меня сложно послать, – усмехнулся Железная Лапа. – Обычно я сам посылаю, и приказы воины получают от меня, а не от свихнувшегося от злобы паука. Я знаю, что ты прав. Мирный вождь знает, что ты прав. Большинство из рощи поддержит тебя. Вот только ты убил придурка не по закону. Сам знаю, что он бы кинулся под защиту деда, и ничего с ним после этого уже не сделаешь, хотя ты вполне мог бы оказать всем одолжение и заодно и дедулю ухайдакать. Почему-то мне кажется, что у тебя вполне бы получилось. – Железная Лапа говорил, улыбаясь, но глаза у него были холодные и жесткие. – Особенно, если сразу, не отвлекаясь на гневные речи. Ты всегда был слишком прямолинейным. Нет чтобы подумать о роде... Все равно тебе теперь придется бегать по степи, так почему заодно не сделать приятное своей роще, избавив ее от старика, забывшего о чести. Давно надо было поднять этот вопрос, но его так просто не поймаешь за руку. Вот пришел бы ко мне, поговорили бы и вместе что-нибудь да и придумали.

– Почему-то у меня такое чувство, – глядя ему в глаза, сказал Живой, – что ты имел прекрасную идею, как меня использовать, даже еще не зная про возвращение. У тебя всегда есть планы на все случаи жизни. Вот только я не люблю, когда мной манипулируют.

– А как же, был, – легко согласился собеседник, – а насчет использовать – по-другому и не бывает. Всегда кто-то кого-то использует и кто-то кем-то манипулирует. Жена –

мужем, вождь – воином, даже ребенок – родителями. Тем более, когда замешаны амбиции. Ты ведь прав, я всегда хотел с тобой помериться силами. Из всего нашего поколения я на самом деле опасался только тебя. Ты всегда был второй. Второй после меня среди воинов и после Бурного Потока по способностям. Только я прекрасно знал, что ты его запросто переплюнешь, если он без дедовой поддержки останется. Но ты ведь и сам к этому не стремился! Вот никогда этого не понимал – твоего желания всегда быть лучшим во всем.

– Поэтому меня и опасался?

– И поэтому тоже. У нас ведь никогда до серьезных стычек не доходило. Не только я не хотел обострять, но и ты тоже. Такой неформальный теневой лидер, равный по силе, который очень редко вмешивался в мои решения или защищал наказанных, но если уж ты что-то делал, то я знал – был не прав, здесь ошибка. Может, вслух я и не признавал никогда, но знал, и тебя за это уважал. Тебе нужна хорошая жена, – неожиданно закончил он.

Охотница хмыкнула.

– Да. Хозяйственная и с хорошим замахом. Вместе вы будете прошибать любые преграды. Я серьезно! – заявил он заржавшему Живому.

– Ой, уморил, – отсмеявшись, сказал тот. – Железная Лапа дает искренние советы, от которых ему никакой пользы. Такое бывает раз в жизни, когда больше встречаться не собираются. Зачем ты меня искал?

– Ты опять прав, я пришел не просто так. Мне не нужна кровь родичей, а столкновение будет обязательно, если ты не уйдешь. Я не хочу, а главное, не могу отдать приказ ловить тебя. Многие просто не послушаются. Будет раскол и братоубийственная драка. Потом придут соседи и возьмут наши роци. Поэтому я тебя прошу – уезжай. Воины тебя искать не будут, а пока гонцы от паука пройдут по другим семьям и охота начнется всерьез, не одна десятидневка пройдет. На юге поднимается новый Клан и ему нужны воины. Зверь принимает любой из наших видов. Может, именно там и находится твое место.

Живой кивнул.

– Хорошо. Я не буду доставлять тебе неприятности и уйду. Только проследи, чтобы не мешали Младшей забрать моих и ее коней и имущество.

– Она тоже, – сказал сам себе Железная Лапа, – и еще Старшая и... – Он посмотрел вопросительно на Живого. Не дождавшись ответа, тоже кивнул. – Конечно. Никаких проблем.

– Скажи, – после паузы, – спросил тот. – А почему бы тебе меня втихую, в спину, из засады не пристрелить. И с пауком все решишь и не надо скандалить с родовичами. Пропал и все. Нашел же здесь, при желании мог и подловить в дороге.

Железная Лапа опять широко заулыбался.

– Ну, можешь же думать, если хочешь! А ведешь себя как бык – рогами бум о препятствие, вместо того чтобы обойти.

Вот подумай и ответь себе. Думать – оно полезно.

– А я думаю, что не захотел ты проверять на практике, кто кого первый подстрелит. Это риск и не малый, а брать помощников в таком деле нельзя. Обязательно рано или поздно проболтаются. А Железная Лапа никогда не будет явно делать то, что может повредить в глазах его воинов. Репутация вождя штука тонкая и легкая. Один раз поведешь себя неправильно, и доверия не будет. А у тебя амбиции. Шесть роц под твоей рукой, а хочется больше.

– Восемь, – отрицательно помотав пальцем, сказал тот. – Ты долго отсутствовал. Молодец – соображаешь. Это главная причина. Но есть еще и не главная. Хочешь верь, хочешь не верь – я тебя действительно уважаю. Ты всегда шел своей дорогой и был не таким, как все. Я-то знаю – по течению легче, чем поперек. Там будет другая жизнь. Лучше или хуже – не знаю – это тебе ее создавать. Поэтому уходи на юг, там хороший шанс начать сначала. Мешать я тебе не буду, но и помогать тоже.

Он встал и поднял руку в прощальном приветствии.

– Я желаю тебе удачи там. Сюда не возвращайся.

Повернулся и пошел вниз к своему коню.

Глава 4

Новая Варшава

Я лежал на носу баржи, прислушиваясь к разговору и де-

лая вид, что изучаю общедоступный список Вещей, которые разыскивают рейдеры. Такие небольшие книжки были во многих домах и пользовались устойчивым спросом у местного населения. В конце приводятся приблизительные цены.

Ничего интересного там не было. Все прекрасно знакомое, многое люди просто не знали, как использовать. По названию никогда не догадаешься, что за штука. Хорошо еще, что обязательно изображение имеется. А еще есть пометки Черепахи.

Некоторые Вещи еще и применяются совершенно неправильно. Вот какой умник придумал использовать «Сигналку» таким идиотским образом? Она якобы чувствует воду! Ну да, реагирует. Но на самом деле ее можно и нужно настраивать на любого размера теплокровное животное. От мыши до слона. Прошел перед сном вокруг стоянки, сбросил нить, и никто не пересечет ее без тревожного сигнала. Только подкармливать нужно регулярно. А эти... додумались.

Вот почему электроника не желает работать – это они и не подозревают... Только стоит ли подсказывать? Еще не хватает, чтобы они от «Вопилок» научились закрываться. Совершенно лишняя информация для людей.

Как ни странно, обнаружил пару десятков Вещей, совершенно не знакомых. У нас такого не было. А вот это – очень интересно. Единственный экземпляр, любые деньги предлагают. Еще бы. Пауки бы тоже не отказались. «Маска». Совершенно безболезненно превращает тело в натуральный пла-

стилин. Можно вылепить из любого все, что угодно. Хочешь другое лицо? Пожалуйста! Хочешь хобот или броню вместо кожи – сколько угодно. Несколько часов в новом облике – и останешься навсегда в таком виде. Никаких последствий для здоровья.

И еще длинный список Вещей неизвестного назначения. Положим, это они им неизвестны. «Замедлитель», «Здоровье», «Чистильщик», «Слизь», «Накопители» разных видов и форм, «Пленочник», ну и много всякой ерунды.

Ого! «Насильник». В его присутствии невозможно себя проконтролировать. Обязательно перекинешься. У нас ходили слухи про то, что они есть в Крепости, но кроме страшных сказок никогда не слышал ничего конкретного. А оказывается есть. Очень мне это не нравится. Если будет возможность, надо выкупить и запрятать поглубже. Ага, не один я такой умный. Что-то Черепаха, видать, не сообразила или забыла, когда мне дала список. Очень занимательная надпись под рисунком, сделанная ее рукой – «Од. вз. у Б. Два кн.». Прямо так сложно догадаться! Страшно глубокий шифр! Посмеялся бы, если бы это не «Насильник» был. «Один взят у Бориса. Стоимость – два коня». А ведь ничего не сказала. Это надо будет обсудить с Вожаком. Вот интересно, на него действовать будет, и если да, то как?

Я насторожился и в очередной раз прислушался. Даша сидела по соседству, тщательно вычесывая Мави специальным гребешком. Та, довольно урча, подставляла то один, то

другой бок. Во время этого полезного процесса Даша пыталась пояснить любознательному Летчику, чем русские отличаются от поляков. Она сидела на палубе уже третий день с небольшими перерывами на еду и сон. Обмен информацией шел в обе стороны, причем, как втихую доложил мне Летчик, Дашу интересовали как я лично, и при том очень сильно, так и жизнь на равнинах. Единственное, что ему прямо запрещалось с самого начала – это упоминать о звериной форме и связанных с этим вещами. Предупредить его о неразглашении остального мне просто в голову не пришло, а теперь было поздно.

Летчик, умело направляемый уточняющими вопросами, выложил все, что он знал о Народе. Знал он, правда, не слишком много. Два месяца жизни – срок не слишком большой, но был он, как и положено подростку, достаточно любопытным и при этом изрядно наивным. Во всяком случае, мотивы нашего похода и то, на какой результат мы рассчитываем, он без больших проблем сдал. Про наше отселение в дальние края – это была достаточно любопытная информацией. На основании ее недолго додуматься о скоплении изрядного количества наших соплеменников в том месте. И по разным другим мелочам, включая неизвестный язык и отсутствие вещей промышленного производства, мы на потерявшихся землях как-то мало походили. Своими открытиями Даша делиться пока ни с кем не собиралась. Это я знал точно. Что происходило на барже, Летчик контролировал на все

сто, подслушивая разговоры даже в разобранном состоянии. Изначально это задумано не было, но если ему нравится, почему не воспользоваться?

Даша доказывала, что никаких принципиальных различий между поляками и русскими нет, а есть только разница в религии. Тут Летчика переключило, так как он совершенно не понимал, почему чтение молитвы на латинском языке может быть более правильным, чем на церковнославянском. Когда всплыл вопрос об украинцах, он запутался окончательно: религия с русскими одинаковая, но почему-то другой народ.

Тут у меня в познаниях была изрядная дыра, так что помочь ему разобраться я не смог бы при всем желании. В доставшемся мне от Лехи куске памяти присутствовал фильм «Тарас Бульба», а также прочитанная им после просмотра оригинальная книга. Была попытка сравнения – и уж очень ему не понравилось кино с длинными речами героев, поднятых на копыя. Больше у меня по этому вопросу в памяти ничего не имелось, кроме анекдотов про хохлов и сало. Вот специально так не сделаешь: «Здесь помню – здесь не помню». Выступить со своим «авторитетным мнением» я не пытался, тем более что особого интереса данный вопрос не вызывал. Ну, поделились когда-то, как большинство родов. Мы, например, род Медведей, а есть отдельные подвиды – гризли, бурые, пещерные, черные, очковые. От окраски зависит и от места жительства. Иногда и между собой дерем-

ся за территорию или баб. Ничего странного. Так это всего шестьсот лет. Через тысячу еще раз поделимся и будем считать своих единственно правильными медведями.

Идею бога Летчик совершенно не воспринимал. Тем более бога невидимого, всемогущего и всезнающего, да еще и единого в трех лицах.

Тут Дашин рассказ совершенно непонятными путями сделал скачок и оказался в Израиле.

В свете того, что тело у него было израильского производства, Летчик страшно заинтересовался этой темой. Бесконечные войны за землю и воду с близкими родственниками он как раз хорошо понял. Это гораздо проще абстрактных идей, в которых, впрочем, и Даша не сильно много понимала. Мудрено было бы при здешнем воспитании и таких родителях. Вот стрелять, коня оседлать, в разном местном сырье разбираться или обувь починить – это без проблем. Очень практично. А страдать из-за отсутствия на планете Иерусалима или папы римского вместе с Патриархом Московским – это не по адресу.

Очень быстро Даша иссякла. История земных государств явно не была ее любимым предметом. Где-то в Форте была пара книжек на тему охоты за террористами и бомбежек, которые она добросовестно изложила. Вот здесь Летчик меня окликнул и заинтересованно начал выяснять – нельзя ли его вооружить. Мы с ним долго выясняли значение терминов «полезная нагрузка», «мощность двигателя», «высота поле-

та» и причины, по которым это не возможно. Потом Летчик глубоко задумался и замолчал.

Непонятно, что творится, как всегда, когда Зверь руку приложил. Нормально у него не получается. Наш летающий приятель явно прогрессирует, причем в совершенно непредсказуемую сторону. Действительно, получается оригинальная личность со своими желаниями и интересами.

Когда выяснилось, что Вожак откровенно лажанулся с этой идеей про летающих разведчиков, он сделал умное лицо и сказал: «Думайте. Здесь собрались Мастера, вот и покажите, что умеете». Сказать – оно проще всего. Сам с этим дела никогда не имел и откровенно свалил на нас. Вот мы и выдумали, неизвестно на чью голову. Коллектив изобретателей в составе паука-недоучки, кузнеца, ювелира для тонкой работы, меня, как наиболее продвинутого в людской технике, и Близняшек. Особенно полезны были Близняшки. Они отгоняли пинками любопытных и лезущих с умными советами.

«Пленка» и «Накопитель» вместо аккумулятора, разные прочие мелочи вроде защиты от «Вопилок» и «Кричалок» – это даже не особо сложно. Любой дурак из Народа знает, как использовать простейшие печки. Берешь обычный картон или, на крайняк, тонкую деревяшку, покрываешь пленкой и жаришь необходимый продукт на слабом солнышке. Ловить бесплатную энергию – так пленка под это дело и выдумана. Тут немного пришлось повозиться с доводкой, и чтобы не

закоротило тонкую технику. Нужды в защите от «Вопилок» и «Кричалок» раньше не возникало за неимением электроники, но это тоже хорошо известное дело. Присобачь «Глушилку» на широком диапазоне – и все будет в лучшем виде. Сделать все это достаточно сложно, но вполне осуществимо. Зато, что делать с компьютерными мозгами, никто не представлял.

Сначала от меня пытались добиться объяснения устройства и как оно действует. Только если Зверь не знает, откуда мне знать? Разве что имелись общие смутные представления об устройстве компьютера. Чтение инструкции тут не помогло. Тогда дружно махнули рукой и выпили коллективно, на совесть. В ходе гулянки и родилась эта странная идея.

Вернее, она всем была прекрасно известна, но на моей памяти никогда не использовалась. Любой предмет имеет память. Когда ты его держишь, касаешься, чинишь, используешь, остаются следы на поверхности. То, что называется аурой и информационным воздействием. Часть со временем исчезает, часть навсегда впитывается. При определенных умениях и прямом воздействии контролируемой энергии можно разбудить что-то вроде личности. Поскольку предметом пользовались многие, то получившаяся личность будет похожа не на кого-то конкретно, а скорее на слияние нескольких. Тут важна даже не сила, а тонкая работа. Чем меньше и проще предмет, чем чаще он использовался, тем это легче. Есть даже древние легенды про живые мечи, куда

умирающие вкладывали часть души. Потом эти мечи вполне были способны предупреждать об опасности, учить незнакомым приемам фехтования, оставшихся у них в памяти неизвестно от кого, и даже разговаривать с хозяином.

Никто такого не видел, но вот камни-сторожа прекрасно известны всем. Своих они прекрасно узнают, а о чужих предупреждают. Одна проблема – они достаточно примитивные как личности, туповатые и делать их тяжело. Дальше одной, максимум двух, задач соображать не способны. Как в самом начале уяснили про «свой – чужой», так и будут следить. «Сигналка» и то полезнее. Ее хоть с собой таскать можно, а камень-сторож обычно имеет охрентельные размеры и служит для обозначения границы. Зато выяснить у него, кто проходил и из какого рода, без проблем. Поэтому любой чужак, не желающий быть опознанным, старательно объезжает хорошо всем известных сторожей.

И камни-родственники тоже замечательная вещь. Можно разговаривать не хуже чем по радио. Тоже проблема имеется неразрешимая. Из начального камня сколько выпилишь, столько и будет «Говорилок». Запасную не сделаешь, а использовать большой размер не получается. Вот и выходит десяток-другой по максимуму, и все.

С раннего утра я поднял нашего паука-недоучку Длинного Зуба холодным душем из ведра и стал выяснять, что он там по пьяни такое заливал. На самом деле он действительно Мастер, но пауком его еще много лет не признают. Сliš-

ком молодой, шкодливый и совершенно не умеет подчиняться авторитетам. Обязательно при всех расскажет, почему его начальник придурок, и докажет, что он прав. Силы большой у него нет, зато ума слишком много. Вечно с несвоевременными идеями вылезает. А вот как раз в этом случае очень даже вовремя выдал мысль. Почему бы нам не попробовать создать из самолета личность? Нужны только несколько ингредиентов вроде приличного куска гибридного сплава, на котором записывается информация по типу «хранителя», и кто-то умеющий работать с энергией напрямую.

Чего-чего, а различных чистых образцов у нас было много, и Вожак на вторую часть работы имелся. Что они там коллективно сварили, я так и не понял. Очень умно это было названо «квазиживым» материалом из сплава нескольких металлов, углерода и каких-то химических солей, отнятых с боем у Койот. Еще и кровь мою использовали. Какие-то специфические способы проводки сигналов. Диэлектрики, отрицательная проводимость и прочая белиберда, нормальному бойцу непонятная и совершенно неинтересная. Каждый должен заниматься своим делом. Я как-то все больше специализировался на разведке и наведении порядка среди своих. Ближе всего это к полиции. И не уголовка, и не ОМОН, что-то среднее. Создание амулетов – это хобби, а не профессия, хотя мои ценились понимающими.

Квазиживым он был назван за то, что, будучи с виду и на ощупь вполне твердой массой, при определенном воздей-

ствии (а тут надо было строго соблюдать температурный и световой режим, еще и мигая в определенной последовательности) он начинал расти, и вопрос малого количества тем самым снимался. Скромно опустив глаза, Длинный Зуб сказал, что идея эта ползала у него в голове давно, особенно про кровь. Все это крайне интересно изучать углубленно, но уж очень сложно было достать отдельные составные для сплава. А вот теперь он развернется. Ухмылка была при этом крайне издевательской.

Причину я понял только потом, когда выяснилось, что новорожденный считает меня своим прямым родителем, а вовсе не старшим администратором, как я тут слушателям втирал. Бил я недоучку Мастера долго и с большим удовольствием, так что последние две десятидневки до отъезда он от меня тщательно прятался. Столкнувшись на практике с его работой, я очень сильно посочувствовал его учителям и признал правильным их нежелание признавать его Мастером. Совершенно он не представлял последствий своей работы и даже задумываться не желал.

То ли потому, что, в отличие от мечей и камней, у Летчика была сложная структура, то ли Зверь в очередной раз перестарался, то ли не зря нас предки предупреждали не баловаться магией крови, но получился не готовый услужить компьютер с определенными программами и не обычная простенькая тень личности, а любознательный и развивающийся ребенок. Который к тому же обладал абсолютной

памятью и очень быстро начал проявлять эмоции.

Вот Даша ему явно нравилась, а Дядю он не выносил. Если честно, я серба тоже терпел с трудом. Может, люди и не замечали, но от такого типа лучше было держаться подальше. Вот уж кто был как натуральный компьютер. Он абсолютно не испытывал никаких эмоций. У него не менялся запах, он никогда не нервничал, не радовался и вел себя исключительно согласно логике. Это правильно, а вот это нет. Почему-то в «правильно» попало слушаться Рафика. У меня было впечатление, что в промежутке между рейдами он отключался и кнопка срабатывала только на очередной поход. Самый натуральный биоробот.

Даже Летчик в самом начале был более нормальный. Короче говоря, мы умудрились по сильно большому недоразумению создать нового разумного и не имели представления о том, что нас и его тоже ждет в будущем.

Как минимум он был бессмертным, живя одной личностью в разделенных кусках и не испытывая затруднений с задержкой при передаче информации. А способность бесконечно размножаться и со временем вполне заменить собой любую Интернет-сеть, получая информацию от пользователей, а заодно и подслушивая и контролируя их, была крайне многообещающей. Немного усовершенствований в «Говорилке» по принципу мобильного – и монопольную телефонную сеть без всяких проводов и антенн можно распро-

странять бесконечно.

Идею эту я пока держал при себе, неизвестно какое количество информации Летчик мог пропустить через себя без проблем. Все это нуждалось в проверке. Пока ему нравилось летать, ощущая себя свободным, а не привязанным к одному месту. А я чем дальше, тем больше ощущал себя ответственным за него. Родители тоже не знают, какой у них вырастет ребенок, но он их ребенок, и помогать ему и защищать его они будут до самой смерти.

Что у нас еще интересного? А, вот на последней странице книги, где пустое место, красота – еще один список на Языке. Хорошо же Черепаха покопалась у Бориса в закромах. Совсем она нюх потеряла в здешнем окружении, пишет на неизвестном людям Языке и еще мне вручает. Или это она так доверие демонстрирует? Матрица от «Чистильщика», очень странный организм, оставшийся от предков, с заданными свойствами. Повторить никто не может. Совсем не редкость амулеты из него, но оригинала не было ни у кого. А вот теперь есть.

Можно вырастить любого размера и формы. Собственно, это обычный микрочаеистый фильтр. Настолько микро, что увидеть невозможно, и никакой микроскоп не поможет. С виду обычная губка, которую можно легко резать. Надо только при выращивании задать параметры очистки. Хочешь, он морскую воду в дистиллированную превратит, попутно убирая разные примеси, а хочешь, можно вместо противогАЗа

или маски для подводного плавания применять. Там мозгов, в отличие от Летчика, нет, сплошные инстинкты. Только чтобы правильно параметры задавать, надо код знать.

Все остальное в списке даже в нескольких экземплярах, разных размеров и не работает. Не большая проблема оживить. «Сварка», «Сверло», «Резец», «Плавильная печь». Несложно и по названию догадаться, только людям откуда знать. «Резка». Очень нужная вещь. Две рукоятки, соединенные неизвестно чем. Смотришь – ни черта нет, а когда раздвигаешь в стороны, чувствуешь легкое сопротивление, и пустое место режет – все, вплоть до металла. Особо одаренные экземпляры приспособились часовым головы отделять от тела. Накидываешь сзади на горло, руки в перехлест, чтобы, разрезав шею противника, себя не зацепить, и еще один отправляется на перерождение. Хотя не стоит показывать пальцем, у самого в подкладке для того же заныкано.

«Ловец» – анализатор химического состава жидких и твердых веществ. Многие вещества не просто отражают свет, но и заметным образом изменяют его спектр. Он находит изменения и на этой основе определяет химическую природу образца. Десять-пятнадцать секунд. Может отличать множество различных веществ, яды и неприятные для организма вещества находит легко. В бытность мою начальником у Хищников один раз наркотики с помощью него нашли.

«Подгляд» – просвечивает не хуже рентгена, включая ка-

менные стенки. Не на радиоактивности, а на звуковых сигналах работает. Вроде эхолота, но с картинкой на экране. Не надо лезть в закрытое помещение в поисках разного добра, все и так видно.

«Сундук». О, Первопредки! Восемьдесят две штуки. Совершенно бесполезная Вещь. Опа! Я натурально большой дурак. Премию Черепахе. Это они раньше были никому не нужны. Форму «Сундук» имеет самую разную, и больше всего – по своим функциям – похож на «Флягу». А может, это она и есть, только особая разновидность. Есть только серьезная разница: закрывается на цифровой замок, как сейф. Иногда еще и буквы на стенке с той же целью. Перебирать номера можно вечно и открыть практически не возможно. Сломать еще никому не удавалось. А в таких «Сундуках» еще со времен Войны может храниться все что угодно – от никому ненужного до страшно ценного. Шестьсот лет не срок. На равнинах есть несколько экземпляров «Сундуков», навечно закрытых, секретный код которых не знают. А теперь у нас появились компьютеры. Подключить и пусть комбинации перебирают.

– Живой, – прервав мое занятное чтение, задумчиво сказала Даша и повернулась ко мне.

– А?

– А ты что думаешь о боге?

– Ничего не думаю.

– Как это?

– Меня учили другому. Где-то там, – я ткнул рукой в небо, – после смерти тела собираются души. Это не такое... в виде того же человека с крылышками, который сидит и на арфе блямкает бесконечное множество лет. И не эта... Вальгалла... где собираются герои в бесконечном выпивоне и время от времени выходят подраться друг с другом или со своими земными врагами. А утром опять встают здоровые и снова квасят. Это просто скучно. И то, и другое. Бесконечно одно и то же.

Душа – это твоя память и опыт в виде энергетического поля. После смерти тела все души собираются вместе, и опыт, память и знания становятся общими. Вот тогда они коллективно и решают, как ты жил. Больше было хорошего или плохого. От других при слиянии такое не скроешь. Они взвешивают тебя согласно законам, по которым ты жил, и выносят решение. Ты ж понимаешь, у разных народов можно по-разному относиться к одинаковым вещам. Для одних самоубийство – грех, для других – доблесть.

Вот по твоей жизни и выносится решение. Обычно плохие и хорошие поступки на одном уровне находятся. Тогда ты снова можешь родиться, но памяти о прошлой жизни у тебя не будет. Тут есть масса разных нюансов и условий в зависимости от того, что перевешивает. Могут спросить тебя, в ком ты хочешь возродиться, могут послать в ребенка твоего врага. Или в женщину, если ты был мужчиной и оби-

жал противоположный пол. Считается, что для правильного понимания жизни тебе необходимо испытать на своей шкуре несправедливость.

Если хорошие поступки намного превышают плохие, память о прошлой жизни сохранится. Тут опять же есть зависимость, сколько и о чем. Есть такие примеры. А вот если ты жил неправильно, то душа твоя просто расплывается и не возродится вновь.

– Но ведь это может быть неправильно, – подумав, сказала Даша. – Вот у кого-то принято родителей или детей в голодные годы выкидывать, обрекая тем самым на смерть. Это так в обычае. Значит, что? Они общим решением считают, что он праведник?

– У всего есть причина. Если такое делают, значит, на всех еды не хватает. Для нас это дикость, для них вполне нормально. Но вот если в тех местах с продуктами проблем не будет, они же перестанут такое делать?

– Ну, да, наверное, – неуверенно сказала она.

– Значит, и не станет такой традиции, и следующее поколение уже не будет считать это нормальным. А тогда и решение будет соответствующее. Законы и традиции меняются в зависимости от происходящего. Что было нормально раньше – сейчас, вполне возможно, нет. И наоборот. Вот есть заповеди: не убей, не укради, не возжелай имущества или жены ближнего. Для меня это ерунда. Все зависит от того, кого и в какой ситуации убить или своровать. Что за бред подста-

вить другую щеку? Сами христиане этого не делают. Напал на меня – значит, будь готов умереть. Уж как бы это некрасиво не звучало, но если мои дети хотят есть, – теоретически, своих пока нет, – усмехнулся на Дашины поднятые брови, – я украду, и плевать мне, что это незаконно и наказывается. Мои дети для меня важнее. Пусть потом после смерти решают, что правильнее: дать своим детям умереть или украсть. Даже если чужим детям от этого будет плохо. Для себя я так решил.

Даша с сомнением покачала головой, но промолчала.

Я же продолжил:

– А что касается возжелать и взять – это две разные вещи. Я могу смотреть с восхищением на чужую жену, и нормальной женщине это только понравится. Она для того одевалась и красилась, чтобы ею восхищались. Но вот трогать я ее не буду. Она чужая жена. И то же с восхищением имуществом. Оно чужое, но почему я должен отворачиваться от коня соседа, а не восхищаться им? Потому что я могу взять себе? Это пусть христиане трясутся, если у них нет воли и уважения к чужому. Их бог заранее решил, что доверять своим верующим нельзя. Все они нарушат его заповеди, дай только увидеть. Впрочем, – помолчав, добавил я, – я, естественно, упрощал. В жизни все всегда сложнее. Но эти вопросы – про душу и веру – надо решать со специалистами. А я простой парень, и не стоит со мной это обсуждать.

– Впереди много домов, – сообщила «Говорилка».

– Это Варшава, – оживилась Даша. – Летчик, возвращайся и садись на палубу.

Об этом мы давно договорились. Незачем было светиться лишний раз. Заодно и профилактику проведем, пока стоять будем.

Через четверть часа он появился, сделал круг и, выпустив парашют, точно опустился на палубу. Из трюма начали вылезать остальные члены экспедиции. Хоть и маленькое, но развлечение. Второй из двух основных центров славянской цивилизации. Вопреки названию здесь проживали не одни поляки. Были в большом количестве чехи, словаки, хорваты, украинские униаты. Все считающие себя католиками или имеющие претензии к православным и бывшим советским, куда относились в основном русские. Оба центра имели вечные проблемы в общении, перенеся земные счёты со вкусом и удовольствием в далекий космос. Все считали себя ничем не хуже соседей. Наоборот, они-то как раз и есть самые правильные.

На правом берегу Дуная в основном жилые кварталы, на левом угольные карьеры и производство. Там построена целая промзона, причем имелся отдельный грузовой порт и по соседству квартал для приезжих. В саму Новую Варшаву чужаков не слишком стремились пускать. Прямого запрета не было, но вполне могли отказаться обслуживать в магазинах, не сдавали жилье и очень часто делали вид, что не понимают русский язык, который в Зоне выполнял функции, что назы-

вается, языка международного общения.

Рейдеры дружной компанией засобирались в ближайший кабак, оставляя на борту Дядю, никогда не проявляющего интереса к подобным мероприятиям. Черепаха заявила, что ей эти развлечения не интересны и лучше она поспит в компании с волками и Красоткой, а потом сменит Дядю.

Я настроился проверять Летчика, хотя особой нужды в этом не было. Он сам моментально сообщал о любых подозрениях в своем самочувствии. Это ведь не просто механизм, а его тело. Кому и знать о неполадках как не самому самолету. Тут ко мне подошла Даша и, помявшись, сказала просительно:

– Живой, а ты не можешь меня проводить? У меня дядя живет недалеко, брат матери, а Рафик не хочет одну отпустить.

Я оглянулся на него. Рафик кивнул и развел руками. Вроде поступай, как хочешь.

– Почему нет? Когда еще удастся на город посмотреть...

Она радостно улыбнулась.

– Так я тебя жду у трапа, сейчас только подарки возьму, – и побежала в трюм.

Ну, мне собираться особо не надо. Майку и рубашку сменил на свежие, все-таки в гости идем. Дело к вечеру, так что куртка нужна. Даже днем не сильно жарко. Критически посмотрел на обувку, но подумал – и так сойдет. Поколебал-

ся, но решил, что без эсвэдэшки можно и обойтись, в городе винтовка не потребуется, только мешать будет. Вот ножи с «Узи» и стечкиным оставить даже не подумал. Под свободной курткой не выпирают, а гулять по незнакомому месту без оружия не в привычках Народа.

Даша прибежала в платье, сменив свой вечный комбинезон. Специалиста по моде и тканям из меня пока не воспитали, но смотрелось очень мило. Приятного голубого цвета, выгодно подчеркивающее все прелести ее фигуры. Совсем по-другому смотрится, чем в комбеше. Хотя и в нем Даша очень даже приятно смотрится. Вот надеть на мужика – так обязательно мешком висит, а колени пузырятся. А у нее, где надо – приталено, где надо – ушито, и на улице на нее оглядываются. Подобная магия является чисто женской и нам, мужчинам, не доступна.

В руках она держала целый мешок барахла. Пришлось забрать и надеть на манер рюкзака на спину. Не слишком тяжело, но изрядно объемисто. Она моментально взяла под руку стальной хваткой, несмотря на свой нежный вид, и повела в неизвестном направлении. Опыт для меня достаточно нов. С одной стороны, руки должны быть свободными на случай непредвиденных обстоятельств. С другой— никогда я так не ходил и даже в воспоминаниях, доставшихся от Вожака, такого не получил. К тому же она сильно ниже ростом, и шаги ее намного короче. Приходилось все время следить, чтобы ей не пришлось бежать.

На выходе из порта, где начинался подъем к мосту, стоял блокпост. Здесь у меня моментально сработал очередной кусок чужой памяти, и я огляделся профессиональным взглядом. Вожак такого добра много в свое время повидал, и я прекрасно знал, на что смотреть. Бетонные блоки лежали так, что проехать на скорости невозможно, непременно приходилось тормозить. Двое в смутно знакомой форме и в конфедератках проверяли документы у проезжающего транспорта и проходящих людей. Еще один стоит в стороне, явно прикрывая. Также имеется обложенный мешками с песком крупнокалиберный пулемет. И два достаточно старых дота, в которых наверняка еще что-то с большим калибром имелось. И охранники какие-то напряженные и явно нервничают, прямо воняет от них растерянностью и агрессивностью. Что-то в городе неладно.

Старший сразу заорал что-то обидное, судя по интонации. Слов я не понял, польский в мои познания не входил, но Даша моментально ответила. Некоторое время она что-то спокойно объясняла. Мелькали незнакомые имена. Прозвучало «Кулак» – и жест в мою сторону со словом «охранярец», и проверяющий успокоился. То есть внешне он стоял все с той же недовольной рожей, но агрессивностью пахнуть от него перестало. «Охранярец», – хмыкнув, повторил он, ощупывая меня взглядом. «Узи» он явно заметил. Как мне объяснили сразу, с автоматическим оружием в город не пускали, а тут вдруг такое послабление. Я так понял, что меня записали

уже не просто в сопровождающие, но заодно и в телохранители. Потом он махнул рукой, показывая остальным, чтобы нас пропустили, и отошел в сторону. Можно было идти через мост в жилые районы.

Я его внимательно рассмотрел. В наших краях ничего похожего быть просто не могло. Там не было рек такой ширины, а бетона и подавно. Максимум, что Народ строил – это небольшие деревянные мосты. То есть с моей двойственной точки зрения я в земном варианте видел его простоту и примитивность, но как местный житель был изрядно впечатлен. Больше полутора метра длины, и даже две полосы движения в обе стороны имелись. По одной двигались машины и телеги, по другой ходили пешком.

Больше всего город напоминал разросшуюся до неприличных размеров деревню, но с мощными булыжниками дорогами и тротуарами для пешеходов. Земли много, особых денег не стоит, и селились хозяева на изрядном расстоянии, не забывая отгородиться от соседей забором. Все дома деревянные и невысокие. Первые кирпичные двух- и трехэтажные появились ближе к центру. Тут явно жили совсем не бедные. Если на окраинах фонарей было немного, то в центре освещение как днем.

– Я по матери Ходецкая, а дядя Павел ее старший брат, – рассказывала она по дороге. – Он в Польше на каком-то химкомбинате работал и имел отношение к «Солидарности».

«Знать бы еще, кто такая Солидарность», – подумал я, но спрашивать не стал.

– Вот в тысяча девятьсот восемьдесят первом году и пришли к нему с предложением поработать за границей. Хорошие деньги и подальше от коммунистов. Даже семью можно взять. Правда, – она хихикнула, – в слаборазвитой стране, а в какой – не говорили. Чем в лагере сидеть, лучше уехать – так он решил, и всех с собой взял, тем более что работодатель согласен был на приезд родственников за его счет. Сестру, брата, мать, жену брата. Отец раньше умер. Еще удивлялся, что за странные дела. Свободный выезд во время военного положения и разрешение на въезд в любую страну после окончания договора. Вот и прибыл. Коммунистов с Советами тут точно нет, зато проблем было выше крыши. Они из самых первых были, которые заводы монтировали. Голое поле и ящики с оборудованием. Правда, что нужно, никаких вопросов – все получаешь, но только для производства. Для того их и приглашали. Сами эльфы палец о палец не ударили. А дома и все, что человеку надо, – в свободное время. Как работу определенную сделаешь, так и зарплата капает. Приспособились со временем. А как подняли основное, посмотрели по сторонам и решили, что и не так уж плохо. Зачем искать что-то и переезжать, когда и здесь вес и авторитет имеешь? – Даша помолчала минутку и продолжила: – Маме было уже девятнадцать, когда отец появился. И как-то они очень быстро нашли общий язык. Вся семья была страшно

против. Они хоть и не слишком религиозные, но постоянно в церковь ходят. Основательные, с хорошей работой и приличным доходом. А отец тогда был не пойми кто. Считается еврей, ни в какого бога не верит, ходит в рейды по Дикому полю. Сегодня грошей полные карманы, завтра с голой задницей. Еще и наглый. Чуть что – сразу в морду. Маму и угваривали, и запирали. Ничего не помогло. В один прекрасный день просто вышла и не вернулась. А что, действительно прекрасный для меня день, – задумчиво пробормотала она. – Я ведь могла и не родиться. А вообще странно. У меня двое старших братьев и двое младших. Все здоровые, такие крепкие брюнеты. Одна я – маленькая и рыжая, в маму. – Она вздохнула. – Сначала родственники были в страшном гневе. Потом ничего, привыкли. Папу все равно не особо жалуют, но остальные вполне свои. Как мы подросли, стали нас отправлять к ним на пару месяцев в гости. Иногда вместе, иногда по отдельности. Так что все будет нормально, а не пойти – могут и обидеться. Посидим спокойно, домашнего поедем... Вот почти и пришли. Видишь, тот двухэтажный дом...

Глава 5

Мятеж

Наш приход был встречен радостными криками. Дашу вертели, рассматривали и громко восхищались. Есть у меня подозрение, что слова «Как ты выросла и похорошела» будут

сказаны близкими родственниками даже карлику и уроду.

Подарки рассматривали, изучали и опять же громогласно восхищались. Они оказались приготовлены на все семейство в количестве одиннадцати душ разного пола и возраста. Очень сомневаюсь, что к этому имел отношение Борис. На наше счастье, присутствовали не все, и процедура осмотра закончилась довольно быстро.

На этом семейном празднике я был явно лишним. На меня обращали внимание разве что попутно, что вполне устраивало. Я тих и послушен: сказали оставить «Узи» в прихожей – оставил, снять куртку – никаких проблем.

Теперь мы сидели за столом. Павел, хозяин, солидный мужик в возрасте за пятьдесят, его жена Кристина, очень прилично сохранившаяся мадам с холеными ногтями и явно не перетружденными тяжелой работой руками, их пятнадцатилетний сын Анджей, постоянно бросающий на меня исподтишка взгляды. Тут не надо быть психологом, чтобы догадаться, как ему хочется сбежать из солидного дома и что за вопросы он начнет задавать, как только родители не услышат. Я в его глазах явный представитель народа рейдеров, гуляющий сам по себе и не интересующийся ничьим мнением. Еще присутствовала полненькая девушка по имени Агнешка, если я правильно понял, дочка второго брата, ну и мы с Дашей.

Семейный ужин – это тяжкое испытание. В какой руке положено держать вилку и нож по правилам этикета— не знал

не только нормальный оборотень с равнин, но, как я не пытался напрячь память, и Вожак тоже. Как-то прошла мимо него это необходимая вещь. Что-то такое смутно мелькало про положенные рядом столовые приборы, которыми пользуются по очереди, но обычно эти самые приборы исчерпывались ложкой. А у нас с этим вообще просто. Загрыз антилопу и без всякой вилки прямо так – сырым употребляешь. Нет, мы и жареное едим, но прекрасно обходимся без указаний, в какой руке нож держать. Естественно, левша в левой, а правша в правой.

Ко всему еще имелась кухарка. Дебелая баба, лучше всех знающая, когда что положено ставить на стол и когда забирать. Хорошо еще, официант за спиной не стоял и не следил, не пора ли в рюмку налить. Очень не люблю, когда торчат сзади, и вполне способен налить себе сам. Водка очень ничего. Гораздо лучше того пошла, что жрали на барже, хотя и похуже, чем в нашей роце. Так у нас не продажная, для собственного потребления, и сделанная на травках. У каждой роци свой особенный рецепт. Вот на новом месте все еще экспериментируют.

Под восторженные приветствия кухарка притащила какой-то бигос. Первый раз слышу такое название, но на вкус вполне прилично. Как для Народа сделано. Несколько видов мяса – и телятина, и свинина, и колбаса. Совершенно неизвестный мне овощ под названием капуста и еще грибы, лук, специи и соль. Что-то там еще незнакомое, но я не главная

кухарка роши, мне рецепт без надобности. Хотя выяснить, что такое «капуста», совсем не лишнее. Подобные вещи полезны для Клана.

Прозвучал очередной тост с пожеланиями доброй дороги, и я хлопнул еще одну рюмку. Между прочим, говорят они в таких случаях по-русски. Поняли, что я по-польски мало что понимаю, и проявляют уважение. Вот мадам то и дело интересуется, не желаю ли я еще чего. Был бы человек, прямо прослезился бы. А то прекрасно чувствую абсолютно неподдельное равнодушие в запахе. Вот Даше она искренне рада.

Агнешка что-то спросила, но ответить я не успел – тут стало не до обмена любезностями. Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалилось сразу четверо вооруженных людей. Нет чтобы двери сделать поуже, может, они бы замешкались и дали время сообразить, что происходит. Теперь дергаться поздно. Один из них втащил кухарку и, пнув ее ногой, свалил на пол. «Встать!» – заорал он остальным.

Все четверо одеты в полувоенную одежду с бело-красными нарукавными повязками. Главный, на вид лет тридцати, держал в руках что-то вроде нашего калашникова, с очень странным длинным дулом, остальные, похоже, охотничьи карабины с оптическими прицелами. Вот как раз в нашей комнате им оптика крайне необходима. Опасным выглядел только один из них, пожилой усатый мужик, уверенно держащий оружие и вставший так, чтобы ему свои же соратники не перекрывали линию стрельбы. Двое других, молодые парни,

чувствовали себя неуверенно и компенсировали это повышенной агрессивностью.

Старший с ходу завел пламенную речь. Я и так не слишком понимал, о чем разговор, а эту польскую скороговорку вообще не пытался разобрать. Семейство Ходецких стояло с похоронными лицами и внимательно слушало. Что бы здесь не происходило – меня это мало касается. Может, грабители местные. Пока они не начали стрелять – вмешиваться не собираюсь. Кто хозяев заставлял кривить рожу при виде «Узи»? Положил бы всех в дверях, а теперь надо дожидаться подходящего момента.

Павел что-то возразил и ментально заработал удар по ребрам. Все дернулись, и эти деятели с криками начали тыкать стволами в остальных. Усатый выстрелил в воздух. На головы посыпались куски штукатурки. Я присел, старательно демонстрируя испуг. Все это время кухарка, сидящая на полу, протяжно выла на одной ноте, и старший пнул ее ногой в бок, стремясь заткнуть.

Даша шагнула к дядьке, пытаясь помочь ему встать.

– Кто? – спросил старший урод.

– Братаница, от Зоси, – пояснил опасный.

– Бориса? – радостно воскликнул тот. – Вец зе соба.

Тут не надо было быть полиглотом, чтобы сообразить, что они хотят ее забрать в совершенно неизвестном мне направлении. Не те у меня указания, чтобы разрешить подобное поведение.

– Минутку, – сказал я. – Мне нет дела до ваших разборок. Но она не здешняя и с вами не пойдет.

– Станислав, – скривившись, сказал старший.

Стоявший напротив меня шагнул вперед, норовя треснуть меня прикладом. Реакция на подобные слова вполне предсказуема, но я честно пытался договориться. Дождаться удара не стал. Вместо того чтобы закрываться, шаг навстречу и влево, и оказался сбоку от него. Оба ножа из ножен на предплечьях уже в руках. Левый входит в горло усатому. Покидай, как я, несколько тысяч раз в цель, научишься и вилкой в глаз попадать, а ножи сделаны по специальному заказу. Раньше я такое не практиковал, но, обнаружив как-то Вожака с ножом, начал регулярно тренироваться. Действительно, какая разница, что в цель швырнуть, главное противника вывести из строя.

Еще шаг – и правый в почку неудачливому Станиславу. Шаг – и со всей силы бью ногой по мужским причиндалам третьего. Если выживет после такого, очень не скоро сможет шевелиться. Но не выживет, я таким ударом доску на тренировках ломал. А человеческое тело нежное, одного болевого шока хватит.

Старший урод с перекосившейся рожой пытается вырвать из кобуры свой пистолет, совершенно забыв про автомат в руке. «Не воин, дерьмо», – с сожалением подумал я, всаживая именной нож ему в живот и привычно проворачивая. Потом придется тщательно почистить и попросить у ножа про-

щения. Честное оружие запачкал.

Выдернул клинок и отпустил умирающего, шагнув в сторону, чтобы кровь из раны не забрызгала. Семейство в полном составе стояло не шевелясь, глядя на меня и открыв рты. Кухарка быстро-быстро крестилась. Старший из налетчиков захрипел и засучил ногами в агонии. Тут Агнешка не выдержала, метнулась в угол, и ее бурно вырвало.

Это послужило командой, и ступор прошел. Все задвигались. Кухарка, не вставая, старалась отползти от медленно расширяющейся лужи крови. Кристина подбежала к девушке и начала ей что-то говорить, успокаивая и глядя по голове. Анджей умчался в другую комнату и через несколько минут появился с еще одним стандартным калашом и пистолетом в кобуре, который сунул отцу. Мне отдал «Узи». Павел схватился за телефон, накручивая диск. «Вот только полиции мне еще не хватает», – глядя искоса на его бесплодные попытки дозвониться, подумал я. Одна Даша села спокойно за стол и задумчиво глядела на меня. У меня было стойкое впечатление, что покойников, в отличие от остальных, она видит не в первый раз.

А я был очень занят. «Первое, что должен помнить воин, – зазвучало у меня в голове давнее поучение изрядно поддатого наставника, – когда столкновение окончено, это не забыть обчистить врага. Никогда не забывай, что имущество убитого тобой – военный трофей, и принадлежит он тебе по праву. Все, что найдено потом, положено делить на всех». Тут

он подмигнул и пьяно икнул. «Вот тут умный должен заметить ловушку. Самые героические подвиги совершаются по недомыслию или жадности. Никогда такого не делай! Когда ставишь личные цели выше целей отряда, ты можешь подвести остальных. Лучше меньше подвигов и трофеев, чем погибшие из-за этого твои товарищи. Ты с ними много лет вместе, многие тебе ближе кровного родича, а ты из-за ерунды всех под стрелы подводишь. Раз такое сделаешь, два... Никто с тобой не захочет дела иметь. Трофеи не главное – уважение важнее». Он глубоко задумался и, когда я уже решил, что можно продолжения не ждать, неожиданно закончил: «Только не вздумай отказаться от своего. Девки уважать не будут» – и радостно заржал в восторге от своего остроумия.

Так что я никогда не забывал про трофеи. Первым делом собрать оружие, потом посмотреть, что еще стоящее имеется.

Нам привычнее пользоваться холодным оружием. Проломил противнику голову – твое, всадил стрелу, так каждая личную отметку имеет, никогда не спутаешь. В наше время появились специфические проблемы. Попробуй определи и докажи, кто кого застрелил, если участвовало сразу несколько стандартных стволов. Зато после сегодняшнего у меня будет сразу несколько личных огнестрельных. Вожак-то покупал за свой счет и выдавал нам вроде как в аренду. Захочет – заберет. Вряд ли такое возможно, но свое личное всегда

лучше, чем чужое.

– Анджей, – разглядывая с удовлетворением трофеи, сказал я, – посмотри, что там на улице. Не могли они сами прийти. Машина должна быть. А где машина, там еще могут быть.

Совсем не плохо. Два девятимиллиметровых глока, большой и маленький под одинаковый патрон. Маленький старший придурок держал в специальной кобуре на ноге. Большой пистолет имел переводчик автоматического огня и большой магазин – патронов тридцать, не меньше. По две обоймы к каждому. Три лимонки. Пояс с подсумками и удобными плечевыми лямками, с кармашками под гранаты, очень мне понравился, и я моментально нацепил его на себя. Четыре пары часов, одни из них золотые.

Почему-то у усатого в кармане оказались два золотых кольца и серебряная цепочка, а у остальных «Мясо», «Кость» у каждого. Одобряю. Для лечения полезно. «Льдинки», «Клей» и «Иглы» – непонятно зачем. Четыре приличных ножа из хорошей стали. Три одинаковых карабина и один, больше похожий на калашников, чем на винтовку. К каждому четыре обоймы. К тем, что с оптикой, магазины на десять патронов, а к калашу на восемь. Больше ничего интересного не было. Всякие ключи и бумажки я даже смотреть не стал.

– Это «Вепрь-308», «Вепрь-12 Молот» – сказала тихо подошедшая Даша, видя, как я разглядываю очередное чудо техники. – У нас в магазине тоже есть. Сделаны на базе кала-

ша, так что практически все части взаимозаменяемые, только дуло гладкоствольное и прицельная дальность на триста метров рассчитана. Считается охотничьим оружием, но у нас тут армии обычно не ходят, – и этого вполне достаточно.

Рядом громко выругался Павел.

– Ничего не работает, – с возмущением заявил он. – Телефон вообще молчит, даже гудков нет.

– Не шуми, – напряженно сказал Анджей. – Там на улице действительно грузовик, и двое курят. А в доме у пана Тадеуша какой-то шум. Это слишком похоже на переверот, как он и говорил. Вас всех забрать должны были, если бы не... – Парень взглянул на меня и замолчал.

– По людям стрелять приходилось? – спросил я Дашу.

– Бандиты не люди, – сообщила она.

– Тогда еще лучше. На, – протянул ей один из «Вепрей» и маленький глок. – Имей в виду, когда все закончится, отдашь.

– Ты прямо Плюшкин, даже солнечные очки в кучу кинул.

– Кто такой Плюшкин, я не знаю, – наставительно сообщаю, – но если покупатели будут раздаривать хозяевам магазинов свое добытое тяжким трудом имущество, то им потом придется сосать лапу. Порядок есть порядок, я тебя предупредил. Есть у меня такое предчувствие, что стрелять еще придется.

– Пся крев! – ругнулся Павел, глядя в окно.

Я подошел и, отодвинув Анджея, осторожно посмотрел,

стараясь не высовываться из-за занавески. Из соседнего дома трое вытащили мужика и, скинув его со ступенек, начали резво лупить ногами. На рукавах у них тоже бело-красные повязки. Павел вытащил пистолет из кобуры, но я поспешно ухватил его за плечо.

– Не лезь, – прошипел ему в лицо. – Отсюда все равно не попадешь, зато они моментально ответят по окнам.

– Даша!

– Я здесь.

– Я сейчас выйду, ты прикрываешь меня сверху.

– Без проблем. Любого на выбор.

– Тех, что у машины, и только когда я начну стрелять.

– Анджей.

– Да!

– Смотри за дверью. Мы не знаем, сколько их еще в доме. Если кто высунется, лупи из автомата. Можешь не стараться попасть, главное, чтобы они испугались.

– Ты, – ткнул в Павла и повернул его в глубь комнаты, где кухарка все так же сидела на полу и бормотала молитвы, непрерывно крестясь, – заткни, наконец эту дуру, только на нервы действует, и к своим женщинам подойди, успокой. Сейчас опять начнется, и только истерик нам здесь не хватает.

Главное в такой ситуации раздать указания и загрузить подчиненных делом. Когда человек что-то делает, ему некогда бояться. Содрал с одного из покойников повязку и на-

тянул ее на рукав куртки. «Ну, помоги мне, праотец Медведь», – толкая дверь и выходя, мысленно попросил я.

Возле грузовика стоял только один. Второй присоединился к своим товарищам, стоящим кружком у лежащего и с веселым хеканьем продолжающим экзекуцию. Очень удобно расположились: все четверо плотной кучкой и спинами ко мне. Даже маскировка с помощью повязки не понадобилась. Начал стрелять сразу, не дожидаясь, пока на меня обратят внимание. Рукоятка «Узи» удобно лежала в руке, так что с двадцати метров никаких проблем не возникло. Несколько секунд – и затвор щелкнул в заднем положении. Четверо «ногобойцев» даже не успели дернуться и разлеглись в живописных позах. Реакция у них паршивая.

Из окна ударил выстрел, и стоявший у грузовика отлетел с дыркой в голове. Я вставил новую обойму взамен опустевшей и осторожно приблизился. Один, получивший пулю в бедро, судорожно пытался отползти. Выстрел в голову. Потом остальным добавил, не подходя вплотную. Вроде все.

– Ты кто? – вставая на колени, невнятно сказал спасенный мужик. Лицо у него было разбито, рубашка разорвана и вся в крови.

– Я тут в гостях, – сообщаю ему. – Мимо проезжал, а тут такое интересное веселье. Никак не мог спокойно мимо пройти.

Подбежали Павел с сыном и помогли ему подняться.

– А, это ты, – с облегчением сказал мужик. – Пусть кто-

нибудь поможет моим в доме, эти скоты всех связали. – Анджей метнулся внутрь. – Инквизиторы, суки, – со стоном выдал избитый. – Новый порядок, говорят. – Он виртуозно и с наслаждением выматерился на дикой смеси русского и польского.

На улице собиралось все больше народу. Многие с оружием. Очень скоро начался импровизированный митинг. Половина требовала объяснить, что происходит, вторая требовала срочно отомстить и поставить всех врагов раком. Где-то неподалеку, в центре, началась перестрелка, и вопли моментально затихли. Люди настороженно прислушивались. В стороне реки заработал пулемет, потом прозвучало несколько взрывов.

Уже привычно собрав трофеи, я присел на ступеньки и, добыв телефон из-под рубашки, нажал семерку.

– Как у вас дела? – поинтересовался, дождавшись ответа. – А то в городе что-то странное творится.

– Пока тихо, но очень интересно, – ответил Рафик. – Часа два назад мост заняли французы.

– Кто?!

– Французы, – повторил он.

Несколько человек возле меня явно начали прислушиваться.

– Выгрузились с кораблей, пришедших снизу. Флаг трехцветный, эмблема почти как у эсэсовцев – молнии на рукаве, и на своем лягушачьем наречии объясняются. «Огненные

стрелы» называются. Хорошо знакомые типы со сдвигом в чистоту католической религии. Охрану повязали, троих застрелили. Поставили пару безоткаток, чтобы мы не рыпались и не вздумали уйти без разрешения. Потом в Варшаву прошла колонна из трех десятков грузовиков, набитых вооруженными людьми. А встречали их местные, тоже с повязками, только красно-белыми. Поэтому и на мосту без проблем прошло. Свои в гости пришли, а потом начали прикладами по кумполу угощать. Сейчас весь грузовой порт вооружился и забаррикадировался. Сидим, ждем. Речники скорее свой груз спалят, чем отдадут. Они это прекрасно понимают и пока нас не трогают.

– Дай, – сказал побитый, – и протянул руку.

Я с интересом посмотрел на него и ласково улыбнулся.

– Дай ему, – сказала Даша. Она неизменно обнаруживалась возле меня.

– Ну, поговори, – пожимая плечами, сказал я.

– Я Тадеуш Латковский, – сказал он, торопливо выхватывая телефон. – Начальник полиции промышленной зоны. В городе осуществляется попытка переворота, а теперь еще и иностранцы. Связь не работает. Телефоны отключены, радио глушат. Очень важно, чтобы вы сообщили моим людям, что происходит.

Рафик на том конце хмыкнул в трубку.

– Кому важно? – издевательски поинтересовался он. – Мы – рейдеры, охрана, речники и просто жители этого района

– в подавляющем большинстве не являемся гражданами вашей замечательной Варшавы. Нас держат за второй сорт и не разрешают элементарных вещей – вроде покупки в магазине. Это именно та самая правильная власть, которую сейчас собрались свергать. Помнится, полиция города вместе с промполицией, вами, глубокоуважаемый пан Латковский, возглавляемой, радостно была в прошлом году вполне мирную демонстрацию граждан, ратовавших о равной оплате труда не только католиков, но и остальных. Вы серьезно надеетесь на то, что мы для нее будем что-то делать? Да пусть вас всех передавят, нам-то какая разница?

– Будет разница, и большая. Тут еще и инквизиция замешана. Эти с повязками в ней работают. Тут скоро костры разжигать начнут.

– Да никуда они не денутся. Что с инквизицией, что без, будете продавать уголь в Зону. Все равно без него не проживете. Цены поднимут? Так и на продовольствие поднимут. А будут выкобениваться, из Славянска спустятся очень злые парни. Тут к вам уже не братья по вере, а вся Зона наведается, и ноги из жопы повыдерут. А то вы не знаете, как вас любят.

– Вот именно, что знаю. Полгорода спалят сначала эти, потом вторую половину еще дополнительно те. Хорошо ли наше правительство и законы или нет, но это мой город. Лучше давить сейчас, пока до большой крови не дошло. Всем будет лучше. Так что давай договоримся. Со мной еще мож-

но, с инквизицией не удастся. Что ты хочешь?

– Интересный вопрос, – задумчиво протянул Рафик. – Я тут посоветуюсь с другими и перезвоню. Это будет не слишком долго, время дорого – я помню. – И он отключился.

Тадеуш сунул мне телефон и заорал на столпившихся вокруг. Я оглянулся на Дашу. Она тут же начала вполголоса переводить, причем, очень похоже, дословно. Через слово шло ругательство.

– Что смотрите, сучьи дети? Желаете подождать, пока Кеслевский начнет всех на кол сажать за опоздание в церковь? Или думаете отсидеться? Всех нас на карьер с киркой отправят. Собрать женщин, детей и всех парней младше пятнадцати лет и в дома к Ходецким и ко мне. Вместе есть шанс отбиться. Нечего добро жалеть. Если нас перебьют, все равно на том свете не понадобится, а нет – наживем новое. – Говорил он напористо, рубя воздух рукой. – Остальные взяли оружие и собрались здесь через десять минут. Ты, и ты, – тыкал он пальцем, – пригнать свои грузовики. Ты – тащи сюда свой гранатомет, а ты – пулемет из сарая. Вы что думаете, я не знаю, у кого что имеется? Всех касается. Наши жизни теперь зависят от этого. Пойдем к правительственному кварталу. Там еще стреляют, попробуем ударить этим скотам в спину. Нет, будем уходить за Дунай. В промзоне у меня триста вооруженных парней – тоже шанс. Без заводов городу не выжить. Все. Нечего смотреть – по домам. Еды возьмите, – прокричал он в спины расходящимся.

Он плюхнулся на ступеньки возле меня и скривился, потирая ребра.

– Люди все равно, что стадо. Так и будут стоять и балаболить, пока команду не услышат. Так это еще приличные специалисты с мозгами и руками, в нашем квартале только такие живут.

– А остальные с удовольствием пограбят, независимо от власти, как только возможность появится, – пробурчал Павел.

– Других нам эльфы не выдали, – усмехнулся Тадеуш. Завибрировал телефон.

– Да.

– Живой, – сказала Черепаха на Языке, – ты как там?

– Нормально, развлекаюсь, – отвечаю, глядя на настороженные лица людей, прислушивающихся к непонятному разговору. – Совершенно не собираюсь проявлять героизм. Мне что те, что эти под хвост.

– Вот и хорошо. Можешь дать ориентиры, где находишься?

– Это совсем просто. Прямо от моста пять перекрестков. На шестом направо. На третьем перекрестке смотришь по сторонам и видишь несколько кирпичных двухэтажных домов. Перед тем, где у входа сидят каменные зверюги, отдаленно напоминающие львов, стоит грузовик, возле него лежит труп, а рядом несколько человек. Возле соседнего еще четыре покойника и я с компанией.

– Пошли кого-нибудь с тряпкой на грузовик, пусть помашет...

– Анджей, – посмотрел я на парня, – большая просьба, возьми вот это, – сунул ему камуфляжную куртку одного из погибших, – прикрепи к какой-нибудь палке, залезь в кузов и помаши.

Он вместе со всей остальной компанией посмотрел на меня с недоумением.

– Надо Анджей, потом объясню.

Парень молча взял куртку и полез в кузов.

– А теперь слушай внимательно, – переходя на русский, сказала в трубке Черепаха. – Нам не нужны проблемы с Кулаком. Твоя задача охранять Дашу.

Та фыркнула рядом.

– Надо будет, – явно услышав, ответила Черепаха, – свяжи и сядь сверху. Короче, пусть все горит и взрывается, но ты ее вытащишь. Понял?

– Да.

– Можешь передать телефон Тадеушу.

Тот торопливо выхватил из рук артефакт.

– Я слушаю.

– Значит так, – заговорил Рафик. – Мы твоих полисов предупредим, мост возьмем. Пристань пассажирскую тоже. Грузовую и так контролируем. В город не пойдем, разбирайтесь сами. – Рафик сделал паузу и начал излагать требования: – Что мы тут коллективно решили... С момента, как мы на-

чинаем, все воюющие на твоей стороне считаются мобилизованными в промполицию. Раненые и семьи погибших получают компенсацию, как по закону для ваших положено. Лечение за счет города. Трофеи наши и возврату не подлежат. На войне разные случайности бывают, и, если кого по ходу лишнего пришибем или что нужное поломаем, считай, что амнистия объявлена заранее. Да, и когда все кончится и можно дембельнуться, будешь решать сам, но против городских нас можешь даже не пытаться применять, все равно не пойдем. Только охрана объектов. Основной пункт требований – отмена любой дискриминации при приеме на работу и в оплате по религиозному признаку, и еще – представитель от речников в вашем городском совете.

– Я не могу обещать отмену законов. Это не только от меня зависит, но сделаю все возможное.

– Это хорошо, что ты не обещаешь, – после паузы сказал Рафик. – Мы тут слегка поспорили, и решили, что если сразу согласишься, забить на тебя болт. Но стараться тебе придется, будут обидевшиеся лично на тебя. А теперь верни телефон Живому.

– Ага! – радостно сказал он, когда я взял трубку. – Живой, встань на грузовик и руку подними.

Я сделал, как он велел.

– Есть. Он тебя видит, – радостно заорал он.

– А теперь отбери у Даши «Говорилку», дай ей по шее, чтобы в другой раз не брала без спросу, и объясни пану Лат-

ковскому что к чему. Будет ему наводчик и разведчик на ночь. Днем слишком опасно. Ну, все. Мы начинаем.

Со стороны реки разом ударили несколько крупнокалиберных пулеметов. Потом заработало не меньше трех минометов.

– Интересно, – глядя в ту сторону, сказал пан Тадеуш. – Это вот бухнуло не меньше чем из восьмидесятидвухмиллиметровки, а может, и больше. Ничего такого мы про речников не знали. А ведь это прямая обязанность нашего подразделения. Неприятно будет, если они на меня всерьез захотят обидеться. Ладно, – поворачиваясь ко мне, заявил он. – Что ты мне должен объяснить про разведчика?

В дом набилось около сотни людей, все хотели быть рядом со своими, даже если приходилось сидеть буквально на головах. Дом, конечно, не маленький, но на такое количество народа не рассчитан. Часть пришлось размещать в хозяйственных пристройках и утрамбовывать в подвал. Из всей этой толпы только девять способны отстреливаться. И то все молодые пацаны, оставленные Тадеушем, плюс Даша, которую я держал возле себя. Мы сидели и просто ждали неизвестно чего. Высовываться было глупо. Во всех концах города шла то прекращающаяся, то вновь разгорающаяся стрельба. Кто в кого палил из окон, разобраться было невозможно. Город напоминал слоеный пирог, где без всякой координации в соседних домах сидели враги.

Несколько раз мимо пробежали люди непонятной принадлежности, то ли бандиты, ищущие чем поживиться, то ли красно-белые, то ли законная власть. О чем они говорили и на каком языке, не слышно даже мне, а выяснять совершенно желания не было. Пусть бегут, куда хотят.

Иногда меня вызывал Рафик и интересовался делами. Мост они взяли без особых потерь. Охрана не ждала атаки из портового района. Речники пропустили в город разъяренную промполицию в количестве трехсот бойцов, у которой на вооружении оказались два бельгийских танка «Скорпион» и парочка стодвадцатимиллиметровых минометов. Любые баррикады они прошибали и расстреливали сопротивляющихся моментально. Красно-белых вообще в плен не брали. В самом начале пан Латковский занял молодецким ударом телефонную станцию. Легчик провел его по улицам без соприкосновения с противником. Когда телефоны заработали, выяснилось, что у городского арсенала красно-белые расстреляли нескольких пленных прямо на глазах отказавшихся сдаться. Тут уже их готовы были грызть даже зубами.

Потом французы сожгли оба танка гранатометами из засады, и стороны засели в домах, обстреливая друг друга. Только к полицейским присоединялось все больше местных, а неудавшиеся путчисты, попытавшиеся прорваться к реке, были встречены плотным огнем. Решающего перевеса нет ни у кого, но расчет был взять власть быстро. Теперь французы серьезно подумывали выйти из непредсказуемой драки и

начали переговоры. В обмен на пропуск они были согласны оставить оружие и неудачных союзников.

Хорошие новости я сразу доводил до общего сведения, и настроение в доме было на удивление веселым.

Уже под утро доблестная охрана, сторожившая въезд, сдурю обстреляла несколько машин с молниями на кузовах. Они моментально остановились, и на землю посыпались, занимая оборону, несколько десятков французов. Вели они себя как опытные бойцы, зря не суетились и обоих малолеток срезали моментально.

В переулок въехал грузовик, в открытом кузове его стояла двадцатимиллиметровая зенитная пушка, из нее тут же открыли огонь по нашему дому. Закричали от испуга дети, и я, под грохот вылетающих стекол и под летающими кусками кирпичной крошки, торопливо забился в угол, вызывая Рафика. Через минуту раздался свист мины, и она разорвалась метрах в трехстах от атакующих. Вторая легла совсем близко к соседнему дому, из окон во все стороны полетели разные обломки, и его изрядно перекосило.

– Правильно, что сначала об амнистии попросили, – азартно закричал Анджей, размазывая по лицу кровь от попавших осколков стекла. – С такой стрельбой они полгорода развалят!

Все-таки третьим выстрелом минометчики угодили рядом с грузовиком, и он медленно опрокинулся на бок. Один из зенитчиков вылетел прямо под борт и дико кричал, придав-

ленный.

– К окнам! – скомандовал я, открывая огонь по подбегающим французам. Рядом нестройно поддержали еще несколько стволов. Оставив двоих лежать, атакующие откатились. Один, без сомнения, мой. Тут прилетела очередная мина и упала точно между нами и французами, так что осколки забарабанили по стене дома, и только чудом никого не зацепило. Французам, похоже, досталось, но тоже не слишком сильно. Я поспешно начал упрашивать прекратить огонь. «Как хочешь», – недовольно ответили с реки и замолчали.

Я лег у стены возле очень удачной дырки и, не высовывая винтовку наружу, посмотрел в оптический прицел. На таком расстоянии работать одно удовольствие. Сначала снял перебегающего бойца, потом застрелил возящегося у грузовика. Они быстро поняли, что работает снайпер, и начали обстреливать дом, но засечь меня не могли, и я еще двоих положил при попытке установить пулемет. Видимо, французы поняли, что так просто нас не достать, и стали отходить. На прощанье я попал в ногу еще одному. Его подхватили товарищи и затащили за угол. Добивать раненого не пытался – не пристало воину стрелять в беспомощного.

Со второго этажа радостно закричали:

– Они уходят.

В наступившей тишине хорошо слышно, как завелись двигатели и одна за другой под прикрытием домов тронулись машины.

Все это заняло очень немного времени. Буквально десять минут – и все закончилось. Результаты столкновения крайне неприятные. У нас трое убитых сразу, еще одному оторвало руку. Две женщины, находившиеся на втором этаже, тоже погибли от ран. Многих изрядно побило обломками кирпичей, но тяжелораненых больше не было.

Из еще вечером симпатичного особнячка наш дом превратился в мрачное здание с выбитыми окнами и множеством дырок в стенах. Про мебель вообще и говорить не стоит – сплошные обломки. Мы еще крайне удачно отделались. Если бы не поддержка минометов, уделали бы французы наше детское ополчение и закидали помещение гранатами.

Приказав внимательно наблюдать за окрестностями, я взял троих ребят и отправился осматривать место боя. Рефлексы в меня вбиты на совесть. Оставить трофейное оружие ржаветь – это надо умом тронуться.

От зенитки толку явно никакого – грузовик крайне неудачно упал, искорежив ее ствол и механизмы наведения. В принципе, починить можно, но нет времени и нет места. Сама машина тоже превратилась в хлам, побитая осколками. Вдобавок бак пробило, и бензин вытек. Как взрыва не произошло – выше моего разума.

От убитых пулеметчиков достался бельгийский пулемет. Заряжался он из металлической ленты на двести патронов. Одна уже была вставлена, а вторая заботливо приготовлена для работы. На пятерых оставшихся в строю, не считая меня

и Даши, огневая мощь была могуча, вот только бельгийский пулемет я держал в руках вообще в первый раз.

Пришлось с умным видом начать изучать. Очень много оказалось дополнительных причиндалов – сменный ствол, крепления для оптического и ночного прицела, правда, при полном отсутствии таковых. Я даже перерыл по новой сумки пулеметчиков, в надежде найти еще чего интересного, но обломался. Никаких особых проблем при разборке-сборке не появилось. Можно и дальше воевать.

Подошла Даша и присела рядом, разглядывая добытые трофеи. Она взяла в руки один из автоматов.

– Болгарский, – сказала она, разглядывая его, и кинула назад в кучу.

– Э?..

– Да маркировка у него другая, – пояснила специалист по продаже оружия. – А так один хрен. Сделано по той же технологии, из тех же материалов и по одному общему стандарту. Многие думают, что старые советские или российские лучше, но в Америке как раз неплохо берут болгарский. Так говорят, – пояснила она. – У нас все идет.

– Мне почему-то кажется, что ты должна лежать на крыше и зорко смотреть по сторонам.

– Я и лежала, – сообщила она. – Пока вы там шарились, честно несла охрану. Теперь меня подменили сразу двое.

Я невольно скривился, вспоминая предыдущих охраняльщиков.

– Пусть привыкают, – немедленно ответила она, явно обратив внимание на гримасу, – а если кого увидят, сначала крикнут.

Даша посидела, глядя на то, как я собираю пулемет.

– Слушай, я уже поняла, что ты чистишь только своих крестников. Оружие и ценности вроде нормально, но вот зачем ты тащишь всякую ерунду? – Она ткнула пальцем в грудку сложенного на утащенном из грузовика брезенте добра. – На черта тебе столько часов? Ну, были бы еще новые, а то явно ношенные и поцарапанные...

– Во-первых, импортная фирма. Франция! А во-вторых, если надеть на обе руки несколько пар часов, – серьезно сообщил я, – марсианский песчаный червь никогда не кинется. Он тиканья пугается.

– Это из книги какой-то? – после паузы спросила Даша.

– Не какой-то, а из Стругацких, про светлый Полдень, – закрывая крышку ствольной коробки, наставительно сообщил я. – Эту твою классику про разных Плюшкиных я не проходил, но поскольку мы бороздим пыльные тропинки далеких планет, надо знать, как бороться с разными чудовищами.

– А серьезно?

– А если серьезно... Что ты, собственно, знаешь обо мне?

– Ну, что все знают. У вас целый поселок имеется где-то в глубине Дикого поля. А теперь ищите возможность расселиться, а также пути по рекам, чтобы через опасные места

не ходить. Мы за этим и идем. А что, не так?

– Так. Только здесь есть интересный момент. Поселок в глубине и очень далеко. У нас нет контакта с Зонами. Ничего с Земли достать не можем. Прекрасно обходимся собственным кустарным производством, но то, что для тебя ерунда, для нас стоящая вещь. Не продать – вид не тот, а, например, подарить.

– Да уж, некоторые ваши кустарные вещи очень даже больших денег стоят.

– Ну и какое количество «Ткани» может изготовить поселок вручную? И так далее по списку. Так что если с неба упало, надо брать все, вплоть до булавок. Мы, деревенские, в отличие от вас городских, собираем все, что может пригодиться. Ценим даже гнутые гвозди и, как это ни странно звучит, бизоний помет. Если высушить, прекрасно горит.

– Почему тогда не взять остальное? Ты ж отдал ребятам трофеи с троих. А мне «Вепря» с водилы.

– А об этом мы говорили еще на барже. Есть определенные нормы, или мораль, если хочешь. Я убил врага в бою – его добро мой законный трофей. Все остальное делится на отряд. Тем более, если нельзя определить, кто застрелил, или если найдено после боя. Тут у нас формула специальная имеется. Какой процент командиру, какой за правильные действия, принесшие победу, или за помощь раненому. Кстати, раненым и семьям убитых тоже особая доля. И не важно, что вы об этих правилах не знаете. Я знаю, и это-

го вполне достаточно. Нарушая правила, можно испортить свою... э... карму. Знаешь, что это такое?

– Приблизительно. Последствия и воздаяние за прожитую жизнь.

– Ну, что-то вроде. А точно только философы знают. Вот я ее себе и порчу, нарушая добровольно принятые на себя обязательства.

– Тогда ты должен был получить еще долю как командир! – радостно сказала Даша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.